Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

Я. Н. Рабинович

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Под редакцией профессора *С. А. Мезина*

Саратов
Издательство Саратовского университета
2021

УДК 94(47-16)
ББК 63.3(2)45
Р12

Рабинович, Я. Н.

Р12 Южные псковские пригороды в Смутное время [Электронный ресурс] / Я. Н. Рабинович ; под ред. проф. С. А. Мезина. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2021. – 332 с. : ил. – URL: https://books.sgu.ru/monographs/978-5-292-04710-0. – Имеется печатный аналог.

ISBN 978-5-292-04710-0 (online)
ISBN 978-5-292-04709-4 (print). – Текст: непосредственный.

Книга повествует о событиях, происходивших в самый драматический период истории России начала XVII в. на южных границах Псковской земли в таких городах, как Себеж, Опочка и Красный. Эти города, а также Великие Луки, Невель и Заволочье оказались в эпицентре событий, связанных с борьбой Пскова, который поддерживал самозванца Лжедмитрия II, против сторонников царя Василия Шуйского. В дальнейшем часть псковских пригородов присоединилась к освободительному движению против польских интервентов, в то время как Великие Луки и Невель продолжали поддерживать поляков.

Подробно восстанавливается запутанная хронология событий Смуты в данном регионе. Реконструируются некоторые стороны городской повседневности, устанавливаются имена и социальный статус горожан.

Исследуются события 1613 г., связанные с присягой жителей псковских пригородов новому царю Михаилу Романову. В книге рассматривается судьба этих малых городов Псковской земли вплоть до 1619 г., когда по условиям Деулинского перемирия Себеж, Невель и Красный были переданы русской стороной Речи Посполитой.

Для специалистов-историков, а также широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. П. Павлов*
доктор исторических наук, профессор *А. А. Селин*

Работа издана по тематическому плану 2021 года
(утвержден Ученым советом Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, протокол № 1 от 19 января 2021 года)

УДК 94(47-16)
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-292-04710-0 (online)
ISBN 978-5-292-04709-4 (print)

© Рабинович Я. Н., 2021
© Саратовский университет, 2021

Оглавление

Введение 5

Глава 1. Южные псковские пригороды Опочка, Себеж и Красный в XV–XVI веках: страницы истории 24
Опочка и Себеж в XV–XVI веках 25
Город Красный и Красногородской уезд в XV–XVI веках 41

Глава 2. Себеж, Опочка и Красный по описанию 1585–1587 годов 56
Общая характеристика Писцовой книги 1585–1587 годов 56
Себеж в 1585 году 60
Опочка в 1585 году 93
Город Красный и Красногородской уезд в 1585–1587 годах 111

Глава 3. Южные псковские пригороды во времена царствования Василия Шуйского (1606–1610 годы) 127

Глава 4. Южные псковские пригороды в период междуцарствия (осень 1610 – весна 1613 года) 140
Борьба за Великие Луки (осень 1610 – осень 1611 года) 140
Себеж в 1611–1612 годах 154
Заволочье под властью Лисовского. Пусторжевские помещики на службе у короля Сигизмунда (1612 год) 162

Глава 5. Южные псковские пригороды после избрания царем Михаила Романова (1613–1617 годы) 173
Присяга жителей Пскова и пригородов весной-летом 1613 года новому царю Михаилу Романову и судьба Заволочья 173
Заключение местного перемирия псковичей с Лисовским и судьба Невеля 180
Первые походы сторонников Михаила Романова в Литовскую землю: Ула и Освей 185
Себеж в 1614 году 190
Описание Себежского уезда по дозорной книге 1614 года 193
Служба Семена Никитича Гагарина воеводой в Невеле. Невельское осадное сидение 1614 года 204

Пусторжевские, невельские, луцкие и другие помещики по документам Печатного приказа (1613–1615 годы) 220
Защитники Невеля, четвертчики Галицкой, Владимирской и Устюжской четвертей: личности и судьбы 226
Псковские пригороды в 1615–1617 годах 238

Глава 6. Условия Деулинского перемирия. Передача Себежа, Невеля и Красного польским представителям в начале 1619 года 252

Заключение 263

Список источников и исследований 265

Условные сокращения 276

Общий именной указатель 278

Приложения 314

ВВЕДЕНИЕ

В 2014 г. в серии «Псковская историческая библиотека» вышла книга автора «Малые города Псковской земли в Смутное время», в которой рассматривались события Смуты в Порхове, Гдове, Изборске и Псково-Печерском монастыре. За эти города велась упорная борьба псковичей, которые поддерживали Лжедмитрия II (Тушинского вора), Лжедмитрия III (Псковского вора Сидорку), а затем Михаила Романова. При этом псковичи воевали за обладание этими городами против Новгорода, который поддерживал царя Василия Шуйского, а летом 1611 г. присягнул шведскому королевичу. В Новгороде было сформировано шведско-новгородское правительство Якоба Делагарди и воеводы князя Ивана Никитича Одоевского, которое поддерживал новгородский митрополит Исидор. Такая ситуация наблюдалась вплоть до 1617 г., когда был заключен мир со Швецией в Столбово. Вплоть до этого времени новгородцы воевали вместе со шведами против Пскова и московских войск нового правительства Михаила Романова.

В книге автор не рассматривал чрезвычайно запутанную историю с южными псковскими пригородами. Во введении к книге было отмечено: *«Что касается южных пригородов Пскова, таких, как Красный, Остров, Опочка, Себеж, Невель, Великие Луки и др., то их история в Смутное время должна стать объектом специального исследования. Эти крепости и малые города не являлись объектом шведской экспансии (они подвергались нападениям польских отрядов), хотя некоторые из них играли важную роль в событиях Смуты. Шведско-новгородское правительство Делагарди – Одоевского было не в силах контролировать ситуацию в данном регионе и не пыталось это делать»*[1].

Эти города, в первую очередь Себеж, Опочку, Красный, Заволочье (Ржеву Пустую), а также Невель и Великие Луки, следует рассматривать

[1] *Рабинович Я. Н.* Малые города Псковской земли в Смутное время / под ред. доктора исторических наук, профессора С. А. Мезина. Псков : ГППО «Псковская областная типография», 2014. С. 8.

вместе применительно к событиям Смутного времени, происходившим в этот период под Псковом и в других регионах страны.

Как писал крупнейший исследователь Смутного времени Г. А. Замятин в своей книге о Пскове, *«представляя собой важный стратегический центр, Псков оберегал от врагов ряд других северо-западных русских городов (Копорье, Ям, Ивангород, Гдов, Печерский монастырь, Себеж, Опочку, Остров, Порхов и др.). Борьбу Пскова со шведскими оккупантами нельзя сводить лишь к истории военных операций под стенами крепости. Военные действия псковичей велись в более широком масштабе: сюда надо включить и операции псковичей против шведов в псковских пригородах»*[2].

К этим словам следует добавить, что Псков защищал свои южные пригороды также от поляков, поэтому сюда надо включить и операции псковичей *против поляков* в псковских пригородах.

Несмотря на то что южные псковские пригороды сыграли важную роль в событиях Смуты, история этих городов изучена явно недостаточно. Особенно «не повезло» в этом плане Себежу. Период с начала XVII и до второй половины XVIII в. – это темная страница истории Себежа (целых полтора века). Попытаемся выяснить, почему так произошло, ведь предшествующая история Себежа XVI в. изучена достаточно подробно. Причин здесь несколько.

1. Почти полное отсутствие в отечественных архивах документов, связанных с Себежем в Смутное время. Себеж после Смуты с 1619 г. в течение почти полутора веков находился в составе Речи Посполитой. Русские воеводы занимали этот город лишь на короткое время в период Смоленской войны (1632–1634), а по Поляновскому миру 1634 г. Себеж снова отошел к Польше. В 1654 г. при царе Алексее Михайловиче во время очередной Русско-Польской войны (1654–1667) Себеж и Невель вновь оказались в составе Русского государства. Это было закреплено по условиям Андрусовского перемирия (1667 г.), но уже по Вечному миру 1686 г. Себеж и Невель вместе с Велижем были снова отданы Польше в качестве компенсации за Киев, который поляки окончательно уступили русской стороне.

[2] *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // НИОР РГБ. Ф. 618: Замятин Герман Андреевич. Карт. 1. Д. 3. Л. 30. В опубликованной в 2008 г. книге Г. А. Замятина по более ранней рукописи, хранящейся в ПГОИАХМЗ, данной цитаты нет. См.: *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб. : Европейский Дом., 2008. 492 с.

Этот Вечный мир лишь подтвердил условия другого соглашения, заключенного за 8 лет до этого. В 1678 г., после смерти Алексея Михайловича при новом царе Федоре Алексеевиче в Москве было подписано дополнительное постановление к Андрусовскому договору, по которому Россия делала важные уступки Польше – отдала города Невель, Себеж, Велиж, выплатила дополнительную контрибуцию в 200 тыс. рублей. Но за это поляки согласились, чтобы Киев пока на время оставался у России.

Большинство документов по Себежу и Невелю отложились не в московских, а в польских архивах. Многие документы были утеряны после страшного московского пожара 1626 г. Если по другим городам их можно было каким-то образом восполнить за счет местных архивов, то по Себежу и Невелю бесполезно было просить об этом врагов-поляков. Поэтому события Смуты в районе Себежа до настоящего времени остаются тайной для исследователей. Как отмечал Ю. Г. Иванов, говоря об отрывочности и неполноте информации об этой крепости, *«бурное прошлое Себежа отрицательно сказалось на сохранности документов, освещающих историю города»*[3].

2. В конце XIX – начале XX в. в Пскове началось углубленное изучение древней истории края. Было создано Псковское археологическое общество, появилось много исследований по истории как самого Пскова, так и других древних городов и сел (Острова, Опочки, Изборска, Печор, Красного, Велья, Заволочья и др.). Среди таких исследователей стоит упомянуть Николая Фомича Окулича-Казарина (19.11.1849–26.4.1923), Леонида Ивановича Софийского (1.08.1877–3.10.1933)[4], протоирея Николая Панова (27.11.1848 – после 1914 г.)[5] и др.

В это «благословенное» для историков-краеведов время Себеж, к сожалению, входил в состав Витебской губернии, а ранее этот город находился в составе Полоцкого наместничества, поэтому псковские краеведы до революции не уделяли Себежу особого внимания, считая

[3] *Иванов Ю. Г.* Старинные крепости России. Смоленск : Русич, 2004. С. 184.

[4] См.: *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.) / вступительная статья Н. Ф. Левина. Псков : Псков. обл. тип., 2004 (Серия «Псковская историческая библиотека»). 232 с. Репринт изд. ; 1-е изд. : Псков : Электрич. типо-лит. Губ. Зем., 1912.

[5] См.: *Панов Н. А., протоирей.* Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (материалы к истории г. Острова и его уезда). Остров, 1913. Репринт переизд. Псков : Псков. обл. типогр., 2004. 544 с.

его «чужим» городом. В ряде изданий Витебского губернского статистического комитета, редактором которых был член-секретарь этого комитета А. П. Сапунов, а также в Памятных книжках Витебской губернии середины XIX – начале XX в., в книгах М. О. Беза-Корниловича и других дореволюционных исследователей неоднократно упоминался Себеж. Однако в трудах этих авторов события Смуты в Себеже рассматривались лишь мимоходом[6].

3. После 1917 г. Себеж постоянно переходил из одной области в другую (с 1924 г. несколько лет находился в Псковской губернии, с 1927 г. – в Ленинградской области, затем – в Западной (с 1929 г.), Калининской (с 1935 г.), Великолуцкой (с 1944 г.)). Только с 1957 г. Себеж окончательно вошел в состав Псковской области. Но время было потеряно. Самые значительные труды по истории многих малых городов Псковской области к тому времени были уже написаны. А краеведы Калинина (Твери) и Великих Лук не успели изучить историю этого недавно включенного в состав данных областей незнакомого города. К примеру, крупнейший краевед города Калинина с дореволюционным стажем, автор многочисленных работ по истории Тверского края А. Н. Вершинский накануне Великой Отечественной войны написал книгу о городах Калининской области, в которой содержится чрезвычайно мало информации о Себеже в Смутное время[7].

Конечно же, после Великой Отечественной войны с образованием Псковского пединститута (сейчас – ПГУ) с историческим факультетом в этом городе были свои специалисты по истории Смутного времени и начальному периоду царствования Михаила Романова. Этим ученым знакомы основные комплексы источников по данному периоду и методика работы с ними. К сожалению, по ряду причин они вынуждены были заниматься другими сюжетами, связанными с очень богатой на события историей самого Пскова. Добавим, что информацию о Себеже приходится собирать по мельчайшим крупицам из десятков источников, она разрозненна.

В итоге историки-профессионалы «пустили это дело на самотек», предоставив заниматься историей Себежа XVII–XVIII вв. местным «любителям старины». Краеведам приходилось изучать историю Себежа

[6]См.: *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб. : Алфавит, 1855. 365 с.; Памятная книжка Витебской губернии на 1867 г. СПб. : Губ. тип., 1867. 118 с.; Список населенных мест Витебской губернии / под ред. А. П. Сапунова. Витебск : Губ. стат. ком., 1906. 450 с. и др.

[7]См.: *Вершинский А. Н.* Города Калининской области: исторические очерки. Калинин : Калин. обл. лит. изд. Напечат. в Лихославле, 1939. 122 с.

буквально с нуля, не имея никакой базы. Им необходимо было самым внимательным образом перечитать все опубликованные на русском языке источники по данному периоду истории (их сохранилось не так уж много для первой четверти XVII в.) и труды крупнейших историков. К тому же подавляющая часть источников о Смуте давно опубликована в дореволюционных изданиях (АИ, АМГ и др.) и до последнего времени была малодоступна. Такая работа оказалось краеведам не под силу. Никто из «любителей древней старины» не приводил имен начальных людей Себежа в Смутное время, тех воевод, что руководили обороной города, в чьих руках были все рычаги власти. Отметим, что период до конца XVI в., а также после вхождения Себежа в состав Российской империи при Екатерине II изучен был еще до революции достаточно подробно.

Касаясь вопроса истории Себежа, краеведы обычно берут довольно большой хронологический период (например, историю Себежа с древнейших времен до наших дней) либо довольно значительный по географическим меркам регион (Псковская земля). В результате история самого Себежа остается неизученной. Это же можно отнести и к другим городам Псковской земли. Книги об этих малых городах обычно содержат информацию от основания города до настоящего времени, в этих трудах больше всего уделено внимания событиям XX века[8].

В этом плане в виде исключения стоит выделить Красный (Красногородское, Красногородск), расположенный на реке Синей (приток р. Великая) на западе Псковской области (120 км к югу от Пскова). В настоящее время это поселок городского типа, административный центр Красногородского района с населением 3,5 тыс. человек. Местный краевед В. В. Калью в 2004 г. издал книгу довольно большого объема об истории города Красного от основания до наших дней. Эта книга – одно из лучших современных исследований об одном из малых городов Псковской земли. В ней подробно освещены бурные события XV–XVI вв. в районе Красного. К сожалению, события Смуты отражены весьма поверхностно[9]. Но это не вина автора. О Красном и его жителях в это время очень мало известно и автору этих строк.

[8]См.: *Пахрин Ю. П.* Остров. Л. : Лениздат, 1980. 128 с.; *Петров Г. В.* Невель. Л. : Лениздат, 1980. 102 с.; *Осокин П. Г.* Гдов. Л. : Лениздат, 1981. 128 с.; *Федоров Т. В.* Красногородское. Л. : Лениздат, 1979. 96 с.; *Бирюлин С. Ф., Масолов Н. В.* Пустошка. Л. : Лениздат, 1985. 112 с.

[9]См.: *Калью В. В.* Красный Городец. 1464–2004. Красногородск : Великолукская гор. тип., 2004. 643 с.

«Счастливый билет» выпадает тем современным малым городам или бывшим ранее знаменитым крепостям, превратившимся в настоящее время в незаметные деревни, откуда родом (или каким-то образом связаны с этим населенным пунктом) работники центральных архивов, сотрудники ИРИ РАН, преподаватели истории различных вузов, которые являются специалистами не только по общему курсу отечественной истории, но и по данному периоду. К сожалению, большинство ученых, настоящих патриотов и энтузиастов своего дела, являются представителями других специальностей – географами, геологами, биологами, архитекторами и т. д., но не историками.

Невелю в этом плане повезло. В Москве в настоящее время работает ученый, имеющий доступ к архивным документам РГАДА и к польским архивным документам. Это сотрудник РГАДА и ИРИ РАН Александр Витальевич Малов, который плодотворно работает над историей Невеля в Смутное время и в более поздний период вплоть до середины XVII века[10].

Что касается Себежа, то XVI в. в истории этого города благодаря трудам российских дореволюционных историков (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и др.) и публикации летописей и сочинений польских авторов более-менее изучен. Многие современные исследователи, занимаясь изучением эпохи Ивана Грозного, событий Ливонской войны, а также более ранним периодом правления Елены Глинской и Стародубской войной, затрагивают в своих трудах в той или иной степени историю Себежа. Десятки статей и очерков в местной и центральной прессе посвящены «Ледовому побоищу» под Себежем в феврале 1536 г. Но начиная с событий Смутного времени и вплоть до XVIII в. дело изучения истории этого города до сих пор (начало XXI в.) так и не продвинулось вперед.

В последние годы московские историки-архивисты, а также их коллеги из Польши и Белоруссии стали больше внимания уделять событиям Русско-польской войны (1654–1667) и Смоленской войны (1632–1634), состоянию русской и польской армий в XVII в. В трудах А. В. Малова,

[10] См.: *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica : студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. I. С. 67–88; *Его же.* Невельское «сидение» 1613–1619 гг. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць: Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Рівне. Вип. 25. 2014. С. 210–220; *Его же.* Невельское взятье. Ноябрь 1632 г. // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». 2002. Вып. 19, № 3. С. 4–7; *Его же.* Северо-Западное пограничье в конце Смуты (1613–1619 гг.): К методике реконструкции событий и источниковедению темы // Смутное время в России: Конфликт и диалог культур : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 140–143 и др.

О. А. Курбатова и др. можно найти ценную информацию о событиях под Себежем и Невелем в период этих войн. В московских архивах об этих событиях сохранилось источников значительно больше, чем о Смутном времени.

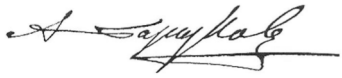
4. Географическое положение Себежа никоим образом не способствует глубокому изучению древней истории этого города. Удаленность от областного центра Пскова (почти на 200 км), от других крупных городов страны, не говоря о столицах, отсутствие вблизи города вузов с углубленным изучением истории родного края, слабое развитие инфраструктуры и многие другие факторы приводят к тому, что краеведы Себежа – редкие гости на научных чтениях, региональных, всероссийских и международных конференциях (в отличие от их собратьев из Великих Лук, Пустошки, Опочки, Изборска и др.). Новейшие исследования по истории края редко попадают в местную библиотеку. Сюда же можно отнести затруднения в работе с актовыми материалами и делопроизводственной документацией (эти источники опубликованы еще до революции в центральных изданиях), в которых крупицами разбросаны отрывочные сведения о Себеже в Смутное время. Ранее такие источники имелись лишь в столичных библиотеках, но теперь многие из них можно легко найти на различных сайтах, например Runivers. Однако для работы с такими источниками необходимо хотя бы в общих чертах представлять, что же происходило в Смутное время на территории России в целом и на Северо-Западе в частности.

К сожалению, в школьных и университетских учебниках истории основное внимание уделено событиям, происходившим в Смутное время в центре страны, и то только до избрания царем Михаила Романова. Далее следует перерыв в 5 лет, и желающий узнать дальнейшую историю страны может прочитать одну лишь фразу: «По условиям Столбовского мира со Швецией и Деулинского перемирия с Польшей Россия потеряла ряд городов...».

Псковские краеведы, занимаясь изучением богатой событиями истории Пскова и его пригородов, мало обращают внимания на такой отдаленный районный центр области, как Себеж. Аналогичная ситуация сложилась с Гдовом, который фактически оказался ненужным (речь идет об изучении истории города) ни Пскову, ни Санкт-Петербургу. Мало внимания псковичи уделяют древней истории Порхова. Здесь в основном используются наработки дореволюционных краеведов, прежде всего Е. Е. Лебедева[11].

[11]См.: *Лебедев Е. Е.* Город Порхов и его окрестности. Новгород : Губ. тип., 1915; Порхов и его уезд : Сборник дореволюционных публикаций / сост. Н. Ф. Левин. Псков :

Еще свыше сотни лет назад **Александр Платонович Барсуков** в своем капитальном труде (1902 г.) привел краткие сведения о сотнях воевод XVII в., среди которых мы найдем имена воевод Себежа и Опочки в 1612–1619 годах[12]. Если воеводы Опочки, благодаря книге Л. И. Софийского[13], более-менее известны краеведам, то этого нельзя сказать о Себеже.



Александр Платонович Барсуков (04.02.1839–15.04.1914)

В качестве примера перечислим начальных людей города Себежа в первые годы царствования Михаила Романова (все они указаны в справочнике А. П. Барсукова, но в трудах краеведов о них ничего не сказано, а в самом Себеже о них ничего не знают). Это Василий Яковлевич Бобров[14] , Андрей Васильевич Усов[15], Иван Васильевич Шестунов, Василий Федорович Туров[16], а также их помощники – стрелецкие головы Иван Андреевич Неелов, Сергей (Северга) Петрович Львов, Карп Никонов Ушаков и Григорий Михайлович Чириков (Иван Неелов и Карп Ушаков также указаны в списке Барсукова). Известны казачьи атаманы в Себеже – Яким Иванов, Богдан Подорван и Михаил Мерзляков.

Псков. обл. тип., 2005. 463 с. Ср.: *Крылов А. Е.* Край между Псковом и Новгородом. Псков : ЛОГОС Плюс. 2013. 544 с. С. 134–135 (в книге объемом 68 п. л. только на данных двух страницах – описание событий Смутного времени в районе Порхова).

[12]См.: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1902. С. 204–205.

[13]См.: *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков : Электрич. типо-лит. Губ. Зем., 1912. 209 с.

[14]В. Я. Бобров после Смуты длительное время был воеводой в псковском пригороде Острове (1619–1622, 1626–1628), здесь же он умер на воеводском посту в 1628 г. Другие Бобровы часто упоминаются в Смутное время в источниках по Пскову, Изборску и др. городам Псковской земли.

[15]А. В. Усов – это можайский помещик, его биография хорошо прослеживается по многочисленным источникам.

[16]В. Ф. Туров – это порховский помещик, владел поместьем Подоклинье Михайловского погоста, в 1613 г. во время неудачного восстания в Порхове против шведов бежал в Псков, его поместье получил воевода Порхова Иван Мещерский.

Уже из данного списка А. П. Барсукова, который привел также даты пребывания этих людей на воеводстве в Себеже, можно сделать вывод о том, что Себеж к началу 1614 г. перешел на сторону нового московского правительства Михаила Романова. При внимательном изучении данного списка воевод можно сделать другой сенсационный вывод: оказывается, в Себеже московские воеводы находились и после заключения Деулинского перемирия. А ведь хорошо известно, что по условиям данного перемирия Себеж отошел к Польше. Тогда сразу же напрашивается следующий вопрос: когда же московская сторона передала Себеж полякам? Как это происходило? На эти вопросы и сейчас еще трудно дать точный ответ.

Схожая с Себежем была судьба у Невеля. Во второй половине 1613 г. воевода Невеля Григорий Леонтьевич Валуев, ранее ревностный сторонник польского короля Сигизмунда III, друг польского коменданта Москвы Александра Гонсевского, перешел на сторону Михаила Романова и уже зимой 1613/1614 г. совершил ряд нападений на сопредельную польскую территорию. В 1614–1615 гг. защитники Невеля под руководством нового воеводы кн. Семена Никитича Гагарина неоднократно отбивали вражеские атаки на город[17]. Как и Себеж, Невель был передан польской стороне уже после заключения Деулинского перемирия.

В списке А. П. Барсукова можно найти имена воевод Себежа в более раннее время (1612 г.), правда, неясно, какой они были «политической ориентации», какую власть представляли. Это Гаврила Васильевич Лодыгин и уже упомянутый его помощник Иван Андреевич Неелов. Выяснить вопрос о «политической ориентации» воевод Себежа в переломном для страны 1612 г. помогает обращение к некоторым источникам, опубликованным еще в 1841 г. (см. Приложения).

Добавим, что и сам список воевод Себежа, приведенный А. П. Барсуковым, можно было бы составить при желании еще в середине XIX в., когда были опубликованы источники (прежде всего Дворцовые разряды), на которые ссылался через полвека (в 1902 г.) этот исследователь. Однако ни в середине XIX в., ни через 50 лет, когда был опубликован труд А. П. Барсукова, ни еще через 100 лет эти имена по-прежнему остаются неизвестными себежским краеведам.

Отрывочную информацию о событиях Смуты в районе Себежа, Опочки и Красного можно найти в трудах некоторых исследователей XIX–XX вв.

[17]См.: *Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии (1610–1640). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 168 с.; *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 67–87.

Митрополит Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов) (1767–1837)

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879)

Митрополит Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов) может по праву считаться одним из первых исследователей истории Себежа в Смутное время. В своем труде об истории княжества Псковского он первым использовал Псковские летописи и неоднократно упоминал о Себеже применительно ко многим событиям Смуты[18]. Он же привел ряд ценных сведений об истории Опочки. Именно труд митр. Евгения лег в основу книги Л. И. Софийского применительно к ранней истории Опочки до середины XVII в. Следует отметить, что при написании своего труда митр. Евгений использовал рукописные варианты Псковских летописей (еще до опубликования их М. П. Погодиным). Учитывая эти обстоятельства, современные исследователи должны с ещё большим уважением относиться к научному подвигу митр. Евгения.

О событиях, связанных с реализацией условий Деулинского перемирия, со спорами по поводу уступки городов (включая Себеж и Невель), лучше, чем **Сергей Михайлович Соловьев,** до настоящего времени никто еще не писал[19].

Почти через 100 лет после С. М. Соловьева к данному вопросу в 1939 г. обратился советский ученый Александр Антонович Савич (1890–1957). Его объемная, чрезвычайно интересная и содержательная статья (фактически брошюра объемом 64 страницы) носит

[18]Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост. Н. Ф. Левин, Т. В. Круглова. Псков : Обл. типогр., 2009 (Псковская историческая библиотека). Первое изд. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1831. 416 с.

[19]См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1993. Кн. 5, т. 9. 748 с.

название «Деулинское перемирие 1618 г.». К сожалению, название работы не полностью соответствует ее тексту. Работа в основном посвящена переговорам 1615–1616 гг. под Смоленском и более раннему периоду Смутного времени, а собственно интересующим нас событиям 1618 г., походу королевича Владислава на Москву, Деулинскому перемирию и вопросам реализации его условий отведено всего несколько страниц (хотя и весьма ценных)[20].

Сергей Федорович Платонов в своем классическом труде уделил особое внимание составу населения малых городов Псковской земли, в том числе Себежа и Опочки, накануне Смуты[21].

Другой исследователь русско-шведских отношений в Смутное время, **Герман Андреевич Замятин**, в монографии о борьбе за Псков привел важный источник о местном перемирии, заключенном в 1613 г. жителями южных псковских пригородов с польским полковником Александром Лисовским, о похождениях этого авантюриста на Псковщине, о переговорах, которые вели с ним в это время поляки и шведы[22].

Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009), работая над книгой об освобождении Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского, вскользь упо-

Сергей Федорович Платонов (1860–1933)

Герман Андреевич Замятин (1882–1953)

[20]См.: *Савич А. А.* Деулинское перемирие 1618 г. // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. Сер. ист. 1939. Т. 4, вып. 2. С. 49–112.

[21]См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. 642 с.

[22]См.: *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. С. 286–287.

мянул о неудачном нападении запорожских казаков Ширяя и Наливайко зимой 1611/1612 г. на Себеж[23].

Современный исследователь **Игорь Олегович Тюменцев** (род. 24 мая 1958 г.) в своей монографии о Лжедмитрии II привел интересные сведения о том, что многие псковские пригороды поддержали Тушинского вора. Этим малым городам Псковской земли (Себежу, Опочке, Красному, Заволочью, Невелю и др.) историк уделил особое внимание, проследив региональную специфику движения Лжедмитрия II. Важная заслуга И. О. Тюменцева – выявление новых источников по истории Смуты в шведских и польских архивах, а также реконструкция комплекса архива усвятского старосты Яна Сапеги[24].

Особый интерес для изучения истории малых городов Псковской земли, в том числе Себежа, представляет статья **Павла Владимировича Седова** (род. 19 августа 1960 г.) о Лжедмитрии III и псковичах, служивших этому самозванцу или входивших в его окружение[25].

Местные краеведы практически не изучали событий, происходивших в Себеже в Смутное время, ограничиваясь общими фразами. Автору этих строк удалось найти только одну книгу по истории Себежа, написанную более 40 лет назад. В 1973 г. **Юрий Викторович Куканов** выпустил книгу с названием «Себеж» (это второе издание, первое вышло в 1970 г.). Позже вышло еще одно издание данной книги. Автор несколько страниц посвятил истории города XVI–XVII вв.

Что касается XVI в., то в книге подробно говорится о событиях Стародубской войны в районе Себежа, сообщается о взятии Себежа королем Стефаном Баторием в 1579 г. *(? – Я. Р.)*, приводятся сведения писцовых описаний города 1580-х гг. В результате сравнения двух описаний делается вывод об упадке ремесла и торговли в 1580-е гг.

Посмотрим, что в книге сказано о событиях Смутного времени. Вначале говорится, что себежские беглые крепостные сражались за волю в отрядах Ивана Болотникова (?). Затем в Пскове произошло восстание и псковичи присягнули самозванцу, а польский король Сигизмунд начал наступление на Москву и «окружил Смоленск». Далее говорится об освобождении Москвы от поляков в 1612 г. В декабре 1618 г. в селе Деулино близ Калуги (так в книге. – *Я. Р.*) было заключено перемирие.

[23] См.: *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М. : Моск. рабочий, 1986. С. 238.

[24] См.: *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия : Движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008. 692 с. (первое изд. – Волгоград, 1999).

[25] См.: *Седов П. В.* Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера : межвуз. сб. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1993. С. 22–33.

Вместе со Смоленской землей полякам отходил Себеж. Вот и вся информация о событиях Смутного времени[26].

Далее в книге сообщается о событиях Смоленской (1632–1634) и Русско-польской войны (1654–1667). Приводятся интересные описания Себежа, составленные московскими воеводами после 1654 г., затем говорится об укреплениях в Себеже, возведенных по указу Петра I. Основное внимание в книге уделено событиям XX в.

Современный псковский историк и архитектор **Игорь Иванович Лагунин** в своем историко-градостроительном очерке о Себеже пишет: *«В Смутное время по иронии судьбы Себеж был занят приверженцами самозванца, которым пришлось оборонять этот город от польских войск. После захвата поляками (1616 г.) и заключения перемирия (1618 г.) начинается новая смена населения. Город постепенно утверждается как польское местечко».* Несколько ранее автор уточняет, что *«после Смутного времени по Деулинскому перемирию 1618 г., Себеж пришлось вновь уступить Польше, на этот раз – надолго»*[27]. Получается, что поляки захватили Себеж в 1616 г., а по Деулинскому перемирию русская сторона согласилась с потерей Себежа и лишь юридически оформила эту утрату. В действительности все происходило иначе, о чем будет сказано в завершающем очерке.

К серьезным научным работам по истории Себежа можно отнести труды **Нины Борисовны Шеломановой и Сергея Сергеевича Ермолаева.** Однако первый автор, судя по названию, не ставила задачу проследить историю Себежа в Смутное время, органичившись более ранним периодом. Что касается С. С. Ермолаева, то он еще в юные аспирантские годы опубликовал ценнейший источник по истории Себежа первых лет царствования Михаила Романова, однако в дальнейшем прекратил заниматься изучением данной темы[28].

Еще один исследователь, длительное время работавший в РГАДА, **Николай Петрович Меньшов**, в своей статье (!) разбирает как административно-территориальное деление, так и историю Себежского уезда,

[26]См.: *Куканов Ю. В.* Себеж. Л. : Лениздат, 1973 (2-е изд., доп.). С. 20, 22.

[27]*Лагунин И. И.* Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 12. С. 133.

[28]См.: *Шеломанова Н. Б.* Себежская земля в XVI в. // Археографический ежегодник за 1967 г. М. : Наука, 1969. С. 73–95; *Ермолаев С. С.* Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1985. С. 137–163.

причем на протяжении нескольких веков (XVI–XVIII)[29]. Конечно же при такой широкой постановке вопроса событиям Смуты в статье трудно было уделить особое внимание.

Автор этих строк попытался собрать все, что писали дореволюционные, советские и современные исследователи о событиях в районе Себежа, Опочки и Красного, о действиях воевод Лжедмитрия II, польских военачальников, атамана Лисовского, запорожских казаков, Псковского вора Сидорки в этом регионе.

В настоящей работе автор обращает внимание прежде всего на выяснение следующих вопросов:

- имена воевод и других начальных людей этого города, роль этих лиц в происходивших событиях;
- состав гарнизона, организация, вооружение, наличие гражданских лиц, их занятия;
- подчиненность воевод и служилых людей какому-либо центру, политические предпочтения жителей (какую власть они поддерживали);
- отношения с соседями, особенно с населением ближайших районов Речи Посполитой;
- участие служилых людей Себежа и Опочки в событиях Смуты в разных районах Псковщины и за ее пределами;
- события Смуты в данном регионе (осада крепости поляками и другими неприятелями);
- особое внимание уделено переходу этих городов на сторону нового правительства Михаила Романова.

В заключение разбираются условия Деулинского перемирия и предпринята попытка выяснить, когда и каким образом Себеж, а также Невель и Красный оказались в руках поляков (когда московская сторона утратила контроль над этими городами).

Важное значение в решении всех этих вопросов играет выяснение точной хронологии событий.

Ответы на эти и другие вопросы помогут открыть многие неизвестные страницы истории Себежа и других южных псковских пригородов в Смутное время.

---

[29] См.: *Меньшов Н. П.* Административно-территориальное деление и история Себежского уезда в XVI–XVIII веках (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Себежский краеведческий музей: история и научно-исследовательская работа / ред.-сост. С. А. Фетисов, А. С. Петренко. Себеж : Себежский краеведческий музей, 2007. С. 33–51.

Что касается общего состояния Себежа к началу Смуты – какие были укрепления, стены, башни, церкви, монастыри, примерный план крепости, – то эти вопросы достаточно подробно освещены в трудах первого директора Себежского музея **Б. В. Сивицкого,** а также **Р. И. Платоновой** и уже упомянутого И. И. Лагунина[30]. Используя в качестве источника Писцовую книгу 1585–1587 гг. по городу Себежу и его уезду, авторы осуществили профессиональный анализ планировочной структуры города и сделали многие ценные наблюдения. То же самое можно сказать и об Опочке благодаря подвижнической деятельности Л. И. Софийского, который использовал данную писцовую книгу в рукописи еще до её публикации.

Хронологические рамки работы охватывают период истории Себежа и Опочки с 1608 до 1619 г. Первая дата связана с переходом Себежа, Опочки, как и Пскова, на сторону Лжедмитрия II, вторая – с передачей Себежа, а также Невеля и Красного польской стороне через несколько месяцев после подписания Деулинского перемирия, когда гарнизон Себежа ушел в Опочку. Отдельные очерки посвящены более ранним событиям XV–XVI вв., в том числе завершающему этапу Ливонской войны, а также населению Себежа и Опочки в середине 1580-х гг. по писцовой книге Мещанинова-Морозова и Дровнина. Эти сюжеты выходят за указанные хронологические рамки, однако, по мнению автора, они необходимы для уяснения ситуации, сложившейся в этом районе к началу Смутного времени, тем более что упомянутые в данной писцовой книге лица и их сыновья жили в Себеже и Опочке через 20–30 лет после писцового описания и были активными участниками многих событий Смуты.

Основными письменными источниками в данной работе являются актовые записи и документы специального делопроизводства, а также летописные памятники и сочинения иностранцев.

Важные сведения о событиях в районе Себежа после 1613 г. содержатся в документах нового правительства Михаила Романова, в том числе в документах Разрядного приказа, опубликованных Н. А. Поповым (особо следует выделить переписку воевод Пскова и Себежа с Москвой в начале 1614 г.)[31]. Эти документы сравнительно мало использовались исследователями.

---

[30]См.: *Платонова Р. И.* Планировочная структура «псковского периода» Себежа в конце XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. : Наука, 1983. С. 51–63; *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 130–133.

[31]См.: Акты Московского государства, изданные Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634).

В многочисленных разрядных записях и другой делопроизводственной документации центральных учреждений имеются важные сведения о назначении воевод в Себеж и Опочку, о составе гарнизонов этоих городов[32].

Сведения о некоторых служилых людях Себежа, Опочки, Ржевы Пустой, их денежных окладах, а главное, об их заслугах перед новым правительством Михаила Романова, можно найти в различных кормленых и приходно-расходных книгах, которые вели дьяки московских приказов-«четвертей» (Галицкой, Устюжской, Владимирской и др.), а также Разрядного приказа. Некоторые из таких приходных книг могут помочь составить представление об экономическом состоянии ряда городов, в том числе Себежа. К примеру, Новгородской четверти были подведомственны Псков и псковские пригороды (Опочка, Остров и Себеж). Из Себежа поступали деньги в Москву еще в начале 1619 г. (!), вплоть до того момента, пока этот город не был передан Польше[33]. Это является дополнительным подтверждением поздней передачи Себежа полякам. Деньги из Невеля и Ржевы Пустой поступали во Владимирскую четверть, правда, в связи с сожжением Заволочья в конце 1613 г. в Москве так и не дождались денег из этого города.

Документы с польской стороны позволяют прояснить вопрос о «политической ориентации» многих служилых людей в самый драматический для Русского государства 1612 г., когда под Москвой решалась судьба страны. В этих источниках говорится о земельных пожалованиях многим луцким, невельским, пусторжевским, а также некоторым псковским помещикам со стороны польского короля Сигизмунда III[34]. Пройдет год после освобождения Москвы от поляков, и эти верные слуги польского короля поднимут оружие против своих прежних хозяев, присягнут новому царю Михаилу Романову.

---

[32] Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1850. Т. 1; Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные). СПб., 1853. Т. 1; Разрядные книги 1598–1638 гг. / отв. ред. В. И. Буганов; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М. : Ин-т истории СССР, 1974. 398 с.

[33] См.: Приходная книга Новгородской четверти 1619/20 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М. : Наука., 1983. С. 21–22.

[34] См.: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611: Смутное время Московского государства. Вып. 8 / под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911 (ЧОИДР. 1911. Кн. 4); Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). СПб., 1851. Т. 4 (1588–1632). № 183. С. 320–427.

Некоторые сведения о событиях в районе Невеля и Себежа можно найти в Арсеньевских шведских бумагах, изданных в 1911 г. Новгородским обществом любителей древностей (НОЛД)[35]. Особенно следует выделить «Расспросные речи Никиты Калитина». Этот новгородец, захваченный в плен псковичами, находясь несколько месяцев в Пскове, сумел узнать много ценных сведений, которые потом передал шведскому военачальнику Якобу Делагарди.

Ценнейшая информация о событиях завершающего этапа Смутного времени в районе Невеля и ближайших пограничных польских городов содержится в подготовленной к печати А. Л. Станиславским и С. П. Мордовиной «Книге сеунчей»[36]. Следует отметить, что в опубликованных к настоящему времени актовых материалах имеется очень мало сведений о событиях в Себеже и Невеле на завершающем этапе Смуты после избрания Михаила Романова, что еще больше повышает важность данного источника. Отсутствие сведений, как уже говорилось ранее, связано с тем, что эти города после Смуты перешли по условиям Деулинского перемирия к Польше, а после пожара в Москве 1626 г. значительная часть документов центрального архива была утрачена и не могла быть восполнена за счет местных архивов Себежа и Невеля.

Важнейший источник для истории малых городов Северо-Запада – писцовые книги 1580-х и 1620-х годов[37]. Поздние писцовые описания Пскова 1620-х гг., материалы которых были опубликованы в сборнике МАМЮ, содержат сведения об артиллерии Себежа, вывезенной русскими воеводами накануне передачи города полякам, а также имена некоторых себежских пушкарей, которые продолжали службу в Пскове[38].

Главный источник по внутренней жизни Себежа и уезда в первый год царствования Михаила Романова – это чудом сохранившаяся дозорная книга по данному уезду 1613/1614 г., составленная весной 1614 г. подьячим Разрядного приказа Григорием Ларионовым. Книга сохранилась

[35]См.: Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А. В. Полторацкого // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5.

[36]См.: Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М. ; Варшава : Археографический центр, 1995. Кн. 1. С. 19–98.

[37]См.: Города России XVI века: материалы писцовых описаний / изд. подгот. Е. Б. Французовой. М. : Древлехранилище, 2002; Описание городов Европейской части России XVI–XVII вв. : Указатель по материалам писцовых и переписных книг / сост. Т. Б. Соловьева, Л. А. Тимошина. М. : Древлехранилище, 2005; Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина. 1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. М. : Печатня А. Снегиревой, 1913.

[38]См.: Псков и его пригороды. Книга вторая // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6. М. : Печатня А. Снегиревой, 1914.

почти полностью, отсутствует только три листа. Публикатор данной книги С. С. Ермолаев отметил довольно хорошую полноту описания, строгий характер построения описательных статей. Он пишет, что в данной книге «постоянно приводится размер пашни, указывается качество земли, дается сошный оклад, указываются жилые поместные земли, владельцы, поселения и население поместий, причины запустения ... Для Себежского уезда данная книга представляет особую ценность, так как является последним описанием до передачи города и уезда полякам по Деулинскому перемирию»[39].

Некоторая информация о событиях Смутного времени в районе Себежа и Опочки содержится в нарративных памятниках – летописях, записках современников, иностранцев и проч. Данные источники в отдельных случаях являются существенным дополнением к документальным материалам.

Например, Новый летописец – памятник, составленный в конце 1620-х гг. при дворе патриарха Филарета, – не только воссоздает общую обстановку (канву событий), но и кратко сообщает о переговорах в Деулино, в результате которых Себеж, Невель и Красный были переданы польской стороне[40].

Весьма ценная информация о событиях в Себеже, Опочке и Заволочье содержится в Псковских летописях. Псковская первая летопись в XIX в. была напечатана дважды – в первый раз в 1837 г. М. П. Погодиным, который располагал только тремя списками, второй раз в 1848 г. Археографической комиссией (уже 11 списков)[41]. Вскоре в Археографическую комиссию поступили еще два списка псковских летописей, содержащие пять неизвестных ранее повестей о Смуте. Эти произведения были напечатаны в виде «прибавлений» к псковским летописям в 1851 г. В 1941 и 1955 гг. Псковские летописи были изданы А. Н. Насоновым[42]. Известия, встречающиеся в Псковских летописях, желательно использовать вместе с актовыми материалами. В Псковских летописях

[39] Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. / публ. С. С. Ермолаев // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. : Изд-во АН СССР, 1985. С. 140–141.

[40] См.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14.

[41] См.: Псковская летопись / изд. Обществом любителей древностей Российских при Московском Университете М. Погодиным. М., 1837; Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848.

[42] См.: Псковские и Софийские летописи (Прибавления к псковским летописям): О прежнем нашествии Немецком и нынешнем на Новгородскую землю...; О нашествии поганых Литвы и Немец...; О бедах и скорбях и напастях...; О царском избрании на Московское государство...; О смятении и междоусобии и отступлении Псковичей от Москов-

и в «Прибавлениях» к ним много внимания уделено нападениям на южные псковские пригороды полковника Александра Лисовского, походу черкасов Ширяя и Наливайко на Себеж, другим событиям.

Бельский летописец – памятник эпохи Смутного времени – до настоящего времени (начало XXI в.) еще недостаточно изучен. Данный источник был впервые опубликован только в 1978 г. В Бельском летописце приводятся важные сведения об успешном походе князя Семена Гагарина из Торопца к Великим Лукам. Именно этот поход привел к временному прекращению существования Великих Лук на целых семь лет. Последствия данного похода отразились на судьбе Невеля, Заволочья и Себежа[43].

Важная информация о событиях Смуты на Севере содержится в сочинениях некоторых иностранных авторов. Среди них – известный немецкий кондотьер Конрад Буссов, который много внимания уделил похождениям А. Лисовского на Псковщине в 1610–1612 годах[44]. К сожалению, пока не обнаружены сочинения польских современников Смуты, которые бы разбирали события на Псковщине в это время (можно сравнить с описанием походов Стефана Батория). Польских авторов в основном интересовали события, связанные с походом Скопина-Шуйского, осадой Смоленска, боями под Клушином и под Москвой. Отрывочные сведения о событиях в Псковской земле содержатся в сочинении шведского дипломата Петра Петрея[45].

Перечисленные источники при их параллельном анализе дают возможность лучше представить основные события, происходившие в южных псковских пригородах, в том числе в Себеже и Опочке, в Смутное время, а также углубить наши познания о том, что же представляли собой эти города в начале XVII в.

ского государства... // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5; См. также: Псковские летописи. М. ; Л., 1941. Вып. 1; М. ; Л., 1955. Вып. 2.

[43]См.: Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 238–271.

[44]См.: *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.

[45]*Петрей П.* История о великом княжестве Московском... / пер. А. Н. Шемякина. М., 1867. 341 с.

Глава 1

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ ОПОЧКА, СЕБЕЖ И КРАСНЫЙ В XV–XVI ВЕКАХ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Накануне Смуты в Себеж и Опочку, как и в некоторые другие пограничные города, отправлялись не воеводы, а осадные головы (в отдельных псковских пригородах иногда указывались городовые приказчики или губные старосты). В некоторые города назначались также наместники. Воеводы обычно посылались в наиболее крупные (по меркам того времени) города, имеющие важное стратегическое значение, в первую очередь в Великие Луки. Причем в зависимости от сложившейся обстановки (переговоры с поляками, строительство новой крепости, изменение состава гарнизона, подготовка к походу и др.) статус начальных людей в каждом городе часто менялся. Трудно проследить, какой из городов, судя по этим воеводским назначениям, был выше по статусу.

Заволочье, Невель и Великие Луки не подчинялись псковским воеводам. По-видимому, первые два города «тяготели» к Великим Лукам.

Разберем все города (Себеж, Опочку, Красный, Заволочье, Невель и Великие Луки) и назначение в указанные города начальных людей на протяжении более чем 20 лет – за период от окончания Ливонской войны до начала Смутного времени. Проследим, как менялся статус этих городов. Стоит сделать одно примечание. Назначение знатного представителя Государева двора воеводой в один из этих городов не связано с опалой, это не было ссылкой (как, к примеру, при патриархе Филарете назначение воеводой в удаленную Самару почти на 10 лет боярина Б. М. Салтыкова).

Прежде чем изучать события, происходившие в данном регионе, следует хотя бы кратко познакомиться с историей этих крепостей и на основании писцовых описаний определить, что же представляли собой

крепости за 20 лет до Смутного времени. Сделаем еще одно предположение – что за период с середины 1580-х гг. до начала XVII в. эти города (состав населения, укрепления и т. д.) не подверглись кардинальным изменениям. Некоторые помещики, указанные в писцовых книгах 1580-х гг., были еще живы в Смутное время, они сами и их сыновья продолжали владеть прежними поместьями и приняли активное участие в событиях Смуты на севере и в центре страны.

Опочка и Себеж в XV–XVI веках

Город Опочка был основан псковичами вскоре после трагических событий 1406 г. В этот год литовский князь Витовт разорил южный псковский пригород Коложе, находящийся недалеко от места будущей Опочки.

В Псковской первой летописи этот поход князя Витовта описан следующим образом: *«Месяца февраля в 5 день, на память святыя мученицы Агафьи, первое прииде на Коложскую волость на Фарисееве недели в пяток: овых изсече, а иныя поведе в свою землю, а всего полону взяше 11 тысящ мужей и жен и детей, опроче сеченых»*. После Коложе Витовт устроил настоящий погром в районе Воронача, там *«наметаша рать мертвых детей две ладьи»*. Псковичи во главе с посадником Георгием Филипповичем Козачковским двинулись в погоню за литовцами. В этом походе участвовали жители Изборска, Острова, Вороноча и Велье. В результате этой погони враг был настинут в районе Великих Лук и потерпел поражение. При этом псковичи сумели отнять Коложский стяг и захватить множество пленных: *«Того же месяца февраля в 28 день, на память святого мученика Нестора, Гюргий посадник Псковский, сын Филипов Козачкович, подъим с собою мало дружины Пскович, охочих людей, Семен с Изборяны, и Островичи, и Вороночани, и Вельяне, шедше повоеваша Ржеву, а на Великих Луках стяг Коложский взяша и полону много приведоша»*[1].

После разорения литовцами крепость Коложе больше не восстанавливалась. Она находилась в 11 верстах от современной Опочки недале-

[1]Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным. М. : Унив. тип., 1837. 281 с. (далее – Псковская летопись. М., 1837); Псковские летописи: Псковская первая летопись // ПСРЛ : в 43 т. СПб., 1848. Т. 4. С. 197; Ср.: Псковские и Софийские летописи : Псковская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 19. См. также: Псковские летописи. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 1; М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 2.

ко от озера Коложо на правой стороне от дороги, идущей от Опочки к Новоржеву.

Прошло 8 лет, и в 1414 г. псковичи приняли решение построить новую крепость несколько западнее городища Коложе. В Псковской второй летописи под 6922 г. говорится следующее: *«Псковичи поставиша град Коложе на новом месте на Опочке, а сделаша весь у две недели в осень по Покрове»*. В Псковской первой летописи уточняется: *«Лета 6922. Псковичи поставиша город на Опочке, над Великою рекою; начаша делати за неделю по Покрове, а сделаша 2 недели весь»*[2].

Такая поспешность строительства этой крепости (в две недели) объясняется новой угрозой со стороны все того же Витовта, который в том же 1414 г. захватил находящийся южнее Опочки другой псковский пригород, Себеж. Это первое упоминание о Себеже принадлежит польскому хронисту М. Стрыйковскому, который писал, что в 1414 г. Витовт, «идя к Дриссе против псковитян, взял и сжег» Себеж[3].

Для строительства новой крепости псковичи выбрали удобное место. Там, где река Великая делает крутой поворот на запад, а затем на север почти под прямым углом, псковичи прорыли ров по направлению к северо-западу и соединили новый рукав с руслом реки. Это было возвышенное место, сюда же на остров нанесли землю, в результате чего получился насыпной вал, который быстро был обнесен деревянными стенами с бойницами. Получилась внушительная крепость, которая в XV–XVI вв. не раз сумела доказать свою высокую обороноспособность, успешно отражая многочисленные атаки врагов.

В крепости была сразу же построена новая церковь св. Спаса. В Псковской первой летописи вслед за известием о построении Опочки говорится: *«Того лета поставлена бысть церковь новая святый Спас в Пустыню»*[4]. Обычно в практике строительства крепостей того времени существовало такое правило: на том месте, где планировалось строительство крепости, сначала ставились первые венцы будущей церкви, это место «на Пустыню» освящалось, затем начиналось строительство укреплений, которое продолжалось одновременно с возведением данной церкви.

---

[2]ПСРЛ. Т. 4. С. 202; Т. 5. С. 22; Псковская летопись. М., 1837. С. 50.

[3]Цит. по: *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков : Псков. обл. тип., 2004. С. 34 (1-е изд.: Псков, 1912); *Лагунин И. И.* Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 12. С. 125–126.

[4]ПСРЛ. Т. 4. С. 202; Псковская летопись. М., 1837. С. 50.

Через 12 лет после строительства крепости защитники Опочки с честью выдержали первый экзамен на прочность. Все тот же литовский князь Витовт потерпел 1 августа 1426 г. под Опочкой неудачу. Он вынужден был прекратить осаду крепости и двинуться далее на север к Вороночу. В Псковской первой летописи отмечено, что Витовт пришел *«месяца августа в 1 день, в четверк ... прииде преже к городу Опочке и лезше усердно к городу велми, а опочане с ними бишася искрепка, а Бог им святый Спас помогаше ... много бо рече побиша Опочани Литвы и Немец и Тотар, а Опочан Бог блюдяше; и он неверный поиде опором к городу, а много голов своея рати остави, а стоял под Опочкою два дни и две нощи. И в суботу рано поиде к Вороночю».* Прибытие Витовта к Вороночу летописец относит к понедельнику 5 августа[5].

Некоторые исследователи писали об иконе Спаса, которую простреливали литовцы во время крестного хода защитников, после чего на врагов напал страх и они в панике отступили от крепости. Многие историки отмечали хитрость защитников, которые подрезали веревки у моста, из-за чего враги попадали в ров на колья. Среди них – первый историк города Опочки Л. А. Травин, митроп. Евгений, Н. М. Карамзин и др. Некоторые отмечали жестокое отношение опочан к пленным (Н. И. Костомаров, И. П. Бутырский, Л. И. Софийский). И. П. Бутырский, скептически относясь к данным известиям о неслыханной жестокости псковичей, указывал, что эти сведения имеются *«лишь в Никоновской летописи»*, об этом якобы говорит *«только один Никоновский летописец..., а лучше всего одному свидетелю – Никоновскому летописцу в этом случае не верить».* Л. И. Софийский также считал, что существует лишь один источник о хитрости и зверствах псковичей (Никоновская летопись), однако предпочитал верить данному источнику[6].

Стоит отметить, что данное известие имеется не только в поздней Никоновской летописи, но и в составленном намного ранее Московском летописном своде конца XV в. Этот летописный свод был впервые опубликован лишь в середине XX в., о нем, по-видимому, не знали И. П. Бутырский и Л. И. Софийский[7].

К сведениям московских летописцев о зверской расправе опочан над пленными следует относиться с осторожностью. Что касается иконы Спаса, то в Опочке к тому времени действительно уже существовала

[5]ПСРЛ. Т. 4. С. 203–204; Т. 5. С. 25; Псковская летопись. С. 58, 59.

[6]*Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 39; *Бутырский И. П.* Опыт древней истории города Опочки / изд. Н. И. Кукольника. Псков, 1879. С. 16–17.

[7]См.: Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 7 (М., 1965); Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М. ; Л., 1949. Т. 25. С. 247.

церковь Спасо-Преображения. Следует отметить, что через два года после данных событий в 1428 г. по просьбе жителей Опочки с этой иконы был сделан список, на котором изображены преподобные Далмат и Фавст, память которых отмечается именно 3 августа (день отступления Витовта от Опочки). На данном списке иконы в 1554 г. по указанию священника Спасской церкви Мины Михайлова (не отец ли будущего священника церкви св. Сергия Радонежского в Опочке Ивана Минина?) была сделана пояснительная надпись на прикрепленной серебряной пластинке, где говорится о поражении Витовта. Здесь же уточняется, что решающий штурм крепости происходил в субботу с утра до ночи. Из данной записи известно, что в 1428 г. в Опочке были старостами Семен Колосов и Федор Глина, а посадниками – Прокопий Маков, Тимофей Поткин и Зиновий[8].

В дальнейшем набеги литовцев и орденских немцев на Опочку происходили неоднократно. Уже в 1427 г. от рыцарей Ливонского ордена пострадали опочецкие бортники, были разорены земли в окрестностях Опочки. Псковский летописец отмечал: *«Того же лета Немци убиша шесть человек Опочан бортников, убиша на нашей земли, а инии Немци к Опочку вверх Уске (?), а посекше и пожгоша все на миру и на крестном целованьи неверни»*. 5 сентября 1441 г. Опочка была уничтожена вся в результате пожара (пожар начался от церкви св. Спаса), однако уже осенью того же 1441 г. псковичи быстро восстановили крепость под руководством псковского посадника Тимофея Поткина[9].

В тяжелые для псковичей 1501–1502 гг., когда Русское государство вело одновременно войну с Литвой и Орденом, Псковская земля как союзник Москвы подверглась нападению обоих врагов. В Псковской первой летописи отмечено: *«Того же времени Немцы с Литвою совокупишася, и быти было им вместе подо Псковом, и пан Черняк не поспел, под Опочкою услышил, что Немцы выжгли Остров, а Литва мало не взяли Опочки, святый Спас ублюде»*[10]. Таким образом, целью похода литовцев был Псков, где они должны были соединиться с войсками магистра, а по пути они осаждали Опочку. Возможно, что эта задержка под Опочкой не позволила литовцам соединиться вовремя с немцами, а после прибытия к Пскову талантливого полководца Даниила Щени русские войска начали наступление на земли Ордена.

Во время очередной русско-литовской войны 1512–1523 гг. Опочка сыграла важную роль. Сюда, в Опочку, в феврале 1515 г. возвращались

[8]См.: *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 23–24.

[9]ПСРЛ. Т. 4. С. 205, 211; Т. 5. С. 29; Псковская летопись. С. 73.

[10]ПСРЛ. Т. 4. С. 275; Псковская летопись. С. 172–173.

после успешного похода в литовскую землю русские войска воевод Ивана Шамина и Юрия Замятнина, отправленные на помощь псковскому наместнику Андрею Васильевичу Сабурову и дьяку Мисюрю Мунехину[11]. В 1517 г. сам литовский гетман Константин Острожский потерпел поражение под Опочкой. Эта борьба за Опочку, по мнению Д. Володихина, *«хотя и малоизвестная, но по-настоящему героическая страница в истории московско-литовских войн»* (возможно, что уважаемый автор имел в виду, что это «малоизвестная страница» для наших современников, но на самом деле – хорошо известная со времен Н. М. Карамзина)[12].

Псковские летописцы подробно описывают данный сюжет, указывая имена литовских военачальников, а также русских воевод во главе с наместником Василием Михайловичем Салтыковым-Морозовым. Приведем текст Псковской летописи, где дается точная хронология данных событий начиная с прибытия литовских войск 20 сентября 1517 г. (эта хронология важна для выяснения, какие именно храмы были позже построены в честь данной победы): *«И биша град Опочку пушками, и полезоша ко граду со всеми силами и со всеми своими замышленми месяца Октября в 6, от утра и до вечера, тогда бысть день вторник, и много своих голов под градом под Опочкою покладоша князи и бояре; а град Опочку Спас ублюде Преображение, молитвами святыя Богородица, и святаго чюдотворца Николы, и святаго чюдотворца Сергия, и святыя мученицы Парасковии нарицаемыя Пятницы, и отоидоша от града от Опочки посрамлени со многим студом, месяца октября в 18 день, на Лукин день; тогда же бысть день воскресение».* Аналогичная информация содержится в Софийской первой летописи[13].

Наиболее подробные сведения, связанные с боевыми действиями, развернувшимися в районе Опочки (но без точной хронологии), можно найти также в Софийской второй летописи. Здесь уточняется, что защитники крепости во главе с воеводой и наместником В. М. Салтыковым *«боряхуся против их королева войска крепко, и на приступех из пушек и из пищалей и катки болшие и слоны с города побиша многое множество людей королева войска, яко и Великую реку от всех сторон*

[11]См.: Софийские летописи : Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 28.

[12]*Володихин Д.* Московско-литовские войны (конец XV – середина XVI веков) // Энциклопедия для детей : Т. 5, ч. 1 (История России и ее ближайших соседей) / сост. С. Т. Исмаилова. М. : Аванта+, 1995. С. 308.

[13]ПСРЛ. Т. 4. С. 291; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. С. 28; Псковская летопись. С. 184–185.

града запрудиша трупы людскими и кровию людскою река аки быстрыми струями потече, и воеводу их болшого Лядской рати Сокола убиша и знамя его взяша»[14].

Более подробно эта осада Опочки Константином Острожским описана в Степенной книге царского родословия, составленной митрополитом Макарием, который в 1520-е гг. был архиепископом Новгородским и Псковским, поэтому хорошо знал о событиях, произошедших в этих местах несколько лет назад. Некая жена во сне увидела Преподобного Сергия, указавшего ей место внутри крепости, где находятся боеприпасы, которые вскоре так пригодились осажденным при отражении вражеского штурма[15].

Об этих событиях сообщает также Житие Сергия Радонежского, куда в середине XVII в. Симоном Азарьиным было включено сказание «Чудо преподобного Сергия чудотворца о преславной победе на Литву у града Опочки»[16].

В период боев под Опочкой некоторые знатные русские воины были захвачены в плен Константином Острожским. Известны имена этих пленников, которые продолжали находиться в Литве и после заключения перемирия в 1526 г.

Среди них – отправленные сначала в Слоним, а затем переведенные в Каменец новгородец Ен (Иван) Федоров сын Мусоргского, пскович Злоба Воронцов сын Поливанова (он же Злоба Григорьев сын Воронцов), сын боярский Иван Семенов сын Срезнева, а также дворецкий псковского наместника Андрея Васильевича Сабурова Семен Захарьин сын (он же – Семен Некрасович или Семен Некрасов).

Еще четверо пленников, взятых под Опочкой, содержались в Троках (Федор Гаврилов сын Неплюев, братья Константин и Гаврила Даниловы дети Холоповы, Нефед Юрьев сын Шербинин). В Ковне находились четыре пленника, пойманных под Опочкой (Федор Новосильцев, Алексей Клеопин с двумя сыновьями, Василием и Нечаем)[17].

Имперский посол в России Сигизмунд Герберштейн хорошо знал о событиях, происходивших под Опочкой. В это время он находился в Москве, вел переговоры о мире, но не сумел примирить враждующие

---

[14] Софийские летописи : Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 260.

[15] См.: Книга Степенная царского родословия : в 2 ч. Ч. 2 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 592–595 (Степень 16, гл. 11 «Чюдо преподобного чудотворца Сергия о преславной победе на Литву у града Опочки»).

[16] См.: *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 28–29; Житие преп. Сергия Радонежского. Гл. 55.

[17] Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 155, 165.

стороны. Герберштейн указывал, что поражение Константина Острожского привело к тому, что Василий III отказался заключать мирный договор с Литвой, надеясь на новые победы и уступки с литовской стороны[18].

Вскоре после разгрома литовцев благодарные опочане в 1518 г. поставили в крепости церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского. Одновременно здесь же была построена церковь святой великомученицы Параскевы Пятницы, память которой празднуется 28 октября. В Псковской первой летописи данная информация помещена сразу же за сообщением о разгроме Константина Острожского, об этом говорится следующим образом: *«В лето 7026... на Опочки две церкви поставиша, Сергия преподобного да Пятницу святую»*. Здесь же сообщается, что в Пскове были поставлены церкви во имя митрополита Петра, евангелиста Луки и апостола Фомы. Позже церкви во имя этих святых будут построены и в Опочке[19].

По-видимому, вскоре после завершения этой войны, когда посад Опочки стал разрастаться к югу (тогда появились Жидовский конец и Жидовская улица), жители Опочки, помня о том, что бегство Острожского произошло «*месяца октября в 18 день, на Лукин день*», построили здесь церковь во имя святого евангелиста Луки.

События последующей войны с Литвой (так называемая Стародубская война (1534–1537) мало затронули Опочку. Псковский летописец упоминает, что после успешного похода русских войск «за Двину и за Березу реку» воеводы с большим количеством пленных прибыли в Опочку, а затем именно отсюда псковичи и новгородцы направились строить новую крепость Себеж. Здесь, в Опочке, в самый разгар событий под Себежем находились новгородские наместники князь Борис Горбатый и Михаил Воронцов, а также псковские наместники князь Михаил Кубенский и Дмитрий Воронцов, «да иные воеводы»[20].

Теперь все внимание литовцев было обращено на появившуюся в их пределах новую крепость Себеж. Именно под Себежем происходили наиболее ожесточенные сражения на Северо-Западе, в том числе так называемое Ледовое побоище под Себежем 27 февраля 1536 г., хорошо известное историкам и местным краеведам. Теперь Себеж и другая новая крепость, Заволочье, надежно прикрывали Опочку с юга. Граница на западе с Орденом в это время была спокойной (Орден соблюдал

[18] *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко ; вступ. статья А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 235–239.

[19] ПСРЛ. Т. 4. С. 291; Псковская летопись. С. 185.

[20] ПСРЛ. Т. 4. С. 300; Псковская летопись. С. 187.

перемирие). Думается, что именно в эти десятилетия (1530–1550-е гг.) посад Опочки приобрел те границы, какие мы видим по описанию 1580-х гг., которое проводили писцы Григорий Иванович Мещанинов-Морозов и Иван Васильевич Дровнин. Они на протяжении нескольких лет описывали Псков и его пригороды включая Опочку. В результате этих описаний появилась так называемая Подлинная писцовая книга № 355, в которой можно найти сведения о находящихся в Опочке храмах и монастырях, в том числе о церквах во имя митрополита Петра, евангелиста Луки, апостола Фомы и их земельных владениях[21].

После начала Ливонской войны Себеж и Опочка не раз подвергались нападениям врага с запада и с юга. Еще осенью 1558 г. войска Ордена совершили нападение на западные районы Опоческого и Себежского уездов, сожгли посад у Красного. Далее в Псковской первой летописи сообщается, что *«преже того были, тое же осени, и под Себежом изгоном Немцы, да монастырь сожгли святаго Николы и с церковию»*. Речь идет о Никольском монастыре в Яблонцах. Даже если данный монастырь после его разорения и не восстановился в полной мере, то все же его причет остался в Себеже и имел, судя по описанию 1585/1586 г., свои владения. Никольский монастырь над Яблонцом на погосте имел 15 чети пашни «церковные поповы, и дьяконовы, и дьячковы, и понамаревы, и проскурницыны», а также 13 чети перелога. Ему также принадлежала деревня Июдинская, всего 5 деревень и 9 пустошей. Правда, двор никольского попа с Яблонец на Охотницкой улице Себежа во время описания был уже пуст, рядом жил рожественский поп Василий.

В 1562 г., когда земли Ордена вошли в состав Литвы, теперь уже войска Великого княжества Литовского напали на Себеж и Опочку. Эти события происходили в мае 1562 г. вскоре после Николина дня (9 мая). В Псковской первой летописи говорится: *«Того же лета (7070) приходили литовские люди воевати, по Николине дни, на седмой недели по Пасце, к Опочке, и хотели посад зажечи, и гражане не дали зажечи посаду, за надолбами отбилися, и многих от них постреляли с города, и они же Литва воевали по волостям, и семь волостей вывоевали, и Себежщину вывоевали, и монастыри пожгли»*[22].

[21] См.: Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина: Город Опочка и его уезд. 1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5 (далее – Сб. МАМЮ. Т. 5). М., 1913. С. 395–417.

[22] ПСРЛ. Т. 4. С. 311, 314; Псковская летопись. С. 196, 200–201.

Судя по данной записи посад Опочки в то время был огражден надолбами, которые представляли серьезную преграду для литовцев, а внутри крепости («города») имелась многочисленная артиллерия и результативный огонь опочецких пушкарей не позволил врагу приблизиться к крепости. Косвенно о большом количестве артиллерийских орудий может свидетельствовать тот факт, что по описанию 1580-х гг. в Опочке жило более 20 пушкарей и их имена известны (для сравнения – в Саратове и Царицыне в 1620-е гг. было всего по 4 пушкаря).

В том же 1562 г. русские войска совершили ряд походов в литовскую землю, после чего благополучно («здорово») вернулись назад. Местом возвращения русских войск стала Опочка: «...и здорово вышли на Опочку», – сообщает псковский летописец[23]. Именно к этому году относится первое описание Опочки и уезда, выполненное писцом Константином Тимофеевичем Замыцким. Через 10 лет, в 1572 г., Опочка и ее уезд были описаны вторично Захарием Ивановичем Плещеевым и Алексеем Михайловичем Старым с товарищами. Эти описания не сохранились[24].

После событий 1562 г. в последующие несколько лет Себеж и Опоческий уезд редко подвергались нападениям отдельных вражеских отрядов. Находящийся южнее Полоцк, взятый войсками Ивана Грозного в феврале 1563 г., а также новые крепости Сокол, Ситна и другие прикрывали Себеж с юга, а русские гарнизоны в ливонских городах – Себеж и Опочку с запада. Последнее известное нападение произошло в 1565 г. Некоторое затишье на данном направлении наступило в начале 1570-х гг., когда после смерти польского короля Сигизмунда II в новом государстве Речь Посполитая (куда вошла Литва) наступило бескоролевье, боевые действия здесь были временно прекращены и продолжались только против шведов лишь в районе северной Эстонии и в Карелии. Однако эти 15 лет тишины и покоя не привели к процветанию края. Опричные репрессии, тяжелые налоги, вызванные Ливонской войной, неурожаи и эпидемии сыграли в этом не последнюю роль. Но в целом положение было более-менее сносным.

Ситуация в корне изменилась после того, как новый польский король Стефан Баторий, захватив в 1579 г. Полоцк, предпринял после этого еще два похода на Россию. Во время данных походов Опоческий уезд подвергся сильному разорению, сам город Опочка, по мнению ряда исследователей, также был захвачен поляками. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) писал, что после взятия Великих Лук отряды венгров

[23]ПСРЛ. Т. 4. С. 314; Псковская летопись. С. 201.

[24]См.: *Бутырский И. П.* Указ. соч. С. 87, 96; *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 59.

зиму 1580/1581 г. провели в районе Опочки: *«Венгерский корпус с артиллерией зимовал уже около Опочки... Весною занят был Красный город и Опочка, а после сего король от Заволочья двинулся в поход тремя отделениями к Острову»*. Судя по данному тексту Опочка и Красный были захвачены весной 1581 г. Далее этот исследователь уточняет время захвата поляками Опочки: *«1580 Польский король Стефан Баторий взял приступом Великие Луки и Опочку и оттуда прислал отряды к Заволочью и Торопцу»*[25].

Аналогичная ситуация наблюдается с находящимся южнее Опочки Себежем. Историки не могут прийти к единому мнению, когда этот город был захвачен польскими войсками Стефана Батория в завершающий период Ливонской войны. Некоторые считают, что это произошло во время первого похода короля в 1579 г. после взятия Полоцка и Сокола. К примеру, И. И. Лагунин пишет: *«В 1579 г. 50-тысячная многоязыкая армия во главе с национальным героем Польши королем Стефаном Баторием взяла Себеж и двинулась на Псков* (в действительности поход на Псков Баторий предпринял через два года, в 1581 г., а в 1579 г. поляки захватили только Полоцк и Сокол. – *Я. Р.*). *Но и на этот раз город избежал окончательной передачи Польше: по мирному договору начала 1582 г. он в который уже раз был возвращен псковичам, на этот раз опустошенный и обезлюдевший»*[26]. Такого же мнения придерживается Ю. Г. Иванов: *«В 1579 г. город снова взяли войска С. Батория, но в 1582 г. он по мирному договору перешел к России»*[27].

Другие исследователи предполагают, что взятие Себежа поляками произошло во время второго похода Стефана Батория в 1580 г., когда были захвачены Великие Луки, третьи – что в 1581 г., в период похода польского короля к Пскову, причем тогда же были взяты вместе с Себежем Опочка, Красный и Остров.

Н. М. Карамзин считал, что Стефан Баторий захватил Опочку в 1581 г., а Себеж – несколько ранее (когда именно, историк не уточнял). Автор «Истории государства Российского» писал: *«Услышав, что Баторий взял Опочку, Красный, Остров и на берегах Черехи разбил легкий отряд нашей конницы, воеводы (18 августа) зажли предместье, сели на коней, велели звонить в осадный колокол»*. В примечаниях Н. М. Карамзин при этом ссылается на труд Р. Гейденштейна (сноска № 575),

[25] Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост. Н. Ф. Левин, Т. В. Круглова. Псков : Обл. тип., 2009 (Псковская историческая библиотека). С. 107, 378 (первое изд.: Киев, 1831).

[26] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 130.

[27] *Иванов Ю. Г.* Старинные крепости России. Смоленск : Русич, 2004. С. 184.

хотя данной информации у Гейденштейна обнаружить автору этих строк так и не удалось. В другом месте Н. М. Карамзин так писал об условиях Ям-Запольского перемирия: *«Баторий согласился не требовать с нас денег, не упоминать в записи ни о шведском короле, ни о городах эстонских (Ревеле, Нарве), возвратить нам Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Себеж, Остров, Красный, Изборск, Гдов и все другие псковские занятые им пригороды»*[28]. Здесь историк в примечаниях (сноска № 600) приводит текст Ям-Запольского договора, составленный польской стороной (польский вариант договора). Данный текст находился во времена Карамзина в архиве МИД (Дела Польские, № 14), сейчас – РГАДА.

Обратимся к другим источникам. В разрядных записях за 1579/1580 г. одновременно указаны сразу четверо начальных людей Себежа – Федор Булгаков, Матвей Воейков (которого сменил князь Григорий Ноздреватый), Иван Благово и Константин Скобельцын. Здесь же записаны воеводы Великих Лук, Невеля, Заволочья, Опочки и Красного, в том числе в Опочке – Максим (Максак) Судимантов (варианты – Судимонтов, Судиментов)[29].

На следующий год (1580/1581 г.) мы уже не увидим в разрядных записях воевод Великих Лук и Заволочья, однако Себеж, Опочка и Красный по-прежнему указаны. Отсутствие воевод Великих Лук и Заволочья связано с захватом этих городов осенью 1580 г. войсками Стефана Батория. Подробности взятия поляками Великих Лук и Заволочья хорошо известны. В Себеже за этот год вновь записаны четверо начальных людей, только вторым воеводой отмечен Смерд Иванович Плещеев, остальные остались прежние (Ф. Булгаков, И. Благово и К. Скобельцын). В Опочке по-прежнему Максак Судимантов, а в Красном – Ермола Нащокин. В 1581/1582 г. на Себеже указаны двое начальных людей – «воевода князь Федор княж Васильев сын Тюфякин да Костентин Скобельцын», а в Опочке – князь Андрей Константинович Шеховской[30].

Ежегодное упоминание начальных людей Себежа и Опочки может с определенной долей вероятности указывать на то, что Стефан Баторий не захватывал этих городов. На мирных переговорах в Запольском Яме поляки действительно поднимали вопрос об отдаче им Себежа, однако это еще не говорит о том, что они захватили данный город и пытались

[28] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. IX, гл. V // Карамзин Н. М. История Государства Российского Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX–XII). СПб. : Изд. И. Эйнерминга, 1843. Стб. 194, 205 (текст); Стб. 128, 133 (примеч.).

[29] См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. С. 313.

[30] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 320, 330.

его удержать, но якобы вынуждены были вернуть его русской стороне, как считают многие исследователи.

Следует также учесть, что польские современники этих событий (Ян Зборовский, Лука Дзялынский, Рейнгольд Гейденштейн, Станислав Пиотровский и др.) ничего не пишут о взятии Опочки, как и Себежа. В дневнике С. Пиотровского 5 июля 1581 г. отмечено, что *«король намерен послать отсюда* (из Полоцка. – *Я. Р.*) *отряд в Себеж и в Опочку, но это сомнительно»*. В королевском лагере специально распускали такие ложные слухи о якобы планируемом походе к Себежу и Опочке. Окончательный план летне-осенней кампании 1581 г. стал известен польским воинам лишь по прибытии короля в Великие Луки. 29 июля 1581 г. здесь *«происходило тайное совещание с литовскими сенаторами: обсуждали, в какую сторону обратиться, и решили, что на Псков»*[31].

В июле 1581 г., по сведениям С. Пиотровского, русские из Себежа совершили удачное нападение на окрестности Дриссы. Поляки узнали, что гарнизон Себежа составляет 400 русских воинов. Начиная новый поход, литовские паны опасались, что, оставив в тылу Себеж, они очень рискуют: *«Если мы отсюда уйдем и не возьмем Себежа, то тут бывать русским»*[32]. Здесь имеется в виду, что окрестности Полоцка, где не будет польских войск, могут подвергнуться нападению русских отрядов из Себежа. Эти сведения из дневника С. Пиотровского от 6 июля 1581 г. убедительно свидетельствуют, что Себеж, а тем более Опочка, расположенная севернее, к лету 1581 г. оставались в руках московских воевод.

Базой для развертывания польских войск летом 1581 г. накануне похода к Пскову было Заволочье. Маршрут войска Стефана Батория проходил из Заволочья через Вороноч и Остров к Пскову. Начало данного похода указано в дневнике С. Пиотровского 3 августа. 9 августа (в Вороноче) в дневнике отмечено, что недавно русские сожгли пригород Красный, а сами с имуществом перебрались в Псков. В дневнике от 15 августа записано, что взятые двое русских пленных, «вероятно, бежали из Опочки». В самый разгар осады Пскова 27 октября имеется следующая запись в дневнике: *«В лесах около Опочки хватают наших*

[31] *[Пиотровский С.]* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / пер. с польск. О. Н. Милевского; вступ. ст. и коммент. д-ра ист. наук проф. А. А. Михайлова; биогр. очерк Н. Ф. Левина (далее – *Пиотровский С.* Дневник...). Псков : Псков. обл. тип., 2005. С. 299.

[32] Там же. С. 276.

курьеров, и проезд в тех местах очень опасен»[33]. Данные записи заставляют с сомнением относиться к версии исследователей о захвате Опочки и Себежа поляками.

Другой польский хронист, Рейнгольд Гейденштейн, более подробно разбирает планы Стефана Батория в отношении Себежа и Опочки. Он подчеркивает, что польский король после некоторых колебаний отказался осаждать Себеж и Опочку: *«Что же касается до крепостей, угрожавших с боков, то король долго колебался: нужно ли ему попробовать взять их, прежде чем отправиться в Псков, или осаду их отложить до другого времени».*

Король узнал, что русские сами разрушили Красный и Велье, вывезя оттуда все припасы. *«Остались Себеж, Опочка и Остров. Хотя Себеж оставался у левого берега Двины с тылу, и мог, конечно, мешать судоходству по этой реке, однако, так как путь к нему вел лесистыми, по большей части непроходимыми и опасными местами, то казалось лучше или оставить его до другого времени, или в случае, если бы дело между тем пришло к миру, взамен его предложить другую крепость, нежели потратить время, нужное для более важных дел, на преодоление лесов и трудностей пути и наконец на самую осаду. Опочка, как казалось, не на столько преграждала путь, чтобы нельзя было ее обойти; кроме того, река Великая выше Опочки еще не была так глубока, чтобы можно было спустить по ней пушки и военные снаряды, на каковое удобство некоторые преимущественно обращали внимание; и, хотя бы она была судоходна, все-таки казалось, не следовало ради ее замедлять осады Пскова».*

Стефан Баторий решил блокировать Опочку с разных направлений – с юго-востока (со стороны Заволочья), с северо-востока (из Вороноча), с севера (из Велье) и с северо-запада (из Красного). Р. Гейденштейн писал: «*К тому присоединялось еще то, что, как полагали, можно легко воспрепятствовать всяким из нее вылазкам, наблюдая за нею из крепостей Заволочья и Воронеча. Кстати произошло и то, что около того же времени казаки укрепили в поспешной работе Красногород, покинутый Москвитянами, чтобы сделать в нем склад для добычи, добываемой в неприятельской земле. Король тотчас отправил туда несколько войска с легкими пушками и, расставив туры, приказал тщательнее укрепить место и препятствовать гарнизонам Себежскому и Опочецкому. И так, по занятии Красногорска, Заволочья и Воронеча, из коих, как казалось, легко можно было удерживать Себежский*

[33] *Пиотровский С.* Дневник... С. 301, 302, 315, 403.

и Опочецкий гарнизон, за исключением их оставался еще один только Остров, выходивший на самую дорогу ко Пскову»[34].

Скорее всего, по пути из Заволочья к Вороночу и Острову либо во время осады Пскова какой-то польский отряд фуражиров разорил посад Опочки, но крепость полякам взять не удалось. Как блокированный гарнизон Опочки сумел выдержать эту полугодовую блокаду (с августа 1581 г. по февраль 1582 г.), неизвестно.

Наиболее полный список русских городов и крепостей, захваченных поляками в конце Ливонской войны, можно найти в тексте мирного договора, заключенного в местечке Киверова Гора (Ям-Запольское перемирие), который приведен в книге Антония Поссевино. Здесь все населенные пункты разбиты на три группы. К первой относятся города, захваченные Стефаном Баторием и удерживаемые поляками к моменту заключения перемирия (эти города и крепости в административном отношении подчинялись Москве). Отметим, что в этом списке нет Старой Руссы – видимо, поляки после сожжения этого города, в котором к тому времени не было никаких укреплений, ушли оттуда в находящийся южнее Холм, не надеясь удержать Старую Руссу (рядом в Новгороде находились крупные русские силы). Ко второй группе относятся крепости Псковской земли, захваченные поляками. А вот к третьей группе относятся те города и крепости, на которые поляки «имели виды», но так и не смогли захватить их. Именно к этой группе относятся Себеж и Опочка.

Приведем текст Поссевино полностью и разобьем его для удобства на три группы: *«Нашему государю, царю и великому князю передаются те города, которые король Стефан взял из владений великого государя:*

город Великие Луки, Невель, Заволочье, а также Ржеву Пустую, города: Холм,

и кроме того, те псковские пригороды, которые король Стефан взял во владениях великого государя: Воронеч, Велью, Остров, Красное,

и то, что мог бы взять впоследствии король Стефан из псковских пригородов: Врев или Владимирец, Дубков, Выборец, Вышеград, Изборск, Опочку, Гдов, Кобылье городище и Себеж»[35].

В тексте договора, напечатанного Н. М. Карамзиным, и в тексте, который был опубликован в книге Поссевино, имеются существенные различия. Исследователи давно обратили внимание, что в русском и поль-

[34] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне / пер. И. И. Виноградов ; ред. В. Г. Васильевский. СПб. : Археогр. комис., 1889. Кн. 4. С. 184–185.

[35] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», Ливония» и др.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 183.

ском вариантах имеются различия в титуле Ивана Грозного. Приведем текст, опубликованный Карамзиным, и сравним его с текстом Поссевино в том месте, где говорится о городах (для удобства также разделим их на три группы): *«Великий государь наш Стефан король для покою Хрестьянского велел поступитись Великому Государю Ивану Божьей милостью Государю всея Руси и Великому Князю городов, которые Государь наш взял:*

Луки Великие, Невль, Заволочье (тож Ржева Пустая), Холм, со всеми уезды и волостьми;

а Псковские пригороды Вороноч, Велью Остров, Красный,

або что будет ныне после того взял изо Псков, пригородов: Врев, Володимерец, Дубков, Вышегород, Выборец, Избореск, Опочька, Гдов, Кобылье Городище и Себеж»[36].

Мощные крепости Изборск и Гдов враги точно не захватывали, поэтому, что касается данного, третьего, пункта, то следует больше доверять русскому тексту у Поссевино, чем польскому тексту у Карамзина (хотя некоторые сомнения вызывают слова *«Врев или Владимирец»* – это ведь разные городки). Что касается правильности фраз *«Заволочье, а также Ржеву Пустую»* и *«Заволочье (тож Ржева Пустая)»*, то данный вопрос требует отдельного изучения.

В завершение данного небольшого очерка укажем начальных людей Опочки и Себежа за период от окончания Ливонской войны до начала Смутного времени (примерно 20 лет), которых удалось выявить по данным разрядных книг. В книге Л. И. Софийского указан за этот период только один человек – Никифор Кокошкин (1595 г.), который нигде в разрядах не фигурирует, а затем идет сразу Иван Бороздин (1614 г.)[37].

Что касается начальных людей Себежа, то в исторической литературе к настоящему времени отсутствует список этих людей (в справочнике А. П. Барсукова воеводы Себежа указаны с 1612 г.). Поэтому приведем на основании разрядных книг наиболее полный перечень начальных людей Опочки и Себежа.

После окончания Ливонской войны в течение 1582–1584 гг. мы видим на Опочке князя А. К. Шаховского (в 1584 г. он записан как голова). В 1585 г. там находятся уже воевода князь Иван Дмитриевич Щепин-Ростовский и наместник Федор Лихарев (именно о нем писали писцы Мещанинов-Морозов и Дровнин). После Ф. Лихарева короткое время начальным лицом на Опочке в 1586 г. был голова Максим Перетрутов. Начиная с 1587 г. на протяжении трех лет указан наместник Василий

[36] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Примеч. Стб. 133 (сноска № 600).

[37] *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 90.

Андреевич Квашнин (1587–1589 гг.). Во время очередной русско-шведской войны 1590–1595 гг. начальные люди на Опочке менялись ежегодно. Ими были осадные головы (или просто головы) Семен (Семейка) Карповский, затем Михаил Шишкин, Дмитрий Лазаревич Станищев, которого вскоре отправили в Себеж, а на его место был назначен уже не осадным головой, а воеводой Иван Григорьевич Бороздин. В 1593 г. на Опочке указан наместник Борис Лихарев, переведенный сюда из Невеля. В дальнейшем этот Б. Лихарев записан на Опочке как наместник и одновременно осадный голова. Он находился в этом городе вплоть до 1596 г. В конце 1590-х гг. власть на Опочке в течение двух лет принадлежала осадному голове Андрею Ордин-Нащокину (назначен 1 августа 1598 г.), с 1600 до 1603 г. записан осадный голова Петр Горяинов. Возможно, что он служил здесь и в первые годы Смуты.

Что касается самого южного псковского пригорода Себежа, то после Ливонской войны статус этой крепости понижается, вместо воевод в Себеж теперь назначаются головы. В 1583 г. здесь мы видим одного Константина Скобельцына, который за время своей службы в Себеже на протяжении почти десяти лет «пережил» многих своих начальников. В 1584 г. в Себеж назначен голова Юрий Васильевич Дмитриев, а его помощником – К. Скобельцин. Теперь в Себеже два головы, в одной из разрядных записей указан не Константин, а Захар Скобельцын. Вскоре Юрия Дмитриева сменил Никита Григорьевич Бороздин (К. Скобельцин и у него остался помощником).

В 1585/1586 г., когда страна стояла на пороге очередной войны с Польшей, в пограничный Себеж «в прибавку» к Н. Г. Бороздину и К. Скобельцыну был направлен Василий Андреевич Квашнин, отправленный потом наместником на Опочку. К. Скобельцын оставался вторым головой и при новом начальнике Леонтии Андреевиче Окуневе (с 1586/1587 г.).

Вскоре умер злейший враг России король Стефан Баторий. Теперь опасности войны с Польшей больше не было, и мы видим в Себеже только одного начальника – голову Л. А. Окунева. После него начиная с 1590 г. головы в Себеже сменялись ежегодно (Воин Гаврилович Нащокин (Ордин), Федор Лихарев, Никита Рахманинов Скудин, Дмитрий Андреевич Лазарев-Станищев, Иван Иванович Нечаев, Василий Федорович Лодыгин). Имена всех этих людей можно найти в писцовых описаниях Псковского уезда 1585–1587 г.

В 1597 г. на Себеже записан осадный голова Данила Воронцов, а с 4 февраля 1598 г. уже более знатный человек – князь Иван Федорович

Оболенский (не сказано в каком статусе), которому помогал осадный голова Д. Воронцов (вновь временно в Себеже мы видим двух начальных людей). Последний раз накануне Смуты начальствующее лицо в Себеже указано в 1600–1603 гг. Это был осадный голова Андрей Хвостов. Скорее всего, это бывший осадный голова города Красного Андрей Михайлович Хвостов, упомянутый в писцовой книге. Возможно, он оставался в Себеже и в дальнейшем[38].

К сожалению, за период 1604–1612 гг. пока не удалось обнаружить в источниках сведений о начальных людях в этих южных псковских пригородах. После 1603 г. сведения об Опочке, как и о Себеже, надолго пропадают в источниках.

Город Красный и Красногородской уезд в XV–XVI веках

Городок Красный был заложен псковичами летом 1464 г. на реке Синяя (левый приток реки Великой). Укрепления здесь были не каменные, а деревоземляные. Псковский летописец указывает имена строителей новой крепости – псковского князя Ивана Александровича Звенигородского и псковского степенного посадника Алексея Васильевича, которые *«заложиша град нов деревян на Сини реки, и нарекоша и Красной городец»*[39].

Эти сведения в Псковской летописи приводятся между событиями зимы 1464 г. (поездка псковских послов в Москву) и сообщением о сильных дождях в июле того же года. Поэтому можно предположить, что строительство крепости происходило весной – в начале лета 1464 г.

Крепость располагалась на одном из холмов, тянущихся вдоль левого (западного) берега реки Синяя, и представляла в плане овал. Протяженность сосновой стены с тремя башнями составляла 415 м, а общая площадь крепости – 1 га. Возле крепости располагался посад площадью до 7 га[40].

Новая крепость была построена на землях, граничащих с территорией Ливонского ордена. Ближайшими к Красному ливонскими замками

[38]См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 338–339, 347, 358, 376, 389, 398, 411–412, 434, 458, 469, 477–478, 484, 491–492, 502, 511, 536; Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова: в 4 т. М. : ИРИ РАН, 1994. Т. 4, ч. 1. С. 11–12, 94; Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов: в 2 т. М. : Ин-т истории АН СССР, 1975. Т. 2, вып. 1. С. 7, 174, 197; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 74, 112, 127–128, 144.

[39]ПСРЛ. Т. 4. С. 228; Псковские летописи (далее – ПЛ). Вып. 2. С. 159.

[40]*Иванов Ю. Г.* Указ. соч. С. 295.

были Режица, Луцин и Мариенгауз. Поэтому с образованием Красногородского уезда и началом заселения окрестных территорий сразу встал вопрос о размежевании границ. В начале марта 1471 г. *(«месяца марта в 5 день в великое говение»)* в Псков приехал с большой свитой ливонский посол от магистра из Риги. Это был брат магистра «Пантелей, князь Олыскый» (Олыск, Алыст, Алускна, Мариенбург). Он сообщил псковичам, что магистр хочет из Риги переехать в Вельяд (Феллин), сделав его своей столицей. А далее посол поставил вопрос о «Желатцкой воде» и о землях, «что за Красным городком», чтобы псковичи не нарушали «Норовский мир». Посол соглашался, что Красный поставлен на псковской земле, магистр не будет претендовать на эту территорию *(«местеру как за Красным городком земли не отступитесь»)*, но чтобы в ответ псковичи запретили своим ловцам ловить рыбу в водах, находящихся за Красным *(«во Жалачке Велневицкой не веволите ловити»)*. В ответ псковские посадники резонно отвечали, что им все равно, где магистр, в каком городе собирается жить – это его дело. Но что магистр пишет «о земле и воде», то эта территория – псковская вотчина, святой Троицы, великих князей всея Руси «оустрадание», здесь у псковичей и стоят города. Что касается Норовского мира, то псковичи тоже хотят его соблюдать *(«да того сроку хотим тако же держатися»)*. Ливонскому посланнику псковичи «воздали честь великую», был он в Пскове две недели и затем поехал из Пскова в Ригу. В это же время (8 марта) псковичи послали своих послов, в том числе двух посадников, в Литву[41]. Пскову нужен был мир с Орденом и Литвой накануне совместного похода с москвичами против Новгорода (решение о походе 1471 г., завершившегося Шелонской битвой, было уже принято).

Крепость Красный неоднократно подвергалась вражеским нападениям. Во время войны Пскова с Орденом в 1480–1481 гг. летописи ничего не сообщают о нападении орденских немцев на Красный, хотя соседний Вышгород был захвачен ливонцами (основные боевые действия развернулись севернее – в районе Гдова, Кобылья, Изборска и окрестностей Пскова). Первое испытание на прочность Красному пришлось выдержать в 1502 г., когда орденские немцы напали на крепость.

В это время Псков подвергся ударам с двух сторон. С запада наступали войска Ливонского ордена, а с юга – литовцы. Почти одновременно была захвачена ливонскими рыцарями севернее Красного крепость Остров (8 сентября 1501 г.), а юго-восточнее Красного в сентябре 1501 г. была осаждена литовцами ближайшая крепость Опочка (едва сумели

[41] ПСРЛ. Т. 4. С. 237; ПЛ. Вып. 2. С. 174.

защитники Опочки удержаться). На следующий год настала очередь Красного.

В марте 1502 г. Красный был осажден ливонскими рыцарями, которые вскоре отступили, пораженные чудесным видением на горе у часовни св. Георгия за рекой Синей. Псковский летописец так описывает эти события: *«Того же лета, месяца марта в 17 день, пришедши Немцы х Красному городку и в Коровьи бору волость взяша и голов посекоша много, а иных поведоша с собою; а в городке велми притужно было, хотеша дом пленити святого Спаса Преображение Господа нашего Исуса Христа».* Если учесть, что совсем недавно рыцари сумели захватить каменную крепость Остров, находящуюся вблизи Пскова, судьба удаленной деревянной крепости Красного была предрешена. Далее летописец объясняет чудесное спасение Красного только благодаря божьему промыслу: *« . . . а людей бог ублюде и святый Спас».*

В честь этого чудесного спасения жители решили поставить в Красном церковь Параскевы Пятницы *(«и завещаша церковь поставити святую Пятницу»)*[42].

Митрополит Евгений подчеркивал, что лифляндцы *«марта 17 подступали к городу Красному, взяли волость Коровий Бор и окрестности семь дней грабили и жгли, и поселян побивали»*[43]. Судя по этой записи, отступление ливонцев произошло через семь дней, т. е. около 24 марта.

Позже из расспроса захваченных пленных рыцарей жители Красного узнали о причине внезапного отступления ливонцев: *«А Немцом виделосе за Синею рекою на горе от часовни святого Георгия сила велика, и нападе на них страх и трепет, и побегоша прочь, устраши бо их Бог и святая Пятница; и поставиша красногородцы церковь святую Пятницу».* По-видимому, ливонская разведка донесла о приближении псковского войска, поэтому рыцари решили не рисковать и отступили. Летописец далее противоречит сам себе, когда пишет: *«И придоша псковская сила х Красному городку, а они погании побегоша прочь».* При этом летописец подчеркивает, что помощи защитникам Красного со стороны Пскова не было: *«. . . а псковские воеводы и псковичи не пособиша им ничем же и поехаша ко Пскову»*[44].

Рыцари, скорее всего, приходили к Красному с запада, со стороны Луцина или Мариенгауза. Судя по этой летописной записи на восточном

[42]ПСРЛ. Т. 4. С. 275–276; ПЛ. Вып. 1. С. 87; ПСРЛ. Т. 6. С. 24.

[43]Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост. Н. Ф. Левин, Т. В. Круглова. Псков : Обл. типогр., 2009 (Псковская историческая библиотека). Первое изд. Киев : Типография Киево-Печерской Лавры, 1831. С. 82.

[44]ПСРЛ. Т. 4. С. 275–276; ПЛ. Вып. 1. С. 87; ПСРЛ. Т. 6. С. 24.

берегу реки Синей находилась гора, на которой стояла часовня св. Георгия. Псковичи двигались на помощь Красному вдоль восточного берега реки Синей, их передовой отряд у часовни св. Георгия показался ливонцам «силой великой». Летописец выражает недовольство действиями псковских воевод, которые не стали переправляться на другой берег по хрупкому льду в конце марта и не решились атаковать ливонцев, позволив им спокойно удалиться.

Осенью 1517 г. к Красному приходили войска Великого княжества Литовского. Ударам литовцев подверглись тогда многие псковские пригороды, в том числе и Красный, а не только Опочка, героическая оборона которой хорошо известна: *«И Литва поганая о большой силы ходиша под Воронач, и под Велье и под Краснои»*[45].

Вспомогательный отряд русских войск под командованием Ивана Васильевича Ляцкого базировался в это время во Владимирце, собираясь идти в поход на соединение с основными силами к Изборску (*«а хотел ходити под болшою силою литовскою»*). Узнав о нападении литовцев, воевода Ляцкий двинулся на помощь Красному, переправился через реку Великую, а затем – через Синюю. Разведка донесла Ляцкому, что *«ажо иная сила литовская пришла от Брясловля красногородские волости; воевода у них пан Черкас»*. Этот пан Черкас, возглавлявший литовский отряд, укрепился лагерем («обострожился») на Ключищах (погост в Ключицкой губе Красненского уезда). Литовцы взяли в плен много крестьян и заперли их в местной церкви (название не приводится). Это могла быть церковь Успения Пречистые на погосте в Ключицкой губе, о которой говорится в описании 1585 г. И. В. Ляцкий, узнав о литовском укреплении на Ключищах и о запертых в церкви пленниках, действовал решительно. Он *«приехал к Ключищам, где они* (литовцы) *обострожилися на бую, и услыша полоняные наши, и учали проситися извнутрь церкве; и обоидоша сила великого князя около острога их, и взяша острог, а много бишася с ним, а полоненых своих из церкви выпустиша, а Черкас воевода нача из попова двора битися, и пересекоша их всех, а Черкаса их воеводу и с ним боевых людей удалых изымаша и послаша их к Москве»*. Воевода Ляцкий был награжден Василием III: *«И бысть Лятцкому от великого князя честь велика»*[46].

В начале Ливонской войны (1558 г.) Красный стал базой для развертывания русских войск, направлявшихся в поход в Ливонию. Воеводами

[45]ПСРЛ. Т. 4. С. 292; ПСРЛ. Т. 6. С. 28. ПЛ. Вып. 1. С. 100.
[46]ПСРЛ. Т. 4. С. 292; ПСРЛ. Т. 6.С. 28. ПЛ. Вып. 1. С. 100.

в Красном весной 1558 г. после первого зимнего похода в Ливонию указаны в Разрядах Федор Иванович Третьяков и Попадья Федоров сын Вышеславцев *(«как воеводы из немецкой земли вышли, и были от немецкие стороны воеводы на годованьи»)*. Второй воевода Попадья Вышеславцев участвовал в этом зимнем походе в Ливонию. После взятия Нарвы (в мае 1558 г.) в Красном указан только один воевода – Ф. И. Третьяков. Летом 1558 г. поход левого крыла русских войск к ливонскому городу Алысту возглавили воеводы Федор Шереметев из Вышгорода и Фома Третьяков из Красного. Осенью 1558 г. в походе против магистра к Рингену в составе войска кн. М. П. Репнина в сторожевом полку записаны воеводы Фома Иванов сын Третьяков и Михайла Петров сын Головин. Следовательно, воевода Красного с частью гарнизона отправился в далекий северный поход за 300 верст от Красного[47].

В октябре 1558 г. происходили тяжелые бои с магистром Ливонского ордена под Рингеном. После описания этих событий летописец пишет: *«О том же времени приходили Немцы от Лужи и от Резицы и ото Влеха под Красной городок Псковской, и у Красного посады обожгли, а волостей повоевали немало»*. Судя по этой записи нападение ливонцев на Красный происходило также осенью 1558 г., почти одновременно с боями под Рингеном. Далее следует фраза, что перед этим нападением *(«а преже того были тое же осени»)* ливонцы изгоном напали на Себеж. Это подтверждает мнение, что нападение на Красный произошло в октябре – ноябре 1558 года[48]. В ответ русские войска в середине января 1559 г. предприняли ответный поход (15 января вошли на территорию Ордена в районе Алыста) вплоть до Риги, завершившийся удачно. При этом после похода войска *«вышли здорово на Вышгород февраля в 17 день»*, так что этот поход напрямую затронул Красненский уезд, который был исходной базой в начале похода, сюда же вернулись русские воины после него.

Последний поход, завершившийся окончательным разгромом Ордена и взятием столицы рыцарей Вильяна (Феллина), произошел в 1560 г. В этом походе в полку левой руки боярина Ивана Петровича Яковлева участвовал из Красного воевода князь Григорий Федоров сын Мещерский. Далее в разрядах указано, что в этом полку велено быть из Красного Михаилу Чоглокову[49].

[47]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 172–175.
[48]ПСРЛ. Т. 4. С. 311; ПЛ. Вып. 2. С. 237.
[49]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 190.

В 1564 г. в Красном указан князь Микита Кропоткин. Он же оставался здесь и в начале 1565 года[50].

В августе 1564 г. недалеко от Красного псковичи побили литовцев, *«которые многажды ходили воевати и во Псковщину и в Немецкие земли»*. В этом бою отличился воевода Василий Вешняков, *«а с ним Псковские в Красногородщине дети боярские»*[51].

Особенно тяжелым для защитников крепости были февраль-март 1565 г. В одной из разрядных записей отмечено: *«Того ж году февраля в 12 день (12 февраля 1565 г.) приходили литовские люди с нарядом воеводы литовские пан Цвиконской да пан Згурской, да руской воеводич, а с ним было ляхов 32 000 (12 000), и к цареву и великого князя ко псковскому пригородку Красному, а били из наряду неделю...»*[52]. Однако врагу не удалось захватить Красный.

В Псковской летописи это событие также отмечено, но дата стоит другая: *«Того же лета, на масленицы, марта в 1, приходиша Литовские люди под Красной гордок с нарядом, и по городу били, и Бог града не предал»*. Далее в летописи говорится, что на помощь Красному пришли из Великих Лук воеводы Иван Андреевич Шуйский и Иван Меньшой Шереметев. Узнав о подходе крупных русских сил, литовцы отправили тяжелую артиллерию назад, в свою землю, а сами двинулись навстречу русским воеводам. Встреча произошла возле Велье. После небольшого боя русские воеводы отступили к Вороночу, литовцы их преследовали почти до Вороноча *(«за 5 верст не доходили до Вороноча»)*. Потом литовцы отступили и принялись опустошать *«Красногородщину и Велейщину по Сине и Островщину, и вышли из земли ко Улеху, а воевали полторы недели, полону много вывели и помещиковы и крестьянские дворы жгли, церквей не жгли; а вышли из земли в 1-ю неделю поста»*[53].

Летописец подчеркивает, что церкви не были разорены в ходе этого похода. Видимо, среди литовцев в то время было много православных.

В 1565 г. в Красный был назначен новый воевода: *«В Красном городке велено быть Василью Яковлеву сыну Пыжову»*. В 1566/1567 г. статус Красного повышается. Теперь здесь указаны наместник Зубатой Отяев и Иван Ширяев[54].

[50] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 206, 212.
[51] ПСРЛ. 4. С. 315; ПЛ. Вып. 2. С. 246, 247.
[52] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 39.
[53] ПСРЛ. 4. С. 316; ПЛ. Вып. 2. С. 247.
[54] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 220, 225; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 49.

Новгородский летописец отмечал, что в ноябре 1567 г. в Красном побывал царь Иван Грозный: *«Да того же месяца ноября в 13 день, в четверток, царь князь велики Иван Васильевич всея Руси, и с ним сын его болшей Иван Иванович, были во земли во Псковской, стояли в Красном городке; из Красного городка воротились, погнали к себе к Москве»*[55]. В Псковских летописях сообщения за 1566–1569 гг. довольно отрывочные, там ничего не говорится о поездке царя.

В 1570-е гг. начальные люди в Красном указаны в Разрядах почти ежегодно. Смена воевод обычно происходила в начале года, т. е. с 1 сентября. В 1570/1571 г. это был Федор Дмитриев сын Аксаков[56]. В 1571/1572 г. в Красном указаны одновременно двое начальных людей – Гаврила Колычев и Александр Чоглоков, а в 1572/73 г. и 1574/75 – только Александр Борисов сын Чоглоков. Интересно, что ранее, когда в Красном указан был воевода Федор Аксаков, рядом с этим известием было записано, что *«на Плюсне озере на Красном Гаврила Колычов да Олександр Чоглоков»*[57].

Начиная с 1576 г. в Красном мы видим не только воеводу, но и стрелецкого голову, что указывает на наличие в городе довольно значительного стрелецкого гарнизона. Если воеводы менялись ежегодно (и не обязательно в начале года, с сентября), то стрелецкий голова оставался один и тот же постоянно. Этим стрелецким головой был Григорий Вельяминов. Так, в 1576 г. (*«с оспожина дня 84-го»*) в разрядах записан князь Григорий Звенигородский *«да голова стрелецкой Григорей Вельяминов»*. С конца марта 1578 г. (*«86-го з благовещеньева дни»*) в Красном указан *«Михайла Федорович Колычов, да голова стрелецкая Григорей Иванов сын Вельяминов»*. В 1578/79 г. *с «87-го с оспожина дни»* мы видим здесь двух родственников Вельяминовых. Это *«Василей Ондреев сын Меньшой Вельяминов, а с ним голова стрелецкой Григорей Вельяминов»*[58].

В 1580 и в начале 1581 г. здесь мы уже не видим стрелецкого голову. В Красном указан только один начальный человек – Ермола Нащокин. По-видимому, именно он занимался эвакуацией жителей и имущества Красного накануне похода к Пскову польского короля Стефана Батория[59].

[55]ПСРЛ. Т. 3 (Новгородская вторая летопись). СПб., 1841. С. 162.

[56]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 241; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 75.

[57]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 245, 257; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 74, 82, 116.

[58]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 269, 289, 298; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 131, 153.

[59]См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 313, 320.

В 1581 г. по приказу Ивана Грозного накануне наступления Стефана Батория на Псков укрепления крепости были разрушены, а артиллерия вывезена в Псков. В дневнике польского современника тех событий Станислава Пиотровского, сопровождавшего Стефана Батория в походе на Псков, 9 августа 1581 г. (король в этот день находился в Вороноче) отмечено, что недавно русские сожгли пригород Красный, а сами с имуществом перебрались в Псков[60].

Другой польский хронист, Рейнгольд Гейденштейн, более подробно пишет о Красном и о планах короля. Стефан Баторий, собираясь начать осаду Пскова, планировал из захваченных Красного, Велье, Вороноча, Заволочья осуществлять контроль за крепостями, которые оставались в руках русских воевод в польском тылу, – Опочкой и Себежем. Король узнал, что русские сами разрушили Красный и Велье, вывезя оттуда все припасы. «*Кстати произошло и то, что около того же времени казаки укрепили в поспешной работе Красногород, покинутый Москвитянами, чтобы сделать в нем склад для добычи, добываемой в неприятельской земле. Король тотчас отправил туда несколько войска с легкими пушками и, расставив туры, приказал тщательнее укрепить место и препятствовать гарнизонам Себежскому и Опочецкому. И так, по занятии Красногорска, Заволочья и Воронеча, из коих, как казалось, легко можно было удерживать Себежский и Опочецкий гарнизон...*»[61].

По условиям Ям-Запольского перемирия поляки возвращали захваченные русские города Великие Луки, Невель, Заволочье, Холм, а также псковские пригороды Красный, Остров, Вороноч и Велье.

После того как Красный был разорен в конце Ливонской войны, уже в первый год после подписания Ям-Запольского перемирия (1582 г.) он был вновь восстановлен под руководством воеводы Гура Немирова сына Воронцова (указан воеводой в 1582 и 1583 гг.)[62]. Затем в течение нескольких лет начальные люди в Красном в разрядных записях не упоминаются, хотя по другим источникам известно, что в Красном еще в середине 1580-х гг. был осадный голова Андрей Михайлович Хвостов[63].

Первая запись о воеводах Красного встречается в разрядах только в 1590 г. (осадный голова Леонтий Бедринский). Затем осадные головы в Красном менялись ежегодно. Л. Бедринского сменил Андрей Ордин-

[60] *Пиотровский С.* Дневник... С. 301, 302, 315, 403.
[61] *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 184–185.
[62] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 330, 339.
[63] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 258–268.

Нащокин, затем здесь мы видим Федора Гордеева сына Бороздина, который был *«послан на службу, а на ево место послан голова Иван Рокотов»*. Эта фраза означает, что смена воевод произошла не как обычно, в сентябре, а раньше, еще весной-летом 1592 года[64].

В сентябре 1593 г. в Красный прибыл новый осадный голова Шибан Неклюдов. Он же был и в следующем 1594/95 г. Начиная с 1597 г. положение изменилось: теперь здесь появился осадный голова-«долгожитель». В 1597 г. в Красный был назначен осадным головой Глеб Скобельцин, который оставался здесь свыше шести лет (до 1603 г., а возможно, и позже)[65]. После 1603 г. сведения о воеводах Красного вплоть до самого конца Смуты не встречаем ни в разрядах, ни в других источниках. И вообще, кроме краткого упоминания о восстании жителей против Василия Шуйского летом 1608 г. и захвата Красного Лисовским в 1611 г. больше ничего о Красном неизвестно.

По мнению Ю. Г. Иванова, город Красный после опустошения А. Лисовским в 1611 г. *«утратил свое торгово-ремесленное значение, однако русское правительство продолжало поддерживать крепость в порядке»*. Далее этот автор пишет, что в 1634–1667 гг. Красный находился в руках Польши и был возвращен России по условиям Андрусовского перемирия[66].

Следует добавить к этому, что Красный фактически находился в руках Польши не с 1634, а с 1619 г. и был освобожден русскими войсками в самом начале Русско-польской войны, в 1654 г., а Андрусовское перемирие 1667 г. лишь закрепило существующее положение дел.

Кроме того, поляки на переговорах в Деулино в ноябре 1618 г. довольно скептически отзывались об укреплениях этой крепости. По словам польско-литовских дипломатов, сказанным ими на посольском съезде 23 ноября 1618 г., Красный представляет собой *«место худое и давно пустое»*[67]. Трудно судить по источникам насчет «поддержания крепости в порядке» в первые годы царствования Михаила Федоровича, как отмечает Ю. Г. Иванов. В разрядных записях за 1613–1618 гг. крепость Красный, ее начальные люди и состав гарнизона ни разу не упоминаются, в отличие от соседних Себежа, Опочки и Острова.

---

[64]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 434, 458, 469, 478.

[65]Там же. С. 484, 492, 511, 536; Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 94; Разрядная книга 1550–1636. С. 174, 197; Разрядная книга 1598–1604 гг. С. 74, 112, 127–128, 144.

[66]*Иванов Ю. Г.* Указ. соч. С. 295.

[67]Цит. по: *Савич А. А.* Деулинское перемирие 1618 г. // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. Сер. ист. 1939. Т. 4, вып. 2. С. 94.

В заключение стоит сказать о начальных людях Великих Лук, Невеля, Заволочья, а также Острова на протяжении 20 лет после Ливонской войны и вплоть до начала Смутного времени.

Ближайший к Пскову южный пригород **Остров** имел постоянно в качестве начального лица только одного человека – осадного голову. В этот город осадный голова обычно назначался на несколько лет. За 18 лет (1582–1598) таких начальных людей было в Острове всего пять человек – это осадные головы Федор Иванович Туров (1582–1585), Микита Скудин (1587–1589), Василий Степанович Тимашев (1592–1593), Яков Шушерин (1594–1595), Микита Ямской (1597–1598). При этом статус М. Ямского изменился, он записан в Разрядах не осадным головой, а губным старостой. За 1586, 1590, 1591 и 1596 гг. начальные люди в Острове не отмечены, но, несомненно, это был кто-то из указанных ранее лиц[68]. Особняком стоит запись за 7108 (1597/1598) г., где указан в Острове некий Андрей Сытин. В 1600–1603 гг. в разрядах отмечен в Острове осадный голова Андрей Ногин вместе с губным старостой М. Ямским[69], который, видимо, был уже в довольно преклонном возрасте. Именно таких людей, которые уже не могли по состоянию здоровья или возрасту нести военную службу, мы видим обычно в губных старостах.

По писцовым описаниям 1585–1587 гг. из указанных лиц хорошо известны псковские помещики Микита Рохманинов Скудин, Микита Федорович Ямской и Василий Степанович Тимашев, имеющие в те годы поместья в разных губах Островского уезда. Также упоминаются в описании два Андрея Ногина – Андрей Петрович и Андрей Тимофеевич[70]. Трудно сказать, кто из этих Ногиных был осадным головой в 1600–1603 гг.

Что касается крепости **Заволочье**, то она была центром Пусторжевского уезда. В конце XVI в. уезд по-прежнему назывался Пусторжевским, помещики – также пусторжевскими, а начальные люди (наместники, воеводы, осадные головы или просто головы) находились в Заволочье. Из Москвы писали грамоты по традиции в Ржеву Пустую, но при этом подразумевалось Заволочье. В XVII в. помещики по-прежнему назывались пусторжевскими, хотя уже не существовало ни Ржевы Пустой, ни Заволочья.

[68] Разрядная книга 1475–1598 гг. С.330, 339, 347, 358, 389, 398, 411, 469, 477, 484, 492, 511, 536.

[69] Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 94; Разрядная книга 1550–1636. С. 174; Разрядная книга 1598–1604 (1598–1638). С. 81, 94, 112, 127, 144.

[70] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 280–294.

После подписания Ям-Запольского перемирия первыми начальными людьми в Заволочье после возвращения города поляками русским представителям в 1582 г. были Григорий Семенович Овцын и князь Андрей Волконский. Возможно, что эти люди принимали Заволочье у польских комиссаров. Одновременное назначение двух начальных людей в Заволочье практиковалось и в последующие годы. В 1583–1585 гг. в Заволочье ежегодно сменялись начальные люди – это Василий Иванович Молвянинов и Никон Ушаков, а затем кн. Иван Дмитриевич Щепин-Ростовский и Иван Никитич Огарев[71].

В 1585 г. в Заволочье указаны трое начальных людей – наместник и воевода Иван Федорович Колычев-Крюк, Аталык Иванович Квашнин и голова Третьяк Зубатой. На следующий год, когда угроза новой войны с Речью Посполитой миновала, И. Ф. Колычев-Крюк уехал в Москву, оставив в крепости двух своих помощников, А. И. Квашнина и Т. Зубатого. В 1587 г. здесь указаны наместник Иван Иванович Квашнин и Матвей Третьяков Колычев-Лошаков, причем в следующем году М. Т. Колычев-Лошаков записан воеводой (он указан один), а прежнего наместника И. И. Квашнина в разрядной записи уже нет. Зато в 1589 г. некоторое время в Заволочье видим снова двух начальных людей – кн. Ивана Федоровича Оболенского и голову Никона Юрьева Ушакова. В начале июля 1589 г. в связи с угрозой новой войны со Швецией кн. И. Ф. Оболенский был направлен в пограничный Гдов. Н. Ю. Ушакову было приказано служить с городом, а в Заволочье назначен осадный голова Михаил Иванович Голенищев[72]. С этого времени статус Заволочья понижается, теперь здесь мы видим только одного осадного голову.

М. И. Голенищев оставался в Заволочье до конца 1592 г., затем его сменил Суббота Степанович Пушкин. В конце 1594 г. на смену С. С. Пушкину в Заволочье был назначен осадный голова Семен Никифорович Кокошкин, затем мы видим здесь Макара (Марка) Неплюева (1596), а после него – Прокофия Пушечникова (1597). 30 марта 1598 г. П. Пушечников был «отставлен», а в Заволочье назначены одновременно два головы – снова С. С. Пушкин и Петр Горяинов[73].

С 1600 г. в течение трех лет в Заволочье служил осадный голова Иван Никитич Карамышев. Он находился здесь до осени 1602 г., затем был отпущен. Его сменщик Борис Степанович Лихарев находился в Заволочье всего несколько месяцев, потому что уже в январе 1603 г. сюда

[71] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 330, 339, 347.
[72] Там же. С. 358, 376, 389, 398, 411–412.
[73] Там же. С. 434, 458, 469, 478, 484, 492, 502, 511, 536.

был назначен голова Василий Вешняков, а *«Борис из Заволочья отпущен»*[74]. В. Вешняков – последний из известных к настоящему времени начальных людей Заволочья.

Великие Луки во времена Ливонской войны были крупнейшим центром на Литовской укра́ине. Характеристику этого города дал С. Ф. Платонов, отметив, как высоко ценили стратегическое значение Лук польские военачальники во время Ливонской войны[75]. На заключительном этапе Ливонской войны поляки сумели захватить эту крепость, однако после подписания Ям-Запольского перемирия вынуждены были уйти из Лук. Первым московским воеводой после возвращения города в 1582 г. стал Михаил Иванович Головин, которому помогал Афанасий Федорович Загряжский. В этот город на протяжении 1580-х гг. назначались воеводы и их помощники – головы. Воеводу М. И. Головина в 1583 г. сменил князь Богдан Васильевич Гагарин, а вместо А. Загряжского записан Кобяк Линев. Через год с сентября 1585 г. мы видим в Луках воеводу кн. Федора Ивановича Кривоборского и голову Михаила Ивановича Бурцова. В это время (1585 г.) началось строительство новых укреплений в Луках, поэтому сюда «для городового дела» был снова направлен А. Ф. Загряжский (который ранее служил в этой крепости вместе с М. И. Головиным). В августе следующего, 1586 г. (*«с Ыльины дни»*) в Луки назначили воеводой окольничего Ивана Васильевича Сабурова, что подчеркивает важное стратегическое значение этого города. Вместе с И. В. Сабуровым был назначен в Луки Борис Петрович Благово[76].

В 1587 г. в разрядах воеводой в Луках указан другой окольничий из рода Сабуровых, Иван Иванович Сабуров, которого в 1588 г. сменил еще один знатный воевода – Дмитрий Борисович Салтыков. В 1589 г. в Луки были назначены воевода князь Иван Юрьевич Токмаков и голова Леонтий Григорьевич Валуев[77] – отец известного деятеля Смутного времени Григория Леонтьевича Валуева.

С началом Русско-шведской войны 1589–1595 гг. статус Великих Лук несколько понижается. Сюда назначаются то воеводы, то головы. В 1590 г. мы видим здесь голову Субботу Пушкина (который затем будет назначен в Заволочье), а Л. Г. Валуев получил новое назначение головой

[74] Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 94; Разрядная книга 1550–1636. С. 174; Разрядная книга 1598–1604 (1598–1638). С. 81, 94, 112, 128, 144.

[75] См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910 (3-е изд.). С. 65–71.

[76] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 330, 339, 347, 358, 376.

[77] Там же. С. 389, 398, 412.

в соседний Невель. С. С. Пушкина сменил в 1591 г. (*«с середохрестья»*) не голова, а воевода кн. Дмитрий Данилович Друтский. В 1592 г. в Луках указан тоже воевода Никита Григорьевич Бороздин, который до этого несколько лет служил воеводой в соседнем Торопце[78].

Начиная с 1593 г. в Луки все чаще назначаются уже не воеводы, а головы. Воеводу Н. Г. Бороздина сменил голова Иван Никитич Карамышев. Он прослужил здесь головой около трех лет. Только в 1596 г. здесь мы видим на короткое время кн. И. Д. Щепина-Ростовского, который ранее служил в Заволочье (статус не указан). Вскоре (в конце 1596 г.) на Луки был назначен голова Суббота Пушкин, служивший ранее в Невеле, тех же Луках и Заволочье. Однако уже 30 июля 1597 г. в Луки назначен головой еще один представитель рода Карамышевых – Иван Никитич Карамышев-Меньшой, служивший ранее одно время в Невеле. Он также недолго оставался в Луках, уже в марте 1598 г. его сменил голова Борис Степанович Лихарев[79]. В одной разрядной записи в 1600 г. указан в Луках Борис Федорович Лихарев[80].

В 1601 г. в Луки после Б. Лихарева назначаются уже два начальника. Сначала сюда прибыл на замену Б. Лихареву в качестве головы кн. Андрей Константинович Шаховской, служивший ранее на Опочке, а потом кн. Иван Федорович Оболенский-Телица, которому помогал голова кн. А. К. Шаховской. Эти два князя Рюриковича вместе служили в Луках несколько лет. Мы видим их здесь в 1602, 1603 и 1604 гг. Кроме того, в 1603 г. на Луках *«для береженья от литовских людей были готовы Иван Атаев сын Бороздин да Крик Ефимьев»*[81]. Можно полагать, что статус Великих Лук в начале XVII в. вновь значительно повысился.

Невель в период похода Стефана Батория к Пскову пережил трудные времена. Восстановление разрушенной крепости началось сразу после Ливонской войны. Первыми начальными людьми после возвращения Невеля в состав Русского государства стали Леонтий Григорьевич Валуев и Борис Лихарев. Они вдвоем находились в Невеле довольно долго, более трех лет (1582–1584), причем голова Б. Лихарев оставался и при новом начальнике Субботе Пушкине (1585–1586). В 1587 г. в Невель назначен сначала головой, а потом наместником Иван Карамышев-Меньшой. Его помощником был голова Василий Никитич Огарев.

[78]Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 434, 458, 469.

[79]Там же. С. 477, 484, 492, 502, 511, 536; Разрядная книга 1598–1604 (1598–1638). С. 56, 81.

[80]Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 1. С. 174.

[81]Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 94; Разрядная книга 1598–1604 (1598–1638). С. 94, 112, 128, 144.

Они также находились в Невеле три года (1587–1589 гг.). В июне 1589 г. в предверии новой войны со Швецией В. Н. Огарев был отправлен в пограничный город Гдов[82].

Эта традиция (служить в Невеле по три года) была продолжена и в дальнейшем. Кроме того, мы видим на Невеле, как и в ряде других городов, еще одну особенность службы (так сказать, преемственность). С одной стороны, некоторые начальные люди через несколько лет вновь назначаются в Невель, а с другой стороны, сыновья этих служилых людей позднее также будут нести службу воеводами в этом городе. В самый разгар Смуты в 1611–1614 гг. сын воеводы Невеля Л. Г. Валуева, знаменитый Григорий Леонтьевич Валуев, будет находиться воеводой в Невеле.

Л. Г. Валуев в 1590 г. снова получил назначение в Невель в качестве головы. Ему помогал второй голова Никон Ушаков, которого затем сменил Б. Лихарев. После завершения службы в Невеле Леонтия Волуева сюда с 1593 г. назначается уже по одному голове. Сначала единственным начальником в Невеле был помощник Л. Валуева Б. Лихарев, которого вскоре, в конце 1593 г., сменил Прокофий Пушечников. Интересна приписка в разрядной записи, что *«Борис послан на жалованья на Опочку»*. Возможно, что служба на Опочке была более прибыльной и Б. Лихарев написал челобитную с просьбой отправить его в этот город. П. Пушечников оставался в Невеле около трех лет, а потом его направили служить в Заволочье. С 1596 г. в Невель головой (осадным головой) назначают еще одного представителя рода Лихаревых – Федора Степановича Лихарева. Он находился в Невеле до февраля 1598 г., *«и февраля в 14 день Федор отпущен»*. Его сменили голова Семен Никифорович Кокошкин и его помощник Степан Хвостов. В 1599 г. на Невель назначен хорошо известный уже голова Суббота Пушкин[83].

В начале XVII в. статус начальных людей в Невеле повышается, теперь здесь мы видим в 1600 и 1601 гг. князя Рюриковича – Ивана Петровича Щепина-Ростовского (статус не указан), которого сменил в июне 1601 г. голова князь Михаил Иванович Шаховской. Он находился непрерывно здесь вплоть до 1603 года[84]. Это последний известный начальник в Невеле накануне Смутного времени и в первые годы Смуты.

[82] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 330, 339, 347, 358, 377, 398, 412.

[83] Там же. С. 434, 458, 469, 478, 484, 492, 502, 511, 536; Разрядная книга 1598–1604 (1598–1638). С. 56, 81

[84] Разрядная книга 1598–1604 (1598–1638). М. 1974. С. 81, 94, 112, 128, 144.

Особняком стоит запись в одной из разрядных книг, в которой говорится, что в 7110 (1601/1602) г., т. е. в период воеводства кн. М. И. Шаховского, *«на Невле Замятня Иванович Сабуров да Петр Федоров да Судок Мясной»*[85]. Здесь можно предположить два варианта – либо это назначение в итоге не состоялось, либо указанные лица прибыли на Невель, но не в качестве воевод, а как специальные уполномоченные правительства Бориса Годунова в связи с тем, что в это время происходило межевание пограничных земель: *«Тово же году послал государь послов своих от литовских рубежей межевать, что был договор с польскими послы с Сопегою с товарыщи: от Торопца и от Лук и от Невля и ото Ржевы Пустые и ото Псковских пригородкав Меньшова Григорьева сына Волынсково да Данила Иванова сына Исленьева, а в дьячье место – посольской подьячей Ондрей Иванов»*[86].

После 1603 г. сведения о начальных людях всех этих городов отсутствуют на протяжении довольно длительного периода. Самые ранние из них относятся к 1608–1610 гг. (Великие Луки), 1611–1612 гг. (Себеж и Невель), а по другим городам первые сведения о начальных людях имеются только за 1613–1614 гг.

[85]Разрядная книга 1550–1636. С. 197.
[86]Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 135.

Глава 2

СЕБЕЖ, ОПОЧКА И КРАСНЫЙ ПО ОПИСАНИЮ 1585–1587 ГОДОВ

Общая характеристика Писцовой книги 1585–1587 годов

Вскоре после завершения Ливонской войны и смерти царя Ивана Грозного писцы Григорий Иванович Мещанинов-Морозов и Иван Васильевич Дровнин на протяжении нескольких лет описывали Псков и его пригороды включая Себеж и Опочку. В результате этих описаний появилась так называемая Подлинная писцовая книга № 355, сохранившаяся в подлиннике[1].

Ее полное название применительно к Опочке привел в своей книге Л. И. Софийский: «Подлинная писцовая книга города, посадских-тяглых, оброчных и черных дворцовых мест, огородов, нив и пожень, поместных, монастырских и церковных земель и государевых оброчных пожень в губах: Никольской посадской, Богородицкой, Ильинской, Никольской, Покровской, Спасской, Воскресенской, Каменской, Синовецкой, Черницкой, Егорьевской верхней и нижней, Кузьмодемьянской письма и меры Василья (правильно – Григория. – *Я. Р.)* Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина с товарищи»[2].

Этот источник одним из первых использовал Н. Д. Чечулин в 1889 г. в своем исследовании о городах Московского государства в XVI в.

---

[1] См.: Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина : Город Опочка и его уезд. 1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5 (далее – Сб. МАМЮ. Т. 5). М., 1913. С. 418–441.

[2] См.: *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.) / вступительная статья Н. Ф. Левина. Псков: Псковская областная типография, 2004 (Серия «Псковская историческая библиотека»). Репринт изд. ; 1-е изд. : Псков : Электрич. типо-лит. Губ. Зем., 1912. С. 60.

Целая глава этой монографии была посвящена Пскову и его пригородам (от Гдова на севере до Себежа на юге)[3]. С. Ф. Платонов в своем капитальном исследовании о Смутном времени, давая характеристику псковским пригородам накануне Смуты, опирался на данный труд Н. Д. Чечулина[4].

Через 16 лет данный источник привлек внимание Н. С. Суворова, который занимался изучением псковского церковного землевладения XVI–XVII вв. и в своей монографии неоднократно использовал материалы этой писцовой книги[5]. Накануне публикации этой писцовой книги с ней в архиве много работал Л. И. Софийский, взяв из нее свыше сотни имен жителей Опочки и Опочецкого уезда, их владений для своего исследования об истории Опочки.

Отметим, что Н. Д. Чечулин, Н. С. Суворов, Л. И. Софийский работали с архивной рукописью конца XVI в. задолго до её публикации в сборнике МАМЮ, что заставляет с еще большим уважением относиться к научному подвигу данных исследователей.

Первый директор Себежского музея Б. В. Сивицкий, Р. И. Платонова, И. И. Лагунин, взяв за основу данный источник после его публикации, осуществили профессиональный анализ планировочной структуры города Себежа и сделали многие ценные наблюдения[6].

Псковские краеведы постоянно обращаются к данному источнику, в том числе краеведы из Гдова, Опочки, Красного, Острова, Себежа. Однако в трудах исследователей, занимающихся изучением Себежа, очень редко можно встретить имена жителей города, хотя бы руководителей, представителей администрации, воинских начальников. К примеру, И. И. Лагунин, перечислив все ворота, улицы, переулки, несколько храмов и монастырей, выяснив их расположение, указал имена только

[3]См.: *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. XXII).

[4]См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899 (1-е издание).

[5]См.: *Суворов Н. С.* Псковское церковное землевладение в XVI и XVII веках // ЖМНП. 1905. Вып. 12 ; 1906. Вып. 4, 5, 7, 8. В данных выпусках автор использовал материалы Писцовой книги № 355.

[6]См.: *Платонова Р. И.* Планировочная структура «псковского периода» Себежа в конце XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983. С. 51–63; *Лагунин И. И.* Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 12. С. 130–133.

одного попа, старицы и еще одного человека, «не имевшего официальной должности». Поэтому будем приводить имена всех известных жителей, живших в Себеже в то время. В этом плане можно выделить труд Л. И. Софийского по Опочке, который также использовал материалы данной писцовой книги (накануне ее публикации) и привел имена многих жителей Опочки, а также книгу современного краеведа из Красногородска В. В. Калью, в которой приведено много имен жителей Красного, указанных в данной писцовой книге[7].

Эта писцовая книга очень важна для исследователей экономического быта Псковской области. Писцы не только описывали современное состояние Себежа, Опочки и их уездов (как и других городов и уездов Псковской земли), но и сопоставляли его с данными предшествующих переписей, которые к настоящему времени не сохранились. Из Псковской летописи известно, что еще накануне Ливонской войны, в 1557 г., по указанию царя Ивана Грозного *«почаша писцы писати город Псков и пригороды, и земли мерити, и оброки велики на оброчные воды и пожни и на мельницы наложиша»*[8]. Этот процесс затянулся на несколько лет. В итоге в 1562 г. Опочка и Себеж с уездами были описаны в первый раз Константином Тимофеевичем Замыцким. В 1570-е гг. псковские пригороды были описаны снова. Известно, что в 1572 г. Опочка и уезд, а также Себеж были описаны вторично Захарием Ивановичем Плещеевым и Алексеем Михайловичем Старым с товарищами. Эти описания не сохранились. Сведения о данных описаниях приведены в книге И. П. Бутырского, на которого ссылается Л. И. Софийский[9].

Писцы Мещанинов-Морозов и Дровнин имели на руках данные предыдущих переписей, указывали прежних жителей, владельцев лавок, угодий, дворов, которые к тому времени (1585 г.) уже умерли. Поэтому писцовая книга № 355 содержит древнейшее из известных нам описаний Псковской земли, в том числе Себежского и Опочецкого уездов и городов Себежа и Опочки. Это описание включает в себя как хозяйство городов, так и землевладение помещичье и церковное. В книге можно найти сведения о находящихся в Себеже храмах и монастырях, в том числе о мужском Никольском и женском Пятницком монастырях в крепости, Никольском монастыре в Яблонцах, их земельных владениях.

[7] См.: *Калью В. В.* Красный Городец. 1464–2004. Красногородск : Великолукская гор. тип., 2004. 643 с.

[8] Псковские летописи : Псковская первая летопись // ПСРЛ : в 43 т. СПб., 1848. Т. 4. С. 309.

[9] См.: *Бутырский И. П.* Опыт древней истории города Опочки / изд. Н. И. Кукольника. Псков, 1879. С. 87, 96; *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 59.

В Себежском и Опочецком уездах, как и во многих других уездах Псковщины, помещичье землевладение несколько преобладает над церковным. Однако в этих уездах мы не увидим обширных поместий с многочисленными селами и церквами. Добавим, что Себежский уезд имел свои особенности. Во-первых, по своим размерам он был в то время весьма невелик, во-вторых, в уезде проживало менее десятка служилых людей по отечеству включая начальных людей города, в-третьих, в уезде мелкими помещиками стали служилые люди по прибору (городовые конные казаки), что редко встретишь в других городах страны.

По данной писцовой книге можно достаточно точно восстановить административное деление Опочецкого и Себежского уездов. Названия некоторых деревень и пустошей, которые упоминаются в этой писцовой книге (для этих уездов село и сельцо встречаются очень редко), сохранились до настоящего времени.

Описание Себежа, Опочки и их уездов осуществлялось по установленным правилам, как и других уездов. К примеру, в Себеже вначале описывалось внутреннее состояние крепости, расположение ворот, улиц. При этом перечислялись дворы, их владельцы, прежние и современные, житницы, местоположение порохового погреба, амбара, изредка указывались церковные постройки. Такое описание крепости само по себе представляло государственную тайну. Внутреннее убранство храмов в данном описании отсутствует. Отдельно указывались тяглые и нетяглые дворы. Все, что связано с казаками и стрельцами, выделено в отдельные рубрики. Однако что касается мужского и женского монастырей, то о них упоминается лишь вскользь. Также мы не найдем никаких сведений о кабацком дворе, о его местонахождении.

Что касается Опочки, то здесь приводилось расположение дворов жителей не только в крепости, но и на посаде. Указывались все слободы, улицы, концы, их жители (отдельно тяглые и нетяглые дворы).

После описания дворов говорится об оброчных лавках, об их прежних и нынешних хозяевах, приводятся имена всех владельцев огородов в городе Себеже, на острове, за городом на переволоке и за надолбами.

Владельцам огородов больше всего уделено внимания в описании. После перечисления всех оброчных нив в окрестностях Себежа дается характеристика помещичьего и церковного землевладения в уезде, приводятся имена всех помещиков, называются все церкви и монастыри, кто владел в уезде какими-либо угодьями и деревнями.

Упоминанием о землевладении себежского ямщика завершается описание Себежа и уезда писцами Мещаниновым-Морозовым и Дровниным.

Для Опочки описание аналогично, только дополнительно приводятся сведения о лавках на посаде, об их прежних и нынешних хозяевах, имена всех владельцев огородов, оброчных нив и пожень возле посада. Затем дается характеристика помещичьего и церковного землевладения по каждому району (каждой губе) уезда (их, в отличие от Себежа, было намного больше). Так же как и в Себеже, приводятся имена всех помещиков, называются все церкви и монастыри, кто владел в данной губе какими-либо угодьями и деревнями. После этого приводятся владельцы государевых мельниц и оброчных пожень в Опочке и уезде.

Упоминанием о безоброчных пожнях завершается описание Опочки и уезда писцами Мещаниновым-Морозовым и Дровниным.

Похожим образом выполнено описание Красного и его уезда.

Себеж в 1585 году

Каким же нам представляется Себеж по данному описанию?

Сначала рассмотрим внутреннее состояние крепости и разберем, где жили жители города[10]. К моменту описания практически все дворы в городе были белыми (безоброчными). Их насчитывалось около 240 (включая стрельцов и казаков). Черных дворов было всего 3 (ранее – 75).

Описание начинается с упоминания амбара в Верхнем городе. Под этим амбаром находится зелейный погреб с запасами свинца, пороха и ядер. Также говорится про находящиеся здесь три житницы с государевым хлебом, а также упоминаются 9 пустых житниц (результат предыдущего разорения во время Ливонской войны).

В городе первой упоминается **Красная улица** и дворы жителей на ней. Эта улица к моменту описания стала главной улицей Себежа, на ней живут начальные лица, здесь же находится церковь Троицы. И. И. Лагунин пишет: *«Предполагаем, что направление улицы было близко к современной Советской, а храм Троицы стоял примерно на месте костела»*[11].

В современных местных изданиях говорится, что центральная улица Себежа (Красная улица) в 1905 г. была переименована в улицу Петра Великого в честь 200-летия пребывания Петра I в Себеже.

Первым на Красной улице писцы указали двор воеводы Никиты Григорьевича Бороздина. К этому двору «припущено» место ильинского

[10] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 418–425.

[11] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 131–132.

дьякона Семена и казака Иванки. Рядом находится двор первого помощника воеводы осадного головы Константина Скобельцына (к нему присоединено место успенского дьякона Савы). На этой же улице жил один из помощников воеводы Н. Г. Бороздина казачий голова Кирил Хрипунов.

В описании ничего не говорится про наместника Василия Андреевича Квашнина и про голову Леонтия Андреевича Окунева, которые были в Себеже в 1586 и 1587 гг. Поэтому можно заключить, что описание Себежа проводилось в 1585 – начале 1586 г., до приезда в Себеж Квашнина и Окунева.

На Красной улице в момент описания жил также троицкий поп Кузьма Якимов, здесь же находилась сама церковь Живоначальной Троицы, упоминается прежний дьякон этой церкви Микула. По-видимому, этого прежнего дьякона сменил новый троицкий дьякон Дорофей Федоров, двор которого находится рядом. Возле двора троицкого попа Кузьмы Якимова было пустое место, на котором разрешено поставить двор троицкому дьячку Федьке Харлампьеву. Что касается церкви Троицы, то она была построена по указанию великой княгини Елены Глинской в честь победы над литовцами у стен Себежа в феврале 1536 г. Ее заложили еще в 1537 г., а завершили это грандиозное строительство через несколько лет. В Степенной книге об этом строительстве и приделах говорится следующим образом: *«Елена ... повеле во граде Себежи поставити церковь во имя Живоначальной Троицы, у нея же и три придела: Успение и Покров Пречистыя Богородицы и чюдотворца Сергия»*[12]. Обратим внимание на названия приделов. Со временем вместо придела Успения появилась отдельная Успенская церковь.

На Красной улице из представителей церкви также проживали ильинский поп Федор Иванов, ильинский дьякон Леонтий Микитин (он сменил прежнего дьякона Семена) и никольский поп Сергей Полуехтов. Из дальнейшего описания выясняется, что здесь речь идет о женском монастыре («Ильинский девичий монастырь») и о мужском Никольском монастыре. Известны многие служители Ильинского женского монастыря. Это не только поп Федор Иванов Царицын и дьякон Леонтий Микитин, но и пономарь Истомка Ширяев, дьячок Иванка Леонтьев Дьяконов и старица Мартемьяна.

Среди других жителей этой улицы упоминаются пушкари Андрюшка Федоров и Федька Петров, ямщик Кирил Федоров, бирюч Алешка Афанасьев, воротник Самойла Васильев (он же – Самулка), воротник

[12]Книга Степенная царского родословия : в 2 ч. Ч. 2 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 633 (Степень 17, гл. 6).

Федька Жуков («на вымле») и тюремный сторож Матвей (в частоколе), т. е. в начале и конце улицы.

Дворы стрельцов и казаков писцы указывали отдельно, после перечисления живших на всех улицах и переулках руководителей города, пушкарей, воротников и представителей церкви, но мы будем указывать их вместе, «по-улично».

На этой Красной улице в частоколе жил казак Бориско мясник. Раньше здесь жили несколько человек, из прежних владельцев указан казак Максим Медведев, теперь его бывшее дворовое место пашет этот казак Бориско мясник. Говорится еще о трех прежних владельцах, которые уже не живут. Это казаки Беляйко мясник и Истомка Пастух, а также стрелец Гордюша Ильин. Их дворовые места теперь пашут стрельцы Олеша Офонасьев (он живет на этой улице) и Лашук Сидоров.

На этой же Красной улице, кроме упомянутого казака Бориски мясника, в период описания жили еще 9 пеших казаков. Это Якуш рукавичник, Гриша Микулин, Спиря Иванов, Сенька воротник, Филька красильник, Федька Офремов, Федька Белогубов, Сенька Лисица и Лашук Бируля.

Также на этой улице жили два конных казака – Родионко плотник (это имя больше нигде не встречается) и Андрюшка Иванов Смагин. Добавим, что Красная улица – это компактное место проживания стрельцов, здесь их живет 13 человек. Больше стрельцов проживает лишь на Успенской улице. Обратим внимание на имена стрельцов и казаков. Предположим, что уменьшительные имена (Сенька, Петрушка и др.) относятся к рядовым стрельцам и казакам, а полные имена (Семен, Олеша) – к стрелецким и казачьим десятникам. Из стрельцов, проживающих на Красной улице, писцами указаны следующие лица: Олеша Офонасьев, Софон Омосов, Захар Тишков, Якуш Гаврилов, Офоня Селиверстов, Васюк Зуй, Симанка Попков, Сенька Симанов, Гаврилка Проскурницын, Осипко Кузьмин, Петрушка Дмитриев, Максимко Михайлов, Васька Михайлов.

Всего на Красной улице из общего числа казаков и стрельцов жили в то время 25 человек (10 пеших казаков, 2 конных казака и 13 стрельцов). Это – в дополнение к трем руководителям города, трем попам (троицкому, ильинскому и никольскому), двум дьяконам и дьячку, двум пушкарям, двум воротникам, ямщику, бирючу и сторожу. Итого – 41 человек. Учтем, что большинство из этих людей жили семьями.

Вторая по значению улица была **Успенская.** Она находилась южнее Красной улицы и, как отмечает И. И. Лагунин, *«протянулась к Климен-*

товским воротам и далее продолжалась Большой улицей на Переволоке, а также дорогой вдоль всего полуострова»[13].

Когда-то Успенская улица была главной улицей Себежа (до завершения Ливонской войны). Здесь находится к моменту описания воеводский двор, упоминаются прежние воеводы Василий Розладин и Никифор Чепчугов. Их имена хорошо известны историкам. Теперь, в момент описания, здесь живет помещик Петр Львов. Из других помещиков, живших на данной улице, упоминается Елизарий Нечаев. На Успенской улице в момент описания проживало больше всего пушкарей – 8 человек, старшим из которых был Матвей Бабин «старосел» (самый зажиточный из пушкарей). Перечислим остальных пушкарей. Это Васька вельянин, Степан Великий, Афоня Михеев, Якуш Нефедов, Петр Захаров, Ширяй Парфенов, Лука Крестечник. Прозвище «вельянин» встречается у многих людей. Это может означать, что данный человек жил раньше в городе Велье, который к моменту описания превратился в городище.

Из представителей церкви на Успенской улице проживали покровский поп Артемий Павлов, ивановский поп Софрон Иванов, ивановский дьячок Терентий Алексеев, никольский дьячок Василий Степанов, сергиевский дьячок Семен Яковлев. Покровский поп – это, скорее всего, придельный поп церкви Троицы, которая имела придел Покрова Богородицы. То же самое можно сказать и про сергиевского дьячка Семена Яковлева, который был дьячком придела Сергия Радонежского в этой же Троицкой церкви.

Что касается ивановского попа и дьячка, то здесь речь идет о древнейшей в Себеже церкви Иоанна Предтечи, построенной при основании крепости в июле 1535 г. Псковский летописец сообщает, что тогда была построена церковь *«Усекновения главы святого Иоанна, да предел святого Николы, да царя Константина, а священников трех послали из Пскова»*[14]. Возможно, что эта церковь потом была перестроена или даже перенесена на новое место, а вместо придела святого Николы здесь «в Крему» к моменту описания существовал Никольский мужской монастырь, в котором служили поп Сергей Полуехтов, дьячок Василий Степанов и другие лица.

Здесь же, на Успенской улице, жили воротники Иванка Федоров и Иванка Васильев. Далее в описании владельцев огородов на острове говорится, что Иван Федоров обслуживал Летние ворота, а Иван Васильев – Кремские ворота.

[13] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 131.

[14] Псковская первая летопись // ПСРЛ. Т. 4. С. 300.

В частоколе у Успенской улицы в момент описания находился двор еще одного из руководителей города – городового приказчика Ивана Свербеева. Его двор был большим, к нему присоединены дворовые места еще трех казаков и одного стрельца. Этих казаков Фалалейки, Якуша Олфимова и Щелкана, а также стрельца Ивана шапочника уже нет, их дворовые места пашет приказчик Иван Свербеев. Рядом с ним живет воротник Федор Пестов.

К Успенской улице примыкал Успенский переулок. В этом переулке у городовой стены живет Воин Яковлевич Харламов, рядом с ним – казенный кузнец Тихон Григорьев. Можно предположить, что Воин Харламов был стрелецким сотником в Себеже и сменил на этом посту своего родственника, стрелецкого сотника Григория Харламова, о котором говорится в описании как о бывшем владельце двух огородов на острове (эти огороды пашут теперь стрельцы).

В Успенском переулке в частоколе находится двор еще одного помещика – Богдана Григорьева сына Бачманова.

Кроме указанных ранее на Успенской улице 8 пушкарей в Успенском переулке в момент описания жили еще два пушкаря – Василий Григорьев и Иван Савостиев.

В Успенском переулке, как и на Успенской улице, проживало немало служителей церкви. Здесь находился двор монастырский Рождества Богородицы, в котором живет дворник Спица. Это «Рожества Пречистые Клинский монастырь» над озером Клинцом. В этом же переулке жили успенский дьячок Митрофан Федоров (в другом месте он назван дьяконом), ивановский дьякон Микула Окинфиев, покровский дьячок Федор Тимофеев. Здесь же располагался амбар сергиевского попа Ивана, поставленный на месте казачьего двора. Про сам двор этого попа ничего не сказано. Из служителей этой церкви, живущих в Себеже, упоминается только дьячок Семен Яковлев на Успенской улице. Скорее всего, такой церкви в Себеже в момент описания не было, а существовал только придел Сергия Радонежского в Троицкой церкви.

На Успенской улице и в Успенском переулке проживало наибольшее количество стрельцов (21 человек). На Успенской улице имели дворы 14 стрельцов (Гриша Иванов, Марко Фомин, Офонька Кирилов, Федька Кузьмин, Гаврилко Юрлов, Степанко Кондратьев, некий Жданко, Логинко Сидоров, Васька гончар, Фомка Поспеев, Офонька Иванов, Онтошко скоморох, Кирилко Потафьев, Петрушка Степанов). Интересно прозвище у стрельца – «скоморох». Прозвище «гончар» указывает на профессию.

В Успенском переулке жили 6 стрельцов – Гриша Жохов, Кирьян Ондреев, Симанко Левонтьев, Демидко Власьев, Иванко Васильев, Васька Судоплат, а от городовой стены в Успенском переулке – стрелец Филя Офремов станочник.

Также здесь мы видим 22 пеших и 5 конных казаков. Из числа казаков 13 пеших казаков проживало на Успенской улице – Беляй Шапилов, Гриша Павлов, Васька Харитонов, Васька Гусь, Михалко Степанов, Самуха Иванов, Жданко Иванов, Ортюшко Хромцов, Васька Спиров, Петруша Ужевиков, Васька Матвеев, Лашук рыбник, Кондратко Филипов.

7 пеших казаков жили в Успенском переулке (Костя Шипулин, Исак Матвеев, Тараско Иванов, Олиско Попов, Марко Степанов, Порошко Левонов, Фомка Полуехтов). В частоколе у Успенского переулка жили пешие казаки Илейка Иванов, Олиско Петров, а также стрелец Иванко Бужелов. Здесь же рядом находились три пустых казачьих места, их никто не пашет.

Из числа живущих здесь конных казаков часто упоминаются Якуш Черный, Бориска Семенов Стравников (Строчников), Ондрюша Смагин, Ивашка Шишеев. Якуш Григорьев сын Черный был казачьим пятидесятником, командовал всеми конными казаками и был одним из помощников воеводы.

Конный казак Неустройко Офонасьев Шихманов, живущий в Успенском переулке, больше нигде не упоминается, хотя имеет в этом переулке свой двор. У него нет ни огородов, ни лавок, ни поместий.

Среди других жильцов говорится про вдову Огафьицу, жену пешего казака Федора.

В частоколе возле Успенской улицы раньше жили казак Мамон и стрелец Трофимка Соболь. Их дворы теперь пашут помещик Елизарий Нечаев и казак Якуш Онисимов. Указан также пустой двор пешего казака Онфимки Карпова.

Небольшая **Сергиевская улица** вела от южных Летних ворот к Крому (Вышгороду, Верхнему городу). На ней жили два пушкаря Киприан Юрьев и Истомка Селиванов, успенский дьячок Василий Федоров, а также 13 стрельцов и казаков (7 казаков и 6 стрельцов).

7 пеших казаков – это Иван Черномаз, Гаврила Оксентьев, Федька Кузьмин, Офонька Сафонов, Олекса Пастухов, Сенька Бобр, Гаврилка Игнатьев. 6 стрельцов – это Еремка Григорьев, Филипко Заец, Федька скорняк, Лукьянко Власов, Кирилка Жданов и Дорожка Воробей.

На Сергиевской улице в частоколе раньше жили казаки Обакша Игнатьев и Капа Юрьев, а также стрелец Дорошка Самойлов. Теперь

дворовые места Капы Юрьева и Дорошки Самойлова пашет казак Иванко Семенов.

Леонтьевская улица проходила от Троицкого переулка к Торгу параллельно Красной улице. Здесь жили 4 пушкаря – Агафон Прибытков, Игнат Кляпин, Дмитрий Рядов, Иван Шемет. На этой улице жили также 4 пеших казака (Сергейко Торокан, Иванко Федоров, Бориско Лукин, Бориско Балагуров) и 8 стрельцов (Окат Федотов, Филя Ортемьев, Федька Лукин, Михалко Михеев, Гришка Тарасов, Федька Андреев, Матюшка Федоров, Сенька Недьяков).

Далее в описании владельцев огородов говорится, что упоминаемый первым из казаков Сергейко Иванов Торокан – это казачий пятидесятник, один из командиров пеших казаков. Уменьшительное имя у казачьего начальника Сергейко в городе, где много связано с Сергием Радонежским, вполне объяснимо.

Из других жителей упоминаются успенский поп Федор Селиванов и проскурница Ирина Гаврилова. Раньше здесь жили Анисим Козицын и казак Мануха Трофимов, их дворы теперь переданы пушкарю Агафону Прибыткову и проскурнице Ирине.

Что касается церкви Успения Богородицы, которая дала название одной из главных улиц Себежа, то служители этой церкви жили по разным улицам: успенский поп Федор Селиванов на Леонтьевской, дьякон Митрофан Федоров в Успенском переулке, дьячок Василий Федоров Русинов – на Сергиевской.

В частоколе было 6 пустых мест казаков, которые жили там раньше (в том числе Манухи Трофимова, Петра Балагурова и Микулы Шалина). Три пустых дворовых места пашет казачий голова Кирил Хрипунов, два места отданы приказчику Ивану Свербееву, одно место пашет казак Бориско Семенов.

От Торга (рынка) к Летним воротам проходила **Охотницкая улица.** И. И. Лагунин писал об этой улице: *«Возможно, это нынешняя Набережная улица, которая является одной из древнейших, она проходит по линии южной стены Окольного города»*[15].

Здесь жили рождественский поп Василий, рождественский дьячок Никита Тарасов. И. И. Лагунин считает, что в Себеже в это время была своя церковь Рождества Богородицы и данные лица – служители именно этой церкви. Он пишет: *«К Летним воротам тяготела деревянная церковь Рождества Пречистыя (по местному преданию, ярусная), от которой к городовой стене шел переулок»*[16]. Действительно, при

[15] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 131.

[16] Там же. С. 132.

описании черных тяглых дворов говорится, что *«от церкви Рожества Пречистой в переулке к городной стене»* было два черных дворовых места.

Рядом с двором рождественского попа Василия было место никольского попа из Яблонец (имя не указано), теперь этого попа нет, а его дворовое место пашет поп Василий. Это может служить еще одним косвенным подтверждением, что данный загородный Никольский монастырь к моменту описания не возродился, хотя старцы монастыря по-прежнему владеют земельными угодьями в окрестностях Себежа (им принадлежали 5 деревень и 9 пустошей).

Из других жителей Охотницкой улицы можно назвать пушкаря Малгу Иванова, а также 10 пеших и 2 конных казаков, 4 стрельцов. Пешие казаки – это Карп Ермолин, Степанко Максимов, Иванко Ондреев, Микитка Рыба, Михалко Офремов, Иванко Мартынов, Осипко Щербак, Степанко Ортемов, Мишук Григорьев, Наумко Проскурницын (возможно, его мать была раньше проскурницей в Себеже).

Два конных казака – это Якуш Трофимов Рютнев и Якуш Кирилов, причем Якуш Кирилов больше нигде в описании не встречается, у него есть только двор, но нет поместий, огородов и др.

Среди стрельцов, живших на Охотницкой улице, отметим Карпа сапожника (ему же придано в качестве огорода место казака Самсонки Наумова). Возможно, что тачать сапоги – это его ремесло или этим занимался его отец. 3 остальных стрельца – это Иванко Лях, Гордюшка Ильин, Омельянко Лукьянов,

В частоколе возле Охотницкой улицы раньше были два дворовых места, которые принадлежали когда-то казаку Иванке Кознову и стрельцу Илейке Ловушке, теперь их пашет казак Степанко. Это либо Степанко Ортемов, либо Степанко Максимов.

Возле Мысовых ворот, которые примыкают с севера к Крому, находился двор воротника Ульяна Фофанова. Из описания владельцев огородов на острове известно, что он обслуживал Клементовские ворота, находящиеся в другом конце города. На площади под горой жил другой воротник, Кит Михайлов. Возможно, что он обслуживал Мысовые ворота. Название этих ворот говорит само за себя. От них за крепостью ведет дорога на мыс, а далее жители переправлялись на остров Латрик, где находились их огороды. И. И. Лагунин отмечал, что эти северовосточные Мысовые ворота *«вели в мысовую – пониженную часть полуострова по направлению нынешней улицы Нижней»*[17].

[17] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 132.

Севернее Мысовых ворот находились Сабуровы ворота, которые обслуживали два воротника – Осип Семенов и Гриша Иванов (они жили рядом). Насчет Осипа Семенова Ботохнова можно утверждать точно, что он обслуживал именно Сабуровы ворота, об этом прямо говорится далее в описании владельцев огородов. Осип Семенов сменил прежнего воротника Офоньку Курку. Дорога от этих ворот также вела на мыс и на остров. Сабуровы ворота упоминаются в описании сразу же после Красной улицы.

Под городовой стеной от Мысовых ворот был огород помещика Степана Харламова, хотя сам он жил в другом конце крепости.

На Щировке в переулке у тех же Мысовых ворот был огород казачьго головы Кирила Хрипунова. Здесь же, на Щировке, в переулке на площади под горою жили два казака и один стрелец. Это конный казак Бориско Кузьмин Вельской (Великого), пеший казак Дорошка Сергеев и стрелец Петрушка Гогалинский.

В так называемом **Четвертом переулке** по обе стороны жили пеший казак Куземка Малофеев и конный казак Костя Семенов. Здесь раньше жили еще три казака. Теперь эти три пустых казачьих места пашут казаки Жданко Иванов, Третьячко Иванов, Порошко Левин.

На Большой улице жили помещик Степан Васильевич Харламов, никольский дьячок Кирил Полуехтов, пушкарь Гриша Храмцов, воротники Истомка Лизухин и Сенька Олексеев. Известно, что они обслуживали Кремские ворота. Раньше здесь жил еще пушкарь Гриша Ляпунов.

На этой же улице жили также два стрельца Иванко Иевлев и Якушко Васильев Норицын, конный казак Олексейко Голованов и пеший казак Сидорко Антипов сын Кожин (к его двору присоединено место пушкаря Гриши Ляпунова).

На Большой улице видим 9 пустых казачьих и стрелецких мест (7 казачьих и 2 стрелецких), их пашут пешие казаки Кирилко Иванов, Якуш Кирилов, Илейка Иванов, Михалко Офремов, стрельцы Иванко Дементьев, Наумко Яковлев, Васька Федоров Воронцов.

По мнению И. И. Лагунина, *«Большая улица, вероятно, продолжала Большую Успенскую. Неподалеку на Переволоке проходила Средняя улица и Четвертый переулок. Последний, вероятно, сохранился на Серебрянке – северном мысу на Переволоке»*[18].

Еще одна улица, **Острожная**, когда-то была самой заселенной казаками. Здесь раньше жили свыше 50 казаков, но после похода Стефана Батория их число здесь сократилось в три раза. Писцы отмечали

[18] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 132.

36 пустых казачьих дворовых мест. 26 из этих мест пашут стрельцы, казаки и один помещик, причем большинство из них живут на соседних улицах. К примеру, из пяти стрельцов, которые пахали эти пустые места, только один жил на Острожной улице. 10 мест остаются пустыми, желающих на них так и не нашлось, хотя некоторые люди брали по нескольку таких пустых мест (в основном стрелецкий сотник Воин Харламов, он один пашет 8 пустых мест).

На Острожной улице в 1585 г. жили 15 пеших казаков, 1 конный казак и 4 стрельца. Пешие казаки – Ортемко Микифоров, Самулка Гришин, Фролко Иванов, Олексейко Васильев, Ондрюшко Кузнецов, Микулка Микифоров, Сенко Ермолин Мотовило, Иванко Омельянов Пастухов, Третьячко Иванов, Кирилко Однок, Ондрейко Иванов, Епимашко Петрого, Васка Офремов, Иванко Шевелев, Иванко Филипов Шара.

Другие жители Острожной улицы – конный казак Фомко Толстого (Толстоногов) и стрельцы Васка Воронцов, Макарко Скоков, Микитко Отоманов и Степанко Матвеев свечник.

Кроме стрелецкого сотника Воина Харламова пустые дворовые места на этой Острожной улице пашут 5 стрельцов (Игнашко сапожный мастер, Лашук Зиновьев, Игнашко Тарасов, Томилко Макаров и Микитко Отоманов), 6 пеших казаков во главе с пятидесятником Серыгой Тороканowым (Якуш портной мастер, Фролко Иванов, Наумко Данилов, Третьячко Иванов, Михалко Григорьев сын Горг, Юрка Иванов), а также конный казак Никонко Игнатов Жар.

К Острожной улице примыкали Летние ворота. Они находились на южной стороне крепости западнее Успенских ворот. У Летних ворот на Острожной улице жил воротник Филип Павлов, которому дано было здесь пустое место. Он обслуживал данные ворота. Здесь же у Летних ворот было пустое казачье место Кирилки Однокова, рядом живет пеший казак Левка Гришин,

Еще один участок города – это **Заровье**, которое примыкает к самым западным Климентовским воротам. Дорога из Климентовских ворот вела на запад к Переволоке. Название Заровье говорит, что ранее здесь был городской ров. По мнению И. И. Лагунина, *«термин Заровье в сочетании с Климентовскими воротами красноречиво говорит о том, что ров отделял крепость от Переволоки»*[19].

Судя по данной фразе этот ров находился между Переволокой и крепостной стеной, хотя не исключен вариант, что он был восточнее

[19] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 132.

Климентовских ворот и Заровье располагалось внутри крепости, судя по тому что здесь жили помещик, плотник, кузнец и два воротника.

Здесь, в Заровье, жил помещик Семен Васильевич Харламов. Рядом находились дворы казенного плотника Оксенко Иванова Лутоши, казенного кузнеца Окатко Микифорова. Здесь также жили воротники Гриша Микитин и Иванка Тарасов. Известно, что Иванка Тарасов обслуживал Опарины ворота, которые находились севернее. Тогда возможно, что Гриша Микитин обслуживал именно Клементовские ворота. Этот Гриша Микитин упоминается далее среди владельцев огородов на острове, но без указания, какие ворота он обслуживает.

На Заровье жили также 4 пеших и 2 конных казака, 4 стрельца. Из пеших казаков упоминаются Деваниско Костянтинов, Илейко Иванов Бахорев, Тиша Ондронов, Офонка Дмитров, а из конных казаков – Нечайко Александров Толстого и Никонко Игнатов Жар. На Заровье имели дворы стрельцы Куземка Салтанов, Тимошка Оксентьев, Игнащко Тарасьев и Сенка Яковлев вельянин.

6 пустых казачьих мест на Заровье пашут жившие рядом пешие казаки Илейка Бахорев, Тиша Ондронов, а также конные казаки Васька псковитин и Игнаш Сивяков.

Дворы этих двух конных казаков, Васьки псковитина и Игнаша Сивякова, располагались **возле городовой стены**, несколько в стороне от этих мест. Здесь же, возле городовой стены, жили еще один конный казак Петруша Федоров сын Мякишев и два стрельца (Ондрюшка Насонов и Васька Салтанов). Следует отметить, что Игнаш Сивяков и Петруша Мякишев были казачьими десятниками.

Еще одни западные ворота, которые вели на Переволоку, – это Опарины ворота. Они находились несколько севернее Климентовских ворот. Между Опариными и Климентовскими воротами **возле городовой стены** жили 2 пеших казака (Богданко Симонов и Юшко Семенов).

За Опариными и Климентовскими воротами, за «городом» **на Переволоке**, также жили казаки, стрельцы, пушкари (правда, в небольшом количестве) и даже помещик Алексей Харламов. Из живших здесь пушкарей упоминаются Якушка Нефедьев, Васька Степанов, Калина Кондратьев. Одно пустое пушкарское дворовое место пашет пушкарь Карп (или Киприан) Юрьев, который жил на Сергиевской улице.

Здесь же, на Переволоке, «как идти от города», жили 5 пеших казаков, 1 конный казак и 1 стрелец. Из пеших казаков упоминаются среди живущих Федоско Офремов, Гурейко Иванов, Созонко Захарьев, Якимко Давыдов, Сидорко Денисьев. Также здесь живут конный казак Селюга (Селиванко) Федоров и стрелец Онуфрейко Якимов.

На Переволоке было много пустых мест (14), которые пашут казаки, стрельцы и пушкари. Все они живут на других улицах, внутри крепости. Здесь впервые указаны пустые места конных казаков (3), а также стрельцов (2). Одного конного казака звали Сидорка свирельник (прозвище говорит о многом!), другого Ворон, имя третьего не называется. Практически все пустые места здесь заняты и распаханы. Эти пустые места пашут некий Осипко Кирилов, казаки Иванко Кирилов, Иванка Шара, стрельцы Гордюшка Ильин, Петрушка Щипун, Гриша банник, Олиско Кондратьев, Тимоха Федоров, Филипко Матвеев, стрелецкая жена Василиска, Дорошко Степанов Воробей, пушкари Офоня Седловской и Калинко Постельников, а также упоминавшийся ранее Карп Юрьев.

В писцовом описании упоминаются бывшие жильцы города (стрельцы и казаки), дворы которых находились возле озера Себежа. Раньше здесь жили 2 стрельца и 4 казака, теперь эти места пашут огородами стрельцы Васька Дмитриев Белой, Филя станочник, а также пешие казаки Гурейко Иванов, Онашка Тороканов, Сенька Бобр и казачий пятидесятник Сергейко Иванов Торокан.

Таким образом, в Себеже мы видим дворы воеводы, осадного головы, казачьего головы, городового приказчика, 5 дворов помещиков и 2 дворовых места. Представителям церкви принадлежали монастырский двор, 19 других церковных дворов (в них жили попы, дьяконы, дьячки, пономари и проскурница), 2 дворовых места и амбар. Пушкари имели 23 пушкарских двора и одно дворовое место, воротники – 13 дворов и одно дворовое место, 5 дворов и 4 пустых дворовых места принадлежали кузнецам, плотникам, бирючу и ямщику. 11 дворовых мест присоединены к новым владельцам. Внутри крепости также имелось 2 огорода возле Мысовых ворот, принадлежащих помещику Степану Харламову и казачьему голове Кирилу Хрипунову.

Известно, что Кремские ворота, кроме упомянутых ранее трех воротников, обслуживал еще один (четвертый!) воротник, Иванка Сапожник (Назарьев?), однако в описании не указано, где он жил.

Всего в 1585 г. в Себеже среди лиц, имеющих дворы в городе, упоминаются 83 пеших казака, 19 конных казаков и 67 стрельцов – итого 169 человек. По сравнению с периодом до похода Стефана Батория количество казаков и стрельцов уменьшилось на 101 человека. Наибольшие потери понесли пешие казаки – 88 человек, свыше половины личного состава. По переписи указывалось 88 пустых дворов пеших казаков, большинство этих дворов распахивались другими казаками и стрельцами, а также некоторыми помещиками и пушкарями. Пустых было также 3 двора конных казаков и 10 стрелецких дворов.

В Писцовой книге указано: «*И всего казачьих и стрелецких 169 дворов, да пустых дворов и мест 95 да 6 мест к двором припущено*».

Однако состав гарнизона Себежа был несколько больше, во всяком случае если брать только конных казаков. Кроме упомянутых 19 конных казаков, которые имели дворы в городе, встречаются имена еще 7 конных казаков, имеющих огороды (где находятся их дворы в городе, неизвестно, они могли жить во дворах других казаков), так что их общее количество можно увеличить до 26 человек.

Кроме того, в конце писцового описания приведен список конных казаков, имеющих поместья в Себежском уезде. Таких насчитывалось 29 человек. При сравнении данного списка со списком живущих в городе 19 человек выясняется, что три конных казака, живущих в городе (Родионко плотник, Якуш Кирилов и Неустройко Офонасьев Шихманов), не указаны в числе 29 владельцев поместий. Они не имеют никаких поместий. С учетом этих людей общее количество конных казаков в Себеже составляет 32 человека.

Кроме белых дворов, хозяева которых не платили налоги за свои дворы, в Себеже имелись также дворы и дворовые места черных тяглых людей[20]. В описании приводятся имена многих прежних жителей, которые раньше платили оброк за свой двор, указан размер этого оброка. С момента прежнего описания ситуация кардинально изменилась. Теперь в Себеже осталось всего три черных тяглых двора из 75.

На Красной улице в момент описания тяглые люди уже не жили, хотя раньше здесь жило 7 человек (Иванко пастух, Степанка старец, Нестерко пастух, Никита по прозвищу Вареных ног, Ондрейко Кондратьев рыбник, Иванко Детятя, Филипка Васильев). Дворовое место Филипки Васильева дано троицкому дьячку Федотке Харлапьеву, а место Ондрейки Кондратьева присоединено ко двору ямщика Кирилки Федорова (судя по владениям это важная фигура в Себеже).

На Сергиевской улице живет черный (тяглый) человек Юшко Борисов (это один из трех живущих черных людей), рядом раньше находился двор Сеньки Логинова, а далее жили когда-то Федька Поршень, вдовы Марьица, Дарьица и Федосьица, Захарка Михайлов, Ондрейка Рыбник, Гриша Плоскирев, Микулка Кипреянов, Микитка Офремов. Всего на Сергиевской улице раньше были дворы 10 черных людей.

Возле частокола жили раньше 3 человека (Иванко Кур, Мосейко седельник и Левонко Зеновьев).

[20] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 425–426.

На Успенской улице в момент описания указан как ныне живущий второй из черных людей – Филипко Лукьянов. Раньше здесь жили 4 человека (Ондрюша Килка, Дмитерка мясник, Васька Салтан, Осипка Малов).

На Щировке возле городовой стены к Успенским воротам живет третий из черных людей, Ондрейко Трезуб, а раньше здесь жили два тяглых человека – Васька Сергеев и Левонка Гаврилов.

От Климентовских ворот на Щировке раньше жили Дмитерка Васильев, Ондронко Захарьин, вдова Оксиньица, Микифорко Красногородец, а от Летних ворот на Щировке жила вдова Марьица. На Леонтьевской улице жили Ивашка Рогатай, а возле частокола – Онфимка Максимов Беспорточник (впервые указано, кто пашет эти места – стрелец Федька Ондреев).

На Острожной улице было семь черных мест, бывшие владельцы которых не указаны, говорится только, кто их пашет. Это стрельцы Лашук Зиновьев, Игнашка Тарасов, пушкарь Матвей Бабин, казаки Иванко Шара и Максимко калачник.

От церкви Рождества Пречистой «в переулке к городной стене» раньше жили Куземка Ермолин и Васька Галицкий.

На Охотницкой улице от Летних ворот жили Федька Кузьмин (пашет Елизарей Нечаев), Овсейка Яковлев, Филипко Микифоров, две вдовы, Полашка и Ириньица, Федька Чальцов, Куземка Парфеньев, Иванка Обросимов, Симанка Карпов – всего 9 человек.

В Успенском переулке жили Васька Иванов Глазка и Васька Матвеев.

На Новой улице жили Куземка Парфеньев, Демешка Семенов, Васька Семенов, некий Сенька, Микитка старец, Иванко Дудыря – итого 6 человек.

За городом на переволоке жил Малга Логинов, а на берегу озера – вдова Ириньица проскуриха.

Далее впервые упоминаются три незнакомые улицы – Ямская, Середняя и Воронина, – на которых ранее было 10 черных дворов. Эти улицы, по-видимому, находились вне крепости.

На Ямской улице жили Иванка Иванов, Матвейка кузнец, Васька Цыпляк.

«В Середней улице от острога» жили Илейка Иванов, Темка Михайлов, Родивонка Кондратьев.

«В Воронине улице» жили Степанко Зуй, Ларионко Ильин, Ондрейко Олексеев, Микитка Ларечник. Название Ворониной улицы может свидетельствовать о ее нахождении возле озера Ороно.

Всего к моменту описания было 3 черных и 2 пустых двора, 12 дворовых мест присоединены к дворам живущих людей или их пашут огородами, одно место дано церковному дьячку. Однако большинство дворовых черных мест (57) остается пустыми, их никто не взял распахивать, а жить здесь некому. Запустение черных дворов выглядит очень впечатляющим. Было раньше 75 черных тяглых «лутчих и середних и молотчих» дворов (они различались по достатку – богатые, средние и бедные), а людей – 75 человек. Теперь осталось только 3 двора, живут три человека.

Теперь рассмотрим, **кто занимался торговлей в Себеже, кто имел оброчные лавки** в городе (безоброчных лавок не было, все владельцы лавок платили оброк).

Оброчные лавки имели пушкари, стрельцы, казаки, представители церкви и др.[21].

От Летних ворот по левой стороне находились лавки пушкаря Офоноски Михеева Седловского и казенного плотника Падоры Лукьянова. Падора Лукьянов упоминается впервые, у него нет своего двора в Себеже. Известен только один владелец двора из числа казенных плотников – это Оксенко Иванов Лутоша (он же Омоска Иванов Лотоша), живший в Заровье.

От вымла лавки имели стрелец Филя Ортемьев сын Самсонов, пушкари Иванка Ларивонов сын Шеметов (Шемет), Матвей Офонасьев сын Бабин (четыре лавки), пеший казак Конан Максимов сын калачник.

На Успенской улице по левой стороне находились лавки кузнеца Ондрюши Степанова, пешего казака Васьки Офремова, старицы Ильинского монастыря, что в городе, Мартемьяны.

На Успенской улице на правой стороне лавки имели стрелец Петруша Степанов, пушкари Истомка Иванов сын бельчанин, Ширяйка Парфеньев, Малга Истомин Белчанинов, никольский дьячок, что в городе, Кирил Полуехтов сын Позняков, ильинский пономарь, что в городе, Истомка Ширяев сын.

На Сергиевской улице напротив церкви Успения Пречистые стояла лавка пушкаря Васьки Сусло.

Всего в городе в момент описания было 18 оброчных лавок, «оброку со всех рубль и 15 алтын с деньгой, да пошлины 2 алтына и полтрети деньги». С рубля пошлина была по 10 московок.

Фактически было 19 лавок, так как пушкарь Ширяйка Парфеньев за лавочное место платил оброк, как и все остальные владельцы.

[21] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 426.

Владельцами оброчных лавок были следующие лица:

- 10 лавок имели 7 пушкарей – Офонаска Михеев Седловский, Иванка Ларивонов сын Шеметов, Матвей Офонасьев сын Бабин (он имел целых четыре лавки), Ширяйка Парфеньев, Истомка Иванов сын бельчанин, Малга Истомин Белчанинов, Васька Сусло; Последние в списке три пушкаря (Истомка, Малга и Васька) не упоминаются среди лиц, имеющих дворы в Себеже. Наличие оброчной лавки у пушкаря уже свидетельствует о состоятельности данного человека, поэтому трудно допустить, что он не имел своего двора в городе. Возможно, что Истомка бельчанин – это Истомка Селиванов, проживающий на Сергиевой улице, а Малга Истомин – это Малга Иванов, двор которого находился на Охотницкой улице. Что касается Васьки Сусло, то это мог быть Васька Михеев вельянин (двор на Успенской улице) или Васька Степанов (двор в Успенском переулке). Васька Григорьев, имевший двор на Переволоке, вряд ли мог быть владельцем лавки в центре крепости, слишком большое расстояние отделяет двор от лавки;
- 2 лавки имели стрельцы Филя Ортемьев сын Самсонов и Петруша Степанов;
- 2 лавки – пешие казаки Конан Максимов сын калачник и Васька Офремов;
- 3 лавки принадлежали представителям церкви – это старица Ильинского монастыря, что в городе, Мартемьяна (лавка на Успенской улице по левой стороне), никольский дьячок, что в городе, Кирил Полуехтов сын Позняков и ильинский пономарь, что в городе, Истомка Ширяев сын (их лавки тоже на Успенской улице, но по правой стороне). Эти лавки находились недалеко от лавки пушкаря Васьки Сусло.

Кроме того, одна лавка принадлежала казенному плотнику Падоре Лукьянову, а еще одна – кузнецу Ондрюше Степанову.

Выводы

Существующие (действующие) лавки находились в основном в районе церкви Успения на Успенской улице и на Сергиевской улице, а также «от вымла».

Сама церковь Успения находилась на Успенской улице при пересечении с ней Сергиевской улицы.

Видим, что в городе в момент описания существовал Ильинский женский монастырь, знаем одну из стариц этого монастыря, Мартемьяну, а также пономаря Истомку Ширяева. Это – в дополнение к указанным ранее и имеющим свои дворы в Себеже ильинскому попу Федору Иванову Царицыну и дьякону Леонтию Микитину.

Больше всего лавок имели пушкари (10 лавок из 19). Самый богатый из всех владельцев лавок пушкарь Матвей Бабин. Кроме того, среди пушкарей наблюдаем семейную традицию – владельцами лавок выступают отец (Истомка Иванов сын бельчанин) и сын (Малга Истомин Белчанинов).

Прозвища Седловский, Сусло, Калачник могут свидетельствовать о наиболее предпочтительных товарах владельцев этих лавок.

По старому письму в Себеже в городе и за городом было 38 лавок, оброку 3 рубля с гривной. По сравнению со старым письмом убыль составила 20 лавок, оброк стал меньше на 1 рубль 21 алтын и 3 деньги[22].

О тяжелых последствиях Ливонской войны для Себежа свидетельствует тот факт, что на посаде на Переволоке исчезли к моменту описания абсолютно все (!) амбары. Раньше здесь находилось целых 42 амбара. Писцы не указывали их прежних владельцев, отмечали только, кто теперь пашет это место. Теперь, в момент описания, это просто расчищенные амбарные места, которые жители пашут огородами[23].

Большинство этих амбарных мест (34 из 42) пашет пеший казак Васька Офремов, который один платит оброк полполтины. Это, видно, был богатый казак, который, в придачу к имеющейся у него лавке в городе, имел столько амбарных мест. Остальные 8 амбарных мест пашут пеший казак Иванко Федоров (3 места), стрелец Гришка Иванов Попов и пушкарь Якуш Нефедьев (совместно 3 места), а также пушкарь Истомка вельянин (2 места).

Если раньше владельцы этих 42 амбаров платили оброк 29 алтын и 2 деньги, то теперь за эти 42 пустых амбарных места оброк составил всего 13 алтын. Убыло оброку по нынешнему письму 16 алтын и 2 деньги.

Там же на посаде на Переволоке раньше было место поваренное ямщика Офони Черного, а ныне там стоит сенной амбар пушкаря Якуша Нефедьева, который платит оброк 4 алтына.

В писцовом описании ничего не говорится о владельцах мельниц в Себеже, хотя они, скорее всего, были в городе.

[22] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 426.
[23] Там же. Т. 5. С. 427.

За крепостной стеной «на Переволоке на мысу от Климентовских ворот» находятся бани себежских казаков и стрельцов. Всего писцы отметили наличие 5 бань, которые принадлежат стрельцу Грише Жехову, трем казакам (Иванке Федорову, Петруше Морозу и Соколову), а также вдове Настасье Даниловой жене. С этих 5 бань их хозяева платят оброк 10 алтын и 4 деньги. Раньше здесь было 8 бань, теперь 3 банных места остаются пустыми, оброку с этих трех бань раньше платили 2 гривны[24].

Особое внимание писцы уделили **описанию огородов на острове**, находящемся на Себежском озере. Указывались размеры каждого огорода и их владельцы. Отдельно перечислялись огороды белые (безоброчные), принадлежавшие начальным людям, помещикам, представителям церкви, пушкарям и воротникам. Далее указывались безоброчные огороды стрельцов и казаков на этом же острове[25].

Здесь находились огороды казачьего головы Кирила Хрипунова, городового приказчика Ивана Свербеева, 5 помещиков – Елизария Нечаева, Харламовых (Степана, Алексея и Семена Васильевых), Богдана Бачманова.

Огороды на острове имели служители церкви – троицкий поп Кузьма Якимов и троицкий дьякон Дорофей Федоров, ивановский поп Софрон Иванов и дьячок этой церкви Иоанна Предтечи Тереха Алексеев, успенский поп Федор Селиванов, дьякон этой церкви Митрофан Федоров, дьячок Васька Федоров и проскурница Орина (Ирина Гаврилова), рождественский поп Василий Киприанов, пономарь этой церкви Офонька Микитин и дьячок Микитка Тарасьев.

В числе владельцев огородов упоминаются покровский поп Ортемий Павлов, сергиевский поп Иван Юрьев, «никольский поп ис Крему» Сергей Полуехтов, никольский дьячок с Крему Кирилка Полуехтов Позняков и еще один никольский дьячок Васька Степанов Дьяков.

Огород на острове принадлежал также Ильинскому монастырю «что в Себеже в городе», а далее почему-то отдельно указан огород «Ильинского девичья монастыря». Скорее всего, речь идет о двух огородах одного и того же женского монастыря.

Ранее уже упоминались старица Ильинского женского монастыря Мартемьяна и пономарь Ильинского монастыря Истомка Ширяев, а в конце писцового описания подчеркнуто, что он был пономарем именно Ильинского женского монастыря. Огороды также имели ильинский поп Федор Иванов Царицын и ильинский дьячок Иванка Леонтьев Дьяконов.

[24]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 427.
[25]Там же. С. 427–428.

Уже из описания владельцев огородов видно, что в Себеже был Ильинский женский монастырь, а в Верхнем городе (в Крему) находился мужской Никольский монастырь. В этом монастыре могло быть два дьячка (Кирилка Полуехтов и Васька Степанов), хотя не исключены и другие варианты. Упоминание в числе владельцев огородов сергиевского попа Ивана Юрьева (здесь впервые приводится имя этого попа), имевшего амбар в крепости, подтверждает тезис, что этот поп жил в то время в Себеже. Вновь упоминается покровский поп Ортемий Павлов (ранее говорилось еще о покровском дьячке Федоре Тимофееве), что не исключает как наличия церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Себеже, так и придела Покрова в Троицкой церкви.

Всего служителям церкви принадлежало на острове 20 огородов.

Среди воротников, имеющих огороды на острове, указаны (без названия ворот) Самулка и Гришка Микитин, а также воротники Летних ворот Фиша (Филип) Павлов и Иванка Федоров, Кремских ворот – Сенька Олексеев, Иванка Васильев, Иванка Сапожник, Истомка Лизухин, Сабуровых ворот – Осип Семенов Ботохнов, Климентовских ворот – Ульянко Фофанов, Опариных ворот – Иванка Тарасов. Судя под данной записи Кремские ворота, самые основные, обслуживали целых 4 воротника. Здесь перечислены 11 воротников, хотя в Себеже их было больше. Только среди владельцев дворов упоминались ранее еще три воротника, которые не имели огородов на острове (Федька Пестов, Федька Жуков и Кит Михайлов). С другой стороны, Иванка Сапожник не указан среди владельцев дворов в Себеже.

Огороды на острове имели также 10 пушкарей – Гриша Гончаров, Иванка Шеметов, Яков Нефедьев, Малга Истомин вельянин, Игнаша Левонтьев, Дмитрий Игнатьев, Иванка Савастеев Козлов, Васька Степанов кузнец, Петрушка Захарьин, Богданка Иванов. К ним следует добавить казенного плотника Родивонку Микулина, также имевшего здесь огород.

В писцовом описании говорится: *«И всего безоброчных огородов, – казачьи головы, и приказщика городового, и детей боярских, и казаков, и стрелцов, и пушкарей, и воротников, и попов, и дьяконов, и дьячков, и понамарей – и всего* ***49 огородов*** *безоброчных»*. Отметим, что здесь не совсем точно передан состав лиц, имевших эти 49 безоброчных огородов на острове. Количество огородов (49) совпадает с перечисленным ранее, но среди владельцев этих огородов мы не увидим ни стрельцов, ни казаков (кроме казачьего головы).

Стрельцы и казаки действительно имели безоброчные огороды на острове, но они перечислены отдельно. Только стрельцы и казаки имели здесь дополнительно 42 огорода[26].

Владельцами безоброчных огородов на острове были 10 пеших казаков (Офонка Софронов, Васька Матвеев Мщицын, Трофимка Лукин, Борис Лаврентьев Балагуров, Лучка Ондреев горшок, Гришка Павлов, Нечайка Филипов, Ларивонка Кузьмин рыбник, Костя Шипуля, Иванка Латыш).

Также среди владельцев огородов упоминаются 11 конных казаков – Нечайка Алексеев Полстово (Толстой), Ондрюша Смагин, Федька Филипов, Фомка Дмитров Толстоногов, Васька псковитин, Федька Павлов Болагуров, Яков Чернов (он же – пятидесятник Якуш Черный), Бориско Семенов Медведев (он же Стравников, Строчников), Якуш Трофимов Рютнев, Фома Гладышев, Олеша Голованов. Трое из перечисленных конных казаков не имели своих дворов в городе (Федька Филипов, Федька Павлов Балагуров и Фома Гладышев).

Больше всего огородов на острове имели стрельцы – всего 19 человек. Среди владельцев таких огородов упоминаются Матюша Федоров, Петруша Степанов, Куземка Салтанов, Карп Михалкин, Симанка Левонтьев, Офонька Иванов островитин, Васька Судоков, Осипко Кузьмин Сит, Олекса Офонасьев сын Рохманинов, Марк Фомин Лужилов, Жданко Недьяков, Васька Михайлов, Лукьянка Власьев, Гаврилка Никифоров Проскурницын, Максимка Михайлов, Петрушка Логинов.

Стрелец Сенька Яковлев имел огород совместно с вдовой Оксиньицей. Огороды, что были раньше сотника стрелецкого Григория Харламова, теперь пашут стрельцы Сенька Родивонов Недьяков и Олферко Ондреев сапожник. Здесь впервые сказано, что раньше стрельцами в Себеже командовал сотник Григорий Харламов.

Среди владельцев огородов на острове упоминаются еще некий Кирилка Ондреев сын вельянин и вдова Феодора (жена казака Федора Лиственского).

И. И. Лагунин писал, что на острове Латрик в момент описания располагались «белые огороды» и единственное «свинобоевское место»[27]. К этому стоит добавить, что на острове были также «черные» оброчные огороды.

На острове, кроме 91 безоброчного огорода, имелось еще 13 оброчных огородов[28]. Среди владельцев таких огородов указаны ильинский

[26]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 429–430.

[27]*Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 132.

[28]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 433–434.

поп Федор Царицын, казенный плотник Омоска Иванов Лотоша вместе с сергиевским дьячком Сенькой Яковлевым, воротник Гриша Иванов Зуй, некий Михалка Михеев Чекенев.

Больше всего таких огородов (3 огорода) принадлежало пешим казакам. Это Олексейко Васильев вельянин, Калиста Петров рыбник и Богданко Симонов. Два оброчных огорода имели стрельцы (Офонька Селиверстов и Дементий Иванов), два огорода – пушкари (Якуш Нефедьев вместе с пешим казаком Иванкой Высоких штей, Васька Степанов кузнец). Остальные два оброчных огорода на острове принадлежали конным казакам Фоме Гладышеву и Олеше Голованову. Одно место огородное «свинобоевское» было к моменту описания пустым.

Конечно же, на небольшом острове не могли иметь огороды все местные жители. Много огородов жителей Себежа было за крепостной стеной, причем некоторые имели огороды в разных местах. За городом на Переволоке и за надолбами имели безоброчные огороды некоторые себежские начальные лица[29]. Среди них осадный голова Константин Скобельцын, казачий голова Кирил Хрипунов, помещики Василий и Алексей Харламовы и Петр Львов.

Здесь же за городом на Переволоке находились **безоброчные огороды** – монастырские, церковные (попов, дьяконов, дьячков, пономарей), а также себежских пушкарей и воротников[30].

Владельцами огородов были священнослужители – ильинский дьякон Левонтий, троицкий дьячок Федотка Харламов, успенский пономарь Игнашка Кипреянов, рождественский поп Василий Кипреянов. Один огород принадлежал богадельницким старцам. Здесь же на Переволоке были монастырские огороды Никольского монастыря, что в городе, и Ильинского девичья монастыря, что в городе. На том месте, где был прежде монастырь, было три огорода никольского пономаря, которые пашут старцы того же монастыря. Далее в описании говорится про один очень большой огород неизвестно чей размером 58 на 23 сажени (самые большие огороды обычно не превышали в длину 20 и в ширину 12 саженей).

Среди служилых людей по прибору огороды имели 4 пушкаря (Степанка Федоров, Васька Михеев вельянин, Истомка белчинин, Федька красногородец), воротник Кремских ворот Иванка Назарьев, казенный плотник Падора Лукьянов (огород с поженкой) и казенный кузнец Тихонко Григорьев.

[29] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 430.
[30] Там же. С. 430–431.

Далее от Себежа по Полоцкой дороге находились огороды Рожества Пречистой Клинского монастыря, пономаря Ильинского девичьего монастыря Истомки Ширяева, пушкарей Васьки Михеева вельянина и Ширяйки Парфеньева. Отметим, что уже неоднократно указывались Ильинский женский монастырь в Себеже и пономарь именно этого монастыря Истомка Ширяев.

Всего упомянутым категориям жителей принадлежало за городом 27 огородов и поженька.

Многие стрельцы и казаки также имели огороды за городом на Переволоке и за острогом[31]. Некоторые из таких огородов располагались на довольно большом удалении от крепости в двух направлениях – на юг по Полоцкой дороге и на север по Опочецкой дороге, причем полоцкое направление было освоено более активно, возможно, вследствие влияния многовековой традиции.

На самой Переволоке имели огороды 4 пеших казака – Микулка Микифоров Белый, Федька Офремов, Ортемка Офонасьев и Баран Ямщиков.

Далее от надолб по правой стороне находилось 25 огородов, 11 из которых имели пешие казаки Кондрашка Мотовилов, Юшка Иванов Надежа, Минка Парфеньев, Иванка Семенов, Иванка Пастухов, Гришка Микулин Доросовский, Исачка Матвеев, Иванко Шевелев, Левка Гришин, Тиша Ондронов ржевитин, Захарка Иванов Дроздов (у него огород и поженка).

5 огородов было у конных казаков – Это Неустройко Офонасьев Шихманов, Федька Юрьев Щетнев, Игнатка Остафьев сын Сивяк (ему дан пустой огород конного казака Селюги Федорова), Петрушка Дорофеев Жеребцов, Васька Русин. Отметим, что трое из этих казаков – Федька, Петрушка и Васька – не имели своих дворов в Себеже.

8 огородов имели стрельцы Еремка, Онтошка Петров Скоморохов, Васька Степанов Салтанов, Макейка Кузьмин (взял пустой огород стрельца Голубя), Федька Кузьмин сын Даного (ему дан пустой огород конного казака Михалки Толстого), Якуш Петров Скоморохов (дан огород конного казака Шарапа Иванова), Макарка Федоров Скоков, Симанка Ермолин сын Попов.

Довольно большой огород (размером 21 на 12) имела вдова Марина, Митрофанова дочь. В описании говорится также про один пустой огород (новый владелец не указан).

[31] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 431–433.

У озера было еще 11 огородов. Их хозяева – 7 пеших казаков (Костя Шипулин, Чиган, Петруша Иванов сын кожевника, Карпик Ермолин, Карпик Ондреев плотник, Беляйка Сидоров, Самулка Григорьев), один конный казак Петруша Микишев (Мякишев) и 3 стрельца. Это Иванка Софронов, Ондрюшка Насонов (ему дан пустой огород стрельца Обакши Игнатьева) и Марк Яковлев. Здесь же был пустой огород пешего казака Сидорки Онтипина, новый владелец не указан.

От Себежа по дороге на Опочку (Опоцкой дороге) по левой стороне имелось 7 огородов. Их хозяева – 2 конных казака (Никонко Жарков, Иванко Шишеев) и 5 стрельцов (Гришка Иванов Попов, Омельянко Лукьянов, Якуш Жохов, Васька Воронцов, Прошка Симанов Шар). Прошке Симанову дали пустой огород.

Здесь же по дороге на Опочку были пустой огород стрельца Сеньки Недьякова и 3 других пустых огорода, их никто не взял себе.

От Себежа по дороге на Полоцк (Полоцкой дороге) по левой стороне имелось 12 огородов. Они принадлежали 4 пешим казакам и 8 стрельцам. Пешие казаки – это Васька Спиров (он пашет огород конного казака Гриши Горчицы), Спира Иванов, Самулка Иванов и Ондрюша Иванов.

Среди стрельцов – владельцев огородов на Полоцкой дороге следует указать Захарку Тишкова, Матюшу Софронова, Софронку Омосова и Петрушу Гоголенского. Еще трем стрельцам (Петрушке Власьеву, Нефедке Григорьеву, Лашуку Сидорову) был дан пустой огород конного казака Собаки Иванова. Стрелец Офонька Кирилов также получил пустой огород. Интересно отметить, что пустые огороды на Полоцкой дороге активно осваиваются, в то время как такие же огороды на Опоцкой дороге остаются пустыми.

Еще 4 безоброчных огорода находились за городом возле озера и возле Литовского двора. Это были огороды пеших казаков, их владельцы – Олешка Семенов сын Тороканов, Гаврилка островитин, Богдашка Офремов, Гриша Мороз банник. Упоминание Литовского двора в Себеже представляется весьма интересным.

Всего казакам и стрельцам принадлежало за городом 63 безоброчных огорода. Из них 30 огородов было у пеших казаков, 8 – у конных казаков, 24 – у стрельцов и 1 – у вдовы Марины. Кроме этого, 7 огородов оставались пустыми. Вместе с упомянутыми ранее 27 огородами всего за городом было 90 безоброчных огородов.

Многие жители, в том числе помещики, церковнослужители, пушкари, воротники, стрельцы и казаки, имели не только белые безоброчные огороды, но и оброчные, за владение которыми они платили оброк. Эти

оброчные огороды находились не только на острове напротив города (указанные ранее 13 огородов), но и **за городом, на Переволоке за надолбами**[32].

Здесь было 15 оброчных огородов, причем наиболее состоятельные хозяева имели сразу по несколько огородов. 4 огорода имел троицкий поп Козьма Якимов, 3 огорода было у воротника Кремских ворот Иванки Зиновьева Крапивина, по 2 огорода у стрельца Гаврилки Орлова, конного казака Селюги Рохманинова и пушкаря Матфейки Бабина. Матвей Офонасьев Бабин уже встречался нам, он имел 4 лавки в Себеже.

Ранее, когда говорилось про огороды на острове, упоминались четыре воротника Кремских ворот, среди них – Иванка Васильев и Иванка Сапожник. Скорее всего, воротник Кремских ворот Иванка Зиновьев Крапивин – это Иванка Сапожник, а не пятый воротник этих ворот. По одному оброчному огороду имели Рождества Пречистыя Клинский монастырь (пашут старцы этого монастыря) и пеший казак Якуш Рукавичник.

Возле озера у Клементовских ворот были огороды казачьего головы Кирила Хрипунова и конного казака Петруши Мороза банника. Этот конный казак ранее упоминался как владелец бани.

Всего возле Себежа было 30 оброчных огородов. Писцы указывали: *«И всего на острову и на переволоке оброчных 30 огородов да огород пуст, оброку рубль и 27 алтын и 3 денги».*

Далее писцы Мещанинов-Морозов и Дровнин указывали: *«На переволоке ж места дворовые, что были дворы полоцкие и свиские и нещерьские присяги, пашут огородами пушкари и стрелцы»*[33]. Можно предположить, что здесь говорится о бывших ранее в Себеже дворах полоцких купцов и их приказчиков. Следует отметить, что в 1563–1579 гг. Полоцк входил в состав Русского государства, торговые связи Себежа с Полоцком за эти 16 лет были довольно оживленными. Упоминание о дворах нещерькой присяги также связано с временным подчинением этих мест России (Нещерда, Ситна, Сокол, Козьян, Озерище и другие места между Себежем и Полоцком). После взятия Стефаном Баторием Полоцка и Сокола в 1579 г. и ликвидации всех русских крепостей южнее Себежа и Невеля в 1580–1582 гг. связи с этими литовскими городами были почти полностью прерваны. В период похода Стефана Батория дворы купцов из этих городов были разрушены и в дальнейшем не восстанавливались.

[32]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 433–434.
[33]Там же. С. 434–435.

Что касается «свицких дворов», то можно предположить, что здесь речь идет о дворах шведских купцов, поставленных в Себеже тогда, когда Швеция на короткое время в 1560-е гг. стала союзником Ивана Грозного (до свержения Эрика XIV Юханом III). Следует учесть, что с 1558 г. царь дал большие льготы в торговле ливонским немецким купцам, многие из которых приняли русское подданство. Возможно, что «свицкие дворы» – это дворы, принадлежавшие купцам из Ливонии.

Всего было таких 18 дворовых мест, теперь это оброчные огороды себежских жителей, которые платят оброк за использование этих земель. Заголовок в описании не совсем точен, эти дворы пашут не только пушкари и стрельцы, но и другие категории людей. Лагунин также допустил неточность, когда указывал, что эти дворы *«теперь пахали пушкари и стрельцы»*[34].

Кроме трех пушкарей и одного стрельца мы видим здесь среди пашущих огороды еще пять пеших казаков, одного конного, двух кузнецов и трех помещиков. Некоторые из них пашут по два дворовых места.

Перечислим их имена – это пушкари Калинка Котельников, Васька Кузнецов и известный нам Матвей Бабин. Среди пеших казаков отметим Сергейку Тороканова, который был пятидесятником пеших казаков, а также Жданку Иванова, Федьку Офремова, некоего Давыда и Гаврилку Калинина (он имел 2 места). Конный казак Надежа, пашуший один из таких огородов, не имел своего двора в Себеже. Его полное имя – Иванко Якимов Надежа. Остальные владельцы этих оброчных огородов – стрелец Иванко Васильев Батко, кузнецы Тиханко Григорьев (он имел 2 места) и Окатко Микифоров, а также помещики Степан Харламов (2 места), Петр Львов и Богдан Бочманов.

Оброк с этих 18 мест владельцы оброчных огородов платили 30 алтын и 4 деньги.

В окрестностях Себежа находились **оброчные нивы** (всего 47 нив), которыми в основном владели пушкари (32 нивы), воротники (5), один дьячок (4), казаки (4)[35].

У города Себежа возле Ворона озера (Ороно, Ворон, Вороно) находились нивы воротников Иванка Ондронова и Гриши Микитина (здесь же указаны прежние владельцы).

6 нив были отданы пушкарю Агафонке Прибыткову, причем прежние названия этих нив связаны с местными топонимами – Чернавинская, Олуферовская, Бахтеяровская, Митрошинская. Оброк этому новому хозяину Агафону Прибыткову (2 гривны на год) было определено платить

[34] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 132.
[35] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 435–436.

«на Семен день летопроводца 95-го году», т. е. к 1 сентября 1586 г. Далее говорится, кто выступал порукой этому пушкарю Агафону Прибыткову в своевременной уплате оброка. Среди поручителей – ильинский поп Федор Иванов сын Царицын, покровский дьячок Федька Тимофеев сын, никольский дьячок Васька Степанов Дьяков, пушкарь Федька Петров красногородец, конный казачий десятник Петрушка Федотьев сын Мякишев и пеший казак «Борис Лаврентьев Балагуров». Уже неоднократно этого казака писцы называют уважительно, полным именем. По-видимому, это не случайно и Борис Балагуров был влиятельным человеком среди казаков.

Из контекста данной записи следует, что этот новый хозяин Агафон Прибытков еще не платил оброк к моменту составления писцового описания, что подтверждает тезис о том, что писцы описывали Себеж еще до осени 1586 г.

В зимнике находились 14 нив (упоминаются их прежние владельцы), теперь эти нивы спущены в три поля, *«пашни в поле 9 чети, а в дву по тому ж»*. Теперь все эти нивы пашет один человек, хорошо известный нам пушкарь Матвей Бабин, который платит оброк полтора рубля. 6 других нив также спущены в три поля, раньше их пахал поместный казак Олха Олександров, а теперь пашет тот же пушкарь Матвей Бабин (оброк 25 алтын). Над Себежем озером находилась еще одна нива Матвея Бабина. Видим, что себежские пушкари активно занимаются крестьянским трудом. Одному человеку заниматься всеми этими делами (пушкарская служба, лавки, огороды, нивы) весьма трудно, возможно, на него работали другие люди.

На Синцах (вокруг Синцовского озера) раньше были нива троицкого попа Григория и еще две нивы, их теперь пашет пушкарь Федька Петров красногородец. Одну ниву пашет вдова Василиса, жена Ивана Заколодеского, две нивы – воротник Иванко Ондронов, у которого всего 4 нивы. У озера Ворона находились 2 нивы конного казака Фомки Гладышева, а между озерами Себеж и Ворон ниву пашет пеший казак Васька Офремов. Возле *«Ворона озера за мшариною»* пашет ниву пушкарь Кипреянко Юрьев, возле Себежа озера – казенный кузнец Окатко Толокнянин. Среди других владельцев нив упоминается конный казак Якуш Черный (казачий пятидесятник).

4 нивы раньше пахал посадский человек, теперь они отданы успенскому дьячку Ваське Русинову.

Писцы записали: *«Всего на Себеже оброчных 41 нива, оброку 5 рублев и 22 алтына и 5 денег, да 2 нивы оброчные отданы в поместье конному казаку»*.

Крупнейшими владельцами нив были пушкари Матвей Бабин (21), Агафон Прибытков (6), Федька Петров (3), дьячок Васька Русинов (4), воротник Иванка Ондронов (4), конный казак Фомка Гладышев (2). По одной ниве имели пушкари Кипреянко Юрьев, Федька Петров, воротник Гриша Микитин, пеший казак Васька Офремов, конный казак Якуш Черный, казенный кузнец и вдова. Общее число нив несколько превышает цифру 41, указанную в описании, и доходит до 47.

Среди прежних владельцев нив упомянуты некий присяженин Михалко Ермолин, другой присяженин Иванко Лях, третий – Палка. Трудно сказать, что означает слово «присяженин». Не связано ли оно с присягой людей из соседних литовских городов царю Ивану Грозному после 1563 г. и переездом некоторых из них в Себеж?

В окрестностях Себежа были также пустые оброчные нивы[36]. Писцы насчитали шесть таких нив и перечислили их прежних хозяев. Среди них троицкий пономарь Матвейко, стрельцы, посадские люди. Раньше за эти нивы платили оброк 19 алтын и 4 деньги. Далее в описании говорится про нивы в Заворонье, которые запустели еще до прежних писцов. Они «лесом поросли», их уже давно не пахали. Писцы Мещанинов-Морозов и Дровнин насчитали 24 такие пустые нивы. По-видимому, это следствие первых нападений ливонцев и литовцев на окрестности Себежа в начальный период Ливонской войны.

Информация о прежних владельцах нив, огородов, лавок, жителях черных тяглых дворов и белых безоброчных дворов очень ценна не только для сравнительной характеристики состояния города до и после похода Стефана Батория к Пскову. Эти сведения могут заинтересовать тех, кто будет подробно изучать события Ливонской войны, происходившие в Себежском уезде и в окрестных землях.

Помещичье землевладение в Себежском уезде[37]

Теперь рассмотрим административное деление Себежского уезда и выясним, где находились земли местных помещиков. В Псковской земле, в отличие от пятин Новгородской земли, уезды делились не на погосты, а на губы. В частности, в Себежском уезде упоминается только одна губа Никольская и Демина волостка.

В Себежском уезде было всего 6 помещиков из состава детей боярских. Это два брата Харламова, Семен и Алексей Васильевичи, их родственник Степан Васильевич Харламов, а также Елизарий Нечаев сын

[36] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 436–437.
[37] Там же. С. 437–438.

Нечаева, Петр Андреевич Львов и Богдан Григорьевич Бачманов. Рассмотрим владения каждого из них.

Степан Васильевич Харламов был самым богатым из всех себежских помещиков. У него были сельцо Юравицыно, 13 деревень и 18 пустошей. Кроме того, 5 деревень и починков были «припущены в пашню».

У Семена Васильевича Харламова было поместье Ильино над озером Ширенком – всего 5 деревень и 2 пустоши. Семен Харламов с братом Алексеем вместе владели сельцом, которое раньше было деревней Ижерино Устново, у них также были еще 3 деревни, пустая деревня и 25 пустошей. По-видимому, разоренные крестьяне из других деревень переехали жить в эту деревню Ижерино Устново, число жителей здесь резко увеличилось, была построена церковь и деревня превратилась в сельцо. Обычно после военных событий и природных катаклизмов мы наблюдаем обратную картину, когда сельцо превращается в деревню, а деревня становится пустошью.

Елизарий Нечаев владел половиной деревни Иванки Ворыгина, причем и эта деревня была пуста. Всего у него было 26 пустошей.

Петр Андреевич Львов разделил с Елизарием Нечаевым деревню Иванки Ворыгина, он также владел половиной этой деревни, всего у него было 25 пустошей с полупустошью да селище.

У Богдана Григорьевича Бачманова была бывшая деревня Жаглово Концово над озером Островно, всего 13 пустошей.

Всего за всеми помещиками сошного письма в Себежском уезде *«в живущем пол-пол-чети сохи и 7 чети и пол-пол-третника пашни».* Эти цифры говорят о деревенских владениях помещиков, их размерах. Что касается пустошей, то указано, что *«в пусте соха и пол-пол-трети сохи и 2 чети с осминою перелогу».* Все помещики в сумме имели 2 сельца, 22 деревни и 109 пустошей

Насчет выводов о богатстве помещиков (точнее, обеспеченности их поместьями), судя по данным описаниям, следует проявлять осторожность. У Е. Н. Нечаева, Б. Г. Бачманова, П. А. Львова и Степана Харламова в те годы поместья были только в Себежском уезде Псковской земли. Что касается братьев Семена и Алексея Харламовых, то у них были совместные владения в Мелетовской губе Псковского уезда и в Кушельской губе Гдовского уезда, правда, последнее (село Воскресенское и 10 деревень) – совместно с 7 другими помещиками[38].

Алексей Харламов также владел поместьями в Заклинской и Зряковской губах Псковского уезда[39].

[38]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 202, 242.

[39]Там же. С. 165, 204.

Семен Харламов, кроме совместных с братом владений в Псковском уезде, имел также собственные поместья, в Островском уезде (в Михайловской и Глинской губах)[40].

Помещиками в Себежском уезде были также конные казаки. В таком случае они ненамного отличались по социальному статусу от служилых людей по отечеству, детей боярских. У конных казаков были свои деревни и пустоши.

Перечислим всех владельцев поместий из числа себежских конных казаков[41].

Всего указано 29 конных казаков – владельцев таких поместий. Конными казаками командовал пятидесятник Якуш Григорьев сын Черный. Ему помогали два десятника – Петруша Мякишев и Игнаш Сивяков. В описании говорится, что конным казакам *«сошное письмо положено для городового дела, а иных податей не платить»*.

Пятидесятник Якуш Григорьев сын Черный (Черново), начальник всех конных казаков, владел деревней Дуброва – всего три деревни и три пустоши.

Десятник Петруша Федоров сын Мякишев имел деревню Тимошково, которая раньше была пустошью, у него также было еще 7 пустошей. Видим, что некоторые пустоши стали заселяться людьми и превратились в деревни. Далее эта фраза *«деревня, что ранее была пустошью»*, будет в описании встречаться неоднократно.

Десятник Игнаш Сивяк владел половиной деревни Павлово-Нохтево (всего полторы деревни и 4 пустоши). Другой половиной деревни владел конный казак Данилка Бахарев.

Данилка Иванов сын Бахарев имел половину деревни Павлова-Нохтева, всего ему принадлежала одна деревня и еще в двух деревнях по половине (всего *«7 чети пашни с осьминою»*) и одна пустошь. Этот Данилка Бахарев больше нигде в описании не упоминается, у него нет своего двора в Себеже, нет огородов. Можно предположить, что это новый человек в Себеже. А если учесть, что второй половиной деревни Павлова-Нохтева владел казачий десятник Игнаш Сивяк, то сам собой напрашивается вывод, что Данилка Бахарев вполне мог жить во дворе у своего начальника десятника Игнаша.

Ондрюша Иванов сын Смагин владел половиной деревни, что был раньше починок Туманки Латыша в Техомичах, а также у него было 4 пустоши и селище.

[40] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 286, 291.
[41] Там же. С. 438–440.

Нечайке Александрову сыну Толстому принадлежала вторая половина деревни, что раньше был починок Туманки Латыша в Техомичах и 5 пустошей. Еще у него были две половины пустоши, и еще одна пустошь «припущена» в пашню. Бывший починок Туманки Латыша Нечай Толстой разделил с Ондрюшей Смагиным.

Бориско Кузьмин Великого имел тоже половину деревни в тех же самых Техомичах, но на лугу. Ранее это был починок *«Микулины старины Иванка Мякишева»*. Всего Борис Кузьмин имел 2 деревни и 4 пустоши с полупустошью.

Одним из самых обеспеченных поместными землями из числа конных казаков был Фомка Дмитриев сын Толстоногов. В его владении находилась деревня, что раньше был починок Богданки свеенина, всего 4 деревни и 7 пустошей. Из всех казаков у него было больше всех пахотной земли *«в живущем 11 чети пашни»*.

Иванке Якимову сыну Надеже принадлежали деревня Костково Гавриловское и 6 пустошей.

Петруша Дорофеев сын Жеребцов владел деревней Спиридоново и половиной пустоши, а Федька Щетнев – деревней Климятино в «Наумове конце». Он имел также 4 пустоши.

Федьке Филипову сыну Самсонову принадлежала деревня Горностаево, всего две деревни и полторы пустоши, а Ваське Ондрееву сыну Русинову принадлежала деревня, которая раньше была пустошью Мартьяново Логиново, всего две деревни, пустошь и селище.

Федька Павлов сын Балагуров имел только пустошь Туманово «в мхинях», всего 4,5 пустоши.

Фомка Гладышев имел деревню Кудино Овсяниково «во мхинях» и пустошь с полупустошью. Этот конный казак, как и указанные ранее Иванко Надежа, Петруша Жеребцов, Федька Щетнев, Федька Самсонов, Васька Русинов и Федька Балагуров, не имел своих дворов в крепости, хотя у всех их были огороды, а у некоторых – еще и нивы.

Василий Кузьмин сын Поросский имел половину деревни Окулина, всего полторы деревни и полторы пустоши, *«в живущем 6 чети с осьминою пашни, а в пусте 30 чети перелогу»*. Столько четей перелога (30) не было ни у кого из казаков. 7 казаков имели по 20–21 чети перелога, а у остальных – намного меньше. Следует обратить внимание, что имя этого казака указано полностью, а не уменьшительное (Васька), как у других казаков и стрельцов, что может говорить либо о его почтенном возрасте, либо об особом уважении к нему (одно не отменяет другого). С другой стороны, этот Василий Поросский больше нигде в описании не упоминается, у него нет своего двора, огородов, лавок, нив.

Ратайко Осипов сын Влесенский имел деревню *«Горохово Говорово во мхинях»* и пустошь, а Яков Семенов сын ямщиков – половину деревни Василия Литвинова «во мхинях» и 4 пустоши. Больше в описании эти казаки нигде не встречаются.

Также нигде больше не найдем мы имени Девятого Семенова сына Щеголева, который был хозяином деревни Романово над Железником. Всего у него было 3 деревни и пустошь.

Микула Собакин имел деревню Мишнево Павлово над озером Выдрец, которая раньше была пустошью, всего 2 деревни с половиной (7 чети пашни) и 8 пустошей с половиной. Его имя также не встречается больше нигде в описаниях, как и имена конных казаков Данилки Бахарева, Василия Кузьмина, Ратайки Осипова, Якова Семенова и Девятого Семенова.

Микифорко Дементьев сын Дрозд – это еще один из конных казаков, имеющих поместья в Себежском уезде. Приведем полностью сведения о нем: *«Казака Микифорково поместье Дементьева сына Дрозда, половина пустоши Дмитерковы у озера у Плавливово, всего 3 пустоши да трех пустошей по половине, в пусте 17 чети с полуосминою перелогу»*. У остальных 28 человек описание начинается словами: «За казаком за...» (далее указывается имя этого человека и его поместье). Эта формулировка относительно казака Микифора Дрозда наводит на мысль, что в момент описания данный человек уже не жил в Себеже, хотя не исключен вариант, что писцы могли так написать случайно. Больше имя этого казака в описании нигде не встречается.

Костя Семенов сын мясник владел деревней Павлово, которая раньше была пустошью, а также имел 4 пустоши. Васька Остафьев сын псковитин был хояином деревни Костяшово Курово, которая раньше была пустошью. Ему также принадлежали 2 пустоши. Иванко Иванов сын Шишеев имел в качестве поместья деревню Ильино над Брусничным ручьем под Скомороховой горой и три пустоши.

За Селиванком Федоровым сыном Рахманиновым записаны деревня, которая раньше была пустошью Литвинова, принадлежавшая когда-то Сеньке Кочанову, а также 4 пустоши.

Бориско Семенов сын Строчников владел пустошью Мелново, принадлежавшей раньше латышу Мартыну Жирилову, всего 5 пустошей с полупустошью. Больше никаких владений не приводится. Почему-то далее говорится, что «в *живущем 6 чети с осминою пашни, а в пусте 11 чети с осминою перелогу»*. Судя по данной фразе («в живушем») у Бориса Строчникова должна быть записана еще деревня,

которая пропущена. Если хозяин имеет только пустоши, то это слово («в живущем... пашни») в описаниях обычно не указывается.

Якуш Трофимов сын Рютнев имел деревню Мелневская над речкой Черной, всего 2 деревни и 5 пустошей, а Никонко Игнатьев сын Жар владел пустошью Болтуново Павлово над озером Истец. Всего у него было *«5 пустошей с полупустошью, да пустошь в пашню припущена»*. Возможно, поэтому далее указано, что *«в живущем 4 чети пашни, а в пусте 20 чети перелогу»*.

У Олексейки Иванова сына Голованова была только пустошь Юриново Латышево – всего 3,5 пустоши.

Всего за себежскими конными казаками в сумме было *«сошного письма в живущем пол-пол-трети (1/12) и пол-пол-пол-чети (1/32) сохи и 4 чети и пол-пол-пол-третника пашни»*. Если говорить о пустошах, принадлежащих казакам, то указано, что *«в пусте соха без чети и без пол-пол-пол-чети сохи и пол-пол-трети и 2 чети с полуосминою и пол-пол-пол-третника перелогу»*. Всего 29 казаков владели 36 деревнями и 103 пустошами. По нескольку деревень (3–4) имели Фомка Толстоногов, Якуш Черный и Девятый Щеголев, по 2 деревни – еще 4 казака. Большинство казаков имело по одной деревне либо одну деревню делили на двоих, а некоторые владели только пустошами.

При сравнении с землями, принадлежавшими детям боярским, мы видим, что 6 детей боярских в сумме имели поместий «в живущем» почти столько же, сколько имели 29 казаков. У казаков было 36 деревень, а у помещиков – 2 сельца и 22 деревни. Что касается пустошей, то их размер у детей боярских был даже больше, чем у всех казаков. Общее количество пустошей у детей боярских (109) было несколько больше, чем у казаков (103).

Теперь рассмотрим церковное и монастырское землевладение в Себежском уезде[42]. В этом уезде из-за большого удаления от Пскова отсутствуют земли, принадлежавшие псковским монастырям (в ближайшем к Пскову Островском уезде их много, в Опочецком – значительно меньше, в Себежском – нет совсем).

Никольский монастырь из Себежа владел деревней, что раньше был починок Селище – всего 2 деревни и 22 пустоши. Кроме того, этот Никольский монастырь владел совместно с женским Пятницким монастырем пустошью на Меленке над Брусничным ручьем, всего 9 пустошей.

[42]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 441.

В описании говорится прямо: *«Николского монастыря да Пятнитцкого девича монастыря»*. Следовательно, в Себеже существовал женский монастырь Параскевы Пятницы.

Упоминается также Никольский монастырь в Яблонцах, которому принадлежала деревня Июдинская, всего 5 деревень и 9 пустошей. Именно о разорении этого монастыря ливонцами еще в 1558 г. говорится в Псковской первой летописи. И. И. Лагунин писал: *«В Себеже пригородный монастырь был разорен еще во время набега литовцев в 1559 г.»*[43]. Однако в Псковской летописи говорится о нападении на монастырь орденских немцев, а не литовцев, и не в 1559 г., а осенью 1558 г. С Литвой в 1559 г. боевые действия еще не велись, они начались через два года, после заключения договора магистра с королем о присоединении Ордена к Литве. Известно об одном из таких набегов литовцев на Себеж в 1562 г.

Существовал в то время еще Рождества Пречистые Клинский монастырь, который владел деревней, бывшим починком Кловинов, всего 6 деревень, починок и 27 пустошей.

Это все монастырские владения в Себежском уезде (13 деревень, починок и 67 пустошей), церковные владения не указаны совсем. Видим, что владения этих четырех монастырей были довольно скромными.

Следует упомянуть еще одного себежского помещика – ямщика Кирилки Федорова Борана. Он владел деревней *«Мокеево Матвеева»*, принадлежащей ранее некоему Мокею Матвееву. Всего у него было 3 деревни и 3 пустоши, *«в живущем 11 чети с осьминою пашни и 44 четверти с осьминою перелогу»*. Размер пашни и перелога у этого Кирилки Борана был выше, чем у любого конного казака. Напомним, что Василий Поросский имел 30 четей перелогу и всего 6 четей пашни, а Фомка Толстоногов – 11 чети пашни.

В заключение стоит упомянуть *«села коровьи и пустоши монастырские и церковные нетяглые пашни»* в Никольской губе Себежского уезда[44].

Клинский монастырь (*«Рожества Пречистые монастыря над озером Клинцом»*) имел сельцо коровье (12 чети пашни и 12 чети перелога).

Упоминается *«Никольского да Пятницкого монастыря, что на Себеже»*, сельцо коровье, что раньше была деревней Затурье, *«над озером над Себежем»*, 8 чети пашни и 7 чети перелогу. К этому сельцу *«припущено в пашню»* пустошь на Меленке над Брусничным ручьем, пашни

[43] *Лагунин И. И.* Указ. соч. С. 131.
[44] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 449.

перелогом 7 чети. Это уже вторичное упоминание женского монастыря Параскевы Пятницы в Себеже.

Никольский монастырь над Яблонцом на погосте имел 15 чети пашни *«церковные поповы, и дьяконовы, и дьячковы, и понамаревы, и проскурницыны»*, а также 13 чети перелога. Даже если данный монастырь после его разорения и не восстановился в полной мере, все же его причет остался в Себеже и имел свои владения.

Таким образом, сохранившаяся писцовая книга 1585–1587 гг. довольно подробно знакомит нас с состоянием Себежа и его окрестностей накануне Смутного времени и является важным историческим источником для изучения внутренней жизни этого города.

Опочка в 1585 году

Какой же нам представляется Опочка по данному описанию? В 1580-е гг. Опочка – это довольно крупный по тогдашним меркам населенный пункт. Город состоял из крепости на острове на реке Великой, а также посада. Отметим, что план города Опочки, составленный художником-любителем, опочецким помещиком Б. Н. Офросимовым (помещенный в приложении к книге Л. И. Софийского), имеет заголовок «План города Опочки в XVI и XVII ст.». По этому плану крепость состояла из Верхнего города и Нижнего (окольного) города. Однако нас интересует состояние города Опочки в конце XVI в., поэтому данный план следует несколько подкорректировать, убрав из него более поздние постройки XVII в. Следует отметить, что стратегическое значение Опочки резко возросло после завершения Смутного времени, когда полякам были отданы крепости Себеж и Красный. Жители Себежа перебрались в соседнюю Опочку, которая теперь оказалась на самой границе с Польшей, поэтому особое внимание уделялось укреплению обороноспособности этого города.

В конце XVI в. Нижнего города еще не было, как не было Псковских, Воронецких, Никольских и Спасских ворот, указанных на плане Б. Н. Офросимова. В писцовом описании ни разу не употребляется это словосочетание – Нижний город (Верхний город – тоже). Про крепость говорится кратко – просто город. Отмеченный на плане Б. Н. Офросимовым Нижний город в конце XVI в. был частью посада – это в основном земля Успенского женского монастыря. Что касается ворот, то в писцовом описании 1585 г. говорится только о двух воротах в самой крепости. Ворота необходимо обслуживать, должны быть специальные

воротники – на каждые ворота отдельный человек или даже два воротника, а судя по описанию, во всей Опочке было всего четыре воротника (их имена известны).

Внутреннеее состояние крепости[45]

Крепость в Опочке по описанию 1580-х гг. находилась на острове на реке Великой, была деревянная и представляла в плане овал. В источнике крепость называлась «город»: *«Город Опочка на Великой реке на острову древян, а в нем двор наместнич да двор воевоцкой»*[46]. В крепости было двое ворот, Большие и Малые. В источнике они упоминаются как *«Городовые Меньшие ворота»* и *«Большие городовые ворота»*. Три глухие башни располагались равномерно по периметру крепости – на севере Велейская башня, на юго-востоке Заволочская, на юго-западе – Себежская. Их описания в писцовой книге 1585–1587 гг. нет. Известны в крепости три улицы – Спасская, Сергиевская и Петровская.

В крепости были дворы наместника и воеводы. *«Двор намеснич да двор воевоцкой»* располагались между церковью преподобного Сергия Радонежского и Спасо-Преображенской соборной церковью недалеко от больших Спасских проезжих городовых ворот.

Внутри крепости также находились 11 осадных мест детей боярских и городовых приказчиков. Среди них упоминаются Юрий, Василий и Петр Карповские, Иван Андреевич Квашнин, Шибан и Михаил Неклюдовы, Федор Арапов Аминев (у Софийского вместо Аминева указан Федор Арапов Ананьев, а далее у него же в другом месте упоминается еще один хозяин – Федька Аминев), Василий и Андрей Петровы Ногины, Гаврила Никитин Чирков и Воин Нащокин.

«Порожжие» осадные места (они тоже имелись в крепости) дают информацию о прежних обитателях Опочки. Это Ширяй Ододуров и его жена Марья, Федор Чириков, Юрий и Василий Нееловы, Алексей Неклюдов и др. В книге Л. И. Софийского эти места отмечены как принадлежавшие ныне здравствующим людям, хотя в источнике подчеркнуто, что они ныне *«порожжие»*. К примеру, место *«Олексея Неклюдова, а ныне Петра Святого»* (принадлежавшее церкви св. Петра), *«место Яковлевское Молвяникова, а ныне Воина Нащокина»*. На одном из этих *«порожжих мест»* в период описания находилась клеть пушкаря Мишки Новикова.

[45] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 395–399.
[46] Там же. С. 395.

Три царские житницы, амбар и погреб размещались под горой, внизу у церкви святого Петра. На горе у Больших ворот находились две житницы, а третья – возле церкви Преподобного Сергия Радонежского.

Большинство дворов ранее располагалось в северной части крепости вдоль Большой Спасской улицы, которая шла от Больших городовых ворот до Велейской башни. Теперь здесь в основном находились житницы и клети посадских и волостных людей, пушкарей и воротников.

Вдоль южной стены крепости от Больших ворот мимо церкви Преподобного Сергия Радонежского до церкви св. Петра пролегала Петровская улица. В описании Опочки (в сб. МАМЮ) везде говорится про церковь св. Петра и ни разу не упоминается церковь «св. апостолов Петра и Павла», которая указана в книге Л. И. Софийского.

С севера к Петровской улице примыкали дворы наместника и воеводы. На плане Б. Офросимова отмечено, что в Сергиевской церкви имелся придел св. Параскевы Пятницы. Возможно, в XVII в. так и было, но в 1580-х гг. церковь Параскевы Пятницы существовала отдельно. Известны имена попа, дьячка и других служителей этой церкви. Кроме того, Пятницкой церкви принадлежали разные угодья, в том числе «нива церковная Пятницы святыя». У приделов таких угодий и такого количества служителей не бывает.

Внутри крепости размещались многочисленные житницы и клети. Они принадлежали разным категориям жителей. Всего было 137 осадных мест и клетей (детей боярских, монастырских, церковных, пушкарей, воротников, стрельцов и других категорий населения).

В свое время Л. И. Софийский специально изучал данный вопрос. Он перечислил имена 137 людей, которые, по его мнению, имели клети и дворовые места в крепости («в городе»)[47].

Учтем, что к моменту написания книги Л. И. Софийского еще не был издан сборник МАМЮ, в котором в 1913 г. опубликована Писцовая книга 1585–1587 гг. Мещанинова-Морозова и Дровнина (ныне хорошо известная многим исследователям). Фактически данная Писцовая книга была опубликована в начале 1914 г., так как предисловие к ней было написано управляющим Архивом (МАМЮ) проф. Дмитрием Цветаевым 24 декабря 1913 г. Л. И. Софийскому приходилось работать по рукописи в архиве ограниченное время. Над публикацией данной писцовой книги трудился целый коллектив ученых-архивистов.

[47] *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 60–64.

Неудивительно, что у Софийского имеются неточности в передаче текста, написании имен. Нисколько не умаляя научного подвига Л. И. Софийского, труд которого по праву назван непревзойденным, приведем уточненный список имен владельцев клетей, подклетей, клеток, клетушек и укажем неточности в написании этих имен в книге Софийского. Не секрет, что многие современные исследователи, вместо того чтобы обращаться к источнику, предпочитают брать имена жителей Опочки из труда Л. И. Софийского.

Про опечатку в названии источника уже говорилось: писец Григорий Иванович Мещанинов-Морозов превращается в Василия Ивановича Мещанинова-Морозова. Сын боярский Федор Арапов Аминев указан как два разных человека: Федька Арапов Ананьев и Федор Арапов Аминев.

Приведем несколько других мелких опечаток в книге Л. И. Софийского. Молдяников, правильно – Молвяников, Кочетовский – надо Кочюговский, стрелец Кленка Великая Борода – правильно Илейка Великая Борода. Дьячок Василий Михайлов сын Сохин превратился у Софийского в некоего Василия Ионина, Левошка и Офоноска Созоновы, дети *«Железново Бобу»*, отмечены как Железнобоевы, Адам Лашков превратился в Адама Пашковского, Меншик Якушев Доев стал Меншиком Воевым, а поп Константин Микулин сын Башин стал Константином Микушиным. Прохна Бисеровский указан как Прошка Битьевский, владелец лавки Ефимка Леницын превратился в Ефима Каленицына, а Осип Мурза записан как Алешка Мурза. Стрельцы Мурашка Малой и Лутьянка Павлов, имевшие свои клети в крепости, отмечены как братья «Малый и Лукьянка Павловы».

Крестьяне, принадлежавшие какому-либо помещику, часто упоминаются с именем владельца (имя владельца превращается в отчество-фамилию этого крестьянина). К примеру, крестьянин Василия Неклюдова Захна Медведев отмечен как *«Зинон Васильев (крестьянин Неклюдова)»*. Крестьянин Василия Ногина некий Тихна записан как *«Тихан Васильев (крестьянин Ногина)»*, а крестьянин Андрея Ногина Василий Филиппов сын Вощагинский превращается в двух людей – это Василий Филиппов и Андрей Вощагин. Другой крестьянин Андрея Ногина, некий Ермолка, становится Ермолкой Андреевым.

В писцовой книге довольно часто можно встретить имя Воина Нащокина. Имя Воин было трудно разобрать в рукописи, поэтому когда говорится о Воине Нащокине, то Л. И. Софийский пишет просто – Нащокин, к примеру *«Иванка Конихин (крестьянин Нащокина)»*, а в другом месте имя Воин он прочитал как «вольный». В итоге крестьянин

Воина Нащокина Якуш Сыромятников записан как *«вольный крестьянин Нащокина»*. Точно так же крестьянин Воина Нащокина Володька превратился в вольного крестьянина некоего Нащокина.

Одной из владелиц клети в крепости была жена Марка Кочековского, отмеченная у Софийского как «Марья Кочетковская». В источнике об этом сказано: *«Назаде на привалке клеть дву сажень Марковской жены Кочековского»*.

Клеть *«вдовы Анны Гавриловской жены мелника»*, указанная в рукописи после Шибана Алексеева Неклюдова, стала у Л. И. Софийского принадлежать некоему Алексею Гаврилову.

Некоторые из женщин, имевшие клети в крепости, в книге Л. И. Софийского не указаны. Среди них – игуменья Успенского монастыря Оносья.

Многие бывшие владельцы клетей в крепости, а также дворов и лавок на посаде указаны у Софийского как ныне здравствующие, хотя в источнике говорится, что эта клеть или двор, или лавка теперь принадлежит другому человеку или данное место «порожжее». Это поп Константин Микулин, Адам Лашков, Алексей Неклюдов, Федор Чириков, Юрий и Василий Нееловы, Марья, жена Ширяя Ододурова и др.

Если суммировать все клети внутри крепости, то выясняется следующая картина.

Из представителей администрации можно выделить клети опоцкого наместника Федора Степановича Лихарева, городового приказчика Меншика Фофанова (он же Семейка Меншик Фофанов), приказчика дворцовых сел Игнатия Тургенева, земского дьячка Самухи Семенова и старосты дворцовых сел из Спасской губы Василия Тананина – итого 5 клетей.

11 клетей принадлежали крестьянам местных помещиков Василия и Михаила Неклюдовых, Василия и Андрея Ногиных, а также Воина Нащокина. Из крестьян Василия Неклюдова имели клети в крепости Алексей Сыромятников, Зихна Медведев и Нечайко Семенов. Также среди владельцев клетей указаны три крестьянина Воина Нащокина – Иванка Канухин, Якуш Сыромятник и Володька. Свои клети имели два крестьянина Василия Ногина, Михаил Долгово из Никольской губы и Тихна, а также два крестьянина Андрея Ногина – Васька Филипов сын Вощагинский и Ермолка. Ещё одним владельцем клети был крестьянин Михаила Неклюдова Петрушка Боярщинский.

3 клети принадлежали самим помещикам – Федору Арапову сыну Аминеву, Шибану Алексееву сыну Неклюдову и Василию Петрову сыну Ногину.

Свои клети в крепости имели также 17 пушкарей. Это Мурашка Таможнин, Петрушка Макаров, Тимошка Иевлев, Петрушка Жданов сын Лубьев, Иванка Бесерецкий, Михалка Сестреев, Иванка Мужило, Алексей Кирилов, Кирилл Плотник (у него чулан возле казенного погреба), Мишка Новиков, Алексей Пышнев, Петруша Осипов, Федька Шиперевский, Кипря Мякухин, Юрий Котельник, Кочюговский, Петруша Щиберевский.

Владельцами клетей были также 2 воротника, Онкудин Селиванов и Сенька Юрьев сын Сидяки.

Среди владельцев клетей в описании указан 21 стрелец. Это Лазарь Иванов, Тимошка Богданов, Дунай Онисимов Хонев, Мурашка Малой, Лутьянка Павлов, Илейка Великая борода, Троша Савин сын Пестинский, Сенька Коновалов, Тимоха Говоровский, Федька и Трофимка Третьяковы Байниковы, Митька Сыромятников, Максим Дехтярев, Сенка Бедра, Шестачка Григорьев, Жданко калачник, Ортюшко Яковлев, Федька Иевлев сын Горбатов, Иван Костерев, Сенька Волковский, Давыдка Дешевый

Свои клети в крепости имели также 9 женщин-вдов. Это Агрофена, жена Пашкова, Анна, жена Гаврилы мельника, Авдотья, жена Михаила Попова, Матрена, которая живет в Успенском монастыре, другая Матрена, жена Ждана Лубьева, Агафья, жена Ивана Лубова, Марья, жена Гриши Парихина, Аника, жена Микулы Красного, неизвестная по имени вдова, жена Марка Кочековского.

Здесь же в крепости находились 14 церковных и монастырских клетей. Они принадлежали церкви Козьмы и Дамиана, церкви Успения Пречистыя, церкви Преображения Спасова. Владельцами таких клетей были также фоминский дьячок Василий Михайлов сын Сохин, спасский дьячок Михалко Толстой, спасский поп Федосий Корнилов, спасский монастырский крестьянин Лаверка Кислицин, сергиевский дьякон Яким Левонов, старец богадельной избы Михаил Гринцов, сергиевский поп Константин Микулин сын Обакшин (далее говорится о его пустой «избишке»), сергиевский поп Иван Минин, успенский казак Родивошка, который живет в Успенском монастыре, игуменья Успенского монастыря Оносья.

Ничего не говорится о клетях церквей евангелиста Луки, св. Петра, св. Пятницы.

Больше всего клетей в крепости имели дворцовые крестьяне, которым их принадлежало около 30. Первое место принадлежит дворцовым крестьянам Спасской губы (не менее 9 клетей). Один из них, Ульян Сарпунов, имел целых 4 клети (из них одну, по-видимому, совместно с Уша-

ком Сарпуновым). Возможно, некоторые братья имели совместно одну клеть на двоих. Это Павлик Бучнев с братом и Архип Макаров с братом. Другими владельцами клетей были дворцовые крестьяне Спасской губы Гаврилка Якимов сын Лысков, Иванка Волковский, Васька Подлуткий.

Свои клети в крепости имели 4 крестьянина Никольской губы – Осип Пучков, Гаврилка Алексеев сын Балакиревский, Гриша Иванов сын Мякухин, Иванка Кисляков. 3 клети принадлежали дворцовым крестьянам Кузьмодемьянской губы. Это Софон Федоров Быков, Костя и Наум Горбовские, Тит Решетов. Также 4 клети принадлежали дворцовым крестьянам «с утретка» (Макаров, Павел Офремов, Олферка Кролев и Гриша Рогаткин).

Остальные дворцовые крестьяне, владельцы 8 клетей, – это Сава Тарасов, Павел Офремов, Левошка и Офонаска Созоновы, дети Железного Бобу, Девонис Григорьев сын Пух, Иванка Кисляков, Сенька Большинский, Осип Харин.

6 клетей принадлежали посадским людям. Это Олексейка Болдин, торговый человек Меньшик Якушев Доев, Лукьянко Степанов, Адам Лашковский, Кузьма Горбовский, Максимка тележник.

Известен еще владелец – Гришка Иванов сын седельников, бобыль из стрелецкой слободы.

О статусе остальных владельцев сказать трудно. Это Тереха Максимов Хонев, Исачка Кирилов сын таможник, Васька Меселка.

Кроме перечисленных 137 осадных мест и клетей в крепости было 197 пустых мест, «а людей у них нет».

Посад города Опочки: дворы жителей, огороды, нивы и пожни, их владельцы[48]

Теперь разберем, где же жили все эти люди, а также другие жители Опочки, кто не имел клетей в крепости.

Западнее крепости находился еще один островок, где были огороды, а далее на левом берегу Великой – часть посада, который назывался Завеличье (так же как и в Пскове). Здесь, на Завеличье, находилась церковь св. апостола Фомы. В описании упоминается на Завеличье только один двор Гаврилы Чирикова (было ранее дворовое место Федора Чирикова). Также на Завеличье у церкви святого Фомы жил один из молодых людей Олеша Болдов (имел тяглый двор).

[48]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 399–408.

Население Опочки селилось в основном на восточном (правом) берегу реки Великой.

Севернее крепости находилась небольшая Кузьмодемьянская слобода с церковью св. Козьмы и Демьяна. В момент описания она была пуста, писцы указали имена 8 прежних хозяев, в том числе кузьмодемьянского попа Константина, церковного сторожа, ведерника, мясника, сапожника и других людей.

Воротницкая улица на Выползове (13 дворов) оправдывала свое название. Здесь жили 4 воротника – Осипко Гаврилов (Мурза?), Сенька Юрьев (сын Сидяки или Седун), Иванко Данилов (Гадов?), Онкудинко Селиверстов (Селиванов). Также здесь имели дворы 4 пушкаря – Мурашко таможник, Левка Максимов, Кирилко Мартынов, Тимошка Иевлев. Дворы на Воротницкой улице имели 3 церковнослужителя – сергиевский дьякон Яким Левонтьев, пятницкий дьячок Левка Кирилов, кузьмодемьянский дьячок Ермолка Власов. Остальными жителями Воротницкой улицы были стрелец Сенька Баба и казенный плотник Трофимко Семенов.

Восточнее крепости находился Успенский женский монастырь, а за ним – Никольский мужской монастырь и Никольская большая улица (потом после Смуты она станет Никольской слободой). Здесь были 4 двора церковнослужителей – это спасский поп Федосей Федоров, пятницкий поп Меньшик Якимов, лукинский поп Федор Юрьев и сергиевский дьячок Ондрюша Ульянов. Остальными жителями Никольской большой улицы были 2 пушкаря (Иванко Родионов и Киприянко Матвеев), а также молодой тяглый человек Куземка Панкратов. Среди жителей Никольской улицы упоминается городовой приказчик Меньшой Фофанов (ему дано под двор место прежнего городового приказчика Алексея Неклюдова).

На Вороноцкой улице (через нее шла дорога на Вороноч) находился двор сергиевского попа Алексея Юрьева. Здесь же были 10 оброчных дворов и одно дворовое место (оброк платят по 40 алтын с двора и с места по гривне). Владельцами таких оброчных дворов и места были 7 стрельцов и 4 пушкаря. Это стрельцы Мурашка Иванов, Зеновко Перхов, Тимошка Иванов, Тимошка Осипов, Исачко Рубцов, Назарко Иванов, Гриша Федоров; пушкари Алеша Потапов, Петруша Макаров, Михалка Максимов, Тимошка Еремеев.

С севера к Никольской улице примыкала улица Пушкарская, которая шла от Вороноцкой улицы к реке Великой. Именно на ней жили многие пушкари Опочки (всего здесь имели дворы 13 пушкарей). Это

Калинка Титов, Петрушка Петров, Миша Федосов, Петрушка и Федька Щиберевские, Юшка котельник, Гаврилка Попов, Иванка Михайлов, Иванко Бисееровской, Тимошка Иванов сын Голубов, Сенька Ильин сын Смык, Михалко Сестреев, Сидорко Харитонов сын Волк. Здесь же жил некий Демешка Федоров (статус не указан).

Южнее Никольской улицы находилась Стрелецкая слобода. Здесь жили сотник стрелецкий Меньшик Васильев сын Глотов и 100 стрельцов.

Возле Стрелецкой слободы находился Федосов конец, который с юга был ограничен рекой Жидовкой, впадающей в реку Великую напротив южной стены крепости. Здесь имели дворы сергиевский поп Иван Минин, спасский дьячок Васька Никитин, земский дьячок Самуха Семенов и пушкарь Федька Теренин.

Южную (юго-восточную) окраину Опочки занимал Жидовский конец, где находилась церковь св. евангелиста Луки[49]. Здесь жили в основном церковнослужители (5 дворов) – никольский дьячок Самулька Максимов, сергиевский пономарь Лавер Ортемов, петровский дьячок Федька Иванов, успенский дьячок Иванко Есипов, успенский пономарь Никифорко Перферьев. Остальными жителями Жидовского конца были казенный плотник Иванко Кур, казенный кузнец Гриша Овсевьев, стрелец Федька Скуратов. Всего – 8 белых нетяглых дворов.

Здесь же находились 5 тяглых дворов молодых людей. Это Юшка Кузьмин, Савка Сопцов, Ефим Ленин (Леницын), Петрушка Иванов, Лукьянко Степанов.

На посаде было также 13 черных дворов, хозяева которых платят оброк «по рублю и по 10 алтын, по гривне з двора». Платить они должны до тех пор, «покуда те дворы черные люди ис тягла не возмут». В основном эти дворы находились на Жидовской улице (8 дворов). Владельцами таких черных дворов были губной староста Семен Карповский, стрельцы Жданко Калинин и Савка Михайлов, пушкари Алеша Кирилов и Петруша Щеребицкой, успенский поп Иван Степанов, петровский поп Спиридон Иванов, сергеевский пономарь Лавер Ортемов. Остальные 5 черных дворов находились в двух переулках. Хозяевами таких дворов были пушкари Алеша Григорьев и Калинко Иванов, стрелец Микита Васильев, проскурница Дарья Елисеева и фоминский дьячок Васька Михайлов сын Сохин.

[49]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 399–401.

Всего на посаде было 45 белых нетяглых дворов, где жило 45 человек, 3 дворовых места – 3 человека, 19 пустых мест, 13 черных дворов, 7 дворов молодых людей.

Кроме 13 живущих черных дворов на посаде писцы указали также 13 пустых черных дворов и порожжих мест (в основном на Жидовской и Федосовой улицах и в переулке), в том числе здесь раньше жили два овчинника, два калачника, тележник, кисельник (приводятся их имена).

Если про бобылей слободки Никольского монастыря известно, что их было 17 дворов, то трудно выяснить численность монахов и монахинь двух монастырей Опочки (мужского Никольского и женского Успенского).

И. П. Бутырский, ссылаясь на писцовую книгу 1572 г. З. И. Плещеева и А. М. Старого, отмечал, что в 1572 г. *«в Успенском женском монастыре значилась настоятельницей игуменья Зиновия и при ней двенадцать черниц (монахинь), которые жили в 9 кельях, а игуменья в 10-й».* В 1573 г. в Никольском мужском монастыре был игумен Игнатий[50]. Кто был игуменом этого мужского монастыря через 12 лет, неизвестно, а в женском монастыре игуменьей была Оносья.

По старому письму было на Опочке 172 черных тяглых двора, 174 человека. За годы Ливонской войны убыло 165 дворов, 167 человек черных тяглых людей, осталось 90 пустых дворовых мест. К Опочке можно применить слова С. Ф. Платонова о замене мирного тяглого населения в Псковских пригородах, *«лишенного всякого влияния на жизнь и торговлю Пскова по своей бедности и маломочности»*, на служилых людей по прибору (стрельцов, пушкарей), об их организованности. Эта военная организация помогла служилому населению пригородов *«в Смутную пору сыграть заметную роль в псковских междоусобиях»*[51].

Некоторые исследователи считают, что в псковских пригородах накануне Смутного времени отсутствовала местная служилая стрелецкая корпорация, а стрелецкие гарнизоны состояли из псковских стрельцов-годовальщиков, которые направлялись из Пскова в эти пригороды на один-два года, а затем происходила их замена. Однако в источниках Смутного времени можно встретить словосочетания «Красногорские стрельцы» или «Гдовские стрельцы», что предполагает существование местной служилой стрелецкой корпорации. По-видимому, в псковские пригороды в конце Ливонской войны или сразу после ее завершения

[50] См.: *Бутырский И. П.* Указ. соч. С. 96; *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 59.

[51] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 64.

были направлены для постоянной службы стрельцы, составлявшие гарнизоны ливонских крепостей, и некоторые из них были переданы полякам и шведам уже после окончания Ливонской войны в соответствии с условиями Ям-Запольского и Плюсского перемирия. Кроме того, гарнизоны псковских пригородов пополнили стрельцы из русских крепостей в восточной Белоруссии, сумевшие спастись во время захвата этих крепостей войсками Стефана Батория в 1579–1580 гг. Трудно сказать, из какого ливонского или литовского города прибыли в Опочку стрелецкий сотник Меньшик Васильев сын Глотов и его 100 стрельцов.

На посаде Опочки также размещался двор кабацкий, точное место которого определить трудно.

Здесь же на посаде находились лавки и лавочные места торговых людей, где торговали солью, хлебом, калачами, москотиньем (крашеной тканью). Всего было 19 лавок и 31 пустое лавочное место. Раньше владельцы лавок платили оброк 36 алтын, а теперь из-за разорения – только 16 алтын (убыло оброку 20 алтын).

Среди владельцев лавок упоминаются дворцовый крестьянин Ульян Сарпунов (имел целые 3 лавки), 2 пушкаря (Алеша Кирилов и Иванка Родионов), 3 стрельца (Кирил Елисеев, Федька Иванов, Лазарь Иванов), 3 воротника (Иванка Гадов, Сенька Седун, Осип Мурза), 3 служителя церкви (фоминский дьячок Васька Михайлов, успенский поп Федосий Корнилов, сергиевский дьякон Яким Левонов) и 5 других посадских людей (Ефим Леницын, Скурат Селиванов, Ивашка Осипов, Юшка Кузьмин и вдова Матрена Федорова)[52].

Многие жители Опочки имели свои огороды. Всего их было 62 – 8 безоброчных и 54 оброчных. Это были раньше места дворовые черные, а теперь, во время описания, писцы отметили, что «пашут их огородами опоцкие посадцкие люди».

5 безоброчных огородов принадлежало наместнику Федору Лихареву, «на них пашут посадские люди», а 3 остальных – церквам евангелиста Луки, апостола Фомы и богадельным старцам.

Из 54 оброчных огородов большинство находилось на Жидовской улице (24 огорода). Среди владельцев огородов на этой улице упоминаются церковнослужители – никольский дьячок Самулка Таможенник, сергиевский пономарь Лаверка (Лаврик) Ортемов (2 огорода), успенский поп Иван, успенский дьячок Михайло Толстоухов, петровский поп Спиридон Иванов сын Волковский. Из «молодых» черных тяглых людей

[52]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 401–402.

владельцами огородов здесь отмечены Лукьянка Степанов (имел целых 3 огорода), Ефим Александров сын Леница (Ленин, Леницын), Савка Сопцов. Огороды на Жидовской улице имели также стрелец Федька Иванов, пушкарь Олеша Кирилов, казенный плотник Ивашка Кора, городовой приказчик Меньшой Фофанов. Остальные владельцы – Сенька Юрьев, Лаверка Сопцов, Иван Яковлев, Онисим Ондреев, Володька Лутьянов, Юшка Кузьмин сын Лапы, Алексей Тимофеев, калачник Первуша Иванов и Филип Павлов.

Второе место по числу огородов занимает район Завеличья у церкви апостола Фомы. Здесь было 11 огородов. В основном они принадлежали стрельцам (4 огорода) и пушкарям (2 огорода). Это были стрельцы Жданко калачник, Федька Скуратов, Савка Михайлов и Исачка Рубцов, а также пушкари Алеша Жданов и Алеша Кирилов. Осальные владельцы – дворцовый приказчик Игнатий Тургенев, успенский дьячок Иванка Осипов, спасский дьякон Василий Никитин, дворцовый крестьянин Осип Харитонов и Алеша Болдов.

На островке на реке Великой напротив крепости было 7 огородов. Их «пашут» спасский дьякон Василий Никитин, успенский пономарь Миша Перхов, пушкарь Петруша Жданов, Никита Петров сын Макаров (2 огорода), Алеша Болдов, Денис Пуховик, причем у Алеши Болдова и Василия Никитина это уже вторые огороды.

6 огородов находились в Пундине переулке. В основном они принадлежали пушкарям. Это Алеша Григорьев, Федька Теренин, Иванка Родионов, Тимошка Еремеев. Остальные 2 владельца – это Васька Григорьев, Филип Терентьев.

На Никольской улице было 4 огорода. Их владельцами были спасский поп Федосий Корнилов, сериевский дьякон Яким Левонтьев, Якуш Кузьмин сын Лапы и Алеша Савин сын Сыромятников (крестьянин Василия Неклюдова).

Еще 2 огорода находились на Федосовой улице. Они принадлежали земскому дьячку Самухе Семенову и сергиевскому попу Ивану Минину.

Со всех этих 54 огородов (с их владельцев) взимался оброк в размере 4 рубля 32 алтына 3 деньги[53].

Следует отметить, что огороды сильно отличаются по своим размерам. Одни владельцы имеют небольшие огороды, другие – довольно значительные. Соответственно, и размеры оброка разные, и в среднем они намного выше, чем оброк за лавки. Если оброк за лавки варьируется

[53] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 402–404.

в размере 1–2 алтына то оброк за огороды может быть как 2 алтына (минимальный), так и пол-полтины и даже 10 алтын.

Описание оброчных и безоброчных нив, пожней и их хозяев, так же как и перечень хозяев огородов, позволяет уточнить имена жителей Опочки, которые могли быть пропущены или неверно написаны при перечислении дворов и житниц в крепости. Количество нив может служить признаком состоятельности человека, характеризовать его хозяйственную деятельность. На все нивы и пожни оброк положен деньгами. Нивы измеряются в четях и осьминах, пожни – в копнах. Всего отмечено 84 оброчные и 26 безоброчных нив.

Первое место по количеству нив и пожней занимают угодья монастырские, церковные и их служителей. Только церкви и монастыри имели, кроме оброчных, значительное количество безоброчных нив. Всего у них было 26 безоброчных и 24 оброчные нивы.

Из 26 безоброчных нив первое место по количеству занимает Никольский монастырь, который имел 3 нивы собственные, 3 совместно с женским Успенским монастырем и 3 – совместно с Кузьмодемьянской церковью. 2 нивы и пожню имел Успенский монастырь (в дополнение к 3 совместным с Никольским монастырем).

3 нивы принадлежали церкви Сергия Чудотворца, по 2 нивы имели церкви апостола Фомы, святого Петра, Кузьмодемьянская церковь (также в дополнение к 3 совместным с Никольским монастырем). По одной ниве имели церкви Пятницкая, евангелиста Луки, богадельные старцы, и была еще 1 скудельницкая нива.

По количеству оброчных нив церкви, монастыри и их служители также стояли на первом месте – они имели 24 оброчные нивы.

Больше всего оброчных угодий было у Никольского монастыря (8 нив). Успенский женский монастырь имел две нивы, а также лужок. Кроме того, для этого монастыря, как и в случае с оброчными нивами (видимо, из-за нехватки мужских рабочих рук), было характерно иметь совместные нивы с другими владельцами (4 нивы), в том числе с Сергиевской церковью и с воротником Иваном Гадовым. Одна нива принадлежала церкви Козьмы и Демьяна. Упоминается также нива Преображения Спасова. Владельцами оброчных нив были петровский дьячок Федька Обросимов (нива и пожня), спасский дьякон Василий Свиньин (2 нивы и пожня), спасский дьячок Михаил Толстоухов, сергиевский поп Иван Минин (нива и овин).

Церкви апостола Фомы, Параскевы Пятницы, евангелиста Луки и святого Петра имели только безоброчные нивы.

На втором месте среди владельцев нив и пожней стоят пушкари. 17 пушкарей в сумме имели 28 оброчных нив. Особо следует выделить пушкаря Мурашку таможникова. У него было 6 нив, овин и лужок. Некоторые пушкари имели по 2–3 нивы, среди них Калинка Митин (3), Петруша Жданов (3), Гаврилка Попов (2), Тимошка Голубов (2 нивы и пожня). Большинство пушкарей имели по одной ниве. Это Федька Щеберевский, Алеша Пышнев, Петруша Осипов, Никифор Новиков, Иванка Мужилов (совместно с неким Гаврилкой Шумиловым – нива и пожня), Михал Ханев (нива и пожня), Калинка Иванов, Федька Ханев, Алеша Потапов, Михалка Сестреев, Кипр Матвеев, Гаврилка Шелимов.

В сравнении с пушкарями стрельцы имели намного меньше нив. Среди владельцев упоминаются только 5 стрельцов, которые в сумме имели 6 нив. Это Прошка Савин (2 нивы, 1 пожня), Кирил Олисов, Сенка Бедра, Осип Попов и Зеновка Перхов. По одной ниве имели воротник Иванко Гадов (в дополнение к совместной), дворцовый крестьянин Ульянка Сарпунов.

Остальные 24 оброчные нивы имели около 20 жителей Опочки и окрестных мест. Среди них помещичьи крестьяне Аргун (человек Шибана Неклюдова), Олешка (крестьянин Василия Неклюдова). Владельцами нив были и женщины. Это жена Федьки Угарина (нива и пожня), вдова Анница, жена Микулы (2 нивы и 2 пожни)

Статус многих владельцев нив указать трудно. Среди них – Селиван Нестеров (3 нивы), Мельшик Одоев (2 нивы), Ортюшка Скуратов (2 нивы и лужок), Кузьма Вошков (2 нивы и пожня), Сава Палехнов (2 нивы), Калинка Бухнов, Кирил Алексеев сын Колпачник, Савка Харитонов (нива с овином), Ульянка Васильев, Ульянка Сопцов (нива с овином), Ждан Федоров, Муха Семенов (нива и пожня),

Всего писцы отметили 84 оброчные нивы (указаны размеры пашни доброй, средней и худой земли), сена 230 копен. При описании нив часто указывались прежние владельцы, которые уже умерли. Общий оброк со всех нив составил 13 рублей 2 алтына. Раньше (по старому письму) было оброку 12 рублей и 7 алтын. Видим, что прибыло оброку 27 алтын. Но, несмотря на то что сумма оброка за нивы даже несколько выросла, возле Опочки имелось 10 пустых нив и 2 пожни, их никто не взял на оброк. Они принадлежали ранее 7 жителям Опочки[54].

[54] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 404–408.

Помещичье землевладение в Опочецком уезде[55]

Теперь рассмотрим административное деление Опочецкого уезда и выясним, где находились земли местных помещиков. В Псковской земле, в отличие от пятин Новгородской земли, уезды делились не на погосты, а на губы. В частности, в Опочецком уезде упоминаются следующие губы (их всего 13): Никольская посадская, Богородицкая с Богородицким утретком, Ильинская, Никольская на Кутке, Покровская, Спасская, Воскресенская, Каменская, Синовецкая, Черницкая, Егорьевская Верхняя, Егорьевская Нижняя и Кузьмодемьянская.

Крупными помещиками в Опочецком уезде были Неклюдовы. Это был целый семейный клан – сыновья Алексея Неклюдова Василий, Михаил, Шибан и Иван. По-видимому, старшим из них был Василий Алексеевич Неклюдов. Он владел поместьями в 4 губах (в том числе одним сельцом). Кроме того, у него были совместные с братьями поместья (с Михаилом и Шибаном). У второго по старшинству Шибана Неклюдова кроме совместного с братом Василием были еще собственные поместья в трех губах, в том числе одно сельцо. Третий из братьев, Михаил, имел поместье в одной губе, а также совместное с братом Василием. Самый младший, Иван Неклюдов, имел поместье в одной губе.

Многими поместьями владел другой родственный клан – семейства Карповских. Костя Семенов Карповский имел поместья в трех губах, а Петр Иванов Карповский – в двух. Опочецкий губной староста Семейка Захаров Карповский имел поместье в одной губе, зато его родственник (брат?) Юрий Захаров Карповский с сыном Иваном владел поместьями в двух губах. При этом Юрий Карповский служил далеко от Опочки. Он был городовым приказчиком в Изборске. В разрядных записях за 1589/1590 г. Семейка и Юрий Карповские указаны в качестве осадных голов в этих же городах – Опочке и Изборске[56].

Опочецкими помещиками были также братья Андрей и Василий Петровы Ногины, каждый из которых владел поместьями в двух губах. У Василия Ногина было даже одно сельцо.

Довольно значительные земельные владения в 4 губах Опочецкого уезда (в том числе одно сельцо) имел Воин Гаврилов Ордин-Нащокин. Через несколько лет, в 1589/1590 г., мы видим его головой на Себеже[57].

[55]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 409–414.

[56]Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. С. 434.

[57]Там же.

Некий Третьяк Васильев Ломаков имел поместья в 4 губах, в том числе одно сельцо. У Ивана Ивановича Сновидова поместья располагались в двух губах, среди его поместий также упоминается сельцо. Афанасий Иванов Мотякин имел сильно разоренные поместья в двух губах Опоцкого уезда, это были в основном пустоши. Ранее у него были целых два сельца (Кочатыгово и Дорожки), которые превратились теперь в пустоши.

У остальных четырех помещиков владения находились только в одной губе, но они были разными. Так, Гаврила Никитин Чирков имел одно сельцо (Марково), 10 деревень и 27 пустошей. Городовой приказчик Семейка Меншик Фофанов имел 9 деревень и 14 пустошей, сотник стрелецкий Меншик Васильев Глотов только 10 пустошей, а Федор Арапов Аминев – одну деревню (Омосово) и 13 пустошей.

Следует отметить одну особенность, характерную для Покровской и Спасской губ. После Ливонской войны именно сюда устремился поток населения, мы видим, что эти земли в Покровской и Спасской губах активно осваиваются. В других районах (губах) постоянно читаем, что «деревня (или пустошь), что раньше было селом» – это следы разорения. В Покровской губе наоборот – у Василия Неклюдова сельцо, «что была деревня Бараусово», у Шибана Неклюдова сельцо, «что была деревня Старое село»; у Ивана Сновидова сельцо, «что была деревня Ильино», в Спасской губе за Воином Нащокиным сельцо, «что была деревня Погорелое Семеново».

В Кузьмодемьянской губе поместных земель (сел, деревень, пустошей) не было, здесь мы видим только церковные и монастырские земли (пустоши).

В окрестностях города, в Никольской, Богородицкой, а также в Егорьевской губе 1 деревня и 7 пустошей принадлежали Опоцкому яму.

Писцы отмечали, что в Опочке имелось 1644 четверти порожних поместных земель.

Церковное и монастырское землевладение в Опочецком уезде[58]

В 9 из 13 губ Опочецкого уезда имелись земли, которые принадлежали либо монастырям и церквам Опочки, либо местной церкви данной губы, либо удаленным псковским церквам и монастырям. Это были в основном пустоши, только Спасской церкви принадлежала одна деревня в Ильинской губе.

[58]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 409–414.

Больше всего пустошей имели местные Никольский и Успенский монастыри, а также Спасская церковь.

Никольский монастырь имел земли в 5 губах, а Успенский – в 4 губах.

В некоторых губах имели пустоши местные церкви. К примеру, в Черницкой губе – местная церковь Покрова с Черниц, в Синовецкой губе – Георгия с Синовиц, в Ильинской губе – местная церковь Ильи Пророка и церковь Георгия с Вороноча, в Воскресенской губе – церковь Покрова с Богородицкой губы.

Псковские церкви и монастыри также имели свои земли в Опочецком уезде (церковь св. Стефана с Завеличья имела пустоши в трех губах, церковь Богоявления – в Синовецкой губе, Воскресения с Полонища – в Покровской и Воскресенской).

В Богородицком утретке имели пустоши монастыри Алексеевский и Никитский из Пскова, Введенский из Кутского устья.

Список церковных земель будет полным, если добавить, что в Покровской губе находились земли «Спасские что в Вороначе, ... Покрова Пречистыя, что в Коложи, ... да Похвалы Пречистые с Романихи».

Однако если сравнить монастырское и церковное землевладение в Опочецком и в Островском уездах, то увидим, что ближайший к Пскову Островский уезд имеет намного больше монастырских и церковных пустошей и селищ, принадлежавших церквам и монастырям Пскова, чем удаленный Опочецкий уезд (хотя общие площади двух уездов почти одинаковы).

Владельцы государевых мельниц и оброчных пожень в Опочке и уезде[59]

Этими мельницами и пожнями владели посадские и волостные люди. В Опочке было к тому времени две мельницы. Одна находилась на реке Великой у ямского двора. Она была на оброке за старостой Спасской церкви Перфиром Левонтьевым. Там же был двор мельника (имя не указано). Вторая мельница располагалась за рекой Великой. Ранее эту мельницу держал на оброке Ждан Лувьев (Лубьев), после которого она перешла к его сыну, пушкарю Петру Жданову Лувьеву. По-видимому, именно эта мельница приносила наибольший доход, судя по оброку. Если за мельницу и за двор староста Спасской церкви платил оброк полтора рубля, то пушкарь Петр Жданов только за мельницу платил оброк 3 рубля и 25 алтын.

[59]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 414–416.

Государевы оброчные пожни на Опочке принадлежали дворцовому крестьянину Ульяну Сарпунову (три пожни), Василию Михайлову Анисимову и петровскому дьячку Федьке Иванову. Нам мало что известно о служителях церкви св. Петра в крепости. Этот дьячок Федька Иванов упоминается впервые. Ульян Сарпунов часто встречается в описании. В одном месте подчеркивается, что Ульян Сарпунов – Омельянов брат, в другом говорится про Ульяна Омельянова Сарпунова.

Остальные государевы оброчные пожни (24) находились в Кузьмодемьянской губе. Возле посада на реке Великой выше ямской деревни Бисерово была пожня пушкаря Петра Жданова Лубьева. Большинство таких угодий принадлежало другим пушкарям. Это были Ждан Федоров таможник, Мурашка Кирилов таможник, Олешка Кирилов Алексеев, Алексей Григорьев Пышнев, Иванка Михайлов Кучуговский, Юшка Филипов Котельников, Петруша Шиберовский, Гаврила Михайлов Шалимов, Онкудинко Селиванов Нестеров – всего 10 пушкарей.

Три пожни имел Ульян Омельянов Сарпунов, одну – другой дворцовый крестьянин, Осип Харитонов. Среди владельцев таких угодий упоминаются стрелец Илейка Филатов, воротник Осип Гаврилов Мурза, земский дьячок Самуля (Самуха) Семенов, два посадских человека (Лавр Потафьев Сопцов и Гриша Тарасов Веселка), две вкладчицы Успенского монастыря (Матрена Федорова и Марья Васильевна Угораниха). Среди владельцев пожней упоминается некий сергиевский поп Иван Кузьмин (раньше эта пожня принадлежала спасскому попу Мине), а также другой сергиевский поп, Константин Микулин. Ранее упоминался сергиевский поп, Константин Микулин сын Обакшин или Башин, но при этом говорилось о его пустой избе (он умер или уехал). Сергиевский поп Иван Кузьмин ранее нигде не встречался, нам известен сергиевский поп Иван Минин, говорилось также про двор сергиевского попа Алексея Юрьева. Возможно, что Иван Кузьмин и Иван Минин – это одно и то же лицо.

Список владельцев пожней завершает успенский пономарь Михаил Парфеньев Леонтьев (ранее она принадлежала его отцу – пречистенскому пономарю Парфению).

Видим, что и здесь среди владельцев пожней на первом месте стоит дворцовый крестьянин Ульян Сарпунов (целых 6 пожней). Еще 2 дворцовых крестьянина и все остальные владельцы имели по пожне. Больше всего их принадлежало пушкарям – 10 человек. На втором месте стоят церковнослужители – 4 человека, затем идут посадские люди – 2 человека, 2 женщины, стрелец и воротник.

Всего на Опочке *«2 мелницы да 29 пожен, оброку с мелниц и с пожен 9 рублев и 4 алтыны и 4 денги»*.

Далее упоминаются государевы пустые пожни, которые «были на оброке, а ныне пусты». Здесь особый интерес представляют имена прежних жителей Опочки, в том числе приводятся имена сергиевского попа Андрея Иванова, попа Мины Михайлова, Всего было 19 пустых пожен.

3 безоброчные пожни в Кузьмодемьянской губе принадлежали Спасской и Сергиевской церквам, а также Успенскому монастырю.

Упоминанием об этих безоброчных пожнях завершается описание Опочки и уезда писцами Мещаниновым-Морозовым и Дровниным[60], которое было выполнено в 1585 – начале 1586 г. Наместника Ф. С. Лихарева сменил уже в 1586 г. голова М. Перетрутов, а в 1587 г. в Опочку был назначен новый наместник В. А. Квашнин. В описании Опочки этих людей нет, указан только наместник Федор Лихарев. Это позволяет сделать вывод, что данное описание составлено до отъезда из Опочки Федора Лихарева.

Город Красный и Красногородской уезд в 1585–1587 годах

Каким же нам представляется Красный по писцовому описанию 1585–1587 гг.? Современный исследователь В. В. Калью одним из первых привел довольно подробные сведения из этого источника, указав имена многих жителей Красного и поместья в каждой губе Краснинского уезда[61]. Отметим, что ранее Н. Д. Чечулин, работая еще по рукописи задолго до публикации, разбирал только сам город, без уезда (характеристика поместного и церковного землевладения не являлось целью его исследования). Никаких имен жителей Красного Н. Д. Чечулин не приводил (кроме двух, и оба имени – с ошибками)[62].

В городе (крепости) был зелейный погреб с пушечным запасом. Здесь находились двор осадного головы Андрея Михайловича Хвостова, одна житница с государевым хлебом и 10 пустых житнических мест, дворовые места наместника и городового приказчика. Здесь же, в городе, ранее были житницы и клети местных жителей (детей боярских, пушкарей, стрельцов и посадских людей, а также попов, дьяконов, дьячков и пономарей). В описании этих житниц имена их хозяев не приводятся, видимо, все житнические места были пусты. Всего в крепости

[60] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 417.

[61] См.: *Калью В. В.* Указ. соч.

[62] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 98–100.

указано 211 пустых клетных и житнических мест. Здесь находились к моменту описания только 13 клетей. Они принадлежали красногорскому стрелецкому сотнику Василию Ивановичу Образцову, четырем пушкарям (это Обрамко Леонтьев, Иванко Щербак, Олекса Тюняков, Фомка Щербак), одному стрельцу (Федяйка Иванов) – итого 6 клетей. Пушкарь Обрамко Леонтьев – это Обрашко Леонтьев сын Стобырин, Иванко Щербак – Иванко Степанов сын Щербак, Олекса Тюняков – Олешка Тимофеев сын Тюняков, а Фомка Щербак – Фомка Степанов сын Щербак, видимо, родной брат пушкаря Иванки Щербака. Н. Д. Чечулин ошибочно посчитал стрельца Федяйку Иванова за пушкаря, поэтому писал о клетях 5 пушкарей, хотя в описании четко сказано «клеть красногородского стрелца Федяйка Иванова».

Остальные 7 клетей принадлежали местным церковнослужителям (никольскому попу Миките Иванову, спасскому попу Ивану Федотьеву и спасскому дьячку Грише Осипову), а также двум посадским людям (Левонке Макарову и Пиминке Бухне), одному дворцовому крестьянину Иванке Топырину и некоему Иванке Слушаевскому. В крепости, как видим, отсутствуют дворы жителей Красного и даже не говорится об осадных дворах, как в соседней Опочке. Все жители жили на посаде. Судя по значительному количеству пустых клетных и житнических мест внутри крепости (свыше 200) здесь и ранее не было дворов жителей, а вся площадь была занята этими житницами и клетями, предназначенными для обеспечения продовольствием воинских отрядов, направлявшихся в поход в соседнюю Ливонию[63].

Посад Красного состоял из Стрелецкой слободы, где жили стрелецкий сотник Василий Образцов и 100 стрельцов, а также 15 пушкарей и некоторые другие жители. Здесь же находились безоброчная «нароцкая» баня и «татинная» тюрьма.

15 пушкарей в такой маленькой крепости – это свидетельствует о наличии довольно значительного числа артиллерийских орудий в Красном. Пушкари жили на Псковской Большой улице (Иванко Степанов сын Щербак), в Стрелецкой слободе (5 пушкарей – Игнашко Левонов, Игнашко Андреев сын Лунев, Фомка Степанов сын Щербак, Обрашко Леонтьев сын Стобырин, Малафейко Гарасимов сын Стобырин). Игнашко Левонов – это пушкарь Игнашко Левонов сын Олферьев, который в описании указан как владелец лавки. Три пушкаря жили на берегу реки (Иванко Семенов сын Пузов, Олешка Тимофеев сын

[63] См.: Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 258–259.

Тюняков, Иванко Васильев сын Кросавин). Эта река в описании названа Сороть, но, по-видимому, здесь опечатка и имеется в виду река Синяя. Остальные шесть пушкарей имели дворы вдоль дороги, идущей от города к мосту (Конанко Иванов сын Осокин, Петруша Олферьев сын Лунев, Федька Тарасов, Федька Харитонов, Устинко Нестеров сын Рогоза и Онкудинко Офонасьев сын Осокин). Мост через реку Синюю, как видим, существовал уже в конце XVI в. Здесь же жил толмач Гриша Олфимов. Среди пушкарей мы наблюдаем в описании близких родственников (Щербаки, Луневы, Стобырины, Осокины).

Стрельцы и пушкари – это основное население Красного. Известен всего лишь один воротник Красного, Иванка Андреев Белодедов (у него не было своего двора, видно, он жил во дворе другого человека). Возможно, что другой воротник или другие воротники просто не указаны. Если действительно в Красном имелся только один воротник, это свидетельствует о наличии в то время только одних въездных ворот в крепости.

Добавим к числу жителей дворцового приказчика Андрея Пестова, толмача Гришу Олфимова сына Свечника, 11 человек духовенства, кроме того, старцев в 5 дворах и богадельной избе, тюремного сторожа и еще несколько человек. Вот и все население города.

На Голодной горе жили спасский поп Иван Федотьев, никольский поп Микита Иванов, спасский дьячок Гриша Осипов, проскурница Наталья Тимофеева. Здесь же дано место пятницкому попу (имя не указано), пятницкому дьячку Миките и пятницкому пономарю Родиону.

За рекой Синей жили спасский пономарь Микифор Иванов и спасский дьячок Микифор Ларионов (это уже второй спасский дьячок помимо указанного ранее Гриши Осипова). Здесь же находилось большое дворовое место наместника размером 53 на 37 саженей и кабацкий двор.

В стрелецкой слободе жили преображенский дьячок Микифор Ларионов и преображенский дьякон Артемий Иванов. В описании отделяют спасских церковнослужителей от преображенских. Микифор Ларионов указан дважды – как спасский дьячок и как преображенский дьячок, причем проживал он в двух местах. Не исключено, что это один и тот же человек. А может быть, здесь идет речь о разных церквах (Спаса Нерукотворного и Спаса Преображения) или Спасской церкви и Спасском монастыре, находящихся в разных местах (церковь внутри крепости, а монастырь – на посаде или наоборот)? Неслучайно здесь указаны два спасских дьячка.

Возле Перепечинского ручья было дворовое ямское место, а возле реки Синей – богадельная изба и 5 дворов старцев. Раньше в Красном

жили два ямщика – Миша Нестеров и Микитка Стелихин, они имели пожни в Спасской губе, свой ям, которому полагалось сена для лошадей 100 копен. Теперь этого ничего нет – ни яма, ни ямщиков, ни дворов, а пожни, которые были на оброке, «а ныне пусты ... их на оброк не взял нихто».

На посаде, а не в крепости, находилась также тюрьма (тюремный сторож Василий Харламов имел огород на Псковской Большой улице), а за рекой Синей – проезжий немецкий двор, где жил дворник Демешка Григорьев[64].

Таким образом, в Красном мы видим не менее трех церквей и монастырей – Спасскую (или Спасо-Преображенскую), Никольскую и Параскевы Пятницы. В одном месте говорится про «Никольский монастырь из Красного городка», в другом – «Николы чюдотворца с Красного городка с посаду». Самая первая известная церковь – Спаса Преображения, о которой говорится при описании событий 1502 г. После чудесного избавления от нашествия ливонцев в том же 1502 г. была построена церковь Параскевы Пятницы.

Добавим сюда еще монастырь Рождества Пречистыя, о котором часто упоминается в описании. В одном месте упоминается совместное владение «Преображенье Спасово да Рожества Пречистые из Красного», в другом – «Рожественского монастыря, что в Красном городе», в третьем – «Рожества Пречистые монастыря ис Красного городка».

После перечисления всех дворов и их хозяев писцы подвели общий итог: *«И всего в Красном городе и на посаде белых нетяглых: двор осадной головы, 2 двора поповых да место дворовое, двор дьяконов, 3 дворы церковных дьячков да место дворовое, двор пономарев, двор проскурницын да 2 места дворовые да 15 дворов пушкарских. И всего поповых и дьяконовых и дьяков церковных и пономарей и проскурницыных и пушкарей 23 дворы, а людей тож, да 4 места, а у них 4 человеки, да место наместнича пусто, да двор кабацкой».* В это число (23 двора) не входят дворы стрельцов в Стрелецкой слободе и двор осадного головы в крепости. Раньше, при прежнем описании, белых дворов было меньше, всего 18, теперь стало их на 5 больше[65].

Видим места компактного проживания жителей и размещения объектов в Красном. Это сама крепость на левом берегу реки Синей, Голодная гора, возле нее Псковская большая улица, идущая в северном направлении к Пскову. Стрелецкая слобода также находилась на левом берегу Синей, западнее или юго-западнее крепости. Никольский конец

[64] Сб. МАМЮ. С. 259

[65] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 259.

вместе с Никольским монастырем, по-видимому, находился на левом берегу.

На правом берегу Синей тоже располагалась часть посада. Здесь мы видим наместнический двор, рядом – кабацкий двор, дворы спасских пономаря и дьячка, что косвенно свидетельствует о расположении здесь Спасской церкви, немецкий проезжий двор, двор черного тяглого человека, огород стрельца, оброчные нивы и т. д. На правом берегу находились Бобровая гора, Печанская улица и Себежская Большая улица.

Служилое население по прибору (стрельцы и пушкари) сменило в Красном в 1570–1580-е гг. гражданское население. Ранее, в 1560-е гг., здесь было 90 черных тяглых дворов посадских людей, «да старые пустоты 53 места дворовые чорные» (у Н. Д. Чечулина – «56 мест старой пустоты»). Следовательно, еще при прежнем описании писцы указывали, что уже тогда не было 53 (или 56) дворов, а в конце 1550-х гг., когда происходило первое описание, в Красном было не менее 140 черных тяглых дворов.

Теперь, в середине 1580-х гг., осталось всего два черных двора посадских людей. Этими посадскими людьми были Иванко шапочник, живший на Большой Себежской улице, и Демешка Григорьев, двор которого находился за рекой Синей на берегу. Возможно, что во дворе каждого из них жил еще кто-то из числа людей, указанных в описании, владельцев клети, лавки, нивы или огорода.

Стрелецкой слободы при прежнем описании еще не было. Писцы специально отметили, что в сравнении с прошлым описанием *«прибыло в Красном на посаде белых 5 дворов да слобода стрелецкая»*.

Трудно сказать, из какого ливонского города прибыли в Красный стрелецкий сотник Василий Образцов и его 100 стрельцов. В писцовом описании Красного из сотни стрельцов указано всего около десятка имен. Это Фадейка Иванов, имеющий клеть в крепости, Федька Иванов, владелец оброчной лавки и огорода, 4 стрельца, имеющих общий огород на Псковской Большой улице (Сидорка Васильев, Родька Семенов, Онашка Обашихин, Ермолка Солодохин), стрельцы Корнилка Семенов и Родионко Данилов (каждый имел огород там же). Скорее всего, указанный ранее стрелец Сидорка Васильев имел еще отдельный огород за рекой Синей (а не другой стрелец, его полный тезка). Напомним, что все огороды, лавки, клети были оброчные, их владельцы платили оброк. Все это позволяет считать указанных стрельцов, как и стрелецкого сотника, не годовальщиками, а постоянными жителями Красного. Не исключен вариант, что в Стрелецкой слободе жили как постоянные стрельцы (несколько десятков человек), так и годовальщики из Пскова.

Следует отметить, что еще в самый разгар Ливонской войны в Красном в разрядах в течение нескольких лет подряд указан стрелецкий голова Григорий Вельяминов, что предполагает наличие в составе гарнизона не одной, а нескольких сотен стрельцов.

На посаде в Красном имелось 7 оброчных лавок и 3 лавочных места, столько же (10) было пустых лавочных мест. Можно сказать, что после Ливонской войны торговля была восстановлена едва наполовину. Эти лавки и лавочные места принадлежали в основном пушкарям (Ф. Тарасову, Ф. С. Щербаку, И. С. Щербаку, И. Олферьеву), а также стрельцу Федьке Иванову, посадским Иванке шапочнику и Бухне Пиминову. В одном месте этот Бухна Пиминов (или Пиминка Бухна) назван посадским человеком, в другом – дворцовым крестьянином. Среди владельцев лавок указаны также псковичИванка Тимофеев, приезжий человек Иванка Оникеев сын Ванда, Мишка Петров сын Овчинников и дворцовый крестьянин Тиша Клементьев. Некоторые владельцы имели по две лавки, другие – одну лавку на двоих.

Бухна Пиминов имел лавку и лавочное место. Пушкарь Фомка Степанов (Щербак) имел лавочное место совместно с дворцовым крестьянином Тишей Клементьевым, еще два пушкаря, И. Олферьев и И. С. Щербак, совместно имели одно лавочное место. Стрелец Ф. Иванов, пушкарь Ф. Тарасов, псковитин И. Тимофеев, И. Ванда, Мишка Петров сын Овчинников (так!) и Иванка шапочник имели каждый по лавке. Оброк с лавок и лавочных мест распределен был довольно равномерно почти везде (в 8 случаях по 4 московки, только одно лавочное место – алтын и одна лавка – 5 московок). Общий оброк со всех лавок и лавочных мест составил «7 алтын 3 денги»[66].

У Н. Д. Чечулина в тексте имеются неточности в подсчете и в имени владельца лавки. Он писал: «В Красном было еще 7 лавок и 3 лавки пустые (1 л. и 1 м. л. пушкаря, 1 л. стрельца, 2 л. и 1 м. л. черных людей, 1 м. л. дворцового крестьянина и по лавке – псковитина, приезжего и Митки Петрова Овсянникова); оброку с них шло всего 6 а. 3 д.»[67].

На посаде было 32 огорода (из них 29 оброчных и 3 безоброчных), которые принадлежали в основном пушкарям (15 огородов), стрельцам (5 огородов), никольскому и спасскому попам (огороды на Голодной горе), спасскому дьячку Микифору Ларионову. Среди владельцев огородов упоминаются осадный голова Андрей Хвостов (2 огорода), воротник Иванко Андреев сын Белодедов, толмач Гриша Олфимов сын Свечник, тюремный сторож Василий Харламов и некоторые другие люди.

[66] Сб. МАМЮ. С. 259–260.

[67] *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 99.

Большинство огородов располагалось на Псковской Большой улице (21 огород, в том числе 12 огородов пушкарей, 4 стрельцов, 2 стрелецкого сотника и по одному – тюремного сторожа, посадского Васьки Барши и бобыля Васьки Беляева). Остальные 8 огородов располагались в Никольском конце возле Никольского монастыря (осадного головы, богадельных старцев, дворцового приказчика, спасского дьячка, пушкарей).

2 огорода имел стрелецкий сотник Василий Образцов, два огорода – богадельные старцы. Один огород иногда мог принадлежать нескольким людям. Так, 4 стрельца сообща имели один большой огород на Псковской улице. Аналогично три пушкаря имели один общий огород в Никольском конце. Здесь же совместные огороды имели пушкарь с толмачем и воротник Иванко Белодедов с неким Офонькой Фоминым сыном Попова.

Не все пушкари имели огороды. Из известных 15 пушкарей огороды были у 12 человек, у некоторых из них – по два огорода, причем один свой, а другой совместный. Вообще не имели огородов Иванка Степанов сын Щербак, Олешка Тимофеев сын Тюняков и Федька Харитонов, зато первые двое имели клети в крепости – по-видимому, они занимались торговлей, были достаточно обеспеченными. А вот Федька Харитонов был маломощным, у него ничего не было.

За рекой Синей был только один огород, принадлежавший стрельцу Сидорке Васильеву.

Безоброчные огороды имели только богадельные старцы и осадный голова. Даже стрелецкий сотник Василий Образцов имел оброчные огороды. За один огород он платил оброк 4 гривны, за другой – 10 московок[68].

Что касается оброчных нив, находящихся около посада (12 нив и 2 пустоши), то их владельцами были другие люди. Это прежде всего Пиминка Онтонов (он же дворцовый крестьянин Бухна Пиминов). Ему принадлежало целых шесть нив. Три нивы имел посадский человек Демешка Григорьев (он же дворник Немецкого двора), две – спасский пономарь Микифор Иванов (он же имел две пустоши в Спасской губе) и одну ниву – пятницкий дьячок Митя Иванов. Н. Д. Чечулин, разбирая владения жителей Красного, писал, что «какой-то Воскресенской деревни Микитка Иванов» имел две нивы. В писцовом описании читаем: *«Две нивы воскресенские дрв. Микифорка Иванова, пашни худые земли 3 четверти, оброку 4 алтыны»*. Далее сразу в описании говорится про пустоши спасского пономаря Микифора Иванова. Будем считать,

[68]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 260–261.

что и две нивы какой-то Воскресенской деревни принадлежали теперь этому же пономарю Микифору Иванову, а не неизвестному *«Микитке Иванову»*.

Спасский Застенный монастырь владел 16 церковными нивами (*«за посадом нивы церковные Спаские из Застенья с Красного»*). Далее в описании подчеркнуто, что на посадской стороне в Никольском конце еще были *«нивы церковные спаские же изнутри города»*, всего их указано 22.

В общей сложности Спасский монастырь владел 38 нивами и одной мельницей (*«мельница спасская изнутри города на реке на Сине»*). Другая мельница принадлежала дворцовому крестьянину Михаилу Порозову. На реке Синей на Опоцком пороге началось восстановление старой мельницы. Это мельничное место было дано на оброк Кузьме Пучкову. Льгота ему была определена с сентября 1586 г. до сентября 1589 г. За эти годы он должен был поставить мельницу и двор, где будет жить. Еще две мельницы так и остались пустыми после разорения, их никто не взял на оброк и не стали восстанавливать. В итоге из пяти оброчных мельниц в Красном осталось только три.

Раньше в Петровской губе на озере Синем *«на немецком рубеже до Студеного Струги, и по всей Сине реке по Боранью лядину по великую струю по дубовую колоду...»* были рыбные ловли. Возможно, об этих местах шел спор с послом Ливонского ордена в 1471 г. Эти ловли запустели давно, еще до прежних писцов[69].

Особый интерес представляет выяснение поместного и церковного землевладения в Красногородском уезде. Уезд состоял из 7 губ, в 6 из них имели поместья местные помещики.

Известны 17 помещиков данного уезда. Это Богдан Угримов Аминев, Назарий Воронин, Афанасий Иванович Мотякин, Матвей Михайлович Нащокин (Ордин), Петр Иванович Огибалов, Семен Федорович Ямской, Гаврила Никитич Чирков, Захар Андреевич Неклюдов, Леонтий Семенович и Богдан Андреевич Ульяновы, Нечай и Степан Семеновичи Беклешовы, Степан и Матвей Михайловичи и Меншик Борисович Козодавлевы, а также Воронец и Соловец Леонтьевы Бедринские.

Сначала дадим характеристику поместному и церковному землевладению в каждой губе, а потом охарактеризуем в целом поместья каждого из 17 помещиков.

Восстановление поместного землевладения после нашествия Стефана Батория быстрее всего началось в **Борисоглебской губе**. Здесь

[69] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 261–263.

мы видим больше всего поместий, хотя все равно дважды встречаем фразы, свидетельствующие о разорении: «Пустошь, что ранее было сельцом». Упоминание селища, а также огромного количества пустошей тоже свидетельствует о разорении, однако сохранилось с прежних времен одно сельцо у Леонтия Ульянова. Кроме того, здесь мы наблюдаем и процесс возрождения, когда прежняя деревня, благодаря прибытию новых крестьян, превращается в сельцо (хозяин сельца – М. М. Козодавлев).

В Борисоглебской губе были поместья М. М. Нащокина, П. И. Огибалова, Л. С. Ульянова, С. М. и М. М. Козодавлевых, В. Л. и С. Л. Бедринских. Всего у этих 7 помещиков было 2 сельца, 4 деревни, 92 пустоши, кроме того, 4 пустоши «припущены в пашню».

В этой же губе больше всего пустошей церковных и монастырских. Среди них – общая пустошь, принадлежавшая Спасо-Преображенскому монастырю и монастырю Рождества Пречистыя в Красном. Остальные пустоши и селища в этой губе принадлежат псковским церквам и монастырям (всего перечислено 12), а также некоторым церквам, находившимся в Красненском уезде (Бориса и Глеба на реке Синей, Спаса Преображения с Грив и Исаевой пустыни). Все церкви и монастыри в этой губе имели 21 пустошь и два селища.

В **Покровской губе** имели поместья С. С. Беклешов и Б. А. Ульянов – им принадлежали 2 деревни и 26 пустошей. Из церковных владельцев в этой губе указаны Никольский монастырь в Красном (2 пустоши) и местная церковь Покрова Пресвятой Богородицы с Покровского погоста (4 пустоши) – всего 6 пустошей.

В **Никольской Дрецкой губе** были поместья М. Б. Козодавлева, А. И. Мотякина, Б. У. Аминева, Г. Н. Чиркова и Б. А. Ульянова. Всего у них было 6 деревень и 67 пустошей. Церковные пустоши (их всего 4) принадлежали Никольскому монастырю с Опочки, Рождества Пречистыя с Красного, местной церкви Николы Чудотворца на погосте и одной псковской церкви.

В **Ключицкой губе** – поместья Н. С. и С. С. Беклешовых, Л. С. Ульянова, С. М. Козодавлева, З. А. Неклюдова. Здесь же были даны земли вдовам – Акулине, жене Игнатия Бедринского и Василисе, жене Милюги Бедринского, ее сыну Богдану и дочери Наталье. Всего в этой губе у помещиков и вдов имелись одно сельцо, 6 деревень и 110 пустошей и 1 пустошь припущена в пашню.

Со вдовами здесь не все ясно. В описании четко сказано: *«За вдовою Окулиною за Игнатьевою женою Бедринского сельцо Рогаткино да 18 пустошей»*. В следующем абзаце читаем: *«За вдовою Василисою*

за Малюгиною женою Бедринского, да за ее сыном за Богданом да за ее дочерью за Натальицею пустошь Матфейково, Лахнова гора, всего 33 пустоши»[70].

При описании городища Велья и его уезда выясняется, что в Борисоглебской губе этого уезда *«за вдовою за Окулиною за Игнатьевою женою Бедринского»* числится пустошь, *«что ранее была сельцо Горючково»* (всего 10 пустошей), а за Богданом, за Малюгиным сыном Бедринского – пустошь Терехово (всего 10 пустошей и 3 селища).

В Михайловской губе этого уезда *«за вдовой за Окулиною за Малюгиною женою Бедринского да за сыном ее за Богдашком пустошь Ожегово, всего 8 пустошей»*[71].

Похожая запись о ее владениях в Граинской губе этого уезда: *«За вдовою за Окулиною за Малюгиною женою Бедринсково да за сыном ее за Богдашком пустошь Карпово Тереха Ермолина, всего 8 пустошей».*

Владения вдовы Акулины отмечены и в Кузьмодемьянской губе этого уезда: *«За вдовою за Окулиню за Малюгиною женою Бедринского пустошь Павлово, всего 3 пустоши»*[72].

Про вторую вдову, Василису, кроме отмеченного ранее, ничего не сказано. Будем считать, что Игнатий и Малюга Бедринские – это один и тот же человек. Другие варианты – было две Акулины либо у Малюги было две жены, обе были живы во время описания, с одной из которых он развелся, потом был убит (умер). Есть и еще ряд вариантов.

Церковные владения в Ключицкой губе – 12 пустошей и 1 деревня. Их владельцы – *«Спасские, что во Красном внутре городе»* (1 пустошь), Рождественский монастырь в Красном (1 деревня и 8 пустошей), местная Успенская церковь на погосте, а также монастырь и церковь из Пскова (по одной пустоши).

В **Петровской Синеозерской губе** – поместья С. Ф. Ямского, М. Б. Козодавлева и Г. Н. Чиркова. У них были одна деревня и 41 пустошь. В этой губе 3 пустоши принадлежали монастырю Рождества Пречистыя в Красном.

В **Спасской губе** были поместья Н. С. и С. С. Беклешовых, П. И. Огибалова и Н. Воронина, всего 3 пустоши. В этой Спасской губе, находящейся возле Красного, все церковные и монастырские пустоши (их было 6) принадлежали только церквам и монастырям из Красного: *«Рожества Пречистые ис Красного городка..., Николы*

[70] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 266.
[71] Сб. МАМЮ. С. 380, 382.
[72] Там же. С. 384, 386.

Чюдотворца с Красного городка с посаду..., Преображения Спасово ис Красного городка».

В **Никольской губе** поместных земель не было, имелись только церковные и монастырские земли (17 пустошей). В том числе Рождественскому монастырю из Красного принадлежали 7 пустошей, а *«Всемилостивого Спаса ис Красного городка»* – 1 пустошь. Остальные 9 пустошей принадлежали псковским и другим церквам и монастырям.

Всего за 17 помещиками в 7 губах Красненского уезда числились 2 сельца (третье сельцо принадлежало вдове), 19 деревень, 339 пустошей и 5 пустошей припущены в пашню.

Церковные земли в этих 7 губах – это 2 селища, 1 деревня и 69 пустошей. Из них церквам и монастырям из самого Красного принадлежали только 1 деревня и 29 пустошей, а остальные 40 пустошей и 2 селища принадлежали псковским и другим церквам и монастырям, в том числе находящимся в разных губах Красненского уезда.

Обратим внимание на общее количество пустошей – их свыше 400. В описании не сказано, какие из них были раньше деревнями, а после гибели или ухода крестьян превратились в пустоши, хотя можно считать, что большинство пустошей, носящих название, связанное с именем человека, раньше было деревнями. Все это – последствия разорения, вызванного опричниной, природными катаклизмами, эпидемиями и Ливонской войной, особенно последним походом Стефана Батория на Псков.

Теперь дадим характеристику владениям каждого из 17 помещиков Красненского уезда и обратим особое внимание на их владения в соседних уездах.

Богдан Угримов Аминев имел в Красненском уезде 4 деревни и 26 пустошей. Все они находились в Никольской Дрецкой губе. Основные поместья Богдана Аминева находились не в Красненском, а в соседнем Вороночском уезде. В Полянской губе этого уезда ему принадлежали сельцо Ермолино и 4 пустоши, а в Егорьевской губе Вороночского уезда – еще 7 пустошей. Здесь же находились поместье его отца Угрима Семенова Аминева – сельцо, которое ранее было деревней, – и 11 пустошей. Отец Богдана Аминева служил в это время городовым приказчиком в Вороноче[73].

Назарий Воронин имел всего одну пустошь в Спасской губе Краснинского уезда. Основные его поместья (хоть и довольно скромные)

[73]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 265, 332, 347, 350.

были в далеком Изборском уезде – одна деревня и две пустоши, разбросанные по трем губам этого уезда[74].

Афанасий Иванович Мотякин имел 3 пустоши в Никольской Дрецкой губе Краснинского уезда. Основные его поместья, и довольно значительные, находились в соседнем Вышгородском уезде, в Дубоцкой губе. Это было сельцо на реке Лже. Кроме того, 8 пустошей, 2 селища и 3 деревни в этой же Дубоцкой губе были «припущены» в пашню. Добавим сюда еще 10 пустошей в Елинской губе Вышгородского уезда, которые тоже принадлежали А. Ф. Мотякину, а также бывшее сельцо Дорожки, превратившееся в 15 пустошей, в другом соседнем уезде – Опоцком (в Егорьевской Верхней губе)[75].

Матвей Михайлович Нащокин (Ордин) имел бывшее ранее сельцо в Борисоглебской губе Красненского уезда на реке Синей. В момент описания это уже не сельцо, а 25 пустошей, и еще 3 пустоши припущены в пашню. Основные его владения, в том числе деревни с крестьянами, находились в соседнем Вышгородском уезде, а также в Островском, Велейском, Изборском уездах и в окрестностях Пскова (в засадах).

К примеру, в Коровской губе Вышгородского уезда М. М. Нащокин имел 3 деревни и 13 пустошей, а в Дуботцкой губе Вышгородского уезда – 2 деревни, а также пустошь, которая припущена в пашню. В Михайловской губе Островского уезда у него было 2 деревни и 16 пустошей, там же деревня и пустошь припущены в пашню. Возле Пскова в Выбутской губе Завелитцкой засады за ним числились одна деревня и 4 пустоши.

Добавим сюда еще совместные владения М. М. Нащокина с дальним родственником – двоюродным племянником Саввой Васильевым сыном Нащокиным – в Пониковской губе Изборского уезда (половина сельца и половина деревни). Кроме того, М. М. Нащокин совместно с Саввой Нащокиным владел «большими поместьями» в окрестностях Пскова в Прудцкой засаде. В Залежинской губе Прудцкой засады они вдвоем имели 54 пустоши и 4 селища. Они же владели совместно в Уситовской старой губе Прудцкой засады пустошами, которые раньше были сельцом. За ними также числились в Чирской губе этой же засады еще одно бывшее сельцо, превратившееся в 25 пустошей, и пустошь в Верхомоской губе на реке Черехе Рожнитцкой засады. Кавычки поставлены потому, что только на бумаге это были поместья, которые были сильно разорены, здесь не было живущих деревень и сел, одни пустоши

[74] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 268, 308, 310, 313.
[75] Там же. С. 265, 324, 327, 413.

(их свыше 80) и селища. Добавим сюда же их совместные владения в Никольской губе Велейского уезда (9 пустошей и 2 селища)[76].

Петр Иванович Огибалов имел в Борисоглебской губе Красненского уезда 3 живущих деревни, пустую деревню и 14 пустошей, а в Спасской губе – одну пустошь. В других уездах за ним поместий не числилось. Его отец Иван Федорович Огибалов имел довольно скромные поместья в Псковских засадах и в Изборском уезде[77].

Семен Федорович Ямской имел в Петровской Синезерской губе Красненского уезда 16 пустошей. В другом месте писцовой книги говорится о земельных владениях стрелецкого сотника Семейки Федорова сына Ямского. Он имел 19 пустошей возле Пскова в Муравейской губе Зевелицкой засады, а также деревню и 3 пустоши в Синской губе Островского уезда и целое сельцо на реке Синей и две деревни, припущенные в пашню в Гривской губе Вышгородского уезда. Возможно, что этот стрелецкий сотник и помещик Красненского уезда – одно и то же лицо, а не полный тезка[78].

Гаврила Никитин Чирков (Чириков) имел в Никольской Дрецкой губе 10 пустошей и в Петровской Синеозерской губе еще 12 пустошей. Основная его служба была связана с соседним Опоцким уездом. В самой Опочке в крепости он имел свое осадное место, как и другие местные помещики (правда, небольшое, всего 3 на 2 сажени). В Опочке на посаде за рекой Великой у церкви апостола Фомы ему было дано место под двор размером 7 на 7 сажен. Раньше здесь был двор его родственника Федора Чирикова. В этом же Опоцком уезде в Егорьевской Нижней губе он имел сельцо Марково, 10 деревень и 27 пустошей[79].

Захар Андреевич Неклюдов практически ничего не имел в Красненском уезде – только 2 пустоши в Ключицкой губе. В Выбутцкой губе Прудцкой засады возле Пскова он имел одну деревню и пустошь, а в Локонской губе Изборского уезда – деревню, 20 пустошей и 3 пустоши в пашню припущены. По-видимому, ранее основные его поместья были в Велейском уезде, в Кузьмодемьянской губе – здесь у него было сельцо, усадьба. После похода Стефана Батория сельцо превратилось в пустошь. Всего за ним числилось в этой губе 39 пустошей[80].

Леонтий Семенович Ульянов – один из немногих помещиков только Красненского уезда. Именно в этом уезде в Борисоглебской губе

[76]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 153, 186, 189, 190, 195, 264, 286, 313, 322, 323, 383.
[77]Там же. С. 264, 268, 138–148, 313.
[78]Там же. С. 148, 267, 290, 320.
[79]Там же. С. 265, 267, 395, 399, 414.
[80]Там же. С. 187, 266, 311, 385.

он имел сельцо Подбережье и пустошь, а в Ключицкой губе – деревню и 22 пустоши. В других уездах у него поместий не было[81].

Его родственник **Богдан Андреевич Ульянов** также имел поместья только в Красненском уезде. У него были деревня и 20 пустошей в Покровской губе и деревня в Никольской Дрецкой губе[82].

Два родных брата **Нечай и Степан Семеновичи Беклешовы** вместе владели в Ключицкой губе Красненского уезда пятью деревнями. Там же им дано «во льготе» 15 пустошей и одна пустошь была «припущена в пашню». Еще одна пустошь «во льготе» им была дана в Спасской губе. Кроме того, только за Степаном Беклешовым записаны в Покровской губе 2 деревни и 4 пустоши, а также 2 пустоши «во льготе». Льгота была им дана «до лета 7000 сто перваго на десять августа...», т. е. до августа 7111 (1603) г., или на 15 лет. В соседнем Вышгородском уезде братья Беклешовы владели совместно 6 деревнями и починком в Кокшинской губе, 6 пустошами «во льготе» в Коровской губе и 17 пустошами в Елинской губе этого же уезда[83].

Степан Михайлович Козодавлев имел в Борисоглебской губе Красненского уезда 6 пустошей, а в Ключицкой губе – 11 пустошей. Другие его поместья находились в Велейском уезде. В Борисоглебской губе Велейского уезда он имел 3 деревни и 4 пустоши, а в Никольской губе этого же уезда – еще 3 пустоши, и 2 пустоши припущены в пашню.

Его родной брат **Матвей Михайлович Козодавлев** имел в Борисоглебской губе Красненского уезда сельцо на реке Синей, которое раньше было деревней. В описании приводится ее название «деревня Прокошево Маслова Софроновская», следовательно, в этой деревне ранее жил некий Прокоп Маслов, а теперь здесь были поселены новые крестьянские семьи и деревня превратилась в сельцо. Матвей Козодавлев имел в этой губе еще 17 пустошей, и пустошь «припущена в пашню». У него, как и у его брата Степана, имелись поместья в Велейском уезде. Это одна деревня, 14 пустошей и 18 (?) селищ (уж очень большая цифра, возможна опечатка в тексте).

Родственник братьев Козодавлевых **Меньшик Борисович Козодавлев** имел поместья только в Красненском уезде – в Никольской Дрецкой губе одну деревню и 28 пустошей, а в Петровской Синеозерской губе – одну деревню и 13 пустошей[84].

[81] Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 264–266.
[82] Там же. С. 264–266.
[83] Там же. С. 265, 266, 268, 321, 323, 327.
[84] Там же. С. 264, 265, 266, 267, 380, 383, 385.

Еще два брата, **Воронец и Соловец Леонтьевы Бедринские**, везде в описании указаны вместе и всеми деревнями и пустошами владеют совместно. В Красненском уезде они имели в Борисоглебской губе 29 пустошей и селище. Ранее это было сельцо Бузаново Обрамово, после разорения превратилось в пустошь. В Гривской губе соседнего Вышгородского уезда за братьями числились 21 пустошь и 5 селищ. Но основные их поместья находились в Велейском уезде. Здесь в Рожественской губе они имели сельцо, 2 деревни и 12 пустошей. В этом же Велейском уезде в трех губах были поместья их отца Леонтия Борисова сына Бедринского – сельцо, 3 деревни и 20 пустошей[85].

Родственник (или родственники) этих помещиков Бедринских, Игнатий (Малюга) Бедринские, видимо, были тесно связаны именно с Красненским и соседним Велейским уездом, в котором были многочисленные земли вдовы Акулины Бедринской.

Про поместья в Краснинском уезде главного начальника в Красном осадного головы А. М. Хвостова писцы не сообщали (указали только на наличие в крепости его двора и на посаде двух огородов). Зато известно, что у него, как и у многих помещиков, были земельные владения в соседнем Велейском уезде: в Борисоглебской губе сельцо, 6 деревень,15 пустошей, в Рожественской губе 12 пустошей и 3 селища, в Кунейской губе – 2 деревни и пустошь[86].

Таким образом, можно сделать вывод о поместьях служилых людей. Из 18 помещиков (включая осадного голову) с Красным и его уездом были тесно связаны только Л. С. Ульянов и М. М. Козодавлев. Каждый из них имел здесь сельцо, в котором была построена господская усадьба. Они также имели в этом уезде деревни и пустоши.

Еще трех помещиков – П. И. Огибалова, Б. А. Ульянова, М. Б. Козодавлева – тоже можно считать помещиками Красненского уезда, хотя у них были в этом уезде только деревни и пустоши. Но в других уездах у них вообще ничего не было.

Братья Н. С. и С. С. Беклешовы имели льготные земли как в Красненском, так и в Вышгородском уезде, которые были распределены по уездам практически поровну, поэтому трудно сказать, к какому уезду они больше тяготели.

Остальные помещики имели основные владения в других уездах, как, например, М. М. Нащокин, З. А. Неклюдов, С. М. Козодавлев. Сельцо с усадьбой в Велейском уезде имели осадный голова А. М. Хвостов, братья В. Л. и С. Л. Бедринские, в Вышгородском уезде – А. И. Мотякин,

[85]Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 264, 320, 381, 383, 385, 386.
[86]Там же. С. 380, 381, 383.

С. Ф. Ямской, в Вороночском уезде – Б. У. Аминев, в Опоцком уезде – Г. Н. Чирков.

Не исключен вариант, что кто-то из этих помещиков имел земельные владения не только в Псковской земле, но и в уездах, не вошедших в описание Мещанинова-Морозова и Дровнина, – Пусторжевском, Луцком, Невельском или даже в пограничных уездах Новгородской земли – Порховском и Старорусском.

Глава 3

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ ВО ВРЕМЕНА ЦАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО (1606–1610 ГОДЫ)

О событиях в южных псковских пригородах в первые годы Смуты, когда происходили борьба Бориса Годунова с Григорием Отрепьевым (Лжедмитрием I) и короткое царствование в Москве этого самозванца (1605–1606 гг.), практически ничего не известно. Сделаем сразу оговорку, что под южными псковскими пригородами будем понимать не только Остров, Опочку и Себеж, но и Заволочье (Ржеву Пустую), а также Невель и Великие Луки, которые в административном отношении накануне Смуты не подчинялись Пскову.

Лжедмитрий I еще накануне своего похода на Москву обещал передать своей невесте Марине Мнишек и ее родственникам города Псковской земли включая Опочку, Себеж и Красный. Впервые эти сведения привел Н. М. Карамзин, опубликовав грамоту Лжедмитрия Юрию Мнишеку[1]. Майское восстание 1606 г. в Москве и гибель самозванца отставили на время этот вопрос.

Служилые люди по отечеству из Пскова и Великих Лук принимали участие в боях против Лжедмитрия I. В отличие от дворян и детей боярских из Северских и Рязанских городов, которые все «до однова человека» в мае 1605 г. под Кромами изменили молодому царю Федору Борисовичу Годунову и перешли на сторону «Ростриги Гришки Отрепьева», эти служилые люди северо-западных регионов не очень жаловали «царя Дмитрия». В одной из разрядных записей отмечено,

[1]См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Кн. III (тома IX–XII). СПб. : изд. И. Эйнерлинга, 1843. Т. XI. Стб. 80–81; Примечания. Стб. 45; Запись Лжедмитрия Гришки Отрепьева Сендомирскому воеводе Юрью Мнишку. 1604, мая 25 // СГГД. М., 1819. Ч. 2, № 76. С. 160–161.

что воеводы Василий Васильевич Голицын и Петр Федорович Басманов *«Новгородских помещиков и Псковских и Лутцких князей и детей боярских с собою* ***подговорили немногих,*** *и крест Ростриге целовали»*[2].

Известно, что часть псковских, пусторжевских и великолуцких помещиков участвовала в боях против отрядов Ивана Исаевича Болотникова. Еще летом 1606 г. во время боев под Кромами после одного неудачного боя, как отмечено в разрядной записи, *«в полках ратные люди дальних городов Ноугородцы и Псковичи и Лучане и Торопчане и Замосковных городов под осен в полкех быт не похотели... и учали ис полков разъезжатца по домом»*[3].

В одном из поздних документов от марта 1614 г. участники боев против Болотникова подтвердили в Разряде награждение за эту службу своего сослуживца Ивана Ивановича Голенищева-Кутузова. В то время (март 1614 г.) эти помещики уже находились на службе у нового царя Михаила Романова. Среди таких свидетелей, товарищей по службе И. И. Голенищева-Кутузова, которые сражались в 1607 г. на Пчельне, на Кашире, на реке Вороньей, а также участвовали в осаде Тулы, упоминаются 10 луцких помещиков и 3 помещика из Ржевы Пустой. Приведем их имена. Это луцкие помещики Арбузов Иван Никифорович, Бочкин Алексей Михайлович, Костянтинов Григорий Федорович, Марков Афанасий Иванович, Мякинин Михаил Андреевич, Нефедьев Федор Иванович, Скулеев Никита Иванович, Сунгуров Матвей Федорович, Тыртов Иван Романович, Языков Василий Деев и пусторжевские помещики Бобров Иван Матвеевич, Сумароков Афанасий Андреев, Ушаков Карп Никифоров[4]. А сколько их соратников не дожило до того времени, когда проводился сыск (прошло семь страшных лет Смуты)!

Об участии псковских помещиков в борьбе против Болотникова источники упоминают мало, в отличие от большой массы новгородских помещиков всех пятин. Трудно также сказать, использовались ли служилые люди по прибору (стрельцы) из северо-западных городов, в том числе Себежа, для активной борьбы с восставшими. Особняком здесь стоят Великие Луки. Летом 1607 г. во время самых напряженных боев

[2] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). (М., 1907). С. 200–201.

[3] *Белокуров С. А.* Разрядные записи... // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). (М., 1907). С. 9.

[4] Челобитье жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова о справке за ним поместной и денежной придач, пожалованных царем Василием Шуйским. 1614, март // Акты Московского государства, изданные Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 60. С. 96–98.

против Болотникова и самозванного царевича Петра Федоровича под Тулой в составе царских войск упоминаются «Луцкие стрельцы»[5].

Что касается псковских стрельцов, то летопись упоминает об их пребывании в Москве в 1606–1607 гг. Псковские стрельцы спасли от казни своих земляков, посадских людей из Пскова, которых оклеветали «большие люди». В то время в Москве находился целый приказ псковских стрельцов (несколько сотен человек). Скорее всего, это был сводный приказ из стрельцов не только Пскова, но и пригородов, включая Опочку и Себеж. Возможно, они прибыли уже после поражения Болотникова под Москвой и отступления его в Калугу. Псковский летописец писал: *«И быша на Москве стрельцы Псковские Приказом взяты против воровского страху, и Приказом всем били челом, и выручили в том, что тебе Царю не изменники, ни един во Пскове, а наши головы в их головы. И едва их от казни отпрошали до обыску».* Симпатии псковичей, жителей Пскова и пригородов, были на стороне болотниковцев. Об этом прямо говорится в Псковской летописи. Когда в 1607 г. пленных болотниковцев отправили в Псков в тюрьмы (более 400 человек), псковичи их *«поили, кормили и одевали и плакали, на них смотря»*[6]. Летописец при этом сравнивает отношение к пленным болотниковцам псковичей и новгородцев, подчеркивая лояльное отношение псковичей к пленным. Учтем, что новгородские помещики понесли большие потери в боях с болотниковцами.

Правительство Василия Шуйского в дальнейших переговорах с польским королем Сигизмундом III летом 1608 г. не поднимало вопроса об уступке Себежа и Невеля полякам. В ходе этих переговоров обе стороны согласились, что взамен освобождения Марины Мнишек и других польских пленных, захваченных в ходе московской резни 17 мая 1606 г., польский король не будет поддерживать Лжедмитрия II и прикажет всем польским военным в лагере самозванца вернуться на родину. Часть польских пленных во главе с велижским старостой Александром Гонсевским благополучно добралась до границы. Гонсевский в Велиже вплоть до 1610 г. продолжал поддерживать тушинцев. Главным оплотом самозванца на Северо-Западе стали Великие Луки.

---

[5] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). (М., 1907). С. 276.

[6] Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. П. Погодиным. М. : Унив. тип., 1837 (далее – Псковская летопись). С. 217–218.

Все началось с того, что служилые люди из Себежа (стрельцы) и других псковских пригородов (Опочки, Красного, Острова и Изборска) весной 1608 г. участвовали на стороне царя Василия Шуйского в боях против нового самозванца Лжедмитрия II. Многие из них попали в плен к самозванцу, который их обласкал и отпустил по домам. 9 мая 1608 г. (Николин день вешний) мы видим их на Псковщине. Псковские стрельцы – стрелецкий голова А. Огибалов и сотник М. Блаженников – с «прелестными грамотами» от Вора смутили жителей, во всех чинах «пошли размышления всякие».

Несмотря на арест воеводами П. Н. Шереметевым и И. Т. Грамотиным некоторых посланцев, контроль над Псковским уездом им сохранить не удалось. Вскоре после возвращения служилых людей от самозванца и рассказов о чудесно спасшемся добром царе Дмитрии население псковских пригородов, в том числе Себежа, присягнуло Тушинскому вору («табарскому царю»). Свой укрепленный лагерь («табор», или «табары») этот самозванец устроил в подмосковном селе Тушино, поэтому во многих источниках Лжедмитрия II стали называть Тушинским вором (вор – изменник, государственный преступник).

Первыми на северо-западе присягнули Лжедмитрию II восточные соседи Себежа – Великие Луки, Невель и Заволочье. Это произошло еще 12 июля 1608 г. Воевода Великих Лук Федор Михайлович Плещеев, называя себя великолуцким наместником и воеводой царя Дмитрия Ивановича, писал 15 июля 1608 г. усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, что 12 июля *«били челом Великому государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Русии Самодержцу, три городы, Луки Великие, Невль, Заволочье»*. Напомним, что старостой усвятским в то время был Ян Сапега, который вскоре станет тушинским гетманом.

Далее в письме Федор Плещеев сообщал, что именно он привел к присяге «царю Дмитрию» воевод, приказных и всяких людей из этих трех городов (Лук, Невеля и Заволочья). В каких-то из этих трех городов начальными людьми были воеводы, в других – городовые приказчики. В числе жителей данных городов упоминаются стрелецкие головы, сотники, приказные люди, рассыльщики, пушкари, стрельцы, воротники, плотники, ямской слободы охотники, посадские старосты, целовальники *«и все Лучане, и Невляне, и Заволочане, посадцкие люди»*. Таким образом, в каждом из этих трех городов было гражданское посадское население, в одном из них (скорее всего, в Луках) существовала ямская слобода. Упоминание стрелецких голов во множественном числе свидетельствует о том, что костяк гарнизона каждого из данных городов составляли стрельцы (не менее двух сотен). Если в составе гарнизона

имелась одна сотня стрельцов, то стрелецкий голова обычно не назначался. В письме не указаны казаки с атаманами, по-видимому, в то время в этих трех городах их не было. В письме Ф. М. Плещеева среди присягнувших Лжедмитрию II перечисляется также сельское население этих трех уездов: старосты и целовальники станов и волостей, приказчики дворян и детей боярских, а также «крестьяне и всякие люди». Федор Плещеев требовал, чтобы усвятский подстароста Каховский запретил своим людям грабить Луцкий, Невельский и Заволоцкий уезды, произвел сыск и *«тем ворам порубежным всяким людям закон крепкий учинил», чтобы между царем Дмитрием и королем Сигизмундом «было тихо и безмятежно и беззадорно»*[7].

Лжедмитрий II в конце июля 1608 г. отправлял грамоты в присягнувшие ему города (указаны Торопец, Луки, Невель и Заволочье). В то время в Тушино в стан самозванца уже прибыли гонцы из Лук и Торопца. Этих гонцов – посадского лучанина Казаринко Максимова и торопчанина Петрушку Путятина – перехватили «с воровскими грамотами» люди Василия Шуйского недалеко от Погорелого Городища. Эти грамоты были доставлены в крепость Белую и переданы воеводе этой крепости Борису (Богдану) Собакину[8].

В этих грамотах самозванец приказывал своим людям в Торопце, Луках, Невеле и Заволочье перехватить литовских послов и не пропустить их в Литву. Среди этих «послов и панов» были Александр Гонсевский и Николай Олесницкий, а также Марина Мнишек со своими родственниками и слугами, отпущеннные Василием Шуйским в июле 1608 г. после заключения договора с королем Сигизмундом. В итоге Марину Мнишек тушинцы перехватили и привезли в Тушино к самозванцу, а послы Гонсевский и Олесницкий сумели кружным путем добраться до Велижа.

Вслед за Великими Луками и Заволочьем главными очагами восстания против Василия Шуйского на Псковщине стали крепости Себеж, Опочка, Красный, Остров и Изборск. Как отметил современный исследователь И. О. Тюменцев, *«инициаторами движения в пользу самозванца на Псковщине, как и на Северщине, были местные дворяне,*

[7]Лист Великолуцкого наместника и воеводы Федора Плещеева Усвятскому подстароста Юрию Каховскому, о запрещении порубежным жителям производить грабежи в Великолуцком, Невельском и Заволочцком уездах. 1608, июля 15 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 88. С. 120.

[8]Отписка Бельского воеводы Богдана Собакина, о поимке на Погорелом Городище мужиков с грамотами от Самозванца о задержании на дороге литовских послов. 1608, августа 3 // АИ. Т. 2, № 90. С. 121. В тексте грамоты воевода Белой назван Борис Собакин.

их холопы и служилые люди по прибору, а отнюдь не псковские посадские и крестьяне»[9].

Сведения об этом восстании летом 1608 г. против царя Василия Шуйского содержатся в Псковской летописи: *«Об Николине дне вешнем приидоша из табар пригородцкие стрелцы со Псковскими, и те пошли на свои пригороды на Себеж, да на Опочку, да на Красной, да на Остров, да на Избореск, и дети боярские по поместьям, и пригороды все смутили, и дети боярские и холопи их приведоша пригороды и волости к крестному целованью табарскому царю Дмитрею»*[10]. Важную роль в присяге самозванцу сыграли местные служилые люди по отечеству, дети боярские, в основном лучане и пусторжевцы. Их служилая корпорация была довольно многочисленна и хорошо организованна. Хотя следует отметить, что эта корпорация в то время разделилась на два лагеря. Некоторые лучане и пусторжевцы оставались под Москвой, поддерживая вместе с Григорием Валуевым Василия Шуйского[11].

В Себеже, как мы знаем, служилых людей по отечеству было мало, всего шесть человек. Даже в соседней Опочке их было раза в три больше, около 20 человек. Думается, что заводчиками восстания в Себеже были прежде всего конные казаки и стрельцы.

Карательная экспедиция, которую предпринял летом 1608 г. против мятежных пригородов псковский воевода Петр Шереметев, направив против восставших стольника Б. П. Шереметева и П. Бурцева, не увенчалась успехом. Наоборот, действия псковских воевод, которые вели себя в псковских пригородах как на вражеской территории, превратили местных жителей в их заклятых врагов. Расправы над ни в чем не повинными крестьянами и злоупотребления воевод подтолкнули псковских крестьян к участию в тушинском движении, а с другой стороны – вызвали сильное недовольство среди горожан, которые стали испытывать значительные трудности из-за разрыва торговых связей между городом и сельской округой.

После переворота в Пскове 1 сентября 1608 г., когда власть в городе перешла к тушинскому воеводе из Великих Лук Федору Михайловичу Плещееву, в Псков были отправлены из Тушина новые воеводы. Летописец называет православного воеводу «литвина» Андрея Троянова

[9] *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. С. 266.

[10] Псковская летопись. С. 218; Псковские летописи: Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4, вып. 3. С. 323.

[11] См.: *Рабинович Я. Н.* Великие Луки в Смутное время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История, Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 127–137.

Порецкого и лютеранина пана Побединского, а после них – князя Александра Федоровича Жирового-Засекина. Себеж и его жители подчинялись этим тушинским воеводам.

Начиная с мая 1609 г. новгородцы вместе с прибывшими на помощь Василию Шуйскому шведскими отрядами неоднократно пытались установить контроль над Псковом, но безуспешно. Базой для таких походов был Порхов, который поддерживал Новгород в этой борьбе. В Порхов бежали из Пскова противники самозванца (особенно на масленицу в феврале 1610 г.).

Жители южных пригородов, в том числе Себежа и Опочки, поддерживали Псков в этой борьбе против Василия Шуйского. Они не желали видеть на своей земле иноземцев-шведов. В памяти многих служилых людей еще были живы воспоминания о завершающем этапе Ливонской войны, когда они сами или их отцы воевали против шведов, а после передачи шведам ряда ливонских городов были испомещены в Псковской земле в Пусторжевском, Великолуцком и других уездах. Служилые люди за 15–20 лет до событий Смуты воевали против шведов во время очередной Русско-шведской войны (1590–1595). Поэтому не стоит удивляться словам псковичей, которые зафиксировал летописец: «Немцев не хотим, за то и помрем».

О прямом участии стрельцов из Себежа в отражении одного из походов новгородцев и шведов к Пскову прямо сказано в Псковской летописи: *«... и побили многих на Промешицы – Юрия Тынина, сына боярского и иных стрельцов Псковских и Себежских, казаков пеших и пригородских, и прочь пошли; и всего зла не мочно переписать за множество»*[12].

Сил у новгородцев не хватало, чтобы захватить Псков, они лишь совершали в 1609–1610 гг. грабительские набеги из Порхова на окрестности Пскова и южных пригородов. Летописец писал: *«А подо Псковом часто приходят Новгородцы с немцами и с Псковскими Детьми Боярскими, что на масленицы отъехали изо Пскова, и стада коровьи отгоняют часто изгоном, из Порхова приезжая, крестьян много в полон емлют, и хлеб всякий травят, косят и кормят, и многие шкоты чинятся от них псковичам»*[13].

Для Себежа и Опочки это время (1608 – весна 1610 г.) было относительно спокойным. Отряды сторонников Василия Шуйского, новгородцы и шведы, сюда не доходили, соседние литовские области были мирными, усвятский староста Ян Сапега был союзником, велижский

[12]Псковская летопись. С. 227; ПСРЛ. Т. 4. С. 328.
[13]Там же.

староста Александр Гонсевский был занят Торопцом и Белой, о конфликтах с полоцкими державцами в это время ничего не известно. Активные боевые действия между тушинцами и поляками короля Сигизмунда III до начала 1610 г. не велись.

Наиболее опасным для Пскова был поход новгородцев летом 1610 г., во главе которого стояли воеводы В. Т. Долгоруков и Г. К. Волконский. Псковичи обратились с просьбой о помощи в борьбе против новгородцев и шведов к тушинскому военачальнику Александру Лисовскому, который в это время находился со своими воинами в Великих Луках. По мнению В. А. Аракчеева, Лисовский появился в Великих Луках после 15 июля 1610 года[14].

Ранее псковский посол Максим Карповский был отправлен в Ливонскую землю к гетману Ходкевичу с аналогичной просьбой[15]. О тесных контактах Пскова и жителей Юрьева Ливонского (Дерпта), принадлежавшего Польше, на протяжении всего Смутного времени хорошо известно. Однако Ходкевич не успел собрать войско для оказания помощи Пскову, поэтому псковичам пришлось обращаться к Лисовскому.

С прибытием этого авантюриста, одного из самых удачливых польских командиров обстановка на Северо-Западе резко изменилась. Следует отметить, что не только казаки, но и многие служилые люди по отечеству, дети боярские считали для себя большой честью служить под его командованием. Лисовский пользовался огромной популярностью среди служилых людей низшего звена. Летописец писал: *«Пришел Олисовской пан с литовскими людьми и с Черкасами, да воевода Андрей Просовецкий с казаками на Великие Луки и по челобитью Псковскому во Псков»*[16].

До прибытия в Великие Луки в мае-июне 1610 г. Лисовский и его соратник Андрей Просовецкий разорили Калязин монастырь, а потом безуспешно пытались захватить Тверь и Торопец. Приступ лисовчиков к торопецкому острогу был отбит. Понеся значительные потери, Лисовский в начале июля 1610 г. направился в Великие Луки, жители которого продолжали поддерживать Лжедмитрия II. Отметим, что Торопец и Великие Луки в первые годы Смуты и позднее враждовали между собой, как Псков с Новгородом. Известны частые набеги из Торопца к Великим Лукам и наоборот. Торопец поддерживал Василия Шуйского, а затем

[14] См.: *Аракчеев В. А.* Псковский край в XV–XVII вв.: Общество и государство. СПб. : Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 2003. С. 188.

[15] Лист псковского наместника князя Засекина Дерптскому державцу Бормовскому, о присылке вспомогательного войска, по найму, для нападения на Новгородцев, отложившихся от Самозванца. 1609, июнь // АИ. СПб., 1841. Т. 2, № 238. С. 280.

[16] ПСРЛ. Т. 4. С. 328–329.

освободительное движение, а Великие Луки – самозванца, а позднее польского королевича Владислава. Некоторые служилые люди бежали из одного города в другой. С обеих сторон их считали изменниками, а их поместья передавали другим служилым людям.

Следует, правда, сделать одну оговорку насчет служилых людей из Великих Лук. Некоторые луцкие помещики поддерживали царя Василия Шуйского в борьбе против самозванца. Хорошо известен Григорий Леонтьевич Валуев, его дальний родственник, луцкий помещик Степан Андреевич Валуев, стрящий Иван Григорьевич Валуев (сын Г. Л. Валуева). Один из документов позволяет расширить число лучан и псковичей, которые находились в Москве и обороняли столицу от тушинцев. Сохранилось сыскное дело о даче денежного жалования Науму Михайловичу Плещееву. Этот представитель весьма разветвленного рода Плещеевых известен тем, что организовал в июне 1605 г. вместе с Г. Г. Пушкиным восстание в Москве с целью свержения Федора Борисовича Годунова и присяги москвичей Григорию Отрепьеву. Однако позже Н. М. Плещеев стал одним из немногих Плещеевых, кто поддерживал Василия Шуйского в борьбе против Лжедмитрия II. За оборону Москвы от тушинцев, *«за московскую службу и осадное сиденье»* царь Василий Шуйский в 1610 г. наградил Наума Плещеева придачей к прежнему окладу в 50 рублей еще 40 рублями. Позже, уже при Михаиле Романове, в связи с пропажей многих документов надо было как-то подтвердить это новое жалование. Поэтому в ходе сыска дьяки искали свидетелей и соратников по службе Наума Плещеева, кто вместе с ним сражался на стороне Василия Шуйского против тушинцев. Среди соратников Наума Плещеева мы видим, кроме Степана и Ивана Валуевых, также пусторжевца Ивана Суморощкого, псковичей Ивана Третьякова Симанского, Михаила Данилова Воронцова, Богдана Михайлова Ногина, помещиков из Великих Лук Петра Максимова Лукомского, Петра Иванова Мусорского, Алексея Михайлова Бочкина, Григория Бухвостова. Многие из этих людей осенью 1610 г. отправятся из Москвы вместе с Григорием Леонтьевичем Валуевым освобождать Великие Луки от тушинцев[17].

Летом 1610 г. воеводами в Великих Луках были князь Василий Андреевич Шаховской и Петр Андреевич Горяинов, а стрелецкий гарнизон возглавлял голова Леонтий Кашинцев. Они подчинялись главному тушинскому военачальнику на Северо-Западе Федору Михайловичу

[17]Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья за прошлые годы (Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг.) : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 84. С. 300–303.

Плещееву, который в июне-июле 1610 г. отправился из Лук к Пскову с денежной казной для псковских служилых людей[18].

Весной 1610 г., судя по отписке воевод Великих Лук Василия Шаховского и Петра Горяинова усвятскому старосте Яну Петру Павловичу Сапеге, Лжедмитрия II продолжали поддерживать не только Великие Луки и Псков, но и Ивангород, Ям, Себеж, Опочка, Заволочье. Ян Сапега в письме великолуцким воеводам, которое доставили 5 мая в Луки посадский человек *«Лучанин Казаринко Максимов и Фомка Федоров»*, сообщал, что он находится в Усвятах, что царь Дмитрий жив и здоров. При этом Сапега в подтверждение своих слов отправил грамоту Лжедмитрия II, списки с которой воеводы должны были передать во все города, поддерживавшие Тушинского вора. Следует отметить, что лучанин Казаринко Максимов ранее уже ездил в Тушино (в июле 1608 г.) и тогда же был задержан при возвращении воеводами Василия Шуйского.

Воеводы Великих Лук князь В. А. Шаховской и П. А. Горяинов в ответ сообщали Яну Сапеге, что в соответствии с его приказом они послали к нему в Усвят представителей из этих городов с грамотами о том, что эти города по-прежнему остаются верны «царю Дмитрию»: *«И мы к тебе послали Псковских, и Иванегородцких и Ямских и Себежеских и Опотцких и Лутцких и Заволотцких гонцов»*. Я. Сапега, отправляясь из Усвята к Лжедмитрию II через месяц после Пасхи («после Велице дня на пятой недели в четверг»), собирался взять с собой этих гонцов, в том числе из Себежа и Опочки. Также по указанию Сапеги воеводы Великих Лук должны были пленных поляков и казаков из полка пана Костенецкого и Друшляка, захваченных ранее в ходе боевых действий, отпустить к пану Костенецкому и Друшляку. Эти пленные поляки и казаки ранее были разосланы в другие города (Заволочье, Себеж, Опочку и др.), куда воеводы Великих Лук уже отправили гонцов с указанием освободить этих пленных. Со своей стороны воеводы Великих Лук просили Сапегу помочь вернуть в Великие Луки русских пленных, которые находились в плену у пана Костенецкого. Этот документ от 7 мая 1610 г. *«писан в вотчине великого государя нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии на Луках Великих»*[19].

[18]Отписки Великолуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова Усвятскому подстаросте Юрию Коховскому, о невозможности выдать гетману Сапеге требуемые им деньги. 1610, июля 7 и 15 // АИ. Т. 2, № 285. С. 343–345.

[19]Отписки Великолуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова... // АИ. Т. 2, № 285. С. 343–345; Письма разных лиц к гетману Яну Сапеге: боярина и воеводы Федора Плещеева и наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова, о снятии копий с грамоты Лжедмитрия и возвращении

Упомянутые Костенецкий и Друшляк (Дуршлак), как выяснил И. О. Тюменцев, были командирами полков запорожского войска. Они упоминаются в «Дневнике» Я. Сапеги в июне-июле 1610 г. во время второго похода Лжедмитрия II из Калуги на Москву[20]. Возможно, что в течение мая-июня 1610 г. эти полки запорожцев прибыли к самозванцу в Калугу.

Эти письма убедительно свидетельствуют, что весной-летом 1610 г. жители Себежа и Опочки продолжали поддерживать Лжедмитрия II, так же как и Великие Луки и Псков с пригородами.

Отметим, что в письме Сапеге упоминаются города, которые поддерживали Лжедмитрия II весной-летом 1610 г., – Псков, Великие Луки, Себеж, Опочка, Заволочье, – но не указан Невель. Это может быть косвенным свидетельством того, что Невель и его служилые люди в то время вместе с русскими тушинцами во главе с М. Г. Салтыковым присягнули польскому королю Сигизмунду (еще во времена царствования Василия Шуйского, задолго до несчастной для россиян Клушинской битвы). Известны случаи пожалования служилых людей польским королем Сигизмундом поместьями за их верную службу до того, как Москва присягнула королевичу Владиславу (с февраля по июнь 1610 г. таких пожалований дано свыше 130, в основном это были смоляне). Среди таких помещиков можно упомянуть братьев Ивана и Андрея Усовых, младший из которых (Андрей Васильевич) в дальнейшем сыграет важную роль в событиях Смуты на Псковщине, в том числе будет воеводой Себежа. Некоторые служилые люди получили в тот период (февраль–июнь 1610 г.) поместья в Ржеве Пустой (Заволочье)[21].

Среди таких служилых людей пусторжевские и невельские помещики, которые ранее присоединились к русским тушинцам, а после распада тушинского лагеря под Москвой (январь-февраль 1610 г.) присягнули еще весной 1610 г. польскому королю, получив от него земельные пожалования в соседнем с Себежем Пусторжевском уезде.

подлинной Сапеге; о посольстве гонцов из разных городов к Лжедмитрию; о размене пленных, о намерении Торопчан принести повинную Лжедмитрию. 1610, мая 7 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12–LXXII. С. 79–81.

[20]См.: *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 544.

[21]Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной России Т. 4. (1588–1632). СПб., 1851 (далее – АЗР). № 183. С. 320–337.

Например, Богдан Рокотов 5 (15) июня 1610 г. (т. е. еще до Клушинской битвы) получил от короля Сигизмунда поместье Данила Сиротина (деревни Голубово и Куницу с пустошью, 270 четей)[22].

После свержения царя Василия Шуйского многие его бывшие сторонники вслед за Григорием Валуевым тоже присягнули польскому королевичу Владиславу и получили поместья в Пусторжевском уезде. Иван Тихонович Симанский получил 7 (17) августа 1610 г. под Смоленском поместье Ивана Степановича Боброва в Пусторжевском уезде («в Туровском стану деревня Юдина, деревня Панихина и Боруцком стану деревня Тетерева, деревня Пищина с пустошми», 200 четей). Его брат (?) Яков Тихонович Симанский также получил в этот день пожалования от короля (деревню и 3 пустоши, 150 четей)[23]. Это произошло за десять дней до присяги москвичей польскому королевичу Владиславу.

Это, конечно, не может служить подтверждением тому, что Ржева Пустая в то время поддерживала Сигизмунда – король раздавал земли, которые еще надо было подчинить. Но то, что данные люди служили в то время королю Сигизмунду, не подлежит сомнению.

Вскоре после отъезда Сапеги на юг на Псковщине появился его соратник по совместным походам к Троице-Сергиеву монастырю Александр Лисовский со своим помощником Андреем Просовецким. Напомним, что Сапега и Лисовский в то время еще подчинялись Лжедмитрию II, который сам вел борьбу против не только Василия Шуйского, но и польского короля Сигизмунда III. В свою очередь король Сигизмунд, помня о походах Стефана Батория, мечтал присоединить к польской короне Себеж, Невель, Заволочье и Луки, используя для этой цели местных служилых людей.

Пока происходили эти события на Северо-Западе, обстановка в центре страны изменилась коренным образом в связи с разгромом поляками русско-шведской армии под Клушино, свержением царя Василия Шуйского, созданием нового московского правительства – Семибоярщины, присягой москвичей польскому королевичу Владиславу и вводом в столицу польского гарнизона. Теперь всеми делами в Москве распоряжался польский комендант Александр Гонсевский, велижский староста. Одним из первых присягнул польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу Григорий Леонтьевич Валуев, энергичные действия которого, подкрепленные вооруженной силой, способствовали присяге москвичей польскому королевичу. Эти действия Григория Валуева

[22] АЗР. Т. 4, № 183–CXXVI. С. 336.
[23] Там же. № 183–CXCIII, CXCIV. С. 343.

по достоинству были оценены польским королем, который в это время продолжал осаждать Смоленск.

С другой стороны, после поражения при Клушино (24 июня 1610 г.) прежний шведский союзник царя Василия Шуйского Якоб Делагарди отступил к Новгороду и начал захват Новгородской земли.

С этого времени ситуация на Псковщине стала определяться соотношением ряда сил – с одной стороны поляков и Семибоярщины, интересы которых представляли Иван Михайлович Салтыков (сын лидера Семибоярщины) и Григорий Валуев; с другой – сторонников Лжедмитрия II, который превратился в злейшего врага поляков, с третьей – шведов. Впрочем, шведская угроза первое время была не особенно заметна. Следует также учесть, что в это время (с осени 1610 г.) многие прежние польские сторонники Лжедмитрия II (в том числе А. Лисовский) перешли на службу к польскому королю.

Глава 4

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ (ОСЕНЬ 1610 – ВЕСНА 1613 ГОДА)

Борьба за Великие Луки (осень 1610 – осень 1611 года)

Вскоре после присяги москвичей королевичу Владиславу новое пропольское правительство – Семибоярщина – под предлогом защиты (освобождения) Великих Лук от сторонников Лжедмитрия II, а также для присяги новгородцев Владиславу отправило из Москвы Ивана Михайловича Салтыкова, сына лидера Семибоярщины М. Г. Салтыкова, с крупными силами, включающими отряд Григория Леонтьевича Валуева.

16 октября 1610 г. в лагерь польского короля под Смоленском пришло донесение из Москвы от гетмана Жолкевского, в котором говорилось, что *«в Торопец, Луки, Себеж, Невель, Заболотье* (Заволочье. – *Я. Р.), Опочку, Остров, Псков отправился Григорий Валуев»*. К этому времени Григорий Валуев уже был думным дворянином[1].

Перед походом Г. Л. Валуев 10 (20) сентября 1610 г. получил от короля Сигизмунда III земельные пожалования в Великих Луках и в трех губах Псковского уезда. Эти области Валуев должен был привести к присяге королевичу Владиславу. Также он получил 50 рублей придачи к прежнему денежному окладу в 100 рублей. Сведения об этом сохранились в одной из жалованных грамот польского короля Сигизмунда III[2].

---

[1] Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 102–103. Гл. 244. О ссылке ратных людей с Москвы; Поход его королевского величества в Москву 1609 года // РИБ. СПб., 1872. Т. 1 (Памятники, относящиеся к Смутному времени). Стб. 685.

[2] Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной Рос-

Все это время, до самого конца 1610 г., Себеж и Опочка, как и «старший брат» Псков, продолжали поддерживать Лжедмитрия II, который после бегства из Тушина устроил себе новую базу в Калуге, хотя одно время псковичи, узнав, что лагерь в Тушино распался, были в некотором сомнении. Потом они будут поддерживать очередного самозванца, Лжедмитрия III.

Что касается соседнего Заволочья, то здесь все не так просто. Трудно сказать, какую власть поддерживали жители Заволочья с августа 1610 г. – с того момента, когда власть в Москве и в Новгороде перешла к сторонникам Семибоярщины и польского королевича Владислава, – вплоть до весны 1612 г., когда в Пскове свергли последнего самозванца Лжедмитрия III. Мы не знаем, кто руководил в это время Заволочьем. Одна часть пусторжевских помещиков поддерживала самозванца, а другая часть – польского королевича Владислава. Некоторые из пусторжевских помещиков еще с осени 1610 г. участвовали в походе польского ставленника Григория Валуева к Великим Лукам. Эти пусторжевские помещики ранее сражались на стороне царя Василия Шуйского против Тушинского вора, к лету 1610 г. судьба забросила их в Подмосковье. Скорее всего, эти пусторжевцы в 1609–1610 гг. сражались вместе с лучанами в составе отряда Григория Валуева, который вплоть до Клушинской битвы был активным сторонником Василия Шуйского.

В своем донесении польскому королю Сигизмунду III боярин И. М. Салтыков писал, что он отправил под Торопец и Великие Луки Г. Л. Валуева для принятия присяги. В Торопце воевода Александр Чоглоков и все жители крест целовали, а в Луках – отказались. 14 октября 1610 г. Г. Л. Валуев, взяв с собой ратных людей и наряд в Торопце, пошел под Луки Великие *«и пришел, и хочет над Луками и воровскими людьми промышлять»*. В этом документе прямо говорится, что в составе отряда Григория Валуева были служилые люди из Лук, Невеля, Ржевы Пустой и даже Пскова: *«Послал дворян и детей боярских Торопчан, Лучан, Пусторжевцев, Невлян, Псковичь, Белян»*[3].

Что касается ряда помещиков Пусторжевского уезда, то многие из них вслед за Григорием Валуевым присягнули королевичу Владиславу и получили новые земельные пожалования от польского короля. Еще 3 августа 1610 г. Иван Леонтьевич Симанский подал челобитную

сии. Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851 (далее – АЗР). № 183–CCXXXIX. С. 348; № 183–CDXLV. С. 367.

[3]Донесение польскому королю Сигизмунду III и его сыну царю Владиславу Сигизмундовичу от боярина И. Салтыкова из Новгорода. 1610 год, 17 ноября // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). М., 1819. Ч. 2, № 209. С. 452–460.

королю Сигизмунду о пожаловании ему в Ржеве Пустой села Вубовское с деревнями и пустошами, а в Псковском уезде – сельца Марково и сельца Засилье. Он также просил в Ржеве Пустой выморочное поместье Семена Потапова[4].

Через 2 месяца, 30 октября 1610 г., тот же Иван Симанский просил у короля Сигизмунда дополнительно поместья в Псковском уезде *«Вревском пригороде Воронцово приписанное ко Дворцу поместье Михаила Бурцева, которое было за Никитой Карамышевым»*[5]. О судьбе бывших владельцев этих поместий Михаила Бурцева и Никиты Карамышева в источнике ничего не сказано.

В этот же день, 30 октября 1610 г., получили от польского короля Сигизмунда земельные пожалования и другие пусторжевские, псковские и луцкие помещики, в том числе Семен Бухвостов – поместье Ивана Косицкого и Дружины Карамышева в Ржеве Пустой, Семен Гаврилов с сыном Василием – поместье Нечая Беклешова в Псковском уезде, а Федор Григорьев Хомутов – поместье в Луцком уезде[6].

Предстоящая борьба за Великие Луки обещала быть непростой. Это хорошо понимали как Г. Л. Валуев, так и отправивший его И. М. Салтыков. Неожиданно для поляков даже Невель проявил непослушание. Узнав о зверствах литовских людей в Торопецком уезде (о чем жаловался сам И. М. Салтыков королю Сигизмунду III), жители Великих Лук и Невеля решили не подчиняться приказам И. М. Салтыкова: *«Слыша про их такое разоренье, Луки Великие и Невль хотят от них сидети в осаде, и Вам, великим Государям, креста целовати не хотят»*[7]. Возможно, что в это время воеводами в Луках оставались прежние, тушинские, которые были летом 1610 г., – князь В. А. Шаховской и П. А. Горяинов.

Первая попытка Григория Валуева осенью 1610 г. укрепиться в Великих Луках закончилась неудачно. Всему виной оказался бывший тушинский воевода и соратник Александра Лисовского казачий атаман Андрей Просовецкий.

Уже говорилось, что тушинские военачальники Лисовский и Просовецкий в августе 1610 г. прибыли на помощь Пскову. Вскоре псковичи

[4]Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях (далее – Реестр челобитий). Под Смоленском, 1610 г. (Из Литовской метрики) // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 : Смутное время Московского государства. Вып. 8 / под ред. и с предисловием Л. М. Сухотина. М., 1911 (ЧОИДР. 1911. Кн. 4). С. 106.

[5]АЗР. Т. 4. № 183–CDXLIII. С. 367.

[6]Там же. № 183–CDLX, CDLXII, CDLXIV. С. 369.

[7]СГГД. Ч. 2, № 209. С. 456–457.

отправили таких опасных союзников на север для борьбы со шведами, которые осадили псковские пригороды Ям и Ивангород. К этому времени лисовчики уже пропили и проиграли все награбленное в ходе предыдущего похода и стали представлять угрозу для псковичей. Горожане обещали собрать казну и отправить деньги к Ивангороду после того, как Лисовский избавит этот город от вражеской осады. Там Лисовский вначале действовал довольно успешно, даже пытался двумя приступами взять шведский лагерь, при этом значительная часть наемников перешла на его сторону. По словам шведского королевского историографа второй половины XVII в. Юхана Видекинда, *«более 2 тысяч иноземцев бежало к неприятелю, среди них больше всего ирландцев».* Немецкий ландскнехт Конрад Буссов приводил сведения о 500 англичанах и 300 ирландцах, перешедших на сторону Лисовского. Эти явно завышенные цифры все же ближе к истине[8].

Потерпев в дальнейшем ряд неудач под Ямом от шведского военачальника Эверта Горна, Лисовский и Просовецкий в сентябре 1610 г. повернули назад к Пскову. В это время на север проникли известия о присяге москвичей королевичу Владиславу, были получены грозные письма от И. М. Салтыкова, а также письма польского короля, в которых он прощал Лисовского за его прежние грехи.

В источниках говорится о боях между бывшими соратниками по тушинскому лагерю Лисовским и Просовецким в районе Гдова. Казаки Просовецкого и слышать не хотели о присяге новому московскому царю – польскому королевичу Владиславу, не желали вступать в союз с польским королем и литовским гетманом Ходкевичем. Известно, что Лисовский вел переговоры о совместных действиях против шведов с гетманом Ходкевичем. О контактах Лисовского и польского ставленника в Новгороде боярина И. М. Салтыкова сведений не сохранилось, но они теперь становились союзниками, поддерживая нового царя Владислава Сигизмундовича, чего нельзя сказать о казаках Просовецкого. Об этих событиях так писал сам И. М. Салтыков королю Сигизмунду: *«Октября в 16 день приехали ко мне в Новгород от воровских людей, от Лисовского, татары – Янгильдей Янсупин с товарищи 30 чел. И в расспросе сказали, что Лисовский пришел было под Псков; и которые казаки были с Лисовским да с Андреем Просовецким со всеми казаками от Лисовского отстали, и от самого Ивангорода по Псков у них меж*

[8] *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 161; *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 147.

себя с Лисовским был бой и убили де меж себя на обе стороны с тысячу человек и подо Псковом де разорвались: Лисовский с Немцы и с Литвою стал пятьдесят верст от Пскова в Острове, а с ним немцы и черкасы. А Просовецкий стал с казаки двадцать верст от Пскова»[9].

Псковский летописец также сообщает, что *«Лисовский с Литвою и с немцами мимо Пскова шел, и стал в пригородех Псковских»*. Псковичи не пустили к себе ни Лисовского, ни Просовецкого. Автор Нового летописца также отмечает, что при возвращении из-под Ивангорода в Псков казаки Просовецкого *«... тут с Литовскими людьми разошлись»*[10].

Таким образом, в начале октября 1610 г. Лисовский устроил себе временную базу в южном псковском пригороде Острове. 16 октября об этом стало известно находящемуся в Новгороде И. М. Салтыкову. Это донесение И. М. Салтыкова – одно из немногих упоминаний об Острове в Смутное время.

А. З. Просовецкий недолго находился в окрестностях Пскова. В конце октября – начале ноября 1610 г. он со своими казаками-тушинцами двинулся в сторону Москвы. Путь его отряда проходил через Великие Луки. Теперь Просовецкий фактически начал борьбу против польского короля Сигизмунда и его воеводы Григория Валуева. В первом сражении Г. Л. Валуев потерпел поражение и вынужден был бежать из Великих Лук в лагерь короля под Смоленск за помощью. В Новом летописце отмечено: *«Той же Андрей Просовецкий пойде в луцкой уезд и сшелся с Григорием Валуевым под Луками Великими, и Луки Великие взяша и высекоша и выжгоша»*[11]. Некоторые исследователи считают, что слово «сшелся» в Новом летописце означает «соединился» и что здесь речь идет о совместных боевых действиях против общего врага. Врагами Г. Л. Валуева в то время в Луках могли быть только сторонники Лжедмитрия II, ведь Василий Шуйский уже находился в польском плену, а освободительное движение против поляков еще не возникло. И. О. Тюменцев так пишет о событиях, произошедших после отступления лисовчиков из-под Яма и Ивангорода: *«Александр Лисовский и Андрей Посовецкий хотели вновь остановиться в Пскове, однако посадские, напуганные недавними габежами и бесчинствами*

[9] СГГД. Ч. 2, № 209. С. 459–460.

[10] Псковская летопись / издание Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. П. Погодиным. М., 1837 (далее – ПЛ). С. 227; Псковские летописи : Псковская первая летопись // ПСРЛ. Т. 4, вып. 3 (далее – ПСРЛ. Т. 4). СПб., 1848. С. 329; Новый летописец. С. 102. Гл. 243.

[11] Новый летописец. С. 102. Гл. 243.

лисовчиков, на этот раз не пустили их в город. Обозленные лисовчики и казаки захватили псковский пригород Воронач. Здесь пути А. Лисовского и казаков разошлись. Русские воины отряда лисовчиков, соединившись с отрядом А. Посовецкого, ушли к Великим Лукам. Здесь бывшие тушинцы присоединились к правительственному отряду Г. Валуева и помогли ему "высечь" Великие Луки»[12].

Судя по данной цитате конфликт при возвращении из-под Ивангорода произошел не между Лисовским и Просовецким, а между Лисовским и Просовецким с одной стороны и местными приверженцами самозванца – с другой. По мнению И. О. Тюменцева, оба предводителя в то время были еще в союзе друг с другом. Пути Лисовского и казаков Просовецкого разошлись, как считает этот автор, не в районе Гдова, а после того, как псковичи не пустили тех и других к себе в Псков. И. О. Тюменцев отмечает, что конфликт между Лисовским и Просовецким произошел после их совместной операции по взятию южного псковского пригорода Воронач, а далее Просовецкий выступает в союзе с Г. Л. Валуевым под Великими Луками, хотя, судя по словам татарина Янгильдея Янсупина, этот кровавый конфликт между бывшими союзниками произошел еще по пути из Ивангорода в Псков. Что касается Воронача, то Лисовский установил контроль над этим городом позже, зимой, а в начале октября 1610 г. он укрепился в Острове, если верить показаниям Янгильдея Янсупина.

По нашему мнению, логичнее будет такая последовательность событий в Луках: сначала власть в городе была в руках сторонников самозванца Лжедмитрия II (до октября 1610 г.), затем у польского ставленника Григория Валуева (октябрь-ноябрь), а потом у врага поляков и Валуева Андрея Просовецкого (ноябрь-декабрь), которого, как увидим далее, зимой 1610/1611 г. снова изгонит из города Григорий Валуев.

Что касается дальнейшей судьбы Лисовского и Просовецкого, то с осени 1610 г. пути бывших соратников-тушинцев действительно разошлись: Просовецкий весной 1611 г. стал одним из руководителей ополчения Прокопия Ляпунова под Москвой, а Лисовский получил прощение от польского короля и в дальнейшем действовал по его указаниям в союзе с Григорием Валуевым.

Судя по сведениям автора Псковской летописи уже в конце декабря 1610 – январе 1611 г. («после Рождества Христова») Лисовский попытался захватить Псково-Печерский монастырь. Он пришел *«изгоном с Немцами и с Литвой тайно под Печеры»*. При этом были захвачены

[12] *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия : Движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008. С. 540.

«острог и торги все и много множества всякого богатства». Не сумев взять штурмом хорошо укрепленный монастырь, потерпев здесь неудачу, Лисовский напал на Изборск, но был отбит. Летописец сообщает, что Лисовский *«... и под Изборском был и дрался со псковскими ратными и под Островом и под Опочкой и стал на Вороноче, и воевал Псковщину; а Литвы и Немец 2000 с ним»*[13]. О нападении Лисовского на Опочку в это время по другим источникам неизвестно, но думается, что данное летописное известие заслуживает внимания. Сведения о новой базе Лисовского в Вороноче в феврале 1611 г. согласуются с данными Конрада Буссова. После своих разбойничьих рейдов по окрестным землям Лисовский спешил к этой крепости и укрывался за высокими деревянными стенами с башнями и бойницами, стоявшими на мощном земляном валу.

Летописец отмечал, что Лисовский *«воевал мало не четыре года на Псковщине»*, продолжая совершать нападения на псковские пригороды. По словам летописца, Лисовский *«многие пакости творит во Псковщине, с Детьми Боярскими Русскими и с Литвой, подо все пригороды, яко волк искрадом хватая и поядая»*[14]. Позже, в 1614–1616 гг., мы видим Лисовского под Смоленском, Орлом и в других местах (он умер в 1616 г.).

Но вернемся к событиям в Великих Луках зимой 1610/1611 г. 6 декабря 1610 г., отправляя Григория Валуева из-под Смоленска в новый поход к Великим Лукам, король одновременно послал грамоты в Псков, Ям, Копорье, Ржеву Пустую, Невель и Луки, требуя, чтобы жители присягнули ему, Сигизмунду, как своему государю, «штобы обратились ко господарю»[15]. Судя по этой грамоте в начале декабря 1610 г. Ржева Пустая, Невель и Луки оставались противниками польского короля.

В конце декабря 1610 г., в канун Рождества, Григорий Валуев со свежими силами внезапно напал на Великие Луки и снова укрепился в этом городе. Об этом сообщает псковский летописец, который внимательно следил за тем, что происходило в Великих Луках: *«Того ж лета на рождество Христово Григорий Валуев, пришед от короля из-под Смоленска, Литвы и детей боярских Русских собрав, и пришед в ночи искрадом Луки Великие высек, многое множество православных христиан, и выжег»*[16].

Об этих боях Григория Валуева под Великими Луками позже, во время переговоров осенью 1615 г. под Смоленском, вспоминали

[13] ПЛ. С. 228.
[14] Там же. С. 230.
[15] АЗР. Т. 4. № 183–DCLXXXIV. С. 394.
[16] ПЛ. С. 228.

польские комиссары, когда приводили примеры совместной борьбы русских и поляков против сторонников самозванца: *«А иных ратных людей в тую ж пору послал пан гетман с Григорьем Волуевым, очищати Великих Лук и иных городов, которые еще были за вором, а иных послал с боярином с Иваном Михайловичем Салтыковым на Новгородскую украину, очищати ее от Немец. И на тех на боех с воровскими и с Немецкими людьми за Московское господарство много братьи нашее полегло, а Великие Луки и иные места к Московскому господарству очистили»*[17].

По-видимому, казаки Просовецкого – сторонники Лжедмитрия II, – потерпев поражение от отрядов Г. Валуева, только теперь отправились дальше к Москве, куда прибыли в марте 1611 г. По пути они узнали, что в декабре 1610 г. их царь Дмитрий Иванович был убит в Калуге Петром Урусовым. Вскоре большинство сторонников самозванца во главе с князем Д. Т. Трубецким и атаманом Иваном Заруцким присоединилось к освободительному движению против поляков и Семибоярщины, которое возглавил Прокопий Ляпунов.

Григорий Валуев в итоге сумел подчинить польскому королю Великие Луки и Невель. В дальнейшем Великие Луки и его воевода Григорий Валуев вплоть до лета 1613 г. вместе с Невелем и Ржевой Пустой (Заволочьем) будут поддерживать поляков и Лисовского. Многие луцкие дети боярские находились среди лисовчиков. Ряд помещиков Луцкого уезда вслед за Григорием Валуевым присягнули королевичу Владиславу и получили новые земельные пожалования от польского короля.

Попытаемся выяснить, кто же из луцких помещиков в 1611–1612 гг. сражался на стороне польского короля Сигизмунда и королевича Владислава вместе с Григорием Валуевым. Среди челобитчиков королю Сигизмунду (январь 1611 г.) можно назвать нескольких помещиков из Великих Лук. Луцкий помещик Мокей Petniev (Петнев?) просил поместье вдовы Дарьи, а другой луцкий помещик Абрам Внуков Тютчев – поместье деда Третьяка и отца Внука в этом же уезде[18]. 30 января 1611 г. уже известный нам Петр Лукомский и Федор Арбузов получили от польского короля поместья в Луках и на Невеле[19].

[17]Ответ второй Литовско-Польских послов московским царским послам, на съезде под Смоленском. 1615, в конце ноября // АЗР. Т. 4, № 209. С. 478.

[18]Реестр жалованных листов короля Сигизмунда русским людям на вотчины и поместья (далее – Реестр жалованных листов). Под Смоленском, 1611 г. (Из Литовской метрики) // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 / под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. (М., 1911). С. 121.

[19]Реестр жалованных листов. С. 122.

Воевода Великих Лук Григорий Валуев и его родственник Степан Андреевич Валуев в 1611 г. в челобитной королю Сигизмунду и королевичу Владиславу просили дать им в Невельском уезде *«на Невле Николскую волостку Плиского в вотчину»*. Оба Валуевы хотели отказаться от своих старых поместий в Луках *«в Дунявском, и в Михайловском и в Селчиском стану селцо Струбы да селцо Путилово»*, которые были разорены, *«по воровскому указу были в роздаче и от воров запустело»*. Эти разоренные поместья в Луцком уезде челобитчики Валуевы просили *«взяти на себя на государя»*, предлагали превратить их в дворцовые земли[20].

Польского ставленника Григория Валуева также поддерживали некоторые помещики Пусторжевского уезда. Судя по челобитным королю Сигизмунду о пожалованиях среди таких помещиков можно назвать пусторжевцев Данилу Шестунова и Бориса Головина, которые 30 января 1611 г. получили старое поместье в Ржеве Пустой, а также поместье другого пусторжевского помещика Федота Чихачева, который был противником короля. В документах более позднего времени, относящихся к августу 1612 г., отмечено, что Федота Чихачева «в воровстве не стало»[21].

Среди других челобитчиков королю Сигизмунду (январь 1611 г.) можно назвать Ивана Горяинова (родственника прежнего воеводы Лук Петра Горяинова). Этот пусторжевский помещик просил дать свою вотчину и поместье Петра Кобылина в Пусторжевском уезде[22].

В данном источнике (Реестр жалованных листов и Реестр челобитий из Литовской метрики) весь текст включая названия населенных пунктов и имена дается на польском языке, поэтому возможны искажения в названиях. И. С. Рябинин, который напечал эти польские отрывки из Литовской метрики, не решился делать перевод данного текста с польского на русский язык во избежание ошибок в названиях и именах.

Публикатор данного источника Л. М. Сухотин также не стал помещать эти польские названия в географический указатель. Он писал в предисловии к данному сборнику документов: *«Во второй из указателей, географических названий, не включены польские отрывки, напечатанные И. С. Рябининым: дело в том, что отрывки эти сплошь испещрены массой географических названий, в большинстве случаев неверно*

[20] Челобитные польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу. 1611 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2, № 172–1. Стб. 698–699.

[21] Реестр жалованных листов. С. 121.

[22] Там же.

записанных, и восстановление действительных, правильных названий далеко не всегда возможно»[23].

Зимой 1611 г. перешедший на сторону польского короля бывший тушинский военачальник Александр Лисовский совершил глубокий рейд по уездам Псковской земли и перекрыл пути сообщения Пскова с южными пригородами. В итоге Себеж, Опочка и Красный оказались отрезанными от Пскова. Теперь Пскову угрожали с юга два польских ставленника, Лисовский и Валуев, а с запада, со стороны Порхова, – сторонники новгородского правительства И. М. Салтыкова. Отношения со шведами («Нарвскими немцами») также продолжали оставаться враждебными.

И в это время войска литовского гетмана Ходкевича начали наступление на Псковщину со стороны Ливонии и осадили Псково-Печерский монастырь. Потерпев здесь неудачу, после полутора месяцев осады монастыря (март–май 1611 г.) Ходкевич летом 1611 г. отправился к Москве, куда он в сентябре 1611 г. в первый раз доставил припасы для осажденного польского гарнизона. Всё это время велась интенсивная переписка о совместных действиях между Ходкевичем и Лисовским. Лисовский отказался присоединиться к Ходкевичу, ссылаясь на то, «что легкоконных воинов он не может набрать» и что король приказал «ему внимательно следить за Псковом»[24].

В это время (зимой 1611 г.) под контролем Лисовского находились южные пригороды Остров и Вороноч. Другие пригороды – Красный, Опочка и Себеж – продолжали ориентироваться на Псков и действовали в зависимости от ситуации.

Пока польский король Сигизмунд укреплял свое влияние в пограничных городах Северо-Запада, на историческую арену выходит новое лицо – неожиданно воскресший царевич Дмитрий (Лжедмитрий III), который в марте 1611 г. появился в Ивангороде, а летом 1611 г. предпринял поход на Псков. Прежнего самозванца, Тушинского вора Лжедмитрия II, убил в декабре 1610 г. в Калуге Петр Урусов, но многие люди на Псковщине поверили в его спасение. С другой стороны – в результате захвата Новгорода шведами в июле 1611 г. теперь уже новгородцы и шведы в августе 1611 г. предпринимают поход на Псков, чтобы установить контроль над городом и псковскими пригородами. Повторилась ситуация

[23] *Сухотин Л. М.* Предисловие // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611: Смутное время Московского государства. Вып. 8 / под ред. и с предисловием Л. М. Сухотина. М., 1911. С. XXXV.

[24] *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 173; *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб. : Европейский Дом, 2008. С. 264; ПЛ. С. 228.

1609 – первой половины 1610 г., когда сторонники Василия Шуйского, новгородцы и их союзники шведы, совершали походы против мятежного Пскова. Еще одна сила, которая постепенно начинает набирать своих приверженцев, – освободительное движение против поляков под Москвой. К руководителю Подмосковного ополчения Прокопию Ляпунову псковичи отправляли своих гонцов с просьбой о помощи, но так и не дождались ее. Им пришлось принимать решение в пользу воскресшего царевича Дмитрия (в источниках его называют Псковский Вор Сидорка или Матюшка).

К лету 1611 г. обстановка на Псковщине сложилась следующая. Псков и некоторые южные пригороды не признали нового царя Владислава и присоединились к освободительному движению против поляков, возглавляемому Прокопием Ляпуновым. Контроль над Псковом пытались установить поляки (Лисовский и Ходкевич), шведы, новгородцы, а также появившийся в Ивангороде Лжедмитрий III. Эту ситуацию хорошо охарактеризовал псковский летописец. Он привел краткое содержание письма псковичей, с которым они обратились за помощью к руководителям Подмосковного ополчения: *«... послаша псковичи челобитщиков ко всей земли к князю Дмитрею Трубецкому и Ивану Заруцкому под Москву, что Лисовской с немцами а Хотков под Печерами стоит, а новгородцы с немцами мало отходят, а от Иванягорода Вор наряжается подо Псков на осад, многие напасти ото всюду сходятся, а помощи ниоткуду нет»*[25].

Летом 1611 г. Лжедмитрий III предпринял поход из Ивангорода к Пскову, надеясь на поддержку казаков, стрельцов и «меньших людей». Узнав о захвате шведами в ночь на 16 июля Великого Новгорода, самозванец стал рассылать во все города грамоты с призывом признать его своим царем и бороться против польских и шведских захватчиков, которые угрожают разорением всем православным христианам. Он указывал на свое чудесное спасение, заявляя, что отказался от предложения шведского короля, потому что чужеземцы и раньше, при вторжении поляков, приносили русским только несчастья, и особенно потому, что ныне шведы показали себя врагами, захватили Новгород и осквернили святыни русские. Лжедмитрий III призывал поэтому всех верных русских идти к нему на службу против *«чужеземных насмешников для защиты религии и страны»*[26].

Мы видим в обращении Лжедмитрия III патриотические ноты, призыв к защите страны и религии от чужеземных захватчиков. В отличие

[25] ПСРЛ. Т. 4. С. 329.

[26] *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 270.

от первых двух самозванцев, поддерживаемых чужеземцами (поляками), Лжедмитрий III борется с иностранными оккупантами. По иронии судьбы он в этот период (осень 1611 – весна 1612 г.) – единственный борец на Севере против шведов и поляков и сражается как против шведского военачальника Эверта Горна, так и против польского военачальника Лисовского, правда, не совсем удачно.

Усиление Лжедмитрия III не могло не обеспокоить поляков и шведов. Узнав о продвижении самозванца к Пскову, шведский военачальник в Новгороде Якоб Делагарди принял решение отправить против него из захваченного Новгорода своего лучшего полководца Эверта Горна. С одной стороны, шведы надеялись захватом Пскова ликвидировать все движение сторонников самозванца, а с другой – боялись, что тот, укрепившись в Пскове, изгонит их самих из Новгорода. Положение шведов в Новгороде было еще недостаточно прочным.

Особый интерес для выяснения положения в южных псковских пригородах осенью 1611 г. представляет донесение Эверта Горна от 8 сентября 1611 г. к шведскому главнокомандующему в Новгороде Я. Делагарди. Содержание этого письма из архива Делагарди в Тарту привел Г. А. Замятин. В это время Э. Горн находился под Псковом, пытаясь штурмом взять город, а самозванец незадолго до этого бежал из-под Пскова на север к Гдову. В своем донесении от 8 сентября 1611 г. Э. Горн сообщал о том, что Лисовский за 4–5 дней до этого захватил псковский пригород Красный. Таким образом, в начале сентября 1611 г. Лисовский устроил себе новую базу в Красном. По сообщению Э. Горна, в отряде Лисовского было не более 400 человек[27]. Псковский летописец добавляет, что *«Олисовский Красный взял и казаков побил многих».* Возможно, в состав гарнизона Красного в то время входили казаки, отправленные из Пскова. Неизвестно, кто был начальником гарнизона в Красном в это время. Накануне Смуты в течение ряда лет в Красном в качестве воеводы упоминается «осадная голова Глеб Скобельцын».

Следует отметить, что крепость Красный в последующем в источниках не упоминается до того времени, когда встал вопрос об уступке ее полякам по условию Деулинского перемирия (декабрь 1618 г.). По-видимому, служилые люди из этой крепости покинули ее и перебрались в соседнюю Опочку, а некоторые присоединились к Лисовскому.

Лисовский после нескольких столкновений со шведами теперь стал более осторожным, предпочитая находиться в удалении от места боев

[27]См.: *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 271–272.

псковичей и шведов (шведы отправляли в южные и западные окрестности Пскова свои конные отряды для сбора продовольствия). Поэтому в августе-сентябре 1611 г. он отступил от ближайшего псковского пригорода Острова на юг, к Красному. Крепость Острова через какое-то время после ухода Лисовского была приведена псковичами в боеготовое состояние и вскоре стала надежной защитой Пскова с юга от вражеских нападений.

Что касается Лисовского, то он решил со стороны наблюдать, как псковичи воюют со шведами. Он использовал благоприятный момент, зная, что все силы Пскова брошены на отражение шведских приступов, псковичи не могут помочь своим южным пригородам (Красному, Опочке и Себежу). Теперь, после захвата Красного, Себеж и Опочка оказались отрезанными от своего «старшего брата» Пскова.

Именно к этому времени относятся сведения летописи, что *«того ж лета отошли немцы от Лисовского за рубеж в Литву»*[28]. Речь здесь идет об англичанах и ирландцах, которые осенью 1610 г. перешли на сторону Лисовского и после этого почти год воевали в составе его войска. Контракт с Лисовским наемники-иноземцы обычно заключали на год, а затем – либо увольнение, либо заключение нового контракта.

Конрад Буссов также указывал, что Лисовский, после того как взял Красный *«летом 1611 года, уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с каковыми он остался в той же крепости и сохранял её для его величества короля польского»*[29].

В войске Лисовского в это время были и пусторжевские помещики. Количество таких помещиков, присягнувших польскому королю Сигизмунду после свержения Василия Шуйского и избрания москвичами царем королевича Владислава, значительно возросло. Если ранее счет их шел на единицы, то после августа 1610 г. известны имена уже десятков таких помещиков. Среди них – указанные ранее пусторжевцы Богдан Рокотов, Иван Леонтьевич Симанский, Иван и Яков Тихоновичи Симанские, Семен Бухвостов, Данила Шестунов, Борис Головин, Иван Горяинов, а также некоторые псковичи.

В начале декабря 1611 г. Лжедмитрий III вступил в Псков и устроил здесь свою базу, теперь его стали называть Псковский вор Сидорка. К этому времени его власть признали вслед за Псковом служилые люди Опочки и Себежа, а также Заволочья.

Что касается «политической ориентации» Опочки и Себежа, то здесь ситуация простая. Все годы Смуты на Севере начиная

[28] ПСРЛ. Т. 4. С. 329.

[29] *Буссов К.* Указ. соч. С. 161.

с сентябрьских событий 1608 г. Опочка и Себеж подчинялись «старшему брату» Пскову. Какую власть признавал Псков, такую же власть поддерживали и служилые люди Опочки и Себежа (сначала самозванцев Лжедмитрия II и Лжедмитрия III, потом руководителей ополчения под Москвой, а далее – нового царя Михаила Романова). Воеводы в Опочку и Себеж назначались из Пскова. В частности, в одной из разрядных записей отмечено, что еще в 1612 г. воеводами Опочки были Иван Семенович Бороздин и Богдан Михайлович Аминев. Эти воеводы находились в Опочке и позднее, в 1614 г., как отметил в свое время Л. И. Софийский. Особый интерес представляет следующая фраза относительно воевод Бороздина и Аминева в данной разрядной записи: *«... отпущены изо Пскова в 120-м году»*[30]. 7120 год начинается 1 сентября 1611 г. и завершается 31 августа 1612 г. В течение этого периода Иван Бороздин и Богдан Аминев приехали из Пскова в Опочку. Трудно сказать, то ли они прибыли как воеводы Лжедмитрия III, после того как этот самозванец укрепился в Пскове в декабре 1611 г., то ли их отправил в Опочку псковский воевода князь И. Ф. Хованский уже после свержения этого самозванца в мае-июне 1612 г. В любом случае начальную дату воеводства в Опочке Бороздина и Аминева можно перенести назад на два года (следует считать не 1614 г., а 1612 г.). О воеводах Себежа в 1611–1612 гг. будет сказано отдельно.

Если говорить о Заволочье и Пусторжевском уезде, то за эти город и уезд развернулась упорная борьба с переменным успехом между сторонниками Псковского вора Сидорки и польским ставленником Григорием Валуевым. Что касается Григория Валуева, то осенью 1611 г. его люди потерпели тяжелое поражение под Луками от отрядов Подмосковного ополчения Трубецкого и Заруцкого. Здесь основными героями событий выступают служилые люди из Торопца и торопецкий воевода князь Семен Никитич Гагарин. Уникальная информация об этих событиях, сведения о которых по другим источникам пока обнаружить не удалось, содержится в Бельском летописце.

Отметим, что специальные работы о Торопце в Смутное время отсутствуют. Поэтому большую ценность имеет следующая запись в Бельском летописце о событиях лета-осени 1611 г.: *«А луцком взятье. Того же году летом посылал ис Торопца князь Семен Васильевич Прозоровской под Луки Великие на литовских людей товарища своего князя Семена Гагарина с ратными людми розных городов. И князь Семен Гагарин пришед под Луки Великие изгоном, и Луки Великие город взял, и в*

[30]Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 296.

городе поляков пана Воина Есинетцкого с товарыщи взяли, и Луки Великие выжгли. А руские люди с Лук Великих разошлися по городам Московского государьства, а Луки Великые покинули пусты и без остатков»[31].

О судьбе Григория Валуева в Бельском летописце ничего не говорится. Возможно, он в это время отсутствовал в Луках. В этом городе Валуев оставил своего помощника пана Воина Есинецкого. В результате внезапного нападения отряда Семена Гагарина на Луки значительная часть гарнизона во главе с Есинецким была захвачена в плен. Перед возвращением в Торопец Семен Гагарин приказал выжечь до основания эту укрепленную польскую крепость – Великие Луки. С 1612 г. сведения о Великих Луках надолго пропадают в источниках. После избрания Михаила Романова в этот город воеводы долго не назначались. Служилые люди и жители Великих Лук разошлись по окрестным уездам. Значительная часть их ушла с Григорием Валуевым в Невель и Ржеву Пустую, некоторые присоединились к освободительному движению против поляков и перебрались в Торопец. Успешный поход Семена Гагарина против Великих Лук – оплота польского короля Сигизмунда на Северо-Западе – несколько облегчил положение Пскова, которому угрожали враги со всех сторон.

Себеж в 1611–1612 годах

С конца 1611 г. основной базой польского ставленника Григория Валуева стал Невель. Вместе с ним там же оказались многие луцкие помещики, сторонники королевича Владислава, а также пусторжевские помещики, получившие пожалования от короля Сигизмунда (другая часть пусторжевских помещиков – сторонников поляков – воевала в войске Лисовского в Красном). Остальные пусторжевские помещики присягнули Лжедмитрию III и ориентировались на Псков.

Соседний с Великими Луками Невельский уезд в это время стал объектом раздачи земли верным слугам польского короля из числа русских людей самых высших разрядов, в том числе думных чинов. Известно, что еще в сентябре 1611 г. печатник и думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин получил от королевича Владислава в Невельском уезде целую Никольскую волость Плесково. Это раньше были дворцовые земли. Дьяк И. Т. Грамотин получил все села, починки, деревни и пустоши со всеми угодьями. От имени царя Владислава по указанию коменданта Москвы Александра Гонсевского была написана грамота *«старостам,*

[31] Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 259.

целовальникам и всем крестьянам, которые в той волости живут в деревнях и починках». Это указание польский комендант дал руководителю Семибоярщины боярину Федору Ивановичу Мстиславскому, что тот незамедлительно и исполнил 22 сентября 1611 года[32].

Служилые люди из Себежа, Опочки и Ржевы Пустой, которые подчинялись Пскову, не могли спокойно наблюдать, как Невель превращается в оплот поляков на Псковщине. Известно о случаях нападения сторонников самозванца Лжедмитрия III на Невель. Об одном из таких походов к Невелю, который произошел, судя по всему, в конце 1611 – начале 1612 г., упоминал сам Григорий Валуев, жалуясь польскому королю Сигизмунду на пропажу ряда своих документов о пожалованиях. Позже, летом 1612 г., он писал королю Сигизмунду и канцлеру Льву Сапеге, что когда уезжал из Невеля к королю, сторонники самозванца напали на Невель и уничтожили королевскую дарственную грамоту на Никольскую волость, и просил короля дать ему новую грамоту. В августе 1612 г. по этой челобитной Григория Валуева в Вильно было принято положительное решение и ему выдали новую дарственную грамоту[33].

Сведения о том, что Невель в 1612 г. на какое-то время оказался в руках противников польского короля Сигизмунда, косвенно подтверждает челобитная королю вдовы луцкого помещика Буслая Бибикова Татьяны. В начале челобитной она сообщала, что ее мужа убили под Белевом воровские люди в 115 году. Следовательно, ее муж участвовал в 1606/1607 г. вместе с другими луцкими помещиками в боях против Болотникова. У мужа вдовы ранее было поместье в двух местах – в Ржеве Пустой и в Невельском уезде (300 четей). Вдова жаловалась, что этим поместьем ныне владеет сын погибшего, Алексей Буслаев сын Бибиков, ее пасынок, а ее он не кормит, «она волочится межи дворов». Далее вдова в челобитной доносит на своего пасынка: «А ныне он нам изменяет, сидит на Невле». Фраза о том, что изменники польскому королю сидят на Невеле, подтверждает тезис о том, что Невель был какое-то время в руках противников поляков. Вдова просит дать часть поместья «на прожиток от пасынка ей в отвод». Власти с осторожностью отнеслись к сообщению вдовы об измене пасынка и приняли решение разделить поместье ей с пасынком полюбовно, со ста четвертей дать ей 20 четвертей[34].

[32] Дела Московского Поместного приказа // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611: Смутное время Московского государства. Вып. 8 / под ред. и с предисловием Л. М. Сухотина. М., 1911 (ЧОИДР. 1911. Кн. 4). С. 75.

[33] АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXV. С. 416.

[34] Там же. № 183–DCCCIII. С. 424.

Польский король Сигизмунд III, видя, что положение нового самозванца упрочилось, решил направить Лисовского против Псковского вора. Летописец сразу за известием о прибытии самозванца в Псков в декабре 1611 г. говорит о нападении Лисовского на «слободу Стрелецкую возле Мирожи реки», который при этом «много зла учинил» псковичам[35]. Нападение Лисовского на Стрелецкую слободу Пскова зимой 1611/1612 г. является реакцией со стороны Польши на усиление самозванца. В свою очередь казаки Лжедмитрия в это время совершали набеги из Пскова в шведскую и польскую Ливонию, к Дерпту. Самим псковичам не нравились эти набеги, так как именно оттуда в Псков поступал хлеб, они были заинтересованы в мирных отношениях с Дерптом. Псковская летопись винит в набегах на Дерпт воеводу самозванца Никиту Дмитриевича Вельяминова: *«Той же Никита посылал ратных людей в замиреные места, отколе хлеб шел во Псков, воевати для своей корысти; и оттого стал хлеб во Пскове дорог, а людям всяким погибель последняя»*[36].

Усиление Лжедмитрия III в Пскове не могло не обеспокоить поляков и шведов. Шведский военачальник Я. Делагарди пытался привлечь для борьбы с Псковским вором не только Лисовского, но и Григория Валуева, который теперь находился в Невеле. Это стремление привлечь Лисовского и Валуева к совместной борьбе против Лжедмитрия III говорит о неспособности шведов своими силами справиться с самозванцем, тем более что весной 1612 г. Лжедмитрию III присягнули казаки ополчения Трубецкого и Заруцкого под Москвой.

Шведы и поляки, заключившие местное перемирие, начали совместную операцию против Лжедмитрия III и Пскова. Сохранилось письмо Я. Делагарди к А. Лисовскому от 23 января 1612 г. (письмо полностью опубликовано В. А. Кордтом), в котором шведский военачальник призывает Лисовского соблюдать заключенное перемирие и выступить совместно «против мятежного мнимого Димитрия», потому что этот самозванец стремится нанести вред и полякам и шведам[37]. Незадолго до этого, 13 января 1612 г., в Старую Руссу прибыл из Коломенского погоста, самого южного в Старорусском уезде, Степан Палицын, кото-

[35] ПСРЛ. Т. 4. С. 330.

[36] См.: ПЛ. С. 230; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 241.

[37] *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 222; *Кордт В. А.* Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. 14–16; *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 277.

рый сообщил, что в Холмском уезде в селе Зуево находится Лисовский с литовскими людьми[38].

Вряд ли было случайным совпадением, что уже через три недели после письма Я. Делагарди мы видим Лисовского, действующего совместно со шведами против оплота Лжедмитрия III – Псково-Печерского монастыря. 10 февраля 1612 г. польский отряд Лисовского и шведский отряд Йохана Фаренсбаха предприняли совместную операцию против Псково-Печерского монастыря, в результате которой вновь были разорены окрестности обители[39]. В это время в Печерах воеводой был Алексей Юрьевич Пустошкин, а его помощником – стрелецкий сотник Никита Васильевич Белый. Сохранилось письмо этих воевод к пану Станиславу Рагозинскому в Нейгаузен от 20 апреля 1612 г. Воеводы «царя Дмитрия Ивановича» получили из Нейгаузена «лист о миру и добром совете». Такое же письмо с просьбой о мире ливонцы направили в Псков воеводе И. Ф. Хованскому. В ответ печерские воеводы сообщали Рагозинскому, чтобы тот успокоил своих людей: *«Живите по-прежнему безбоязненно, вам от русских людей никакого дурна не учинится»*[40].

Еще одну силу попытались использовать поляки зимой 1611/1612 г. в борьбе с Псковом и его пригородами, которые поддерживали самозванца. Речь идет о запорожских казаках (черкасах), находившихся на службе у польского короля, хотя периодически поднимали восстания против поляков. После разгрома очередного восстания Северина Наливайко в 1594–1595 гг. более четверти века, до середины 1620-х гг., не было слышно о крупных восстаниях запорожцев против поляков. Наоборот, мы видим их в лагере польского короля под Смоленском и во время похода королевича Владислава на Москву в 1618 г. Черкасы поддерживали Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Теперь они предприняли поход на южные псковские пригороды. Все планы черкас перечеркнула скромная псковская крепость Себеж, а точнее, ее защитники.

---

[38]Челобитная (отписка) старорусского воеводы Г. А. Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что в Коломенском погосте крестьян нет, они разбежались от литовских людей, стоящих в Офремовском погосте, а в Холмском уезде стоит Лисовский с литовскими людьми. 1612, января после 16 // RA, NOA. Serie 2: 361. Л. 24–25.

[39]*Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 221–222, 241.

[40]Лист Самозванцевых воевод Пустошкина и Белого в Новый городок, пану Рагозинскому, о пересылке перемирных грамот к Лжедмитрию в Псков, с обещанием жителям безопасности со стороны Русских ратных людей. 1612, апреля 20 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 335. С. 401.

Об этой героической обороне Себежа кратко сообщает псковский летописец: *«Той же зимы пришло под Себеж Литвы 40 000; 7 полковников: Ширяйко и Наливайко и иные, и приступали к Себежу»*[41]. Численность запорожского войска завышена в десять раз, черкас было несколько тысяч. Летописец называет имена руководителей – полковники Ширяйко и Наливайко. Запорожское войско, состоявшее из 7 полков по 500–1000 человек в каждом, представляло серьезную силу. Однако овладеть Себежем, который обороняли несколько сотен стрельцов и казаков, черкасы не смогли. Возможно, повторилась ситуация 1536 г., когда крепостная артиллерия взломала лед на озере и крепость, фактически находившаяся на острове, оказалась неприступной. В окрестностях Себежа в те годы почти не было поместных земель, черкасам негде было достать продовольствие и они двинулись на территорию Шелонской пятины Новгородской земли, контролируемую шведами. Здесь в районе Старой Руссы им пришлось столкнуться с войсками шведско-новгородского правительства.

Р. Г. Скрынников кратко писал о событиях зимы 1611/1612 г. под Себежем. При этом автор, как обычно, не ссылался на источник своей информации. Он отмечал, что запорожские казаки атамана Андрея Наливайко, которые находились на службе у польского короля Сигизмунда III, в конце 1611 г. или в самом начале 1612 г. сделали попытку взять штурмом крепость Себеж, но потерпели неудачу: *«В разгар зимних морозов литовцы пытались захватить Себеж. После неудачи под Себежем отряд запорожцев атамана Наливайко ушел в район Старой Руссы»*[42].

Учитывая, что решающие бои под Старой Руссой начались 11 февраля 1612 г., и принимая во внимание удаленность Себежа от Старой Руссы, можно подсчитать, когда происходил штурм Себежа. Эти события имели место в начале января 1612 г.

Еще один источник позволяет выяснить не только примерную дату этих событий под Себежем, но и имена тех, кто руководил обороной города, а также некоторые другие сведения. Речь идет о письме воевод Себежа полоцкому воеводе («державцу и наместнику») пану Остафью Корсаку-Голубицкому, которое было написано 31 марта 1612 г. уже после этих событий[43]. С момента публикации данного документа (1841 г.)

[41] ПСРЛ. Т. 4. С. 330.

[42] *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М. : Моск. рабочий, 1986. С. 238.

[43] Лист Себежских Самозванцевых воевод Лодыгина и Неелова Полоцкому державцу Корсаку-Голубицкому, о воспрещении Литовцам набегов на Себеж. Себеж. 1612, марта 31 // АИ. Т. 2, № 334. С. 399–401.

прошло свыше 170 лет, однако до настоящего времени псковские краеведы не обращали на него внимания. Поэтому стоит привести подробно его содержание.

В марте 1612 г. воеводами Себежа были Гаврила Васильевич Лодыгин и Иван Андреевич Неелов. По-видимому, они же были в Себеже воеводами и за два месяца до этих событий. Гаврила Васильевич Лодыгин – личность довольно известная. Гаврила Лодыгин был помещиком Шелонской пятины, а при Михаиле Романове стал дворянином московским. Он был начиная с 1617 г. воеводой в Перми, Галиче и других городах, отправлялся во главе посольства в Западную Европу. Гаврила Лодыгин постоянно получал придачи к денежному окладу. В 1610 г. он имел оклад 16 рублей, в 1613 г. – уже 20 руб., а весной 1614 г. получил еще 30 рублей. Последняя придача Гавриле Лодыгину отмечена в августе 1614 г.: *«За службу, и за рану, и за полон, и за терпенье, и за осадное сиденье»* (еще 20 рублей). Итого – 70 рублей[44]. Где именно происходили данные события, не сказано. Но мы знаем, что под этими фразами подразумевается служба Гаврилы Васильевича Лодыгина в 1612 г. воеводой в Себеже, оборона Себежа от черкасов. Под «полоном» можно понимать службу Псковскому вору Сидорке.

Его отец Василий Федорович Лодыгин еще при Борисе Годунове в 1604 г. получал довольно большое жалование из Галицкой чети в размере 30 рублей. В конце XVI в. известен помещик Опоцкого погоста Шелонской пятины Василий Лодыгин. В Кормленой книге 7112 г. (1603/1604 г.) записано, что деньги 30 рублей за отца взял его сын Гаврила Васильевич Лодыгин. Интересно отметить, что поручителем выступал пусторжевец Иван Степанович Бобров, который расписался в получении денег за неграмотного Гаврилу Лодыгина. Тогда же Гаврила Лодыгин взял деньги за своих братьев Ивана Васильевича (10 рублей) и Дмитрия Васильевича (6 рублей). Во всех случаях *«порука по нем в тех денгах»* записан Иван Степанович Бобров[45]. По-видимому, отец и старшие братья Гаврилы Лодыгина Иван и Дмитрий, получавшие жалование из Галицкой чети, находились на службе в отъезде, поэтому Гаврила получил за них деньги.

---

[44]Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 311–356.

[45]См.: Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 12, 29, 36, 356; *Андриашев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской Земли : Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. 1. М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. С. 383–441.

Гаврила Лодыгин и Иван Неелов, а также все жители Себежа подчинялись Псковскому вору Сидорке (Лжедмитрию III), присягнули ему на верность. Когда это произошло, сказать трудно – возможно, вскоре после прибытия самозванца в Псков (5 декабря 1611 г.), а может быть, и несколько ранее. Воеводы гордо пишут о себе: *«Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитреа Ивановича всеа Русии самодержца, его царского величества от воевод...»*.

Далее воеводы Лодыгин и Неелов приводят случаи нападения на Себежский уезд литовских людей *«от Непоротовских и от Пристанских и от Пищенских и от иных волостей»*. Одно из таких нападений произошло в 119 году (1610/1611, т. е. до сентября 1611 г.): *«Приходили они в Государя нашего отчину, в Себежский уезд, с хоружим»*[46].

Следующее нападение на Себеж произошло осенью 1611 г. Литовцы приходили к Себежу *«в нынешнем во 120 году* (следовательно, уже после сентября 1611 г.) *с Висковским, и стояли под Себежем много, и подъем ему давали»*. Эта осада Себежа закончилась поражением польского отряда пана Висковского. В письме воевод Себежа говорится об этой вылазке из крепости кратко: *«Божьей милостью, вышед из города, государя нашего люди Висковского побили и наряд его и многую ратную и нератную рухлядь взяли»*. Судя по всему этот отряд пана Висковского был значительным, осада Себежа продолжалась долго («стояли под Себежем много»), с применением артиллерии, которая досталась в качестве трофеев защитникам крепости.

Еще одно нападение на Себеж напрямую связано с походом черкас. О походе черкас к Себежу говорится лишь в общих словах: *«... и после того тех всех волостей мужики били челом Висковскому, чтоб он поднял под Себеж Запорожских казаков, и в тех статьях многих крестьян побили, и в полон поимали, и деревни пожгли»*. Судя по данному письму черкасы нанесли округе Себежа значительный урон.

Поход черкас к Себежу завершился неудачей, угроза Пскову с юга была ликвидирована.

Кроме похода к Себежу черкас известно о некоторых мелких грабительских нападениях литовских людей на окрестности Себежа. Одно из таких нападений произошло в марте 1612 г., примерно через два месяца после ухода черкас от Себежа к Старой Руссе.

[46] Лист Себежских Самозванцевых воевод Лодыгина и Неелова... // АИ. Т. 2, № 334. С. 399–400.

Воеводы Себежа Г. Л. Лодыгин и И. А. Неелов приводят в своем письме воеводе Полоцка пану Остафью Корсаку-Голубицкому содержание челобитной дворцового крестьянина Себежского уезда «Терехи Демидова сына Оладьевского», представляющей определенный интерес. Этот крестьянин сообщал воеводам Себежа, что в марте 1612 г., *«в нынешнем де во 120 году на пятой недели Великого посту с пятницы к суботе, в ночи»*, произошло нападение на его дворцовую деревню литовских *людей «с Полоцкого повету с Непоротовской волости»*.

Этот крестьянин называет имена литовских людей: *«Пеганко с сыном, да Осташка Шершнев с двемя сыновами, да Огафонка Козихинский, да Ортемко Пунинской с братом и с иными с Литовскими со многими людми»*, которые напали *«разбойным и воинским обычаем»*. Особый интерес представляет перечисление продовольствия, которое после пытки сына этого крестьянина было вывезено грабителями. Мы можем представить себе, чем занимались дворцовые крестьяне Себежского уезда. Эти литовские люди *«вымучили в ямах десять четьи жита* (четь зерна – около 1 центнера), *да взяли четверы пчолы, да четь гороху, да четверть семени конопляного»*. Далее перечисляются имущество и одежда этого потерпевшего крестьянина Терехи Демидова, сына которого «замучили и покинули замертва» («на десять рублев и на тридцать на один алтын»).

Воеводы Себежа в своем письме требуют от полоцкого наместника пана Корсака-Голубицкого наказать грабителей и вернуть захваченное имущество: *«А тем бы еси вором, Пеганку с товарищы, велел наказанье учинити, чтоб иным неповадно было воровати и таких великих задоров всчинати»*. В случае невыполнения этих требований воеводы Себежа обещали совершить такое же нападение и взять у полоцких крестьян вдвое больше.

Далее воеводы Себежа сообщали, что, несмотря на все нападения литовцев, они, воеводы, хотят жить в мире, поэтому приказали своим людям не нападать на пограничные литовские земли, хотя себежцы желали отомстить обидчикам, но вынуждены были терпеть: *«И за все за то Государя нашего ратные люди посяместа им терпели. А мы им повелели были жити в мирном постановенье и в тишине и в покою, и крестьяном и торговым вашим людем к нам, а нашим к вам, съезжатися меж собою и торговати поволно, также и городцким торговым людем ездити с товары волно ж»*[47].

[47]АИ. Т. 2, № 334. С. 401.

Воеводы просили полоцкого наместника провести расследование и выяснить, самостоятельно ли эти грабители «Пеганко с товарищами» совершили нападение или с ведома местных старост, а также требовали поскорей вернуть награбленное. До получения положительного ответа от пана Корсака-Голубицкого воеводы Себежа обещали соблюдать перемирие: *«А мы также Государя своего людем, до твоего листу, задоров всчинати никаких не повелим».*

Из приписки, сделанной в конце письма, мы узнаем, что ранее полоцкий наместник тоже писал себежским воеводам, что он тоже хочет мира на границе, *«чтобы ваши люди и наши в покою и в тишине мирно жили по-прежнему, и по дорогам никого не грабили».* Пан Корсак-Голубицкий просил себежских воевод освободить захваченного себежцами в плен полочанина Гаврилу Дягилева, обещал дать за него выкуп и просил указать место и время, где будет совершен обмен.

Воеводы Лодыгин и Неелов приняли решение, что обмен будет совершен в Себеже за 2–3 дня до Пасхи, заодно рекомендовали, чтобы одновременно приезжали в Себеж литовские торговые люди, и пусть они не боятся, к ним для охраны на рубеж вышлют приставов, *«чтоб им безстрашными ехати, и отпуск им так же отселе будет»*[48]. За рубежом в пограничных землях было в то время много православных, поэтому себежцы рассчитывали, что величайший для всех верующих праздник станет примиряющим фактором для обеих враждующих сторон.

Заволочье под властью Лисовского. Пусторжевские помещики на службе у короля Сигизмунда (1612 год)

Пока происходили переговоры воевод Себежа с полоцким наместником, над Себежем в апреле 1612 г. возникла угроза с востока, со стороны Заволочья. Здесь снова отличился неугомонный Лисовский. Его стремительные рейды по Псковской и Новгородской землям поражают. Мы видим его у Мирожского монастыря, в Холмском уезде, под Печорами. После очередной неудачи под Печорами Лисовский снова отступил в южные пределы Псковской земли. В первой половине апреля 1612 г. он начал новое наступление против Псковского вора, захватив южный пригород Пскова Заволочье (Ржеву Пустую). Псковский летописец, внимательно отслеживавший все похождения Лисовского, писал: *«В тож время Олисовской Заволочье взял, Псковский пригород»*[49].

[48] АИ. Т. 2, № 334. С. 401.
[49] ПСРЛ. Т. 4. С. 330.

Что касается даты взятия Лисовским Заволочья, то у некоторых исследователей существует на этот счет другая точка зрения. А. В. Малов, ссылаясь на документы РГАДА, пишет, что это событие произошло до сентября 1611 г. Он пишет: «В 119-м (1610/1611) г. Лисовский, пополнив свой отряд немцами и шведами вместо ушедших от него русских казаков, захватил "город Заволочье, что во Ржеве Пустой", сделав его на какое-то время своей опорной базой для набегов»[50]. Под шведами автор здесь, по-видимому, подразумевает шведских наемников – англичан и шотландцев, перешедших на его сторону осенью 1610 г. под Ямом и Ивангородом, о которых упоминал Конрад Буссов. Все же в данном случае следует больше доверять сообщению псковского летописца, который писал, что 11 апреля 1612 г. в Псков приехал из-под Москвы Иван Плещеев, а 10 мая 1612 г. казаки были отправлены самозванцем из Пскова в Порхов. Между данными записями в летописи и отмечено: «В тож время Олисовской Заволочье взял, Псковской пригород». Получается, что Лисовский взял Заволочье в период между 11 апреля и 10 мая 1612 г. Г. А. Замятин, делая упор на слова летописца «в тож время», записанные сразу же после сообщения о событиях 11 апреля, пришел к выводу, что взятие Заволочья произошло в первой половине апреля 1612 года[51].

Между Григорием Валуевым в Невеле и Александром Лисовским в Заволочье установились дружественные отношения, ведь они оба находились в то время на службе у польского короля. Возможно, чувствуя свое непрочное положение в Невеле, Валуев просил о помощи Лисовского, и тот в апреле 1612 г. устроил себе новую базу поближе к Невелю, в Заволочье. Конечно, не стоит упускать из виду, что Лисовскому надо было периодически менять места своего базирования, так как его отряды, как саранча, поедали все кругом и разоренная округа не могла длительное время прокормить его воинство.

При этом сторонники Лжедмитрия III (а точнее, противники польского короля Сигизмунда III и Лисовского) бежали из Заволочья в соседние города – Себеж и Опочку. Некоторые пусторжевцы занимали довольно высокие посты – они были назначены воеводами Себежа и Опочки (Иван Иванович Чихачев и Василий Яковлевич Бобров).

Остальные служилые люди из Заволочья присягнули польскому королю и стали воевать под командованием Валуева и Лисовского. Можно только представить себе, что чувствовали беглецы, нашедшие приют в Себеже и Опочке, с какой ненавистью они относились к тем, кто

[50] *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica : студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. I. С. 67.

[51] *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 278.

их изгнал из Заволочья и остался служить в этой крепости новым хозяевам. Этим можно объяснить то, что произойдет в Заволочье через год, в июле 1613 г.

Летописец не случайно подчеркивает, что основную массу служилых людей у Лисовского в это время составляли местные помещики, «русские дети боярские». Судя по челобитным королю Сигизмунду летом 1612 г. польского короля и его сына Владислава признавали своим государем большое количество невельских и пусторжевских помещиков, а также некоторые псковские помещики, бежавшие из Пскова, в том числе Богдан Данилович Сиротин, Андрей Жданов Квашнин, Иван Иванович Сумороцкий.

Псковский помещик Богдан Данилович Сиротин (оклад 600 четей) писал, что его поместье в Пскове размером в 250 четей запустело, этим поместьем владеют «изменники наши воры». Сам Богдан Сиротин служит уже третий год без поместья. Он просит поместье в Псковском уезде Ивана Гурьева, который умер, а вдова уже имеет от прежнего мужа прожиточное поместье. Детей у Ивана Гурьева нет. Известно, что летом 1610 г. Богдан Сиротин был одним из немногих псковичей, кто поддерживал Василия Шуйского. Он сражался под Псковом в составе войска Долгорукова и Волконского вместе с новгородцами против сторонников Лжедмитрия II.

Б. Сиротин жаловался, что на королевской «нашей службе прокормиться ему нечем». Он просил также дать на прокорм в Луцком уезде поместье Алексея Бочкина, которое было дано сыну А. Бочкина Косте. Б. Сиротин сообщал, что Костя Бочкин убит, а Алексей Бочкин целовал крест Псковскому вору и просил дать ему это поместье А. Бочкина на время, пока поместье самого Богдана «очистится от воров». По-видимому, Б. Сиротин в то время надеялся, что Псков вскоре признает королевича Владислава[52].

Псковский помещик Иван Иванович Сумороцкий (оклад 550 четей) сообщал, что имеет поместье в Псковском уезде в 100 четей и оно запустело от воинских людей, им ныне владеют воры-изменники. Сам Иван Сумароцкий служит без поместья третий год и просит пожаловать поместьем в Пскове Григория Скудина, которого убили под Москвой. Вдова Г. Скудина вышла замуж, детей нет[53].

Иван Сумороцкий также просил в Невельском уезде поместье Федора Погожева, которое раньше принадлежало Майку Львову. В челобитной говорилось, что этот Федор Погожий убит, жены и детей

[52] АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXVII. С. 417; № 183–DCCXCIV. С. 420.
[53] АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCVI. С. 421.

нет. Еще одно поместье, принадлежавшее изменнику Семену Львову (100 четей), привлекло внимание Ивана Сумороцкого. Из его челобитной мы узнаем, что этот Семен изменил, целовал крест Псковскому вору «и ныне он в измене у Вора»[54].

Известный псковский помещик Андрей Жданов Квашнин (оклад 650 четей) писал, что служит королю уже третий год без поместья. У него в Пскове было поместье в 180 четей, которым владеют воры (имеются в виду сторонники Лжедмитрия III). Андрей Квашнин просит в челобитной на корм поместье во Ржеве Пустой Андиана Ивачева, пока его псковское поместье не очистится от воров. Этот Андриан Ивачев по линии жены был родственником Андрея Квашнина. Он умер, а после него осталась вдова Варвара (тетка Андрея Квашнина). В челобитной сообщалось, что сын А. Ивачева Иван пропал без вести. По данной челобитной было принято решение дать Андрею Квашнину поместье, чтобы он кормил свою тетку Варвару Ивачеву[55]. Также Андрею Квашнину по его челобитной было дано еще одно поместье в Псковском уезде (300 четей), которое ранее принадлежало его погибшему брату Ивану (жены и детей нет)[56].

Попробуем составить далеко не полный список пусторжевских служилых людей по отечеству, которые могли входить в отряды Лисовского и Валуева в это время (весна–осень 1612 г.). Естественно предположить, что все, кто летом 1612 г. писал челобитные королю Сигизмунду о пожалованиях, в этот период не подчинялись псковским воеводам, не принимали участия в освободительном движении против поляков, не присягали шведскому королевичу, не подчинялись новгородской администрации, а продолжали служить Семибоярщине и королевичу Владиславу. Из нескольких сотен имен русских людей, кому были пожалованы польским королем поместья в августе 1612 г., выберем только тех, кто имеет отношение к нашему региону. Эти пожалования в Вильно скреплял своей подписью и печатью канцлер Лев Сапега. Везде говорится, что эти поместья были пожалованы челобитчикам «за службу». Практически по всем челобитным принималось положительное решение о пожаловании, в некоторых случаях помещик-челобитчик получал часть пожалования (он просит дать два поместья, а ему дают одно). Вполне возможно, что не все челобитчики служили королю Сигизмунду с лета-осени 1610 г., как Г. Л. Валуев, или с февраля 1610 г., как

[54]АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCVIII. С. 422.
[55]Там же. № 183–DCCC. С. 423.
[56]Там же. № 183–DCCCI. С. 423–424.

русские тушинцы. Некоторые помещики перешли на службу к Сигизмунду и Владиславу лишь в апреле 1612 г., после захвата Лисовским Заволочья, или в мае-июне 1612 г. после свержения и ареста псковичами Лжедмитрия III. Эти лица также упоминаются среди челобитчиков. О продолжительности службы королю иногда говорится в челобитной («служу я тебе вот уже третий год»), но во многих челобитных такой фразы нет.

Нас будут интересовать только пусторжевские помещики, а также другие служилые люди, которые получат поместья в Пусторжевском уезде.

Судя по челобитным королю Сигизмунду в августе 1612 г. польского короля и его сына признавало своим государем большое количество пусторжевских помещиков. Среди них – Дмитрий Андреев Кобылин, который просил поместье Григория Федорова Зеленого (тот в измене, сбежал в Торопец)[57].

Упоминаемый ранее пусторжевский помещик Иван Леонтьевич Симанский снова писал королю, что его поместья находятся в Псковском уезде в засадах и пригородах, ими всеми владеют воры и изменники. Он просит в Ржеве Пустой порожнее поместье Федора Андреевича Бурцева в разных станах (Бурцев убит, жены и детей нет)[58].

Трое пусторжевских помещиков Андрей Беклемишев, Девятой Шатилов и Богдан Елагин в своих челобитных просили дать им в Пусторжевском уезде в Оленском стану порожнее изменничье поместье Бориса Лихарева. Это поместье размером в 300 четей было ранее за племянником Бориса Лихарева – Алексеем Лихаревым. По этой челобитной было принято положительное решение и поместье разделили поровну на троих (каждому дали по 100 четей): «И мы господарь пожаловали детей наших боярских, Андрея и Девятого и Богдана»[59].

Один из самых известных пусторжевских помещиков Никита Иванович Ушаков имел наибольший поместный оклад – 850 четей. Он сообщал, что его поместья находятся в Ржеве Пустой – 320 четей и в далеком Можайске – 220 четей. В своей челобитной Никита Ушаков просил дать поместье Ивана Михайловича Чихачева в Ржеве Пустой в Дубецкой волости в Боруцком стану сельцо Успенское, а также другое поместье этого Ивана Чихачева в Ошевском стану. Бывший владелец

[57] АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXVIII. С. 413.
[58] Там же. № 183–DCCLXXXIV. С. 416.
[59] Там же. № 183–DCCCIV. С. 425.

этих земель Иван Михайлович Чихачев умер, у него остались жена и две дочери-девки, они живут в Пскове, который «еще за Вором»[60].

Пусторжевский помещик Роман Бухвостов (оклад 500 четей) имел поместье в Ржеве Пустой (200 четей). Он просит в Ржеве Пустой выморочное поместье Федота Чихачева в Дубецкой волости в Ошевском стану (300 четей). В челобитной Роман Бухвостов писал, что Федота Чихачева «в воровстве не стало», а жены и детей не осталось[61].

Интересен случай с пожалованием поместий близким родственникам. Пусторжевский помещик Семен Богданович Назимов (оклад 500 четей) имел в Ржеве Пустой поместья на 100 четей, а в Луках Великих ему ранее было дано от тещи Ульяны, вдовы лучанина Федора Борисова, еще 100 четей. Семен Назимов просил в своей челобитной королю дать ему в Ржеве Пустой в разных станах поместья его дяди Алексея Назимова, который был убит под Кромами и после гибели которого остались его вдова Варвара (тетка С. Б. Назимова) и две дочери. По данной челобитной было принято решение, что Семен Назимов мог владеть поместьем его дяди вместе с теткой и двоюродными сестрами[62].

Одним из пусторжевских помещиков был князь Тимофей Оболенский, который к тому времени уже умер (у него размер поместья составлял 550 четей). После смерти кн. Т. Оболенского его жена уехала в Псков. Пусторжевский помещик Михаил Афанасьев Елагин (оклад 600 четей) в челобитной сообщал, что он имеет в Ржеве Пустой поместья всего 150 четей, да и то это поместье «от воинских людей пусто». Поэтому М. Елагин просил дать ему поместье кн. Тимофея Оболенского. Польский король и канцлер Лев Сапега приняли решение передать 400 четей Михаилу Елагину, а остальные 150 четей оставить для вдовы и отдать ей, когда она выйдет из Пскова[63].

Поместья в Пусторжевском уезде, как и в Невельском, имели не только местные дворяне, но и стрелецкие начальники. Пусторжевский стрелецкий сотник Василий Едигеев сообщал в челобитной королю, что его поместный оклад составляет 350 четей, а поместья у него никакого нет. В. Едигеев просил в Ржеве Пустой в Дубецком стану поместье Ивана Ржевского, ранее данное на прожиток жене Ивана Ржевского, которая уехала во Псков, а также Григорию Карамышеву,

[60]АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCI. С. 419.
[61]Там же. № 183–DCCCII. С. 424.
[62]Там же. № 183–DCCXCV. С. 421.
[63]Там же. № 183–DCCXCIX. С. 422–423.

который убит, жены детей нет[64]. Как видим, многие жены пусторжевских помещиков после гибели своих мужей уезжали с детьми во Псков как в более безопасное место.

Вместе с Григорием Валуевым просили у короля поместья в Невеле и Ржеве Пустой некоторые бывшие луцкие помещики, бежавшие из Лук в Невель. Среди них – Богдан Захарьев Креницын, Алексей Афанасьевич Тыртов, Данила Федорович Алексеев, Григорий Прокопьевич Мякинин, Иван Федорович Арбузов, невельский стрелецкий голова Петр Максимович Лукомский.

Луцкий помещик Григорий Прокопьев Мякинин просил дать ему в Невельском уезде выморочное поместье Ждана Синцова (Ждан Синцов убит, жены и детей нет). По его делу было принято положительное решение: «Дать за его службу»[65].

Другой луцкий помещик, Иван Федорович Арбузов, писал в челобитной, что его поместный оклад 550 четей, а он имеет в Луках только 115 четей, и просил в Невельском уезде в Каратаевском стану поместья Василия и Григория Ивановичей Лавровых. И. Ф. Арбузов сообщал, что Василий и Григорий Лавровы убиты в воровстве (возможно, служили раньше самозванцу или поддерживали Подмосковное ополчение), жен и детей нет[66].

Братья Май и Петр Постниковы Козловы из далекой Ржевы Владимировой, которых Смута привела на Псковщину, просили в Невельском уезде изменничьи поместья врагов Сигизмунда III. Май Козлов получил в Невельском уезде на озере Неване поместье Петра Федоровича Лихарева. В челобитной сообщалось, что этот Петр Лихарев «в измене», служит шведскому королевичу в Новгороде[67].

Петр Постников Козлов просил в Невельском уезде изменничье поместье Семена Одинцова, сообщая, что *«Семен изменил, целовал крест Псковскому вору, и собрався с воры с казаки ходит войною»*[68].

Невельский помещик Федор Петрович Лодыженский, судя по окладу (300 четей), еще совсем молодой человек. Он писал, что имеет крохотное поместье – всего 26 четей в Невеле, – и в челобитной просил «порожжее» поместье в Невельском уезде Селиверста Деденева, сообщая, что С. Деденев убит, жены и детей не осталось[69].

[64] АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXIX. С. 418.
[65] Там же. № 183–DCCLXXVI. С. 412–413.
[66] Там же. № 183–DCCXC. С. 418.
[67] Там же. № 183–DCCLXXX. С. 414.
[68] Там же. № 183–DCCLXXXVIII. С. 417–418.
[69] Там же. № 183–DCCXCIII. С. 420.

Особый интерес представляет челобитная невельского стрелецкого головы Петра Лукомского – одного из руководителей города, первого помощника Григория Валуева, в подчинении которого находилось несколько сотен стрельцов. Он сообщал, что его оклад 800 четей, поместья у него в Луках и Невеле 600 четей, и просил в Невельском уезде поместье Алая Львова 150 четей (после смерти Алая Львова это поместье было отдано вдове, она умерла, детей нет). По данной челобитной было принято положительное решение: *«Пожаловали голову стрелецкого Петра Лукомского за его службу тем Алаевской жены Львова прожиточным поместьем»*[70].

Известны имена 23 помещиков из Невеля, Заволочья, Пскова, которые продолжали служить летом 1612 г. королю Сигизмунду, в то время как под Москвой разворачивались бои ополчения Минина и Пожарского с гетманом Ходкевичем и польским гарнизоном. Думается, что эти помещики и их потомки не любили позже вспоминать об этой службе польскому королевичу Владиславу и королю Сигизмунду. Они очень хотели, чтобы эти документы не стали достоянием гласности, ведь между челобитными конца 1610 г., когда многие верили в православного царя Владислава, и челобитными лета 1612 г., когда стали ясны для всех планы польского короля, существует большая разница.

Большинство данных челобитных королю Сигизмунду было написано в конце весны – начале лета 1612 г. Следует учесть время на доставку их в Вильно, где находился король и канцлер. К моменту подписания и утверждения данных челобитных королем самозванец Лжедмитрий III уже в качестве пленника был привезен под Москву и находился в руках руководителей ополчения.

Главный удар по самозванцу нанесли руководители нового, Нижегородского ополчения Минин и Пожарский. Падение Псковского вора прямо связано с деятельностью князя Д. М. Пожарского, который сразу после своего избрания главным воеводой дал понять всем, что любой, кто признает этого самозванца, является врагом освободительного движения, врагом ополченцев: *«Маринку и сына её и того вора, который стоит под Псковом в Государи на Московское государство не хотим, также, что и Литовского короля»*. Точно такое же указание встречаем и в грамоте от 7 апреля 1612 г.: «... *нам их воровскому царю Сидорке и Марине и сыну её не служити»*[71].

[70]АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXVI. С. 417.

[71]Отписка нижегородцев к вологжанам. 1612 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ).

Эти призывы и требования отречься от присяги Лжедмитрию (даже угрозы со стороны ополченцев из Ярославля) сыграли свою роль. В итоге уже в апреле-мае 1612 г. казаки под Москвой писали, что «они от того вора отстали». Казаки писали Пожарскому, что *«они своровали, целовали крест псковскому вору … ныне они про то сыскали, что во Пскове прямый вор, не тот, который был в Тушине и в Калуге»*[72].

В мае 1612 г. положение самозванца стало критическим. Неудачи в боях со шведами и с Лисовским, тяжелые налоги, грабежи, ухудшение отношений Пскова с торговыми партнерами в Ливонии по вине казаков, аморальное поведение и ряд других факторов – все это способствовало падению Лжедмитрия III. Во Пскове возник заговор против Вора.

Видя непрочность своего положения во Пскове, зная о недовольстве местного населения, Сидорка решил устроить себе новую базу в Порхове. 18 мая 1612 г. Лжедмитрий пытался бежать из Пскова, но был по пути схвачен псковичами, 20 мая привезен обратно, посажен под стражу («в палату»), а 1 июля 1612 г. отправлен в Москву.

На пути в Москву у псковских стрельцов, конвоировавших Лжедмитрия III, произошла стычка с отрядом Лисовского, который *«исполох им учинил велик, и розогнал их розно»*. По-видимому, это произошло севернее Заволочья, где в это время базировался Лисовский. Не исключено, что в этих событиях приняли участие многие из вышеупомянутых челобитчиков королю Сигизмунду, которые входили в отряд Лисовского.

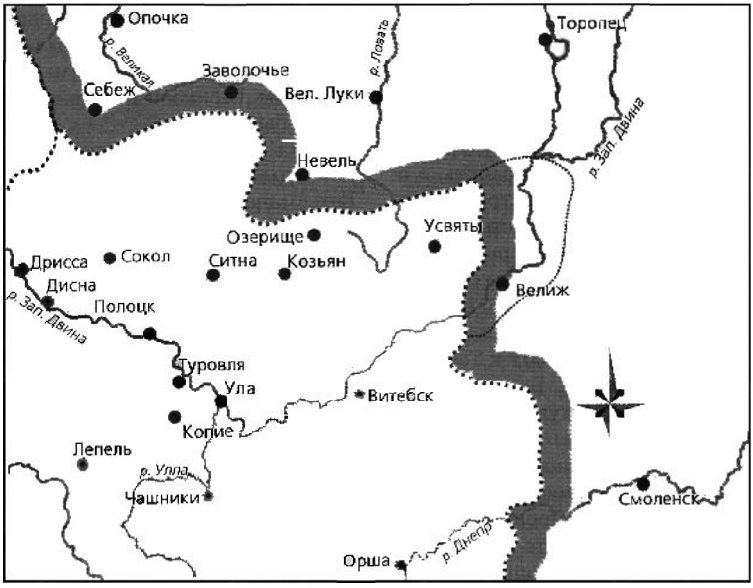
Юхан Видекинд писал, что при нападении Лисовского Лжедмитрий был убит. По словам Петра Петрея, самозванца все же привезли к Москве. Здесь он *«довольно долго сидел … у ворот Кремля, прикованный к большой цепи на всеобщее поругание и позор»*. После избрания царем Михаила Романова Сидорка был повешен по его приказу. Польские источники подтверждают слова Петрея: *«Псковитяне … схватили его, связали и отправили в табор, где он сидел на цепи под стражей до того самого момента, как русские отняли у нас столицу и избрали себе царем Филаретова сына Михаила, который приказал его повесить»*. Шведские лазутчики сообщали в январе 1613 г. Я. Делагарди, что *«Димитрий, выдававший раньше себя в Пскове за Великого князя, сидит в Москве в железных оковах; он выставлен на позорище»*[73].

СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613), № 201. С. 248–251; Грамота князя Пожарского к вычегодцам. 1612, апреля 7 // ААЭ. Т. 2, № 203. С. 253–257.

[72] Окружная грамота Князя Дмитрия Михайловича Пожарского. 1612 года, в июне // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). СПб., 1819. Т. 2, № 281. С. 593–597.

[73] См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 242; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, о происхождении великих князей, недавних смутах, произведенных там тремя

Можно с достаточной степенью вероятности сделать вывод, что в конце июля 1612 г. Лжедмитрий III, еще до прибытия ополчения Пожарского под Москву, находился в руках ополченцев Трубецкого. Летописец отмечал, что самозванца *«сведоша к Москве. И оттуду преста прелесть ложных царей в Руси»*[74].



Взято из: *Иванов Ю. Г.* Старинные крепости России. Смоленск : Русич, 2004. С. 189.

Современный исследователь Е. И. Кобзарева отмечает: «История Лжедмитрия III свидетельствовала о том, что практически осталось позади то время, когда массы недовольных казаков и тех, кто был не-

Лжедмитриями, о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Эрлезунда в Лейпциге в 1620 г. / пер. А. И. Шемякина. М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1867. С. 300; Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем Истории ложного Димитрия (из дневника Будилы) / пер. М. Кояловича // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 288; *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 280–281; Карамзинский хронограф // *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений... М., 1869. С. 355.

[74] *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 241–242; ПЛ. С. 230; О смятении и междоусобии и отступлении Псковичей от Московского государства: Псковские и Софийские летописи (Прибавления к псковским летописям) // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 72. См. также: *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский : Хроника Смутного времени. М. : Молодая гвардия, 1981. С. 265–266.

удовлетворен политикой вчерашнего правительства, были готовы пойти за любым авантюристом»[75].

В целом положение в Псковской земле в 1611–1612 гг. определялось соотношением трех сил – Лжедмитрия III, польских ставленников Лисовского и Валуева и новгородско-шведского правительства. Но решающую роль, в конечном счете, сыграла активная позиция горожан, в том числе жителей малых городов включая Себеж и Опочку.

[75] *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М. : Издат. центр Ин-та истории РАН, 2005. С. 214.

Глава 5

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ ПОСЛЕ ИЗБРАНИЯ ЦАРЕМ МИХАИЛА РОМАНОВА (1613–1617 ГОДЫ)

Присяга жителей Пскова и пригородов весной-летом 1613 года новому царю Михаилу Романову и судьба Заволочья

К началу 1613 г. Псков оставался главным врагом Новгорода и шведов на Северо-Западе. Псковичи также не признавали польского короля Сигизмунда III и его сына, «московского царя» Владислава, хотя старались поддерживать мирные отношения с Дерптом и другими ливонскими и литовскими пограничными городами, входящими в те годы в состав Речи Посполитой. Псков и его пригороды заключили так называемое местное перемирие с пограничными городами, ведя с ними взаимовыгодную торговлю. В первую очередь Пскову необходим был хлеб, которого из-за разорения округи катастрофически не хватало.

Несмотря на заключение такого перемирия с польскими пограничными городами, Псков с самого начала поддерживал освободительное движение против поляков. Хорошо известно о тесных контактах Пскова в 1611–1612 гг. с руководителями Подмосковного ополчения князем Д. Т. Трубецким и атаманом И. М. Заруцким. После объединения Нижегородского и Подмосковного ополчения и освобождения Москвы псковичи одними из первых признали московское правительство кн. Д. Т. Трубецкого и кн. Д. М. Пожарского, а затем – нового царя Михаила Романова, хотя не успели прислать выборных на Земский собор и не участвовали в его избрании. Только в Москве псковичи надеялись получить помощь для борьбы со шведами, которые к концу 1612 г. захватили все северные псковские пригороды включая Гдов и Ивангород и не оставляли попыток подчинить Псков. Шведы угрожали Пскову с севера из Гдова и с востока – из Порхова. Об одном из таких походов Эверта Горна к Пскову в начале 1613 г. писал Юхан Видекинд: *«Горн*

снова замышляет осаду Пскова... После взятия приступом Ивангорода осадил Псков, важное место, которое могло бы стать полезным его королевскому величеству». Но псковичи узнали о планах шведов и завалили все ворота высокими насыпями. *«Так как все попытки приступа с помощью орудий были безуспешны, Горн распределил войска по окрестностям».* Шведы не давали псковичам никакой возможости *«сеять хлеб на 10 миль кругом».* Горн, видя массовое дезертирство зимой 1613 г. своих воинов (русских и иноземцев), решил дожидаться обещанного подкрепления из Швеции, а также когда *«взойдет трава для корма коням»*[1]. Так что предстоящая весна 1613 г. обещала стать тяжелым испытанием для Пскова.

Южные псковские пригороды продолжали подвергаться набегам Лисовского, очередной базой которого стало с апреля 1612 г. Заволочье. Уезды Острова, Красного, Вороноча, как и сами эти города, еще не оправились от предыдущих погромов, учиненных лисовчиками в 1611–1612 гг. Псковские воеводы контролировали только на западе Изборск и Печеры, а на юге – Опочку и Себеж, которые сами нуждались в помощи Пскова.

Положение Пскова в это время было катастрофическим. Ополченцы Трубецкого и Пожарского были заняты своими делами, связанными с освобождением Москвы от поляков и выборами нового царя, им было не до Пскова. Как-то незаметно для Москвы произошло взятие шведами в декабре 1612 г. последнего северного пригорода – Ивангорода. К тому же между Пожарским и шведами в Новгороде установились союзные отношения начиная со времени переговоров летом 1612 г. в Ярославле, продолжавшиеся и во время Земского собора в январе-феврале 1613 г., когда шведская кандидатура на московский престол еще была весьма популярна.

Положение изменилось весной 1613 г. Сразу же после избрания царем Михаила Романова в ответ на просьбы Пскова о помощи для борьбы со шведами в пограничные районы Новгородской земли были отправлены из-под Москвы отряды русских войск, прежде всего казаков Подмосковного ополчения, которые начали военные действия против шведов и новгородцев. Правительство Михаила Романова не было намерено мириться с потерей Новгорода и одновременно стремилось защитить Псков.

[1] *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова ; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 273–274.

Бояре в Москве хорошо понимали, что отправляя войска к Пскову, они тем самым начинают войну против шведско-новгородского правительства Делагарди – Одоевского. Первые отряды казаков и детей боярских были отправлены к Пскову еще в конце марта 1613 г., после того как 19 марта бояре в Москве получили из Бежецкого Верха письмо, в котором казаки признавали нового царя Михаила Романова и изъявляли желание поступить к нему на службу. В поход на Псков были отправлены 9 казачьих станиц из Бежецкого Верха, 4 станицы из Белоозера и 1 станица из Москвы[2].

Командование этим войском было поручено стольникам князю Семену Васильевичу Прозоровскому и Леонтию Андреевичу Вельяминову. По пути воевода Прозоровский рассылал грамоты в разные города с призывом признать нового царя Михаила Романова. Сведения об отправке в Новгородскую землю войска князя С. В. Прозоровского дошли даже до поляков. Об этом писал из Невеля Г. Л. Валуев 11 июля 1613 г. польскому военачальнику А. Гонсевскому[3]. Возможно, некоторые из грамот московских воевод дошли до Невеля. В ходе боев со шведами в районе Боровичей и Вышнего Волочка воевода Прозоровский понял, что дорога к Пскову закрыта, и повернул к Тихвину, который был освобожден от шведов 25 мая 1613 г. С этого момента все силы шведов и новгородцев были брошены на Тихвин и их нажим на Псков ослабел. Теперь Псков сам мог оказать существенную помощь своим пригородам.

В это же время на южных окраинах Псковской земли произошли события, которые отразились на судьбе псковских пригородов. Служилые люди Себежа, Опочки и других городов признали Михаила Романова, выступили против поляков и Лисовского, вытеснив последнего из Заволочья (Ржевы Пустой) и других псковских пригородов.

Сведения об освобождении Заволочья от Лисовского содержатся в ряде источников. Многие исследователи относили эти события к 1612 г., взяв за основу сообщения Псковской летописи. В данной летописи эти сведения помещены после информации о захвате Ивангорода шведами (мы знаем, что это произошло в декабре 1612 г.), но перед известием об освобождении Москвы от поляков (27 октября 1612 г.)

[2]См.: Отписка Земского Совета Царю Михаилу Федоровичу о распоряжениях по защите Пскова от шведов // Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1850. Т. 1. Прил. № 6. Стб. 1051–1055.

[3]Выпись из письма Г. Валуева из Невеля к А. И. Гонсевскому. 1613, июля 11 // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142, № XXIII–1. С. 422.

и избранием Михаила Романова (21 февраля 1613 г.). Фактически летописец писал о событиях 7121 года (1612/1613). Следует учесть, что в руках летописца было несколько списков и он часто брал информацию из разных списков не всегда четко выдерживая хронологию событий. Это хорошо заметно на примере Гдова.

По поводу освобождения Заволочья летописец отмечал: *«В то ж время казаки Себежские и Опочецкие, всякие люди, взяша Заволочье у Лисовского, и много сукон; и город сожгли. И детей боярских Андрея Квашнина и прочих прислаша во Псков; а оне служили со Лисовским вместе. И Литву побиша»*[4]. Главную ударную силу при освобождении Заволочья составляли казаки из Себежа и Опочки, а также «всякие люди», стрельцы и некоторые дети боярские. Прошло больше года с того момента, когда Лисовский захватил Заволочье, а противники польского короля вынуждены были бежать из Заволочья в Опочку, бросив свое имущество. Они жаждали реванша, и вот это время наступило, тем более что некоторые отряды казаков из Подмосковного ополчения уже прибыли на помощь Пскову.

Кто же мог командовать этими служилыми людьми из Себежа и Опочки, по чьему указанию была проведена операция?

По-видимому, руководство этой операцией осуществляли воеводы Опочки Иван Семенович Бороздин и Богдан Михайлович Аминев. В одной из разрядных записей за 1613/1614 г. сказано, что эти воеводы *«отпущены изо Пскова в 120-м году»* (т. е. еще в 1611/1612 г.)[5]. Эти же воеводы, Иван Бороздин и Богдан Аминев, продолжали служить в Опочке в 1612, 1613 и в 1614 г. В феврале 1614 г. мы видим в Опочке этих же воевод (Бороздина и Аминева), которые отправляли донесения во Псков[6].

Труднее решить вопрос с воеводами Себежа. Воеводой Себежа в это время мог быть Гаврила Васильевич Лодыгин, которого мы видели в этом городе весной 1612 г., или его сменщик Василий Яковлевич Бобров. Мы не можем сказать, когда именно и при каких обстоятельствах произошла эта смена воевод, хотя имеем точную дату освобождения Заволочья. Это могло произойти не ранее лета 1612 г., а могло и в начале

[4]Псковская летопись / издание Общества любителей древностей Российских при московском университете М. П. Погодиным. М. : Унив. тип., 1837 (далее – ПЛ). С. 231.

[5]Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 296.

[6]Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского, Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей. 1614, февраль // Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Разрядный приказ. Московский стол / под ред. Н. А. Попова (далее – АМГ). В 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). № 67. С. 102–103.

осени 1613 г. (уже после освобождения Заволочья). В той же разрядной записи за 1613/1614 г. говорится, что на Себеже воевода «Василий Яковлев сын Бобров»[7]. Известно, что он был пусторжевским помещиком, его поместья ранее находились недалеко от Заволочья. Он получал жалование на службе у Михаила Романова в Устюжской четверти (один из финансовых органов московского правительства) в размере 35 рублей[8].

Что касается стрелецкого головы Ивана Неелова, который был помощником прежнего воеводы Гаврилы Лодыгина, то он продолжал находиться в Себеже еще в феврале 1614 г. вместе с новым воеводой Василием Бобровым. Поэтому Ивана Неелова и его людей мы можем включить в число участников взятия Заволочья. Трудно допустить, что служилые люди из Себежа проявили неповиновение своим начальным людям и самовольно предприняли этот поход на Заволочье, а их начальники позже получили награды за это от нового царя Михаила Романова.

В Разрядной записи за 1613/1614 г. говорится о воеводах других псковских пригородов: в Изборске указаны Григорий Кокорев и Павел Сеславин, в Острове Семен Харламов (это первое упоминание о воеводах Острова в Смутное время), в Заволочье – «Иван Матвеев сын Бобров»[9], которого можно также считать одним из участников освобождения Заволочья. Иван Матвеевич Бобров стал первым псковским воеводой в Заволочье после освобождения этого города от Лисовского. Возможно, что он оказался и последним воеводой этой крепости, которая вскоре надолго прекратила свое существование.

Точная дата освобождения Заволочья указана в письме воеводы Невеля Григория Валуева, который продолжал в то время поддерживать польского королевича Владислава, велижскому старосте Александру Гонсевскому. Г. Л. Валуев сообщал, что 9 июля 1613 г. ночью под Заволочье, где А. Лисовский оставил немногих людей, пришли, собравшись из Опочки и из Себежа, «воровские люди», замок (крепость) Заволочье взяли, польских, литовских и русских людей вместе с их женами и детьми побили, а замок спалили. Лисовский в это время отсутствовал в Заволочье. По словам Г. Валуева, он пошел в очередной поход (по мнению современного исследователя А. В. Малова – в Польшу на сейм), взяв с собой польских и литовских людей, а также дворян

[7]Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 296.

[8]Расходная книга Устюжской чети 127 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 700.

[9]Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 296–297.

и детей боярских, поэтому состав гарнизона Заволочья был значительно ослаблен, чем и воспользовались враги поляков из Себежа и Опочки, захватив крепость. Пленных повели в Опочку, а по пути, по словам Валуева, многих перебили. Некоторые дети боярские сумели спастись, убежав в лес, и после пришли в Невель «только душой и телом». Скорее всего, дата освобождения Заволочья – 9 июля 1613 г. – указана по новому стилю (29 июня по старому), ведь письмо было адресовано поляку Гонсевскому, а Польша давно перешла на григорианский календарь.

Польский историк Виснер (H. Visner), на которого ссылается в своей работе А. В. Малов, считает, что Заволочье освободил от воинов Лисовского невельский отряд Г. Л. Валуева. Однако судя по письму Валуева Гонсевскому в то время (июль 1613 г.) Валуев был ещё союзником польских военачальников Лисовского и Гонсевского. В письме Гонсевскому Валуев называет себя «верным слугой» польского короля. Поэтому «невельский отряд Г. Л. Валуева» никак не мог «выбить лисовчиков из Заволочья», как пишет А. В. Малов[10].

Г. Л. Валуев просил А. Гонсевского поспешить с войском к Велижу и помочь ему, Валуеву, удержаться в Невеле, *«поспешить с людьми нам на помощь, чтобы нас, верных слуг короля Сигизмунда и королевича Владислава не выдать изменникам государевым*[11].

Гонсевский в это время (лето 1613 г.) продолжал осаду Торопца, начатую им еще в феврале 1613 г. Отметим, что некоторые помещики из Великих Лук (в отличие от их земляков, служивших полякам вместе с Валуевым в Невеле) в это время находились в Торопце, сражаясь под командованием воеводы Василия Ивановича Туренина против поляков Гонсевского, и среди них – Петр Иванов сын Красного[12]. Луцкий помещик Григорий Иванович Голенищев в начале марта 1613 г. находился в Москве. Он писал в своей челобитной на имя нового царя Михаила Романова, что у него было поместье *«на Луках Великих 400 четвертей, отца моего выслуги»*, а теперь Григорий Голенищев получил назначение в Ржеву Володимерову и ему дали новое поместье Шарапа Моложенина в Деревской пятине. Другой луцкий помещик, Роман Хрипунов, писал в челобитной, что служит царскую службу в Торопце, был ранее в полону у литовских людей у Лисовского. Луцкий помещик Исак Байков

[10] *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica : студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. I. С. 71.

[11] Выпись из письма Г. Валуева из Невеля к А. И. Гонсевскому. 1613, июля 11 // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142, № XXIII–1. С. 421–422.

[12] Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ : в 39 т. Т. 15. СПб., 1894. С. 2.

писал в челобитной, что ему вместо луцкого поместья дано поместье в Торопце из «порозжих земель»[13].

От некоторых торговых людей, уехавших в Торопец на ярмарку («dla targu») и вернувшихся к тому времени в Невель, Григорий Валуев узнал о венчании на царство в Москве «на Петров день» нового царя Михаила Романова. Сведения о планируемом венчании в Москве Михаила Романова быстро дошли до Невеля. Это заставило многих людей задуматься о своей будущей судьбе и о выборе дальнейшего пути. Упоминание о торговых отношениях между Торопцом и Невелем в то время, когда жители первого города поддерживали освободительное движение, а второго – польского короля, является весьма любопытным.

Среди взятых в плен в Заволочье воинов Лисовского мы видим псковских помещиков, которые в то время продолжали служить польскому королю, в том числе известного по своим челобитным о пожаловании королю Сигизмунду Андрея Ждановича Квашнина. По-видимому, в то же время были захвачены и некоторые другие челобитчики польскому королю, в том числе псковский помещик Богдан Сиротин. Все они быстро оценили сложившуюся обстановку и сразу же присягнули новому царю Михаилу Романову. Многие из тех, кто в 1612 г. просил у короля поместья, окажутся уже в 1613–1614 гг. на службе у нового московского правительства.

Сравнив дату, указанную в письме Г. Валуева (9 июля 1613 г.), с другими событиями на Псковщине, мы придем к выводу, что псковичи практически одновременно наносят удары по шведам и полякам. После прибытия на помощь Пскову отрядов казаков, а также служилых людей из Торопца, Заволочья, Себежа, Опочки, угроза Пскову с юга от поляков была ликвидирована. Теперь псковичи могли проводить более активную наступательную политику по отношению к шведам. Это видно на примере Гдова, Порхова и других городов. Около середины июня 1613 г. в ходе внезапного нападения был освобожден от шведов Гдов, затем 29 июня (9 июля) – Заволочье, а 22 июля была предпринята попытка освободить Порхов, впрочем, закончившаяся неудачей[14].

Таким образом, активизация псковичей летом 1613 г. в борьбе как против шведов, так и против поляков Лисовского представляется

[13]Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. С. 45, 50, 85.

[14]Подробнее об этих событиях см.: *Рабинович Я. Н.* Малые города Псковской земли в Смутное время / под ред. С. А. Мезина. Псков : Псков. обл. тип., 2014. 253 с.

неоспоримым фактом. Важную роль в этом сыграли служилые люди из южных псковских пригородов – Опочки и Себежа.

Заключение местного перемирия псковичей с Лисовским и судьба Невеля

В августе-сентябре 1613 г. воеводы Московского правительства Михаила Романова начинают поход против поляков к Смоленску (стольник кн. Д. М. Черкасский) и против шведов к Новгороду (боярин кн. Д. Т. Трубецкой). В это время была освобождена от поляков крепость Белая, шведы потерпели сокрушительное поражение под Тихвином, а под Старой Руссой укрепился со своими людьми московский воевода Андрей Федорович Палицын.

Все эти события вынудили А. Лисовского срочно заключить мирный договор с псковичами, о чем сообщил псковский летописец: *«Тое ж весны приходил Олисовской подо Псков миритися, и замирил Полоцко, чтоб Псковским ратным туде не воевати; и поцеловал крест, и прочь пошел, и пошел под Смоленск с кормом Литвы»*[15]. Дату заключения этого договора «тое ж весны» можно уточнить. Это произошло 20 августа 1613 г. Сохранился документ, опубликованный еще свыше ста лет назад, в котором приведен текст данного договора о перемирии.

С псковской стороны это перемирие заключили Иван Никитич Сорочнев, подьячий Федор Голощапов и посадские люди Ананий Тарасьев, Киприан Борисов, Ждан Серебреник и Иван Сомра. Они выступали от имени и по поручению псковских воевод кн. И. Ф. Хованского, Н. Д. Вельяминова и дьяков М. Милославского и В. Корина. Польскую сторону представляли Александр Лисовский и Иван Копанский. Перемирие был заключено сроком с 20 августа 1613 г. до царского указа – *«до господарева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу»*.

Иван Сорочнев и его помощники соглашались, чтобы *«изо Пскова и изо Псковских пригородов – с Себежа, с Опочки и з Острова, и з Ызборска, и зо Гдова и с Печерсково монастыра господаревым ратным людем за рубеж свой Литовскую землю под городы под Полоцко, под Велиж, под Витебско и под иные Полоцкие пригороды на взятье снарядом и войною тех городов в уезды не приходити»*, войны и грабежей

[15]ПЛ. С. 231.

не чинить, а пленных литовских людей, имеющихся во Пскове и псковских пригородах, передать Лисовскому. Отметим, что все перечисленные русские города, начиная со Пскова и кончая Изборском, названы *«отчиной господара нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси»*. Это также является подтверждением тому, что Псков и его пригороды включая Себеж, Опочку, Остров и Изборск, присягнули к лету 1613 г. Михаилу Романову, а Гдов в августе 1613 г. также находился под контролем сторонников Москвы. Обратим также внимание на Остров, в котором летом 1613 г. находился гарнизон – «господаревы ратные люди», подчинявшиеся Пскову.

Со своей стороны, Лисовский обещал *«ис Полоцка, и из Велижа, и из Витепска, и из Лужы, и из Резицы, и из Улеха, и из Усвята, и з Озерищ, и из ыных ис Полоцких пригородов и уездов ратным людем никаким, и ему Лисовскому, и Копанскому с ратными людми*

подо Псков и подо Псковские пригороды – под Себеж, под Опочку, под Остров, под Изборско, подо Гдов, под Печерской монастыр на взятье снарядом и в уезды – во Псковской, и в Заволоцкой, и в Пусторжевской, и в Луцкой войною не приходити,

и войны, и задоров, и грабежов и убивства никаким господара нашого русским людем не чынити,

а в господара нашого землю за Невль не вступатца,

и Неметцким людем и господара нашого изменником не помогати» (красная строка сделана для удобства выяснения основных пунктов договора). Лисовский обязывался также вернуть псковичам *«полоняников руских всяких людей»*, которые к тому времени находились *«в замиреных городех и у него, Лисовского»*. Обе стороны договорились и о свободной торговле между Псковом и его пригородами, с одной стороны, и литовскими городами – с другой[16].

Г. А. Замятин, первым обративший внимание на данный документ и довольно подробно процитировавший его, отмечал: *«Не мешает подчеркнуть, что А. Лисовский склонился к перемирию с псковичами. Чем это объяснить? Конечно, не капризом, а необходимостью для Лисовского считаться с разгоравшейся все сильнее и сильнее в 1613 г. борьбой русских с оккупантами»*. Следует отметить, что из-за неточного прочтения рукописи этого ученого, а также из-за отсутствия сверки печатного текста данного договора, опубликованного в Сборнике РИО (Т. 142) с рукописью Г. А. Замятина, публикаторы труда Г. А. Замятина назвали

[16]Утвержденный список перемирного договора Псковских уполномоченных с Ал. Лисовским. 1613, августа 20 // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142, № XXIII–2. С. 422–424.

руководителя посольства Голопзанов (вместо Голощапов), а также допустили еще ряд опечаток в тексте[17].

Обратим внимание на фразу в документе: *«... а в господара нашого землю за Невль не вступатца, и неметцким людем и господара нашого изменником не помогати»*. Этот текст имеет прямое отношение к Григорию Валуеву. Слуга польского короля Григорий Валуев к осени 1613 г., трезво оценив обстановку, понял, что Лисовский, заключив данный договор, признал Невель отчиной нового московского царя (как минимум отчиной Пскова, если поляки еще не хотели признавать Михаила Романова царем). Валуев, находясь в Невеле, понял, что помощи ему от Лисовского не будет, и он знал, что московские войска уже осадили Смоленск, а со стороны Старой Руссы движутся в сторону Невеля московские казаки Андрея Палицына. Валуев, считаясь с мнением невельских служилых людей, принял решение о переходе на сторону Михаила Романова. Его поддержали стрелецкий голова Петр Лукомский, Петр Козлов и другие служилые люди.

Следует отметить, что Иван Никитич Сорочнев, возглавлявший эти переговоры и заключивший перемирие с Лисовским, сам был служилым человеком из Невеля. Еще в 1604 г. при Борисе Годунове *«Невельской помещик Иван Никитин сын Сорочнев»* получил жалование из Галицкой чети за отсутствовавшего Ивана Постникова Креницына «оклад его сполна» в размере 6 рублей и расписался в получении этих денег. В Кормленой книге Галицкой Четверти сказано, что Иван Сорочнев *«деньги взял и руку приложил»*[18], следовательно, он был грамотным человеком, умел писать. Грамотность Сорочнева была одним из факторов, сыгравших свою роль при назначении его для ведения переговоров с Лисовским. Скорее всего, Иван Сорочнев, как и Иван Креницын, был четвертчиком Галицкой чети, хотя о его окладе сведений пока не обнаружено.

В дальнейшем Иван Сорочнев принял самое активное участие в событиях завершающего периода Смуты на Севере. Известно, что он умер 27 января 1619 г. и был похоронен в пещерах Псково-Печерского монастыря. До настоящего времени сохранилась керамида (керамическое надгробие), на которой записано: *«Лета ≠ЗРКЗ* (7127. – *Я. Р.*) *генваря*

[17] См.: *Замятин Г. А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб. : Великолукская гор. тип., 2008. С. 286–287.

[18] Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г.: Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 33.

в КЗ (27. – *Я. Р.*) *дн преставис раб бжиа Иван Никитин Сорошнев на паметь Иванна Златаустаго»*[19]. Захоронение в пещерах монастыря, да еще с керамидой, может свидетельствовать о том, что псковичи и монастырские старцы по достоинству оценили заслуги этого человека.

97

1619, 27 января

1. лѣта ҂зркз генварѧ
2. вь кз днь преставис раб бжиа
3. іван никитин сорошнев на па
4. меть іванна златаустаго

(44 × 41)

Мы не можем точно указать, как произошел переворот в Невеле, велись ли при этом боевые действия между сторонниками Польши и Москвы. Скорее всего, велась переписка между И. Н. Сорочневым и другими служилыми людьми, находившимися в Пскове, псковских пригородах и в Торопце, с их земляками в Невеле. Был ли польский отряд в то время в Невеле, сказать трудно. Точно известно, что переход Невеля на сторону Москвы произошел до ноября 1613 г., ибо в ноябре служилые люди из Невеля уже находились на службе у Михаила Романова. Среди тех, кто приехал в это время (осень 1613 г.) из Невеля в Москву, мы видим сына Григория Валуева Ивана, Степана Андреевича Валуева, пусторжевца Ивана Сумароцкого, невельского стрелецкого голову Петра Максимовича Лукомского. По-видимому, Григорий Валуев сразу же после переворота отправил самых близких ему людей, в том числе сына, к Михаилу Романову с изъявлением покорности и преданности. Иван Валуев, а также Петр Лукомский от имени жителей Невеля целовали крест новому царю, а заодно привезли списки служилых людей и просили, чтобы им выдали жалование за службу. В это же время в Москве находились луцкие помещики Алексей Михайлович Бочкин, Афанасий Иванович Марков, Петр Иванович Мусорский, Григорий Бухвостов, псковичи Иван Третьяков Симанский, Михаил Данилов

[19] *Плешанова И. И.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М. : Наука, 1966. Вып. VI. С. 190.

Воронцов, Богдан Михайлов Ногин. Некоторые из них не служили в Невеле. 27 ноября 1613 г. все они в Разрядном приказе в Москве подтвердили придачу к денежному окладу Наума Плещеева либо подписались за неграмотных товарищей[20].

У Григория Валуева в окрестностях Невеля были обширные поместья, пожалованные ему в свое время польским королем. Крестьяне из этих поместий зерно, предназначенное для их господина, свозили в Невель. У Валуева в городе скопились немалые запасы собственного зерна. В тяжелое для защитников Невеля время это зерно было выдано невельским служилым людям. Позднее, в сентябре 1614 г., Григорий Валуев получил в Москве в качестве компенсации деньги за эту выданную рожь, цена которой в то время составляла 3 рубля за четверть (около 100 кг). В Приходно-расходной книге Разрядного приказа отмечено, что *«Григорию Валуеву за рожь, что у него велено взяти на Невле невельским осадным людем на корм за 100 чети 300 р. по 3 р. за четверть, дано. Иван Валуев в отца своего место деньги взял»*[21].

Некоторая информация о событиях в Невеле содержится в «Расспросных речах Никиты Калитина». Этот новгородец был захвачен в плен псковичами в октябре 1613 г. и несколько месяцев находился во Пскове, а в феврале 1614 г. накануне отправки в Москву сумел сбежать в Новгород. Там он сообщил шведскому военачальнику Якобу Делагарди обо всех новостях, которые ему удалось узнать в Пскове. Я. Делагарди сразу же отправил эти сведения («распросные речи») королю Густаву Адольфу. Никита Калитин, в частности, сообщал: «*Псковичи заключили перемирие для переговоров и для подвоза (провианта) с Нюшлотом и Дерптом, и чтобы никто не совершал на другую сторону набегов и грабежей*». О Григории Валуеве было сказано следующее: «*Григорий Валуев, который от имени поляков (которым он присягал) занимал замок Невель в 240 верстах от Пскова, отложился от поляков и передался на сторону Великого Князя Московского и целовал ему крест*». Далее было отмечено, что Валуев вел переговоры с Андреем Палицыным, который находился со своим отрядом возле Старой Руссы,

[20] Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья за прошлые годы (Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг.): Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 84. С. 300–303.

[21] Приходно-расходная книга Разряда 123 году: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 294.

и просил у него помощи для борьбы против поляков: *«Андрей Палицын послал в Невель на помощь Валуеву 400 казаков из Старой Руссы»*[22].

Помощь казаков А. Ф. Палицына позволила Валуеву укрепиться в Невеле и отразить первые попытки поляков вернуть эту крепость. Эти события происходили глубокой осенью 1613 г. Теперь Невель присоединился к псковским пригородам Себежу и Опочке для совместной борьбы против поляков.

Первые походы сторонников Михаила Романова в Литовскую землю: Ула и Освей

Осенью 1613 г. сторонники Москвы в Невеле, Себеже и других псковских пригородах, узнав о походе московских войск князя Д. М. Черкасского против поляков к Белой и Смоленску, поняли, что новое правительство Михаила Романова фактически находится в состоянии войны с Польшей. В псковские пригороды приходили сведения о походах москвичей даже к литовскому городу Велижу.

Об этом походе в октябре 1613 г. князя Семена Шеховского подробно сказано в Приходно-расходной книге Разряда: *«122-го ноября в 9 день писали к государю воеводы князь Дмитрей Черкаской да князь Иван Троекуров, посылали они з Белой под Велиж князя Семена Шеховского, а с ним дворян и детей боярских, и атаманов и казаков, и октября в 15 день было дело под Велижем...»*. В этом бою 15 октября под Велижем отличились помещики из южного Серпейска, в том числе Курбат Иванов сын Софонов, который был ранен и 26 октября 1613 г. отпущен в Москву[23]. Известно, что в войске князя Д. М. Черкасского было по росписи 84 помещика из Серпейска[24]. Также в этих боях под Велижем, когда московские воеводы «Велиж осадили и посады пожгли», а потом сумели отбить спешивших на помощь велижскому гарнизону литовских людей из Витебска, отличились казаки станицы Василия Селиверстова, в том числе войсковой есаул Тимофей Сергеев[25]. Отметим, что московским воеводой в этих малоизвестных событиях под Велижем осенью 1613 г.

[22]Расспросные речи Никиты Калитина. 1614, февраль // Сб. Новгородского общества любителей древности (НОЛД). Вып. 5: Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А. В. Полторацкого. Новгород, 1911. № 9. С. 29.

[23]Приходно-расходная книга Разряда 123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 420.

[24]Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 254.

[25]Челобитье казака Тимофея Сергеева о пожаловании его за службу и за полонское терпение. 1614 // АМГ. Т. 1, № 94. С. 131.

был будущий известный писатель князь Семен Иванович Шаховской, который там также был ранен.

Велижскому старосте Александру Гонсевскому пришлось на время забыть о походах к соседнему Торопцу и срочно принимать меры по отражению нападения москвичей на Велиж.

Служилые люди псковских пригородов, зная о таких походах москвичей, при попустительстве местных воевод, а иногда и вопреки их приказам решили не соблюдать заключенного ранее перемирия, не дожидаться царского указа о возобновлении боевых действий. Московские казаки редко следовали указаниям из столицы и обычно поступали так, как им заблагорассудится. Так действовали «Тихвинские сидельцы», отказываясь идти на соединение с войском Д. Т. Трубецкого и предпочитая нападать на шведские караваны и обозы на Ладоге и Волхове. Точно так же поступили казаки из псковских пригородов, которые начали совершать опустошительные рейды в пограничные польские земли.

Никита Калитин сообщал шведам в Новгороде об одном из таких рейдов казаков из Невеля. К этим казакам присоединились 400 казаков из Старой Руссы, которые ранее были отправлены к Григорию Валуеву в Невель воеводой Андреем Палицыным. По словам Никиты Калитина, к этим 400 казакам *«Валуев прибавил 300 казаков и послал их в набег в Польшу и для сбора провианта; поляки, шедшие чтобы снова осадить Невель, (т. к. они узнали, как мошеннически поступил Григорий Валуев) встретили (этих казаков) большим числом войска и по большей части истребили их и потом пошли к Невелю, который они теперь осадили 3000 войска, к которому присоединился и Лисовский со своим отрядом»*[26].

Польские источники также подтверждают информацию о походе псковичей на территорию Литвы. Сейчас трудно сказать, кто первым нарушил это местное перемирие. Обе стороны обвиняли друг друга. Через полтора года после этих событий, в августе 1615 г. накануне съезда под Смоленском польских и русских послов, польские комиссары жаловались, что русские вероломно нарушили условия перемирия. В этом документе уточняется, что псковичи заключали перемирие не только с Лисовским, но и с воеводами других литовских городов: *«Да воеводове и люди ваши городов украинных Невля, Себежа, Опочки и Красного, с князем Михайлом Соколинским воеводою Полоцким, с городом Витебском и с нашими городами его королевской милости украинными*

[26] Расспросные речи Никиты Калитина. 1614, февраль // Сб. НОЛД. Вып. 5 : Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А. В. Полторацкого. Новгород, 1911. № 9. С. 29.

перемирие застановивши и покой учинивши и крестным целованием укрепивши». В этом польском источнике подчеркивается успешный для русских и одновременно трагичный для поляков исход данного похода в Литву, говорится даже о взятии русскими пограничного городка Освея, что противоречит показаниям Никиты Калитина. Поляки жаловались, что когда жители порубежных городов, надеясь на заключенное перемирие, ни о чем не беспокоились, жили беспечно («убезпечилися»), *«люди ваши, переступивши крестное целование, местечко Освею и села Освейские, также иншие многие села и деревни уезду Полоцкого и Витебского посели, людей посекли и многих в полон побрали»*[27].

Источники с московской стороны содержат более подробную информацию об этих событиях и также свидетельствуют об успешных рейдах казаков Валуева в Литовскую землю, о взятии служилыми людьми из Невеля двух литовских городков, Освеи и Улы. Эти события происходили в конце декабря 1613 – начале января 1614 г.

В Книге сеунчей (сеунч – радостная весть о победе) говорится о наградах в Москве служилым людям из Невеля, которые участвовали в этих походах. Награды были получены в Москве 25 января 1614 г., вскоре после приезда этих гонцов-сеунщиков. Учтем время на дорогу из Невеля до Москвы (около двух недель) и получим, что эти события происходили в самом начале января. Также следует учесть, что гонцами-сеунщиками воеводы обычно отправляли наиболее отличившихся воинов (иногда своих родственников).

Среди сеунщиков, отправленных Григорием Валуевым из Невеля и получивших награды в Москве, мы видим Петра Постникова Козлова, Ивана Широносова и Романа Карамышева. Петр Козлов докладывал, что воевода Григорий Валуев из Невеля посылал его «в головах» в литовскую землю под город Улу: *«... и город Улу взяли, и людей всех побили, и языки поимали, а к Москве привели двух языков: шляхтича да немчина, торгового человека».* В составе отряда Петра Козлова были дворяне, дети боярские и казаки. Петр Постников Козлов – это помещик из Ржевы Владимировой, который в свое время просил польского короля о поместье, а теперь возглавил отряд служилых людей («был в головах») во время нападения на город Улу. В качестве награды Петр Козлов получил государево жалование у Казны: *«... чарка, а в ней весу*

[27] Лист Литовско-Польских послов Московским думным боярам, о готовности их быть в назначенный срок на съезде для мирных переговоров с требованием прекратить набеги на порубежные места и выслать на границу Польских и литовских пленников для взаимного размена. 1615, августа 20 // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851 (далее – АЗР). № 198. С. 447–448. См. также: Сб. РИО. Т. 142. С. 693.

рубль четырнатцать алтын две денги, сорок куниц, цена десять рублев, камка середняя, цена четыре рубли»[28].

В другом источнике (Расходной книге товарам и вещам, входящей в состав Приходно-расходных книг Казенного приказа) есть некоторые добавления к данному тексту. Вместе с головой Петром Козловым записан лучанин Иван Арбузов, который получил «4 аршина без чети сукна, цена 2 рубля». Петра Козлова пожаловали за сеунч, а Ивана Арбузова – «за язычный привод» литовских пленников[29].

В тот же самый день, 25 января 1614 г., были награждены в Москве еще два сеунщика из Невеля от Григория Валуева. Сеунщики Иван Широносов и Роман Карамышев сообщили, что *«литовский городок Освей государевы люди взяли»*. В качестве награды они также получили по 40 куниц и по чарке (1 рубль 6 алтын 4 деньги). Кроме того, Иван Широносов получил деньгами 4 рубля «за камку середнюю», а Роман Карамышев – материал – «тафты доброй девять аршин», цена 2 рубля 6 алтын 4 деньги[30].

В Расходной книге товарам и вещам эта информация дана с некоторыми дополнениями. Здесь указаны дополнительно отчества пусторжевских помещиков (что само по себе помогает уточнить личность служилых людей) – Иван Федорович Широносов и Роман Дмитриевич Карамышев, – уточнено, что Карамышев получил 9 аршин тафты немецкой зеленой. Но далее в этом источнике говорится о третьем сеунщике. Это Данила Федорович Алексеев, также пусторжевский помещик. Он получил более скромную награду – только 9 аршин тафты немецкой зеленой. Через несколько дней, 1 февраля, Иван Широносов вторично получил государево жалование за язычный привод (около 4 аршин сукна) – возможно, это жалование дано ему при отпуске в Невель[31].

Вполне возможно, что с этим походом к Уле и Освее связано награждение невельских казачьих атаманов и рядовых казаков, которые в то время также находились в Москве. 27 января 1614 г., через день после награждения невельских помещиков, невельские казаки Федька Дмитриев и Степан Кулак получили государево жалование – по 6 аршин сукна *«лятчины червчатой по шти алтын по 4 денги портище»*. Они были пожалованы за язычный привод. Через несколько дней, 31 января,

[28] Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского (далее – Книга сеунчей). М. ; Варшава : Археограф. центр, 1995. С. 24–25.

[29] Приходно-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. (далее – Расходная книга...) // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 229.

[30] Книга сеунчей. С. 25.

[31] Расходная книга... // РИБ. Т. 9. С. 228, 235.

получил государево жалование в Москве невельский казачий атаман Иван Савельев за язычный привод *(«четыре аршина без чети сукна настрафилю лазоревого, цена рубль 22 ал. 2 д.»)*[32].

В походах на Улу и другие литовские города участвовали некоторые луцкие помещики, которые находились в то время в Невеле. Один из них – Юрий Ламаной, которому позже (24 марта 1616 г.) было придано к старому окладу в 10 рублей еще 3 рубля. В Кормленой книге Костромской чети содержится интересная формулировка, за что Ю. Ламаной получил эту придачу к денежному окладу: *«За Улскую и за Усвяцкую службу 122 году* (т. е. 1613/1614 г.), *да за Невелскую службу и за осадное сиденье 123 году»*. Судя по данной записи служилые люди из Невеля совершали в то время походы не только к Уле, но и к Усвяту. О подробностях похода к Усвяту сведений в источниках пока не обнаружено. Другой луцкий помещик *«Иван Личинов сын Олексеев»* 21 марта 1616 г. получил придачу к старому окладу в 8 рублей еще 3 рубля *«за Невелские службы 122 и 123 году»*[33].

Каковы же итоги походов зимой 1613/1614 г. служилых людей из Себежа, Невеля и других псковских пригородов в Литву? По сообщениям Никиты Калитина, рейд казаков Валуева в Литву вынудил поляков направить значительные силы к Невелю (до 3000 чел.) и в январе 1614 г. поляки вместе с отрядом Лисовского осадили Невель. Напомним, что Никита Калитин рассказывал об этих событиях в феврале 1614 г., будучи уже в Новгороде. Об осаде Невеля в январе 1614 г. поляками и Лисовским по московским источникам ничего не известно. В любом случае внимание польских воевод в это время было привлечено к Невелю и его служилым людям. Поляки направили значительные силы против Невеля, вместо того чтобы оказать помощь Смоленску, осажденному осенью 1613 г. московскими войсками князя Д. М. Черкасского. В декабре 1613 г. шли успешные для русских бои западнее Смоленска. Из Книги сеунчей мы знаем подробности этих событий. В начале декабря литовских людей побили в селе Могутово Смоленского уезда (сеунщик Андрей Наумов 10 декабря принес эту весть в Москву). По указанию воеводы Д. М. Черкасского был отправлен за рубеж отряд Ивана Спасителева. Здесь, в Шишеловом острожке, в конце декабря также была одержана очередная победа (в Москве эту весть получили 3 января 1614 г.)[34]. В итоге Смоленск едва не был взят москвичами

[32]Расходная книга... // РИБ. Т. 9. С. 230, 234.

[33]Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. С. 92, 119.

[34]Книга сеунчей. С. 21, 22.

и лишь ошибки русского командования помогли полякам удержать город в своих руках. В дальнейшем начиная с весны 1614 г. полковник Лисовский неоднократно прорывался к Смоленску с продовольствием для осажденного гарнизона.

Себеж в 1614 году

Походы в Литву служилых людей из Невеля, взятие Улы и Освеи в конце 1613 – начале 1614 г. по времени совпали с аналогичными походами на сопредельную территорию Полоцкого повета и в Лифляндию казаков из Себежа. Эти походы себежских казаков возглавлял казачий атаман Яким Иванов. Официально московское правительство при переговорах с поляками в ответ на упреки с польской стороны стремилось представить дело так, что данные походы в Литву были предприняты самовольно местными служилыми людьми, несмотря на запреты из Москвы. Возможно, московское правительство зимой 1614 г. надеялось без крупных боев добиться от поляков территориальных уступок в результате осады Смоленска и путем ведения переговоров.

Псковские воеводы князь Иван Федорович Хованский, Никита Дмитриевич Вельяминов и дьяк Василий Корин сообщали в Москву, что к ним пришли письма от «Ливонских городов державцев» с просьбой отпустить без выкупа захваченных себежскими казаками знатных литовских панов Андрея Густа и Голковского и чтобы воеводы запретили своим ратным людям ходить «за рубеж войною» и тем самым «мирнаго постановленья меж городов не нарушить». Судя по всему, себежские казаки совершили этот набег на запад, в ливонские земли (Лифляндию, или Инфлянты) в район Люцина – Режицы, а не в район Полоцка, раз письма идут от воевод ливонских городов.

Псковские воеводы писали начальникам в Себеже, осадным головам Василию Боброву и Ивану Неелову, чтобы они прислали во Псков этих знатных панов, а также запретили служилым людям временно, пока заключено перемирие, совершать нападения на польскую территорию до царского указа. В ответ себежские начальные люди Бобров и Неелов писали в конце января 1614 г. во Псков (письмо получено было в феврале), что они говорили «государевым ратным людем и казаком» ехать с пленниками во Псков и передать там поляков псковским воеводам. Однако казачий атаман Яким Иванов со своими казаками проявил непослушание и отказался выдавать пленных или ехать с ними во Псков.

Казаки считали, что это их законная добыча, и рассчитывали сами совершить выгодный обмен на своих товарищей, находящихся в польском плену, или получить деньги в качестве откупа. Думается, что воеводы Себежа не очень-то и настаивали на выполнении указаний из Пскова, ограничившись простой отпиской. Псковские воеводы в свою очередь прсто спрашивали у царя, что им делать: *«И о том, государь, нам холопам твоим, как укажешь»*[35].

Псковский воевода князь Иван Федорович Хованский также старался снять с себя ответственность за нарушение служилыми людьми из Себежа местного перемирия. Он докладывал в Москву, что неоднократно («многажды») просил начальных людей Себежа, государевых осадных голов Василия Боброва и Ивана Неелова, не нарушать этого местного перемирия с Литвой, заключенного летом 1613 г., чтобы служилые люди до царского указа не ходили войной в *«замиренные города»* и уезды за рубеж и *«задоров не вчиняли»*. Вторично письмо из Пскова было отправлено в Себеж 2 февраля 1614 г. Псковские воеводы требовали от осадных голов Себежа прислать во Псков нарушителей данного указа – казачьего атамана Якима Иванова и казаков его станицы, которые совершали походы в Литву, – а также захваченных ими пленных литовских людей.

Уже через три дня, 5 февраля 1614 г., во Пскове был получен ответ из Себежа. Учитывая, что расстояние в обе стороны около 400 км, можно предположить, что это был ответ на письмо аналогичного содержания, отправленное ранее. Себежские осадные головы Бобров и Неелов вновь докладывали, что казаки во главе с атаманом Якимом Ивановым отказались подчиняться воеводам и осадным головам, сами не поехали во Псков и не отправили пленных литовцев. Бобров и Неелов также сообщали, что на Себеж идет на осаду ротмистр Тулуп, а с ним 700 человек с нарядом. Эти сведения были получены из разных источников. Об этом рассказывали сами казаки, отказываясь покидать Себеж накануне вражеского нападения, а также лазутчики, отправленные за рубеж Бобровым и Нееловым, и *«казачей крестьянин Якушко Мекишан»*[36].

До этого 27 января 1614 г. из Себежа во Псков пришло тревожное донесение от воевод Василия Боброва и Ивана Неелова о том, что в ночь

[35]Отписка Псковских воевод Ивана Хованского с товарищи об отказе Себежских атаманов и казаков прислать к ним во Псков захваченных казаками в перемирье в замиренных Литовских городах Андрея Густа да Голковского с товарищи. 1614, февраль // АМГ. Т. I, № 75. С. 112–113.

[36]Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского с товарищами, что Себежские осадные головы Василий Бобров, да Иван Неелов чинят задоры за рубежом, и за то литовские люди хотят осадить Себеж. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 65. С. 100–101.

на 16 января 1614 г. Себежский уезд подвергся нападению литовских людей, которые *«многих людей побили и пограбили и деревни пожгли»*. Один крестьянин по имени Степанко сумел убежать от тех литовских людей в Себеж и сообщил Боброву и Неелову, что это нападение организовал пан Копальский. Целью нападения поляков был захват языков, чтобы лучше узнать обстановку в крепости. Беглец Степанко сказал, что поляки готовятся к большому походу на Себеж. Пан Копальский после завершения своего разведывательного рейда стоит со своими людьми в Полоцком повете и ожидает подкрепления, *«прибыльных литовских людей»*. После прибытия свежих сил поляки планируют начать осаду Себежа. Польские воеводы считают свои действия ответными – это, мол, ответная акция на поход служилых людей из Невеля, которые захватили Улу и Освею, *«приходили к ним за рубеж войной в замиренные места»*, а царского указа о прекращении перемирия еще не поступало[37]. Судя по данному донесению поход себежских казаков Якима Иванова примерно совпал по времени с грабительским рейдом пана Копальского в Себежский уезд. Очередной рейд к Себежу поляки совершили уже более крупными силами 9 февраля 1614 г.

28 марта 1614 г. в Москве было получено очередное донесение псковских воевод. От царского имени 30 марта была отправлена грамота прямо на Себеж начальным людям Боброву и Неелову, которая начинается следующими словами: *«От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии на Себеж осадным головам Василью Боброву да Ивану Неелову»*. Из этой грамоты мы узнаем, что 9 февраля 1614 г. приходили под Себеж *«на озеро на Ворон»* литовские люди, побили и поранили многих крестьян. Царь Михаил требовал, чтобы служилые люди Себежа прекратили набеги на сопредельную территорию и не провоцировали литовцев на ответные действия, и приказывал всех пленных отправить из Себежа во Псков, чтобы псковские воеводы могли их обменять на русских пленных. С другой стороны, осадным головам Себежа предписывалось укреплять оборону крепости, жить с великим бережением, добывать всеми способами сведения о планах поляков, *«беречься накрепко»*, *«чтобы литовские и немецкие люди к Себежу безвестно не пришли и дурна какого не учинили»*. Обо всех новостях осадные го-

[37] Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского, Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей, что они, соединившись, намерены вместе воевать Русскую землю. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 67. С. 102–103.

ловы Себежа должны немедленно сообщать воеводам Пскова и впредь выполнять беспрекословно все их указания[38].

Мы почти ничего не знаем о событиях в Себеже в это время, о тех служилых людях, что обороняли эту самую удаленную южную псковскую крепость. Одним из таких защитников Себежа был псковский помещик Степан Ногин. 7 декабря 1614 г. он снова был включен в список четвертчиков Галицкой чети, ему был установлен прежний оклад в 10 рублей. Интересная приписка, за какие заслуги Степан Ногин был включен в список четвертчиков: «За себежскую службу 122 году»[39]. В чем конкретно заключалась эта себежская служба в 1613–1614 гг. псковича Степана Ногина, еще предстоит выяснить – в источниках об этом ничего не говорится.

Описание Себежского уезда по дозорной книге 1614 года

В РГАДА в фонде Поместного приказа сохранился уникальный материал по Себежскому уезду в Смутное время – это дозорная книга 1614 г. Ценность данного источника состоит в том, что это последнее описание Себежского уезда московскими писцами перед передачей его Речи Посполитой в начале 1619 г. Публикацию дозорной книги (как и дозорных книг Вороначского и Велейского уездов) осуществил в 1985 г. С. С. Ермолаев[40], а впервые обратила внимание на данный источник Н. Б. Шеломанова[41]. К сожалению, указанные авторы подробно не разбирали содержание этой дозорной книги (они и не ставили перед собой такой задачи), однако последующие исследователи Смутного времени на протяжении вот уже более чем 30 лет так и не обращались к данному источнику. Этот источник представляет определенный интерес также для пушкинистов, по нему можно изучить прежних хозяев и просто жителей окрестностей Михайловского и Тригорского, которые

[38]Отписка Псковских воевод... что литовские люди хотят осадить Себеж // АМГ. Т. 1, № 65. С. 100–102.

[39]Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 72.

[40]См.: Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. / публ. С. С. Ермолаев // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. : Изд-во АН СССР, 1985. С. 140–163 (далее – *Ермолаев С. С.* Дозорные книги...).

[41]См.: *Шеламанова Н. Б.* Себежская земля в XVI в. // Археографический ежегодник за 1967 г. М. : Наука, 1969. С. 73–95.

жили здесь в Смутное время. Он является ценным дополнением к писцовой книге 1585–1587 гг., а именно к тому разделу, в котором дается подробное описание Воронача и его жителей. Жаль, что пушкинисты, как и краеведы Себежа, не обращают внимания на данный источник.

Дозор Себежского уезда в 1614 г. осуществлял присланный специально из Москвы подьячий Григорий Ларионов – личность хорошо известная, в будущем он станет дьяком Разрядного приказа[42]. Он же, судя по скрепам на листах этой книги, как выяснил С. С. Ермолаев, осуществлял дозор Вороначского и Велейского уездов. Можно предположить следующую хронологию проведения данного дозора. Поздней осенью 1613 г. из Москвы во Псков был отправлен Г. Ларионов, который зимой из Пскова в сопровождении охраны осуществил сначала дозор Велье и Воронача, а затем Себежа. С трудом верится, что такие важные государственные дела могли проводиться без участия псковских воевод. О времени составления дозора можно судить по тому, что в одном месте дозорной книги прямо сказано, что *«Андрюшка Останков в нынешнем во 122 году сошол во крестьяне...»*. Можно предположить, что дозор последнего Себежского уезда был осуществлен весной 1614 г. Оппоненты могут возразить, что маршрут из Москвы во Псков пролегал в то время через Торопец, окрестности сожженных Великих Лук или через Невель, Заволочье (которое в том же году будет временно разрушено), Опочку и Остров, т. е. через окрестности Себежа, так что Г. Ларионов при желании мог оказаться в Себеже раньше, чем во Пскове. В любом случае дозор Себежского уезда был завершен до конца августа 1614 г., когда кончался «нынешний 122 год».

В дозорной книге Себежского уезда имеются скрепы не только Г. Ларионова, но и Никольского попа Яблонского погоста Артемьева (имя его неизвестно, оно указано на скрепе утраченного листа).

В дозорной книге нас будут интересовать прежде всего люди, помещики (и не только), как тогдашние хозяева и жители в 1614 г., так и прежние, их судьба (с этим же связаны и причины запустения земель). Здесь важен каждый служилый человек по отечеству и по прибору, а также крестьяне, которых в уезде было очень мало.

Судя по дозорной книге в Себежском уезде в 1614 г. имели поместья 6 помещиков – это Иван Семенов сын Харламов (10 деревень, 10 пустошей), Степан Васильев сын Харламов (5 деревень, 29 пустошей), Северга Петров сын Львов (5 деревень, 14 пустошей), Афанасий Сназин (2 деревни, 11 пустошей), Лаврентий и Семен Неждановы дети

[42] См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. С. 287.

Назимовы (деревень нет, только 18 пустошей, их основные поместья находились в других уездах).

Первыми указаны **Иван Семенов сын Харламов**[43], а также его родственник (двоюродный брат?) Степан Васильев сын Харламов. В источнике они называются братьями. К примеру, за Иваном Харламовым записано поместье отца, которое он выменял у своего брата Степана Васильева сына Харламова – это сельцо Юродицы. Также за Иваном Харламовым указано поместье Воина Харламова – пустошь и две деревни.

И. С. Харламов имел 10 деревень. Крестьяне живут во всех деревнях «на печище». Это может означать, что двор был ранее сожжен, разорен и к моменту описания не восстановлен, а новый еще не обустроен. В каждой деревне указаны имена крестьян, живущих в момент дозора, а также живших здесь ранее, и их судьба (убиты, умерли, бежали). В конце описания каждой деревни говорится, сколько имелось пашни, отмечено, что пашня пахана, т. е. следует в этом году ожидать какого-то урожая зерна. Поместье отца (Семена Харламова) – сельцо Юродицы, – которое теперь тоже принадлежит Ивану Харламову, было также разорено, двор помещика выжжен, пашут пашню наездом из Себежа местные стрельцы Жоховы, Ерошка и Малах.

После 1585 г. началось возрождение хозяйства (в 1590-е гг.), некоторые пустоши стали деревнями. Всего таких новых деревень у Ивана Харламова указано 11. Но уже к моменту описания к 1614 г. в связи с гибелью крестьян (особенно в 1610–1612 гг.) 6 новых деревень снова превратились в пустоши, осталось из бывших пустошей только 5 деревень.

В итоге в 1614 г. у Ивана Семенова сына Харламова было всего 10 жилых деревень. Из них 5 деревень (долгожителей) были еще во времена писцов 1585 г. – это Кловино, Проскурницино (Валтырево тож), Булатово (в Заворонье) и Майковицина (в Майнях над озером Ординцом). Название пятой деревни неизвестно, оно приведено в самом первом, утраченном листе дозорной книги. Так как здесь указаны размер пашни и живущие крестьяне (*«живет на печище Гаврилка Накапаной, да непашенный бобыль Назарка Петров, да Офромейко Фомин»*), то это точно деревня, а не пустошь. Для сельца людей все же маловато – два крестьянина и бобыль.

Остальные 5 деревень при прежних писцах были еще пустошами (в дозорной книге указан один писец – Иван Дровнин, а Мещанинов-

[43] См.: *Ермолаев С. С.* Дозорные книги... С. 149–151.

Морозов не упоминается), потом там поселились крестьяне и эти пустоши превратились в деревни. Это Мышелово, Степановская над озером Ореховном (Сылтаково тож), Ольхино над Грязливым ручьем (Малое Лопаткино тож), Бедрино над озером Остречном, Бабкиничи над озером Себежем в Дубровах (Папино тож). Слово *«тож»* обычно указывает на прежних или нынешних хозяев. Иногда хозяева менялись очень часто, это видно из названия, к примеру деревня Мышелово, бывшая пустошь *«Иванка Ноугодца, Офонасовская, Иванова, Дияковщина тож»*.

Приведем имена остальных живущих крестьян кроме указанных Гаврилки Накапаного и Офромейки Фомина. Это Оксенко Иванов Ферзин с детьми, Ондрюшка Осипов, Валтырь с детьми, Петрушка и Васька Сылтановы, Бориско (пасынок убитого Андрея Куртина) с братом Иванком, Самсонко Грибанов, Якушка и Андрюша Орниковы, некий Софронко с сыном Гаврилкой, Трофимка Иванов с братьями Васькой и Гришкой.

Кроме крестьян в деревнях жили непашенные бобыли. Вместе с указанным Назаркой Петровым отмечены Данилка Глупой, Дмитерко Глупой, Мартынко Салтанов, Васька Андреев, Юрка Андреев, Жданко Иванов и Игнашка Салтанов.

Всего в 10 деревнях Ивана Харламова жило 17 крестьян и 8 непашенных бобылей. Так как большинство сыновей и братьев жили в одном дворе, то получилось в 10 деревнях 11 дворов.

Кроме 10 жилых деревень у Ивана Харламова в дозорной книге указаны еще 10 пустошей. 7 из них были раньше деревнями, везде отмечены бывшие владельцы (как правило – убитые) и говорится, что «двор вызжен». Это следующие пустоши: Колесниково над озером Себежем, Гаврилово (Шевердино, Батеево на Мельнице), Рудышево в Техомичах, Василево (Большое Лопатино), Сидорково над озером Остречном (по Опоческой дороге возле Рождественского монастыря), Палехново в Техомичах (Погорелое тож), Степаново (Папина) над озером Глубоким.

Названия остальных трех пустошей также представляют определенный интерес. Это пустошь Спиридово (Выгаское), пустошь Анисимка Козицына (Рышково тож) над озером Глубоким и пустошь Федьки Мещеникова, Клабуковское погребище.

Запустение земель и превращение деревень в пустоши связано с потерями среди крестьян.

8 крестьян были убиты литовскими людьми, а еще про одного просто сказано – убит неизвестно кем.

12 крестьян умерли своей смертью (либо от старости, либо от болезней).

7 человек ушли кормиться, а с ними также две вдовы с малыми детьми.

3 человека поменяли свой социальный статус, стали стрельцами на Себеже. Это братья Сенька и Юрка, сыновья Прошки Алексеева Брусницына, который умер. Также – Степанко Ермолкин сын Проскура. Эти и другие крестьяне стали стрельцами примерно в одно время в 119 г. (т. е. в период с сентября 1610 по август 1611 г.).

В конце описания земель Ивана Харламова пропущен один лист, судя по скрепе. На нем были записаны, по-видимому, еще одна-две пустоши. И далее на следующем листе подводится итог землям Ивана Семенова Харламова: *«А ныне в живущем, и с тем, что после писца на пусто посажены крестьяне, три чети пашни, а то все пусто и лесом поросло»*. По-видимому, перед этим на утраченном листе, как и у других помещиков, записано, сколько пашни было раньше, при прежних писцах. Этого, к сожалению, мы не знаем, а значит, не можем судить точно о размере разорения, видно только, что оно было значительным, если 7 деревень превратились в пустоши и пропало 30 крестьян, а осталось только 10 деревень, 11 дворов, 17 крестьян и 8 бобылей.

Вторым в описании указан **Степан Васильев сын Харламов**[44]. У него были поместья Воина Харламова, а также отца – Василия Харламова. Их характеризовать будем вместе. Отметим только, что из пяти «живущих» деревень 4 принадлежали ранее Воину Харламову. Крестьяне в деревнях также живут «на печище», за исключением одной деревни. Про сельцо отца сказано, что это *«сельцо Омельяново, Борисово, Лобово тож над озером Яблонцом. В сельце двор помещиков вызжен»*.

Из пяти деревень три были еще при прежних писцах, а две возникли из пустошей в связи с переселением крестьян. Деревни-долгожители – это Усново (Ижерино), Бурцово и Кузнецово над озером Брусничным. Новые деревни – это самое обустроенное Тараево (Ратаево) (хозяин не живет на печище) и Смехино над озером Слепенцом (Жигнырево, Грибесово тож).

Крестьяне в этих пяти деревнях – это Лимонко и Сафонко Алесеевы дети Шамкова, Якушка и Тимошка Федоровы дети Рукавичникова, Матвейко Логинов Латыш, Лашко Ботохнов и Кирилко Андреев Горошок с сыном Офромейкой.

[44] *Ермолаев С. С.* Дозорные книги... С. 151–154.

Всего в этих пяти деревнях пять дворов, живут 8 крестьян, а бобыли не указаны – видимо, их нет.

Кроме пяти деревень у Степана Харламова указано много пустошей. Среди них – мертвые деревни и несколько починков, которые из-за гибели крестьян стали пустошами. Это бывшая деревня Федьки Ветошника над озером Мочажом, Гритково (Копылово) над озером Ординцом, Мышелово (Хворово), Морщевиково в волостке в Мочажи над озером Мочажем, Гладышево над речкой Броницей, Офони Чермново в нивах, Левиново (Сысоево), Кожино Терешки Латыша, Пахомовщина, Сидорково над озером над Ницом, Быково в Лому над Лосмой, Другое Пуковичи (Прокопово), Кривцово за полем у деревни Гоголенца Андрея Латыша, Андрейково (Лапырево). Итого 14 бывших деревень.

Рассмотрим судьбу бывших владельцев этих покинутых деревень. 5 человек были убиты «от литовских людей», а одного литовские люди взяли в полон. 10 человек умерли своей смертью, про двух сказано, что они сошли кормиться, вдова третьего с детьми – тоже. Двое сами ушли в Литву за рубеж, искать более спокойной жизни. Про Петрушку Григорьева Горянского Шелудивого сказано, что он в 116 г. ушел к успенскому дьякону Андрею Шарабаилу в крестьяне на Глубочицу. Про детей умершего крестьянина Леха сказано, что они ушли в крестьяне к конному казаку Исаку Стенюкову.

Пять человек в 119 г. ушли в Себеж, стали там стрельцами. Это Самулка (Семилка), зять умершего крестьянина Герасимки Смочажа, дети умершего Ульянки Юрьева Горянского – сын Вединечко и пасынок Демешка, зять еще одного умершего крестьянина Андрюшка Чюлпа, сын умершего крестьянина Якушки Федорова Гаврилка. Видим, что это молодые люди, ушедшие в стрельцы после гибели отца или тестя, с которыми жили в одном дворе.

У Степана Харламова было еще 15 разных пустошей, которые, по-видимому, были пустошами и при прежних писцах. Их названий приводить не будем.

Всего за Степаном Васильевым Харламовым по писцовой книге ранее *«было в живущем тритцать чети с полуосминою пашни, а ныне в живущем и с тем, что после писца на пусто посажены крестьяне, две чети бес полуосмины пашни, а то все пусто перелогом и лесом поросло»*.

Обратим внимание на цифры пашни. Было 30 чети, стало менее 2 чети, следовательно, общий урожай сократился в 15 раз. И это по сравнению с тяжелыми первыми годами после окончания Ливонской войны,

когда считалось, что было страшное разорение. Нынешнее разорение оказалось во много раз страшнее.

Еще один помещик – **Северга Петров сын Львов**[45]. Он же был в Себеже стрелецким головой, командовал приказом себежских стрельцов (270 стрельцов и 30 конных казаков).

За ним указаны поместья его отца Петра Львова и другого известного по описанию 1585 г. себежского помещика, Елизария Нечаева. В самом описании эти поместья не разделяются, так что трудно сказать, что принадлежало раньше Петру Львову, а что – Елизарию Нечаеву. Мы не сможем сказать, когда Северга Львов стал владельцем всех этих земель.

Сначала разберем, где находился двор этого помещика и какова судьба этого двора. До писцов Мещанинова-Морозова и Дровнина, т. е. еще до 1585 г., здесь располагалась деревня Ивана Ворыгина. При писцах она уже превратилась в пустошь. Потом это место облюбовал себе Северга Львов, построил здесь двор, перевел сюда крестьян (имена их и судьба неизвестны), возможно, здесь возникло сельцо. Но Смута все изменила. Писец Григорий Ларионов констатировал, что двор выжжен. Пашню пашет наездом, приезжая из Себежа, себежского яму охотницкий крестьянин Мартынко Пургилев.

Особенностью всех имеющихся пяти деревень Северги Львова является то, что они в период прошлого описания 1585 г. были еще пустошами. Петр Львов приехал в Себеж незадолго до этого описания и начал интенсивную хозяйственную деятельность. При нем, кроме сельца, из пустошей появилось 12 новых деревень, он заселил их людьми.

Плоды своего труда он передал сыну, Северге Львову. Правда, во времена Смуты 7 из 12 деревень в связи с потерей крестьян вновь превратились в пустоши. К 1614 г. осталось пять живущих деревень, шесть крестьянских дворов. Во всех деревнях дворы выжжены, крестьяне живут на печище. Это Кузнецово у озерка Топинца, Колесниково (Сытка Иванова, Пьянкова, Нарова тож), Игнатово над озером Лосмом, Литвиново (Матвеевское усадище) над озером Лосмом, Щербинино над речкой Болотой.

В этих пяти деревнях живут Афонаско Борисов и Володька Павлов, Давыдко (сын убитого Иванка Омельянова), Опимашко Ондулев, Трофимко Филипов и Матвейко Андреев Ондулев (сын убитого Андрюшки Мартынова). Также здесь мы видим четырех непашенных бобылей. Это Радивошко Ржевитин, Омельянко Харин, Матюшка Книгин и брат его Ильюша. Итого 10 человек (6 крестьян и 4 бобыля).

[45] *Ермолаев С. С.* Дозорные книги... С. 154–155.

Точное количество мертвых деревень, которые превратились в пустоши, устанавливается довольно легко, несмотря на потерю одного листа в дозорной книге, благодаря тому что в конце описания приводятся общие цифры. Таких деревень всего 7 (было 12 живущих деревень, осталось 5). А вот судьбу двух бывших владельцев двух пропущенных деревень, как и их название, мы, наверное, уже никогда не узнаем.

Отметим названия пяти мертвых деревень, ставших пустошами. Это Кудиново над озером Норчном, Офремово (Голубово в Мочажи), Костино, Максимово (Лопатино) над озером Ореховном, Плюшнево (Трехово, Кудрявцево тож). Судьба жителей последней также неизвестна. Укажем то, что известно о судьбе некоторых бывших крестьян. Убиты литовскими людьми Иванко Омельянов с детьми, Федька Гранда с сыном, Гришка Шкигин Латыш, брат его Степанко, Андрюшка Мартынов. Это крестьяне тех деревень, которые сохранились благодаря тому, что дети, родственники или другие люди остались жить в этих разоренных деревнях.

Из деревень, превратившихся в пустоши, только в одной хозяина (Ваську) убили литовские люди. Крестьяне трех других деревень сами ушли кормиться (Иванко Андреев, Анишко Хотков, Федорко Зинов Латыш), а брат последнего Гришка «сшел в Литву за рубеж».

Таким образом, у Северги Львова 6 крестьян убито литовскими людьми, трое ушли кормиться, а один бежал в Литву, про других сведений нет. Потери составили 16 человек ($22 - 6 = 16$), т. е. намного больше, чем осталось крестьян.

Количество остальных пустошей, которые были еще при прежних писцах и остались пустошами, установить можно лишь приблизительно – известны названия 7 пустошей. Возможно, что еще 1 или 2 пустоши были записаны в утраченной части книги. Названия их приводить не будем.

Процитируем небольшой отрывок, в котором подводится итог владений Северги Львова: *«И всего за Севергою после писца, по сыску и по дозору Савастьяна Квашнина да Клементея Еремеева с товарыщи, в живущем было сельцо да двенатцать деревень, а крестьян в них было дватцать два человека, а ныне жилых пять деревень, а крестьян в них шесть человек, в живущем паханые пашни четь бес полуосьмины, а то все пусто, перелогом и лесом поросло»*[46].

[46] *Ермолаев С. С.* Дозорные книги... С. 155.

Видим, что после писцового описания 1585 г. накануне Смуты (точное время неизвестно) проводился еще один дозор, который осуществлял Севастьян Квашнин с Клементием Еремеевым. Упомянутый дозорщик Севастьян Квашнин – это один из деятелей Смутного времени, псковский помещик Вышгородского уезда Севастьян Григорьев сын Квашнин, отмеченный еще в 1585 г. писцами Мещаниновым-Морозовым и Дровниным (вместе с дядей Аталыком и двоюродным братом Андреем Ждановым Квашниным), сторонник Василия Шуйского, участник борьбы против Болотникова и осады Тулы. Он бежал из мятежного Пскова, присягнувшего осенью 1608 г. Лжедмитрию II, в Новгород, затем долго служил правительству Делагарди – Одоевского, а после первого захвата Гдова шведами летом 1612 г. получил поместья в Гдовском уезде. На сторону Михаила Романова перешел в 1614 г., четвертчик Галицкой чети, участник обороны Пскова от Густава Адольфа, получил за это придачу к окладу в 1616 г.

Еще один помещик – **Афанасий Сназин**[47] – тоже, как и Севастьян Квашнин, помещик Вышгородского уезда Афанасий Елизарьев Сназин, упомянутый в писцовой книге 1585–1587 гг. Он имел всего две деревни, которые во время прежних описаний были еще пустошами. Это Боголишино (Подобедово) над озером Суценцом и Жгалово (Концово, Бирюлино тож) над озером Островным. Первая деревня более-менее уцелела, нет слова «на печище». Крестьяне этих деревень – Михалка и Кондашка, дети Куземки Тиреканова Носко, убитого литовскими людьми вместе с Андрюшкой Андреевым, и Сенка Стехнов с сыном Терешкой. Также в первой деревне живет непашенный бобыль Осипко Андреев.

После Ливонской войны еще две пустоши были заселены людьми, превратились в деревни, однако к 1614 г. из-за потери крестьян вновь стали пустошами. Это бывшие деревни Федково (Козулино, Юринка Кузнеца) над озером Островным и Сухоносово в Нестановичах. Про их прежних хозяев известно, что один из них, Андрюшка Останков, «в нынешнем во 122-м году сошол во крестьяне на казачью на Калинину деревню Котельникова», другой – Степанко Сприкутов, сшел в Литву за рубеж, третьего, Иванку Медведева с сыном Иванкой, убили литовские люди, как и упомянутых ранее Куземку Тиреканова и Андрюшку Андреева.

Афанасию Сназину принадлежали еще 9 пустошей, 3 из них ранее были починками (Исачки, Андрейки и Мартынки Латышей и Ермолин). Приведем в качестве примера название одной из пустошей: «Пустошь

[47] *Ермолаев С. С.* Дозорные книги... С. 155–156.

Мосеево, Мешаниново, Сущевниково, Мещаниково, Захарковская, Елизарова». Название говорит о многих прежних владельцах.

Всего в поместье Афанасия Сназина после прежнего писца Ивана Дровнина *«в живущем было четыре деревни, а крестьян в них восмь человек было, а ныне живых две деревни, а крестьян в них два человеки, паханые пашни осьмина, а то все пусто и лесом поросло»* (фактически в оставшихся двух деревнях жило 4 человека, было два двора). Вновь потери крестьян значительны: было восемь, осталось двое.

Оставшиеся два помещика, указанные в дозорной книге Г. Ларионова, – это **Лаврентий и Семен Неждановы дети Назимовы**[48]. У них было поместье отца Нежданa Назимова. Это поместье состояло к моменту дозора только из селища Кременец и 18 пустошей. Описание здесь самое краткое, приводятся только названия. Одна из пустошей ранее была деревней Иванка Ворогина (Строкино). Три пустоши ранее были починками (Кожин, Юринов Арманов, Микулин Кловинов). Названия остальных 15 пустошей приводить не будем. О судьбе бывших крестьян ничего не говорится, имена новых не приводятся (возможно, их не было вовсе и селище оказалось заброшенным).

В конце дозорной книги подводится общий итог владений всех шести помещиков: *«Всего в Себежском уезде за помещики жилых дватцать пять (25) деревень, а крестьян в них дватцать восм (28) человек, да тритцать три (33) пустых и пожженных сел и деревень, а крестьян и непашенных бобылей в тех деревнях побито и померли и розошлися в стрельцы, и в казаки и в Литву за рубеж и иные кормица девяносто девять (99) человек. А сошного письма по писцове книге Ивана Дровнина в жывущем было пол пол чети сохи, семь чети пашни, а ныне в жывущем и с тем, что после писца на пусто посажены крестьяня шесть чети пашни, а то все пусто, перелогом и лесом поросло»*[49].

Количество жилых деревень сократилось более чем в два раза (25 жилых и 33 пустых и сожженных сел и деревень). Это очень трагично. Однако еще более трагично то, что потери среди крестьян еще выше. Судя по-всему, ранее деревни были более населены, в каждой было обычно по два-три двора. Известно, что было уничтожено 33 деревни, пропало 99 крестьян и бобылей. Теперь осталось 25 деревень, 28 крестьянских дворов, т. е. практически каждая деревня в 1614 г. состояла из одного двора, только в трех деревнях было по два двора.

По неполным сведениям, из 99 пропавших крестьян и бобылей выяснена судьба более чем 70 человек. Из них 23 убито литовскими

[48] *Ермолаев С. С.* Дозорные книги… С. 156–157.
[49] Там же. С. 157.

людьми, еще один убит неизвестно кем, 22 умерло своей смертью, 1 взят в плен, 3 сами ушли в Литву, 12 ушли кормиться, как и 3 вдовы с малыми детьми, 1 ушел в крестьяне к успенскому дьякону, 3 ушли в крестьяне к конным казакам, 8 крестьян стали стрельцами в Себеже.

Приведем для сравнения земли помещиков в 1585 г. В Себежском уезде было всего 6 помещиков из состава детей боярских. Это два брата Харламовы, Семен и Алексей Васильевичи, их родственник Степан Васильевич Харламов, Елизарий Нечаев сын Нечаева, Петр Андреевич Львов и Богдан Григорьевич Бочманов. Через 29 лет (к 1614 г.) остались из них Степан Васильевич Харламов, сыновья Семена Харламова и Петра Львова (Иван Харламов и Северга Львов), а также новые помещики из других уездов Псковской земли – братья Назимовы и Афанасий Сназин.

В 1585 г. шесть помещиков имели в сумме 2 сельца, 22 деревни и 109 пустошей. Количество крестьян не было указано. В 1614 г. тоже 6 помещиков имели 22 деревни, свыше 82 пустошей (из которых более 30 – это сожженные деревни) и два условных сельца, в которых никто не живет, а пашню пашут наездом из Себежа. Но сравнение проводить трудно, так как не все показатели учитываются. Так, например, в дозорной книге 1614 г. не указаны владения конных казаков и монастырские земли, которые отмечены были в писцовой книге 1585 г. Конные казаки тоже были мелкими помещиками. Всего 29 казаков в 1587 г. имели 36 деревень и 103 пустоши.

Добавим сюда еще монастырское землевладение в Себежском уезде, о котором также ничего не сказано в 1614 г. В 1585 г. Никольский монастырь с Пятницким женским монастырем, а также Никольский монастырь в Яблонцах и Рождественский Клинский монастырь в сумме владели 13 деревнями, починком и 67 пустошами.

Что стало с этими монастырями в 1614 г., неизвестно. В Дозорной книге о них ничего не сказано, как и о конных казаках. Мы только случайно узнаем, что Никольский монастырь в Яблонцах (или Никольская церковь) еще существовал, так как никольский поп в Яблонцах Артемьев принял участие в составлении дозора (есть его скрепа в книге). Также знаем, что конные казаки по-прежнему владели какими-то поместьями, если к ним в деревню уходили крестьяне (казаки Калина Котельников, Исак Стенюков). Кроме указанных ранее крестьян Андрюшки Останкова и сыновей крестьянина Леха, ушедших к конным казакам, известен казачий крестьянин Якушко Мекшан. Конными казаками в Себеже в то время были Нефедка Микулин, Федька Собянин

и Богдан Масехин, которые часто отправлялись воеводами с донесениями в Москву. Себежскими конными казаками (их в Себеже было 30 человек) командовал в 1614 г. казачий атаман Яким Иванов. Остальные конные казаки были не местные, в дальнейшем они перебазировались в Невель и другие города (это казаки атаманов Богдана Подорвана и Михаила Мерзлякова, 220 человек).

Служба Семена Никитича Гагарина воеводой в Невеле. Невельское осадное сидение 1614 года

25 января 1614 г., в тот самый день, когда в далекой Москве награждали сеунщиков за взятие Улы и Освеи, в Пскове было получено донесение воевод Опочки Ивана Бороздина и Богдана Аминева. Они сообщали воеводе Пскова князю Ивану Федоровичу Хованскому, что в Опочку приехал из Полоцка Осип Харин с важными вестями. Этот Осип Харин узнал от знакомых литовских торговых людей в Полоцке, что недавно «была у короля рада», после которой на Рождество все разъехались по домам, однако при короле остались многие ратные люди. Поляки готовятся к походу. В целях укрепления союза Польши и Швеции для совместной борьбы против нового царя Михаила Федоровича король отпустил в Швецию взятого ранее в плен гетманом Ходкевичем «Карлусова сына» (речь идет о шведском военачальнике Карле Гюлленельме). Однако против похода в Псковские пригороды выступает «подчашей Радивил», который не хочет нарушать заключенного перемирия[50].

В Москве, получив в феврале 1614 г. это и другие аналогичные донесения, понимали, что весной под Невелем начнутся тяжелые бои. В связи со сложившейся обстановкой воевода Невеля Григорий Валуев был срочно отозван в Москву и заменен другим воеводой. С одной стороны, он уже долго находился в Невеле и нуждался в замене. С другой стороны, в Москве еще не очень-то надеялись на его преданность, слишком многое связывало его с польскими людьми еще с июня 1610 г.

Нужен был в таком опасном месте, как Невель, воевода, на которого можно было положиться, кто еще ранее отличился в боях с поляками. Выбор московских бояр и дьяков Разрядного приказа остановился на князе Семене Никитиче Гагарине, который в то время находился в далеком южном городе Белёве. Ранее Семен Гагарин отличился в весенних боях 1611 г. ополчения П. Ляпунова под Москвой, осенью того же года

[50] Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского, Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 67. С. 102–103.

сжег оплот поляков Великие Луки, где был польский ставленник Г. Валуев, потом успешно оборонял Белёв от поляков, а теперь он принимает дела в Невеле у того самого Валуева...[51].

В разрядной записи за 7122 г. (1613/1614) отмечено, что *«в Белеве воевода князь Семен княж Никитин сын Гагарин, и князю Семену велено быть на Невле...»*[52].

Отметим, что в разрядных книгах очень редко говорится об отправке воеводы из одного города сразу в другой город. Чаще всего в разрядах, когда смена воевод осуществлялась не в обычное время (в начале года, в сентябре), а в другое, можно встретить записи: «отпущен», «велено быть в Москве». В дальнейшем мы увидим еще одну уникальную запись в разрядных книгах, связанную с Семеном Гагариным, когда он под одним и тем же годом упомянут воеводой дважды – сначала в Невеле, а потом в Казани.

Что касается прежнего воеводы Невеля Григория Валуева, то он весной-летом 1614 г. находился в Москве. Узнав о возможном нападении на Москву ногаев, *«по Нагайским вестия»* для обороны Москвы были расписаны многие бояре и воеводы. Каждому поручался отдельный участок обороны. Григорий Валуев был в подчинении у боярина Бориса Михайловича Лыкова, в их зону ответственности входил участок за Яузой. В отряд Лыкова и Валуева входили среди прочих служилых людей 2 пусторжевца и 8 лучан, 2 помещика Шелонской пятины, а также 40 казаков из Рамышевского острожка, которые ранее сражались под командованием Андрея Палицына. В другом отряде, боярина Ивана Семеновича Куракина, среди прочих служилых людей мы видим 8 пусторжевских помещиков[53].

В дальнейшем Григорий Валуев принял активное участие во многих событиях завершающего этапа Смуты на самых ответственных должностях. Его биография, за исключением Луцкого и Невельского периодов Смуты, хорошо изучена. Правительство Михаила Романова не преследовало ни бывших тушинцев, ни сторонников польского короля Сигизмунда. Обычно при этом говорили: *«То уже дело бывшее, и нам о нем вспоминать не гоже»*. Многие бывшие тушинцы, а также сторонники польского и шведского королевичей в дальнейшем сделали неплохую карьеру при Михаиле Романове.

[51] Подробную биографию Семена Гагарина см.: *Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 168 с.

[52] Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 293.

[53] Там же. С. 288–289.

Служба в Невеле началась для Семена Гагарина уже в марте 1614 г. Последний раз прежний воевода Невеля Григорий Валуев упоминается 2 марта 1614 г. Это отмечено в Приходно-расходной книге Владимирской чети. Именно этому финансовому органу был подведомствен Невель, именно в эту четверть поступали четвертные доходы с кабака, лавок, амбаров, пашни, мельниц и др. В связи с утратой документов по Невелю дьяки смогли найти последние сведения только за 110 (1601/1602) г. В Москве было принято решение собирать четвертные доходы по старому окладу, хотя с тех пор прошло уже 12 лет. Накануне Смуты четвертные доходы с Невеля составляли 85 рублей 17 алтын и 5 денег, в том числе кабацких денег было собрано 52 р. 22 ал. 4 д. Остальные деньги (около 33 рублей) собирались *«с посаду з дворов и с лавок и с онбаров и с озерков и с четвертные пашни и с мельниц оброку и пошлин и с Невельсково уезда с озер»*, а также с «новоприбылных озер». Пока Невель находился под властью польского короля *(«в 121-м году Невль был за Литвою»)*, эти доходы в Москву не поступали. Далее в документе говорится, что *«на нынешней на 122 год четверные доходы збирают на веру же»*. В отписке Григория Валуева, скрепленной его печатью, отмечено, что он 2 марта 1614 г. взял с невельского кабака кабацких откупных денег 200 рублей. При этом приводятся имена четырех кабацких откупщиков, взявших этот кабак в откуп на год (с 1 сентября 1613 г. по 1 сентября 1614 г.). Это Лучка Сидоров, Якулка Колмачев, Васька Хохлов, Савка Яковлев[54]. Видим, что кабак в Невеле функционировал довольно эффективно, приносил огромные доходы людям, которые захотели взять его в откуп и не жалели при этом откупных денег.

В марте 1614 г. уже новый воевода князь Семен Гагарин сообщал из Невеля в Москву тревожные вести, полученные от выходцев и разведчиков, о решении польского сейма продолжить войну с Россией и о начавшемся походе поляков. В Москве с тревогой узнали, что сын канцлера Льва Сапеги и полковник Лисовский собираются захватить Себеж, Опочку, Остров, Псков, идти деблокировать осажденный Смоленск и наступать на Москву[55]. Московское правительство Михаила Романова сразу же предприняло превентивные меры, отправило специальные инструкции воеводам. Воевода Невеля находился в оперативном подчинении у воеводы Пскова князя Ивана Федоровича Хованского, согласовывая с ним все свои действия и отправляя во Псков донесения.

[54] Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // РИБ : в 39 т. Т. 28. Стб. 35.

[55] Отписка Невельского воеводы Семена Гагарина о получении им вестей через Крикова человека Ефимьева Василия Лукина о появлении литовских людей под Опочкой с приложением распросных речей Лукина. 1614, после 18 марта // АМГ. Т. 1, № 72. С. 108–109.

В это же время (февраль-март 1614 г.) московское правительство готовило очередной поход на Литву, формировалась рать А. М. Львова и П. И. Секирина. Уже в апреле-мае эти московские отряды разорили ряд областей Литвы. Под Кричевом войска А. Львова и П. Секирина одержали ряд побед – *«в Кричеве и во Мстиславле посады и остроги выжгли, и литовских людей многих побили, и многие места повоевали и пожгли, и полон многий поимали»*. Сеунщики прибыли в Москву с вестями об этой победе уже 27 мая 1614 года[56].

В это же время активизируются боевые действия в районе Невеля. Известно об успешном рейде служилых людей из Невеля к литовскому городу Озерищу. Об этих действиях воеводы Невеля Семена Гагарина мы узнаем из записи в Книге сеунчей от 20 мая 1614 г., когда в Москву приехал сеунщик *«пусторжевец Микита Иванов сын Соморуков»*. По-видимому, это был один из наиболее отличившихся воинов, командиров отрядов, которого Семен Гагарин отправил с донесением в Москву. Никита Сумароков сообщил, что *«из Невеля ходили головы под литовский город Озерище и литовских людей побили»*. Этот рейд служилых людей из Невеля за рубеж к Озерищу, осуществленный по указанию воеводы Семена Гагарина, происходил в конце апреля – начале мая 1614 г., учитывая время на дорогу из Невеля в Москву. Сеунщик Никита Сумароков получил государево жалование *«ис приказу пять рублев да у Казны сукно доброе»* ценой 1 рубль 19 алтын[57].

В Расходной книге товарам и вещам уточняется, что 24 мая 1614 г. (т. е. через три дня) этот пусторжевец Никита Сумароков вместе с казачьим атаманом Богданом Порываевым получил государево жалование: *«Дано государева жалованья пусторжевцу Миките Иванову сыну Сумарокову, да атаману Богдану Порываеву по 4 арш. без чети сукна аглинсково лазоревово, цена по рублю по 19 ал. портище, да Богдановы станицы Порываева казаку Гришке Сухоруку 4 арш. без чети сукна аглинсково зеленого, цена рубль 19 алтын»*. Далее говорится: *«А пожаловал государь их за выход»*[58]. Эта формулировка несколько отличается от записи в Книге сеунчей. Одно дело сеунщик с вестью о победе, а другое – человек, вышедший из вражеского стана и перешедший на службу к царю Михаилу. Возможно, что атаман Богдан Порываев участвовал в набеге на литовский город Озерище.

[56]Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 263–266; Книга сеунчей. С. 27.

[57]Книга сеунчей. С. 26.

[58]Приходно-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 294.

Интересна судьба невельского помещика Семена Майкова Львова. Когда-то он бежал во Псков, служил Лжедмитрию III, его «изменничье поместье» по челобитной королю Сигизмунду получил псковский помещик Иван Сумороцкий. Потом Семен Львов вместе с псковичами присягнул Михаилу Романову и снова оказался в Невеле. Он получал жалование из Галицкой чети, по-видимому, был еще молодым человеком с минимальным окладом в 5 рублей. Семен Львов отличился на государевой службе под Невелем, поэтому после письма в Москву воеводы князя Семена Никитича Гагарина этому служилому человеку 14 июня 1614 г. по государеву указу вновь был установлен прежний оклад в 5 рублей «за службу». Уже через месяц, 20 июля, он получил придачу к окладу 2 рубля «за невельскую службу», а еще через месяц, 31 авуста 1614 г., опять же за невельскую службу ему было придано еще 2 рубля. Этот денежный оклад в размере 9 рублей Семен Львов имел очень недолгое время. Возможно, он даже не успел получить всех положенных ему денег и вскоре за новые отличия в службе был снова награжден придачей к денежному окладу. Уже 20 октября 1614 г. Семен Львов получил новую придачу еще 2 рубля к окладу «за невельскую службу 123-го году»[59].

Судя по данной записи и по дате награждения Семен Львов вновь отличился в боях против поляков в первые дни и недели 7123 г. (уже в сентябре – начале октября 1614 г.). Это было Невельское осадное сиденье. С начала июля до конца декабря 1614 г. защитникам Невеля и воеводе Семену Гагарину пришлось выдержать тяжелые испытания. В это время именно к Невелю были направлены главные польские силы на Северо-Западе.

До последнего времени это «Невельское осадное сидение», о котором сообщается в Книге сеунчей, еще не было изучено в деталях. К данному сюжету недавно обратился Александр Витальевич Малов, труд которого стал известен автору этих строк уже после написания книги[60]. Приведем сведения из Книги сеунчей, где говорится об этих событиях, и попытаемся по другим источникам выяснить имена тех служилых людей, что принимали участие в обороне Невеля от поляков.

Через два месяца после похода невельских служилых людей к Озерищу поляки в июле 1614 г. предприняли ответное нападение на Невель.

[59] Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 92.

[60] См.: *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 67–88; *Его же.* Невельское «сидение» 1613–1619 гг. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії : Збірник наукових праць : Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 25. Рівне, 2014. С. 210–220.

Судя по донесению Семена Гагарина это нападение оказалось неожиданным, русская разведка не сработала. Поляки сумели внезапно захватить посад Невеля и взять в плен многих жителей посада, которые не успели укрыться в крепости. Также были захвачены табун лошадей и стадо коров. Семен Гагарин докладывал в Москву, что 10 июля 1614 г. *«приходили из Полоцка и из полоцких поветов под Невель литовские люди пан Олександро Безсекерской да пан Ян Якубовской, а с ними конных и пеших людей 300 человек и были под городом на посаде со всеми людьми, и многих людей в полон поимали, и стада конные и коров отогнали».* Однако воевода Невеля действовал решительно. Он сразу же направил вслед полякам служилых людей под командованием головы Ивана Никитича Сорочнева. Поляки были разгромлены, пленные освобождены. Семен Гагарин докладывал: *«За теми литовскими людьми был в посылке из Невеля Иван Сорочнев головой с товарищи. А с ним были дворяне и дети боярские, атаманы и казаки, стрельцы и всякие служилые люди. С литовскими людьми был бой на 9 верстах, литовских многих людей побили наголову, полон отгромили, знамена, литавры и языки многие поимали, стада отгромили назад, а ротмистры не со многими людьми отошли пешие на лес»*[61].

Сеунщик Иван Никитич Сорочнев, который привез 22 июля 1614 г. в Москву данное донесение, – это тот самый посол псковских воевод, который в августе 1613 г. заключил перемирие с Александром Лисовским. По-видимому, Иван Сорочнев был первым помощником воеводы Семена Гагарина в Невеле, раз командовал сводным отрядом из казаков, стрельцов и детей боярских, и он получил награду не только за сеунч, но и за «головство», за умелое командование. Награда была значительной – 8 аршин камки доброй (5 рублей 30 алтын), чарка (1 рубль 17 алтын 3 деньги), сорок куниц (9 рублей).

В то время как паны Александр Безсекерский и Ян Якубовский совершили нападение на Невель, в далекой Москве награждали невельских и луцких служилых людей за привод в столицу пленных литовцев («язычное жалование»). Учитывая время на дорогу из Невеля до Москвы, можно предположить, что походу литовских людей из Полоцка и полоцких поветов предшествовал рейд в Литовскую землю в июне 1614 г. казаков из Невеля. Этот рейд осуществил знаменитый атаман Микита Путимец, который в дальнейшем будет переходить на сторону поляков, шведов, а затем снова станет служить Михаилу Романову.

[61] **Книга сеунчей.** С. 27.

7 июля 1614 г. атаман Микита Путимец впервые получил государево язычное жалование за сукно деньгами – полтора рубля. 10 июля язычное жалование получил луцкий помещик Иван Семенович Тиханов (4 аршина без чети сукна ценой 1 рубль), а 15 июля в Расходной книге следует новая запись о государевом жаловании Миките Путимцу. Теперь он получил жалование не деньгами, а сукном *(«аглинсково лазоревого, цена рубль»)* размером и ценой аналогично Ивану Тиханову. Здесь же говорится о выдаче жалования одному из казаков станицы Микиты Путимца. Этот казак Томилка Васильев получил сукно другого качества и более дорогого (*«настрафилю голубово, цена рубль 23 ал. 2 д.»*). Этот казак был пожалован *«за выход и за полонское терпенье»*[62].

К моменту приезда в Москву сеунщика И. Сорочнева защитникам Невеля пришлось выдержать новый экзамен на прочность. В том же июле 1614 г. Семен Гагарин отражал нападение крупных польских отрядов на Невель. Воевода Семен Гагарин писал в Москву, что 19 и 24 июля *«приходили под Невль ис Полотцка и из Вильны, из Витепска, ис Усвята и из Озерищ»* по указу короля Сигизмунда *«королевской порутчик пан Ондрей Корсак да татарской ротмистр пан Муравский Соболевич и иные ротмистры со многими литовскими людьми на осад»* (для осады) *«и к городу приступали, и на мосту у решотки были»*. Об этом в Москве узнали 13 августа 1614 г. от новых сеунщиков из Невеля – Ивана Гагарина и Ивана Широносова.

При отражении этого приступа особенно отличились князь Иван Иванович Гагарин (дальний родственник невельского воеводы), а также голова Иван Широносов, которых Семен Гагарин отправил в Москву с этой радостной вестью о победе в качестве сеунщиков: *«И на тех литовских людей посылан князь Иван Гагарин, а с ним головы Иван Широносов с товарыщи»* с дворянами, детьми боярскими атаманами, стрельцами и казаками. Иван Широносов уже второй раз приезжал из Невеля с сеунчем (первый раз – еще в январе от воеводы Григория Валуева).

Из донесения воеводы Семена Гагарина и из рассказа сеунщиков мы узнаем, что второй штурм 24 июля продолжался всю первую половину дня: *«С теми литовскими людьми был бой от перваго часу дни до девятого»*. Учитывая время восхода солнца в конце июля, можно легко подсчитать, что штурм Невеля происходил в период с 6 утра до 14 часов. Штурм закончился провалом: *«Литовских людей побили наголову, и знамена, и набаты, и литавры поимали, и ротмистров*

[62] Приходно-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 333, 347, 348.

и порутчиков побили, и в языцех поимали». К вечеру 24 июля защитники крепости организовали вылазку и враги в панике отступили. В ходе преследования *«гоняли за ними до города до Озериц и привели в языцех на Невль 50 человек шляхтичей и гайдуков».* 13 августа 1614 г. сеунщики Иван Гагарин и Иван Широносов приехали в Москву и докладывали о победе. Царское правительство щедро наградило этих воинов. Иван Гагарин получил сорок куниц (цена 11 рублей), 8 аршин дорогой камки (7 руб. 6 ал. 4 д.), чарку (1 руб. 13 ал. 2 д.), а Иван Широносов деньгами 10 рублей[63].

В октябре 1614 г. Иван Широносов повез из Москвы деньги в Торопец и Невель – жалование служилым людям. Мы знаем даже о том, в чем в те годы перевозили деньги (специальные лубяные коробья ценой по 3 алтына, рогожи по 6 алтын, перевязанные посконными вожжами). Для перевозки этих денег предназначались 4 коробья, 5 рогож и 5 вожжей посконных[64].

3 октября 1614 г. Иван Широносов повез в Торопец 1725 рублей жалования дворянам и детям боярским торопчанам и холмским помещикам, а также 300 рублей на хлеб торопецким стрельцам. После раздачи этих денег в Торопце Иван Широносов должен был ехать с остальными деньгами далее, к себе в Невель. Для служилых людей Невеля предназначалось 1197 рублей (только для луцких, невельских и пусторжевских помещиков). Кроме того, невельским стрельцам везли на жалование 305 рублей. Стрельцам предназначались также 300 рублей за хлеб. Мы знаем, что в Невеле было 300 стрельцов. Им везли в эту посылку довольно скромное жалование (денежное и хлебное – всего по 2 рубля). Стрелецкие сотники получали ненамного больше. По-видимому, жалование стрельцам выдавали чаще, более регулярно, по нескольку раз в год. В Невеле в то время было 222 казака и 2 атамана. Невельским атаманам и казакам везли 1126 рублей (по 5 рублей каждому казаку и по 8 рублей для атаманов). Всего Иван Широносов взял в Торопец и Невель большую сумму – 4953 рубля. Эти деньги благополучно дошли до адресатов.

В данном документе ничего не сказано о жаловании для невельских пушкарей и воротников. Им были отправлены деньги позже. 22 октября 1614 г. пусторжевский помещик Андрей Юшков и лучанин Богдан Креницын повезли деньги *«на Невль невельским пушкарем и воротником*

[63]Книга сеунчей. С. 28.

[64]Приходно-расходная книга Разряда 7123 году: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 298.

и кузнецом и плотником 43 человеком на жалованья и на хлеб» в размере 240 рублей – жалование за прошедший 122 год. Получается, что жалование этим пушкарям платили с задержкой на год (в начале следующего 123 года – за предыдущий 122 год). Андрей Юшков расписался в получении денег за себя и за Богдана Креницына[65].

Следующую осаду Невеля поляки предприняли в ноябре 1614 г. уже более крупными силами с использованием осадных орудий. Возглавлял польское войско полковник Кордатский. Осада продолжалась полтора месяца. Защитники упорно сопротивлялись. Воевода Семен Гагарин докладывал в Москву, что *«пришли под Невель из Литвы и стояли под Невелем полковники Кордатской с товарищи и многими польскими людьми, у города Невеля дороги все отняли, город осадили накрепко и из наряда по городу стреляли. И приступали 6 недель день и ночь беспрестанно»*. Решающий штурм поляки предприняли 27 декабря 1614 г., когда *«полковники Кордатской с товарищи и со всеми польскими и литовскими и немецкими людьми к городу Невелю приступали большим приступом, с щитами и приметом, с лестницами и мостами и со всякими приступными запасами со всех сторон. У города из наряда выбили стены в двух местах в 11 сажен»*.

При отражении вражеского штурма особенно отличились головы (командиры) Петр Лукомский и Матвей Обрютин. Петр Максимович Лукомский – это известный нам стрелецкий голова в Невеле на протяжении многих лет. Когда-то он писал челобитные польскому королю Сигизмунду о пожаловании, а теперь отважно сражался против поляков. В документах он назван лучанином, возможно, что прибыл в Невель из Великих Лук, как и Григорий Валуев. Матвей Сергеевич Обрютин – тоже лучанин.

Под руководством воеводы Семена Гагарина защитники Невеля *«на приступе многих польских и литовских людей и немцев побили, от города отбили, знамена, набаты, литавры, щиты, и приметы и мосты, и всякие приступные запасы и языки многие поимали»*. Потерпев неудачу, полковник Кордатский вынужден был прекратить осаду Невеля и отступил. Сеунщики из Невеля Петр Лукомский и Матвей Обрютин, прибыв в Москву через месяц после этого решающего штурма (28 января 1615 г.), докладывали боярам, что *«полковник Кордатской со всеми польскими и литовскими и немецкими людьми пошли от города Невеля врознь»*[66].

[65] Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 299, 301.
[66] Книга сеунчей. С. 32.

Как и ранее Иван Гагарин, оба сеунщика 28 января 1615 г. получили награду по сороку куниц (по 10 руб.), а также деньгами за камку (по 5 рублей) и по серебряной чарке (по 3 рубля).

В то время когда происходила осада Невеля, в Москве предпринимали экстренные меры для помощи его защитникам. 7 декабря 1614 г. было выдано государево жалованье воеводам Василию Петровичу Наумову и Якову Афанасьевичу Демьянову (по 25 рублей) для службы. Этим воеводам было велено, собрав людей в Старицком, Кашинском, Тверском, Угличском и Новоторжском уездах, *«собрався с атаманы и с казаки, идти под Невль помочь чинити и над Литовскими людьми промышляти»*. Сведения о том, что о положении Невеля известно в Москве и защитникам отправлены на помощь новые войска, уже 12 декабря повезли из Москвы невельские гонцы, которые в то время находились в столице, – Матвей Назимов и Матвей Марков[67].

Хорошо известно о том, как воевода Андрей Федорович Палицын пытался в очередной раз помочь Невелю. 3 января 1615 г. он прислал из-под Торопца донесение в Москву: *«По государеву указу пошел де был он под Невль для промыслу над литовскими людьми...»*. Далее в этом донесении говорится о встреченном возле Торопца польском отряде и разгроме поляков[68].

6 февраля 1615 г. пусторжевец Андрей Алексеев Юшков повез деньги на Невель для раненых казаков станицы Богдана Порываева, которые отличились в боях с литовцами. Эти казаки были *«ранены на вылазках в приход под Невль Литовских людей в нынешнем 123-м году»*. Они получили 100 рублей: «...на зелье и на лечбу 100 р. послано»[69]. Пусторжевец Андрей Юшков впервые еще в октябре сопровождал деньги для служилых людей Невеля. Теперь он уже вторично менее чем через 4 месяца повез деньги из Москвы в Невель.

В конце апреля 1615 г. в Невель был отправлен с наградами подьячий Разрядного приказа Гаврила Отлипаев. В те годы специальные наградные монеты служили прототипом позднейших медалей. Эти монеты были разного достоинства. Самыми ценными были угорские золотые. Были монеты в четыре, два, один, половину и т. д. угорского золотого. Такие монеты давали командирам разного ранга. Наименее значимыми были монеты новгородки золоченые. Их могли давать каждому казаку.

[67]Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 309, 310.

[68]Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде. Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 777.

[69]Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 318.

Гаврила Отлипаев получил *«в Невельскую посылку 5 золотых в четверть золотого угорского золотой, 5 ноугородок золотых, 89 московок золотых, 39 ноугородок золоченых»*[70]. Обычно новгородки золотые давались казачьим атаманам, московки золотые – детям боярским, а новгородки золоченые – казакам. Золотые в четверть угорского предназначались для командиров. Все эти деньги, *«золотые, ноугородки, и московки и ноугородки же золоченые отданы в Розряде подьячему Гаврилу Отлипаеву в Невельскую посылку в 123-м году апреля в 24 день»*[71].

6 марта 1615 г. московский гость Бохтеяр Булгаков получил деньги, предназначенные для оплаты извозчикам, которые нанялись для перевозки хлебных запасов *«на торопецких и невельских ратных людей, а вести им те хлебные запасы до Торопца»*. Всего было предназначено для перевозки хлеба в Торопец и Невель 50 подвод. Каждому возчику предназначалось по 5 рублей для оплаты такого опасного путешествия по районам, где бродили польские и воровские казачьи отряды. До начала весенней распутицы *«по нынешнему зимнему пути»* этот обоз с хлебом должен был добраться до Торопца и Невеля. Кроме этого, уже 13 марта в Невель были посланы из Москвы с деньгами луцкий помещик Степан Степанович Неплюев и невельский помещик Константин Деденев. Они повезли 1000 рублей *«на Невль на хлебную покупку»*. За получение денег расписался Константин Деденев – за себя и за Степана Неплюева[72].

Казачий атаман Богдан Порываев в марте 1615 г. находился в Москве. 18 марта он вместе с тремя другими атаманами, а также с казаками их станиц отправился из Москвы в Торопец и Невель для сопровождения денежной казны, хлебных запасов и соли. Эти атаманы – Иван Шумов, Иван Анисимов, Поздей Афанасьев – служили, по-видимому, в Торопце. Всего в списке сопровождающих обоз перечислены 58 казаков. Из данного списка трудно выделить невельских казаков, которые находились в станице Богдана Порываева[73].

Что касается обоза с хлебом и солью для защитников Торопца и Невеля, то, по-видимому, в тот раз он успел добраться до пунктов назначения, в отличие от аналогичного обоза в следующем 1616 г. Тогда

[70] Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 355; Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых… // РИБ. Т. 28. Стб. 780.

[71] Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых… // РИБ. Т. 28. Стб. 766.

[72] Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 321, 325.

[73] Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 327.

были отправлены государевы запасы уже на 100 подводах (50 для Торопца и 50 для Невеля). Этот обоз из-за начавшейся распутицы в марте 1616 г. добрался лишь до Погорелого Городища: *«... Повезли было с Москвы в Торопец да на Невль государеву рожь по зимнему пути, и та рожь стала за полою водою в Погорелом городище».* По указанию из Москвы пришлось этот обоз с продовольствием отправлять в ближайший Дорогобуж[74].

30 марта 1615 г. лучанин Петр Лукомский (тот самый стрелецкий голова) был отправлен в Невель с очередным государевым жалованием для тех дворян и детей боярских, которым в предыдущем 122 г. не было послано жалование. Дело в том, что после присяги Невеля Михаилу Романову, когда был отправлен в Москву разборный список служилых людей, окладчики (люди, которые подтверждали имеющиеся ранее поместные и денежные оклады) сказали, что тем служилым людям можно служить со своих старых поместий. Поэтому, в отличие от служилых людей, у которых поместья вообще не приносили дохода и были полностью разорены либо вовсе отсутствовали, этим служилым людям деньги не предназначались. Теперь же положение изменилось. После Невельского осадного сидения поместья этих служилых людей в окрестностях Невеля «от Литовских людей войны запустели». Поэтому в Москве было принято решение отправить этим разоренным помещикам государево жалование по тому же принципу, как ранее торопецким помещикам, в зависимости от того, откуда они ранее получали жалование – из чети или с городом, – а также в зависимости от размеров прежнего жалования. Одни получили по 15 рублей, другие – по 9 рублей. Таких «обделенных» ранее людей в Невеле оказалось 33 человека. 22 луцких помещика получили теперь 266 рублей, а 11 невельских помещиков – 127 рублей. За Петра Лукомского в получении денег расписался лучанин Матвей Сергеевич Обрютин. Они оба приехали из Невеля в Москву в качестве сеунщиков 28 января и целых два месяца находились в столице (возможно, были ранены). Для перевозки казны и продуктов в Невель были в Москве специально закуплены осиновые коробья, а также рогожи и вожжи. Два коробья предназначались специально для Петра Лукомского [75].

12 мая 1615 г. такие же деньги, предназначенные для псковских дворян и детей боярских (131 человек), повез из Москвы во Псков Богдан Сиротин. Когда-то в декабре 1613 г. его привезли в Москву в каче-

[74]Приходно-расходная книга Разряда 7125 году: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1// РИБ. Т. 28. Стб. 511–512.

[75]Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 328, 330–331, 333.

стве пленника, а теперь он выполнял ответственные поручения нового правительства. Одновременно были посланы деньги во Псков для псковских стрельцов с Иваном Суморoцким, также уже давно находящимся на службе у Михаила Романова. В этом же документе перечислены другие защитники Пскова, которые 12 мая повезли деньги служилым людям. Федор Лугвенев, Богдан Самарин, Петр Обольнянинов, Иван Ожогин, Василий Назимов повезли деньги для 89 новгородцев Водской пятины, к тому времени бежавших от шведов из Новгорода во Псков, а Андрей Нащокин, Степан Пустошкин и Григорий Милославский – для 55 помещиков Шелонской пятины (которые также служили во Пскове и псковских пригородах)[76].

21 мая 1615 г. невельские помещики Май Посников Козлов и Семен Иванович Порохов повезли в Невель жалование **41** луцкому помещику по такому же принципу, как ранее торопецким помещикам (одним уравнять жалование до 15 рублей, другим – до 9 рублей). Всего таких добавочных денег было выделено 149 рублей. Кроме того, дополнительно **3** луцким помещикам, пропущенным в прежнем разборном списке, было отправлено 37 рублей (по 12–13 рублей на человека).

Правительство одновременно с этим приняло решение наградить защитников Невеля. Луцким помещикам за осадное сиденье было дано по 4–6 рублей каждому. Всего таких награжденных лучан в Невеле отмечено **85** человек, из них 33 луцких помещика получили по 6 рублей, 32 по 5 рублей, а 20 – по 4 рубля. Общее количество луцких помещиков, судя по данному списку, было **129** человек. В конце 1615 г. в составе гарнизона Невеля насчитывалось 122 лучанина.

Разница в цифрах (129 и 122) связана с естественной убылью, хотя возможен вариант, что некоторые луцкие помещики записаны одновременно среди тех, кому выданы добавочные деньги, и среди тех, кто получил разовую награду.

Отдельно указаны пусторжевские помещики, которые участвовали в обороне Невеля. **12** пусторжевцев получили в сумме 45 рублей добавочных денег к окладу (в среднем по 3–5 рублей каждый). Кроме этого, **16** пусторжевских помещиков получили за осадное сидение по 4–6 рублей одноразовой выплаты (7 пусторжевцев получили по 6 рублей, 5 – по 5 рублей, а 4 человека – по 4 рубля). Всего в списке **28** пусторжевцев. Осенью 1615 г. их в Невеле будет несколько меньше – всего 17 человек. Часть пусторжевцев в это время несла службу во Пскове.

[76] Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 340.

Что касается невельских помещиков, то 24 невлянам было добавлено к прежнему окладу 78 рублей (в среднем по 3 рубля каждому). Один помещик был пропущен в прежнем списке, ему было выдано 15 рублей. За осадное сидение невельские помещики также получили разовые награждения. Таких награжденных невлян было всего **40** помещиков (14 человек – по 6 рублей, 14 – по 5 рублей, а 12 – по 4 рубля). Позднее, осенью 1615 г., в составе гарнизона Невеля было уже 53 невлянина. Всего 21 мая 1615 г. Май Козлов и Семен Порохов взяли денег для защитников Невеля 1047 рублей. Оба они были неграмотны, поэтому за них расписался Данила Зеленой[77].

В тот же самый день, 21 мая 1615 г., было отправлено во Псков государево жалование для пусторжевцев, которые там несли службу. Эти деньги повез пусторжевец Григорий Степанович Бобров, который вскоре сыграет выдающуюся роль в событиях завершающего этапа Смуты на Севере. Именно его активные действия по блокаде шведского укрепления в Устье осенью 1616 г. приведут к смягчению шведских требований на переговорах в Ладоге и Столбове. Григория Боброва сопровождал Яков Данилович Офросимов. Пусторжевцам во Пскове предназначались деньги по такому же принципу, как и псковичам (по 15 и по 9 рублей). Таких людей во Пскове находилось в то время 59 человек. Кроме того, в списках ранее было пропущено еще 7 человек. Всего среди защитников Пскова в то время насчитывалось 66 пусторжевцев. Многие из них погибли во время осады Пскова Густавом Адольфом. После завершения осады в конце 1615 г. мы видим во Пскове всего 40 пусторжевцев. Григорий Бобров расписался в получении денег (748 рублей) за себя и за Якова Офросимова. Для перевозки всех этих денег во Псков с «Богданом Сиротиным с товарищи» и с Григорием Бобровым, а также в Невель с Маем Козловым Разрядным приказом было специально закуплено 6 коробьев[78].

Однако не все участники Невельского осадного сидения получили награды. Известен случай, когда 15 служилых людей по прибору, сидевших ранее в вольных казаках в осаде в Невеле, весной 1615 г. отправились в Москву с челобитными о награждении. По пути они решили примкнуть к воровскому атаману Миките Жеребцу на границе Осташковского и Торопецкого уездов. После боя с правительственным отрядом Тимофея Виселицина, отправленного воеводой Осташкова Борисом

[77]Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 342–343; Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные) : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 175–176.

[78]Приходно-расходная книга Разряда 7123 году // РИБ. Т. 28. Стб. 343–345.

Кокоревым, восемь казаков были убиты, а семь бывших «невельских сидельцев» захвачены в плен. Один из этих «невельских сидельцев» ранее служил стрельцом в Красном, но после захвата и разорения Красного Лисовским (мы помним, что это произошло еще осенью 1611 г.) бежал в Невель. На допросе в Осташкове пленные уверяли, что их силой заставили идти к воровскому атаману Миките Жеребцу, после чего были отправлены в Москву (их дальнейшая судьба неизвестна)[79].

В июне 1615 г. (через полгода после окончания осадного сидения) в Невель прибыл новый воевода стольник Василий Васильевич Волынский, а Семен Гагарин, передав дела сменщику, уехал в Москву. Один из Волынских, Иван Васильевич, и раньше имел какое-то отношение к Невелю. 18 января 1614 г. он был в Москве, где после проведенного сыска ему был установлен прежний оклад с придачами царя Василия Шуйского (всего 50 рублей). Далее в выписке из Кормленой книги указано, что 22 июня 1615 г. *«велено ему придать 30 р. за невельскую и смоленскую службы 122 г.»*[80].

Судя по данной записи, если здесь нет ошибки в датах, к концу августа 1614 г. (122 год завершается 31 августа) Иван Волынский успел отличиться в боях под Смоленском и Невелем, а в июне 1615 г. за эти и другие отличия получил придачу к окладу.

Новому воеводе Невеля Василию Волынскому помогали Гаврила Иванович Писемский и прежний стрелецкий голова Петр Лукомский. К тому времени как Семен Гагарин уезжал из Невеля, гарнизон крепости состоял из почти 200 дворян и детей боярских из Невеля, Великих Лук, Ржевы Пустой, 300 стрельцов, 220 вольных казаков с двумя атаманами, 30 пушкарей и затинщиков, а также 20 воротников: *«Всего на Невле всяких людей 773 ч.»*. В Книгах разрядных приводятся эти сведения о составе гарнизона Невеля на начало 1616 г., но они вряд ли сильно изменились с того времени, когда Семен Гагарин передавал дела своему сменщику Василию Волынскому. Основную массу служилых людей по отечеству в Невеле составляли дворяне и дети боярские из Великих Лук – 122 человека. Невельских помещиков в составе гарнизона насчитывалось 53 человека, а пусторжевских – всего 17 человек. Следует отметить, что 40 пусторжевских детей боярских в то время находились во Пскове. Всего служилых людей по отечеству было в Невеле

[79] *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб. : Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 2008. С. 265.

[80] Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 309.

192 человека. 300 стрельцов Невеля с тремя сотниками были объединены в стрелецкий приказ, которым и в последующие годы по-прежнему командовал стрелецкий голова Петр Лукомский[81].

Судя по всему, Семен Гагарин прибыл из Невеля в Москву в середине июля 1615 г. После его доклада в Разрядном приказе о результатах своей «невельской службы» бояре, учитывая предыдущие донесения воеводы, а также его службу в Белёве, приняли решение наградить отважного воеводу царским подарком в виде шубы и серебряного ковша.

За сидение в осаде и за то, что он *«на приступе и на вылазках побивал литовских людей»*, Семен Гагарин получил щедрую награду от царя. В Книге сеунчей, где тщательно фиксировались случаи награждения воевод и вестников о победах (сеунщиков), приведены сведения о награде Семену Гагарину. 18 июля 1615 г. за Невельское осадное сидение Семен Никитич был награжден царем шубой ценой в 60 рублей *(«шездесят рублев тритцать алтын две денги»)*[82].

В одном из более поздних документов о награждении ряда воевод приводятся аналогичные более ранние случаи, в том числе говорится о награждении Семена Гагарина: *«Князь Семен Гагарин был на государеве службе на Невле и государю служил, в приход к Невлю литовских людей в осаде сидел и на приступе и на вылазках литовских людей побивал, и за ту службу князю Семену дано государева жалованья у стола: Шуба, камка бурская, розные шелки, на соболях, цена 66 рублей, 30 алтын, 2 денги, ковш серебрян, весу гривенка, 39 золотников с полузолотником»*[83]. Мы видим некоторую разницу в цене шубы (60 и 66 рублей).

Стоит обратить внимание на дату награждения Семена Гагарина – 18 июля 1615 г. Данная запись также свидетельствует, что уже к началу июля 1615 г. Семен Гагарин уехал из Невеля в Москву и в Невеле в это время находился новый воевода Василий Волынский. Учитывая время на дорогу от Невеля до Москвы, можно утверждать, что отъезд Семена Гагарина из Невеля и, соответственно, смена воевод в этом городе произошли не позднее конца июня 1615 г. Поэтому можно уточнить дату, указанную А. В. Маловым, который писал, что, *«вероятно, смена произошла в конце июля – августе 1615 г.»*[84]. Ведь новый воевода должен

[81] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 76 (Семен Гагарин – воевода Невеля в 1614/1615 г.); *Там же.* Стб. 175–176 (воеводы Невеля в 1615/1616 г. В. В. Волынский и Г. И. Писемский, состав гарнизона и новые воеводы Невеля с февраля 1616 г. Семен Молвянинов и Крик Евфимьев). Ср.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). С. 258.

[82] Книга сеунчей. С. 38.

[83] Дело по челобитью Баима Болтина... 1634 г. // АМГ. Т. 1, № 512. С. 486.

[84] *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 83.

был принять у прежнего все дела. Эти прием и передача дел в Невеле происходили месяцем раньше – в конце июня 1615 г.

О Невеле при воеводах Василии Волынском, Семене Молвянинском и последнем воеводе города Борисе Кокореве на завершающем этапе Смутного времени речь пойдет впереди.

После неудачи под Невелем поляки в течение последующих трех лет не оставляли этот город в покое, однако неприступная Невельская крепость до завершения Смуты и подписания Деулинского перемирия оставалась в руках московских воевод.

Пусторжевские, невельские, луцкие и другие помещики по документам Печатного приказа (1613–1615 годы)

При изучении событий, происходивших в южных псковских пригородах в первые годы царствования Михаила Романова, важную роль играют документы Печатного приказа, несмотря на всю отрывочность публикуемых в них сведений.

8 октября 1613 г. царь Михаил Федорович указал не брать подписных и печатных пошлин с вотчинных и поместных грамот по причине «бедности и разоренья» с дворян и детей боярских 33 городов, а еще с 21 города – «смотря по человеку и по бедности». В источнике отмечено, что данный указ был *«123-го году октября в 8 день»*, но, видимо, здесь опечатка, так как данная запись относится к той тетради, в которой записаны все события 122, а не 123 года[85].

В этом списке городов мы не увидим ни Невеля, ни Ржевы Пустой, но, как справедливо отметил А. В. Малов, *«последующая практика бесплатного запечатывания грамот свидетельствует о применении в данном случае характерного для феодальной эпохи юридического принципа прецендентности»*[86].

С октября 1613 г. (а не 1614 г.!) московское правительство Михаила Романова приступило к массовому испомещению дворян и детей боярских в Пусторжевском уезде. Грамоты на поместья Печатный приказ запечатывал бесплатно «для разорения» и «для бедности». Всего за 122-й (1613/14) г. приходная книга Печатного приказа учла запечатанные на Ржеву Пустую около 30 грамот. В основном это были либо отказные грамоты на «прежние» или «старые» поместья, либо грамоты

[85] Записная беспошлинная книга (12 августа 1613 г. – позднее 19 августа 1615 г.) // Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. М. : Наука, 1994 (далее – Документы Печатного приказа...). С. 305–306.

[86] *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 70.

на новые поместья в связи с гибелью прежних владельцев. Сложно сказать, каких грамот был больше. А. В. Малов считает, что «доминируют отказные» грамоты, подтверждающие владение прежними поместьями. При этом он отмечает: *«С октября 1614 г. в Пусторжевском у. началось массовое испомещение дворян и детей боярских... Всего за 123-й (1614/15) г. приходная книга Печатного приказа учла 31 запечатанную на Луки Великие грамоту, преимущественно на поместья и вотчины размером от 15 (девке Натальи Левашевой) до 450 четвертей (Ивану Чихачеву с матерью и сестрой)»*[87].

В этой фразе есть две опечатки. 31 грамота (или около 30) была запечатана не на Великие Луки, которые к тому времени еще не были восстановлены, а на Ржеву Пустую. Кроме того, эти грамоты были учтены в приходной книге Печатного приказа (соответственно – отправлены адресатам) не «за 123-й год», а за 122-й год, т. е. все эти события происходили годом раньше.

Люди, отмеченные в Записной беспошлинной книге, в момент запечатывания грамот в подавляющем большинстве находились в Москве, служили Михаилу Романову, а на Ржеве Пустой в то время находился московский воевода (или какой-то представитель московской администрации), которому эти грамоты отправлялись для исполнения.

Первые грамоты на Ржеву Пустую были запечатаны 22 октября 1613 г., а последние – 24 ноября 1613 г., т. е. всего за месяц с небольшим было составлено свыше 20 таких грамот. В дальнейшем до осени 1614 г. мы видим всего несколько грамот в Пусторжевский уезд. Приведем все эти грамоты.

22 октября 1613 г. была запечатана первая грамота на Ржеву Пустую по челобитью Герасима Неелова. Он получил поместье 100 четей. 27 октября 1613 г. были запечатаны уже 4 грамоты на Ржеву Пустую. Среди челобитчиков указаны Смирной и Иван Дюпины, которые получили поместье 120 четей, Гаврила Дубровский – ему дано поместье 180 четей, Ромашка и Петрушка Княжнины – они получили старое поместье (им была дана отказная грамота). В тот же день Ивану Чихачеву была дана грамота на 450 четей (вместе с матерью и сестрой). Он должен был заплатить большую пошлину – 5 руб и 20 алтын, но как и в предыдущих случаях, пошлина не была взята[88].

1 ноября 1613 г. была запечатана грамота на Ржеву Пустую по челобитью Степана Офросимова – дано ему поместье 278 четей. В тот же

[87] *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты. С. 72.

[88] Документы Печатного приказа... С. 309, 312.

день еще несколько пусторжевских помещиков получили поместье общим размером 407 четей. Это Иван Горяинов, Макарий Молвянинов, Иван Клочков «с товарыщи»[89].

3 ноября 1613 г. была запечатана грамота на Ржеву Пустую по челобитью Ивана Неелова (дано поместье 200 четей). На следующий день, 4 ноября, были запечатаны сразу 5 грамот на Ржеву Пустую. По одной из этих грамот Григорий Бухвостов и Иван Дюпин «с товарыщи» получили 300 четей, по другой Абрам и Иван Яхонтовы – 400 четей, по третьей Яков Офросимов – 150 четей, по четвертой Иван Горяинов – 50 четей. Пятая грамота была дана Якову Офросимову еще на 150 четей. В книге отмечено, что всего эти помещики получили в сумме 1050 четей. Они должны были заплатить большую пошлину, свыше 13 рублей, которая не была взята из-за разорения помещиков[90].

8 ноября 1613 г. были запечатаны несколько грамот на Ржеву Пустую. В одной из них говорится, что по челобитью Девятого Сумарокова было дано ему поместье 60 четей, а Лукьяну Пояркову – 160 четей и еще «ему ж 130 чети». Здесь же отмечено, что Матвей Низовцев и Еремей Шушерин получили отказную грамоту на старое поместье, а Ивану Неелову и Лукьяну Головину было дано 83 четей. Сколько всего, при этом было запечатано грамот – не указано, известно лишь, что пошлины с них не были взяты[91].

12 ноября 1613 г. получила грамоту на прожиточное поместье 15 четей девка Наталья Левашова, а Якову Офросимову было дано еще одно поместье 80 четей. 20 ноября 1613 г. вдова Аграфена Бухвостова с детьми получила поместье убитого мужа Замятни Бухвостова. При этом было отмечено, почему с нее не была взята пошлина. Оказывается, ее *«мужа убила литва, за мужа ее кровь»*. Эта уточняющая помета несколько отличается от остальных. Обычно везде следует запись, почему не взята пошлина – «для разоренья»[92].

Последние грамоты на Ржеву Пустую были запечатаны 24 ноября 1613 г. В этот день Лука Головин получил поместье 40 четей, а Федору Бурцову было разрешено по-прежнему владеть поместьем брата (его долей). Вдова Степана Елагина Варвара с детьми получила поместье (скорее всего, погибшего мужа) 314 четей[93].

[89] Документы Печатного приказа... С. 314, 315.
[90] Там же. С. 315, 318.
[91] Там же. С. 319.
[92] Там же. С. 322, 326.
[93] Там же. С. 328.

Кроме вопросов, связанных с поместным землевладением, пусторжевские челобитчики решали в Москве и другие спорные вопросы. В тот же день, 24 ноября 1613 г., по челобитью Бориса Степанова сына Лихарева и Бориса Федорова сына Лихарева было отправлено указание воеводе Ржевы Пустой осуществить *«сыск про татьбу»*. Кроме того, Борис Лихарев (Федоров сын?) подал челобитную с жалобой на Ивашку Овсевьева и просил о сыске *«в хлебном деле»*[94].

По-видимому, все эти грамоты (свыше 20) были адресованы воеводе Заволочья Ивану Матвеевичу Боброву, о котором сохранились сведения в разрядах[95].

После 24 ноября 1613 г. больше грамот на Ржеву Пустую не отправляли – видимо, в Москве узнали, что крепость прекратила свое существование. Последующие несколько грамот после длительного перерыва (свыше трех месяцев) были адресованы просто «в Пусторжевский уезд». Одна из таких грамот была запечатана 29 марта 1614 г. по челобитью Леонтия Погожева *«в Пусторжевский уезд в пустошь Толстоухино»*. Это была ввозная грамота по прежней даче[96].

Особняком стоят две грамоты, запечатанные 21 мая 1614 г. на Ржеву Пустую по челобитью Бориса и Петра Лихаревых – это были отказные грамоты на их старые поместья. Тогда же была отправлена грамота на Невель по челобитью Петра Лихарева «о кормах». 6 июня 1614 г. Федор Бурцов получил отказную грамоту на прежнюю дачу. Эта грамота также была направлена на Ржеву Пустую[97].

4 сентября 1614 г. была запечатана грамота в Пусторжевский уезд по челобитью Романа и Петра Княжниных. По-видимому, это упомянутые ранее Ромашка и Петрушка Княжнины, которые еще 27 октября 1613 г. получили отказную грамоту. Теперь они снова получили отказную грамоту на старое поместье. После этого больше ни одна грамота в Пусторжевский уезд не отправлялась, хотя записи в этой книге велись еще в течение целого года – вплоть до конца августа 1615 года[98].

Видим, что здесь в грамотах в основном преобладают поместья, а не вотчины. Обычно когда речь идет о вотчинах, то приводится фраза «Жаловальная грамота» или «Запечатана красной печатью» («Кормленою красною печатью»), или прямо указано, что это вотчина. Также следует отметить, что довольно часто упоминается размер пожалований

[94]Документы Печатного приказа... С. 328.
[95]Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 297.
[96]Документы Печатного приказа... С. 356.
[97]Там же. С. 367, 372.
[98]Там же. С. 391.

в четях, а это характерно для новых земель, а не для старых, прежних поместий. Обычно когда дают отказную грамоту на старое поместье, то площадь земли в книгах Печатного приказа не указывается.

На Невель, по сравнению со Ржевой Пустой, было отправлено меньше грамот. Первая из них была запечатана 1 ноября 1613 г., почти через месяц после аналогичной грамоты на Ржеву Пустую. Все грамоты на Невель по аналогии с грамотами на Ржеву Пустую были запечатаны беспошлинно в связи с бедностью и разорением.

В Записной книге отмечено, что Михаил Мякинин 1 ноября 1613 г. получил грамоту на 2 чети поместной земли в Невельском уезде. Он должен был заплатить пошлину пол-полтины, но эти деньги не были взяты «для бедности»[99]. В этой записи настораживает размер поместной земли (2 чети) и довольно большой размер планируемой пошлины (пол-полтины). При сравнении с размером пошлин и размером поместной земли у других челобитчиков выясняется, что полтина взималась с 40 четей, 25 алтын – с 60 четей. Соответственно, пол-полтины должно взиматься не с 2 четей, а с 20 четей. Поэтому можно считать, что Михаил Мякинин получил 20 четей, а в рукописи (или при публикации) была допущена опечатка.

Беспошлинно 12 ноября 1613 г. запечатали грамоту Афанасию и Ишуку Марковым на 250 четей поместной земли, а 18 ноября 1613 г. им же – еще на 150 четей. Также беспошлинно получил поместье размером 153 чети 9 января 1614 г. Василий Бухвостов с товарищами[100].

Это все известные по документам Печатного приказа поместные дачи на Невеле. Остальные несколько грамот на Невель связаны с кормами, семенным хлебом, оброком. К примеру, 21 мая 1614 г. была беспошлинно запечатана грамота на Невель по челобитью Петра Лихарева о кормах. Последняя известная по книгам Печатного приказа грамота на Невель была запечатана беспошлинно 26 июня 1614 г. по коллективной челобитной дворян и детей боярских, служивших на Невеле: «...не велено для их разоренья и для бедности со крестьян оброку имать»[101].

Бывший воевода Невеля Григорий Валуев после передачи дел новому воеводе Семену Гагарину уехал в Москву. Он фактически потерял после этого связь с Невелем, утратил поместья в Невельском уезде и написал челобитную, чтобы ему взамен дали поместья в Ярославском

[99] Документы Печатного приказа... С. 314.
[100] Там же. С. 323, 325, 341.
[101] Там же. С. 367, 376.

уезде. Поэтому для компенсации 1 июня 1614 г. была запечатана грамота в Ярославль, по которой Григорий Валуев получил в Ярославском уезде поместье 400 четей, а его сын Иван там же – 300 четей. Через несколько дней, 6 июня 1614 г., были запечатаны 3 грамоты на Невель по челобитью Григория Валуева о семенном хлебе, причем пошлины с челобитчика взяты не были, грамоты были запечатаны бесплатно, «для службы»[102].

Большинство указанных документов по Невелю было приведено в статье А. В. Малова, но автор при этом везде указал 1615 г. вместо 1614 г., а применительно к грамотам Мякинина и Марковых – 1614 вместо 1613 года[103].

Отметим, что челобитчики Мякинин и Марковы – это луцкие помещики, которые перебрались в Невель в 1611 г. вместе с Григорием Валуевым, а в марте 1614 г. они были в Москве, где подтвердили прежний оклад И. И. Голенищева-Кутузова.

По сравнению с Ржевой Пустой и Невелем остальные псковские пригороды (в отличие от самого Пскова) за указанный период (1613–1615 гг.) практически не представлены в этой Записной книге Печатного приказа. По одной грамоте было отправлено на Опочку, Остров и Себеж.

1 декабря 1613 г. была запечатана грамота на Опочку по челобитной помещика Томилы Качалова. По-видимому, его холоп бежал от хозяина и ушел в стрельцы, а попытки вернуть беглого холопа не увенчались успехом. Местное начальство на Опочке – Иван Бороздин и Богдан Аминев – препятствовало возвращению бывшего холопа (стрелецкий гарнизон был малочисленный, каждый человек на счету). В отношении Томилы Качалова они предприняли насильственные меры. Челобитчик вынужден был обратиться в Москву. Там приняли по его челобитной положительное решение. На Опочку были отправлены две грамоты, по одной из них воеводе было указано, чтобы Томиле Качалову *«ис стрельцов холопа выдать»*, а по другой *«велено его от насильств беречь»*. Пошлина с Томилы Качалова в размере полтины не была взята *«для бедности»*. Через день, 3 декабря 1613 г., была запечатана грамота во Псков по коллективной челобитной крестьян Островского уезда. Разоренные крестьяне просили осуществить дозор их уезда, чтобы упорядочить сбор налогов[104]. Возможно, в связи с этой и аналогичными

[102] Документы Печатного приказа... С. 369, 373.
[103] *Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты... С. 81.
[104] Документы Печатного приказа... С. 331, 332.

челобитными крестьян соседних уездов во Псков был направлен подьячий Григорий Ларионов, который осуществил в начале 1614 г. дозор Себежского, Велейского, Вороначского, а возможно, и других уездов.

Из многих грамот, адресованных псковским воеводам, отметим одну, которая была запечатана 4 декабря 1613 г. по челобитью Семена Харламова и Северги Львова. Они просили *«о сыску про насильство»*[105]. Один из челобитчиков, Семен Харламов, в 1614 г. командовал гарнизоном Острова, а другой, Северга Львов, был стрелецким головой в Себеже. Мы, наверное, уже вряд ли узнаем, о каком «насильстве» шла речь в этой челобитной.

Единственная на Себеж грамота была запечатана 16 июля 1615 г.: *«На Собеж – по челобитью Карпа Ушакова о управе. Пошлин полполтины»*. Пошлина, как и в других случаях, взята не была[106]. Челобитчик Карп Ушаков весной 1615 г., будучи вторым воеводой Изборска, отличился в боях под Псковом, а весной 1617 г. мы видим его вторым воеводой на Себеже. Трудно сказать, о какой управе идет речь в грамоте, с кем из себежских служилых людей был конфликт у Карпа Ушакова (ведь грамота была отправлена не во Псков, а на Себеж).

Защитники Невеля, четвертчики Галицкой, Владимирской и Устюжской четвертей: личности и судьбы

Многие луцкие, невельские и пусторжевские помещики, которые входили в состав гарнизона Невеля, получали жалование в московских четвертях – их называли четвертчиками. Основная масса таких помещиков была подведомственна Устюжской, Галицкой, Владимирской и Костромской четвертям. Все эти четверти были центральными московскими финансовыми органами, туда поступали налоги из разных регионов страны, а из этих четвертей выдавалось жалование высшим разрядам служилых людей, так называемым четвертчикам.

О многих **четвертчиках Устюжской чети** известно благодаря сохранившейся почти полностью Расходной книге этой четверти 7127 г. Не беда, что начало данной книги утрачено. В этой утраченной части указаны четвертчики с очень большими окладами. Такие оклады (свыше 230 рублей) помещикам Невеля, Ржевы Пустой, Великих Лук и Пскова даже не снились. Хуже другое. В этой книге приведены сведения лишь

[105] Документы Печатного приказа... С. 332.
[106] Там же. С. 412.

за 1618 г., здесь указаны служилые люди, жившие в то время, в последний год Смутного времени, и лишь изредка имеется запись о смерти того или иного четвертчика в предыдущем году. Поэтому здесь мы не найдем информации о помещиках – четвертчиках Устюжской чети, погибших, например, в 1613–1616 гг. А ведь эти годы нас интересуют больше всего. Учтем также, что все эти оклады указаны по состоянию на 1618 г. В 1613–1614 гг., когда данные помещики перешли на службу к Михаилу Романову, их оклады были значительно меньше. Потом, естественно, последовали придачи за службу. Этот итоговый оклад к концу Смуты и указан в данном источнике. Например, к началу Смуты у луцкого помещика Ивана Постникова Креницына был оклад 6 рублей, а к концу Смуты – уже 25 рублей. Редко удается выяснить, когда именно и за какие конкретно заслуги данное лицо получило придачу к денежному окладу.

Среди четвертчиков Устюжской чети по состоянию на конец 1618 г. мы видим известных нам помещиков из Великих Лук Степана Андреевича Валуева и Петра Максимовича Лукомского. Они имели самые большие оклады – по 50 рублей. Больше имел оклад лишь бывший воевода Опочки Иван Семенович Бороздин (55 рублей), который к тому времени был уже дворянином московским[107].

Псковичи Иван Якимов Байков и пусторжевец Иван Иванович Чихачев (воевода Опочки) имели оклады по 40 рублей, а лучанин Майк Козлов – 38 рублей. В Устюжской чети получал также жалование известный нам пусторжевец Василий Яковлевич Бобров – это воевода Себежа в 1614 г. Его оклад составлял 35 рублей[108].

Про Невельского помещика Петра Сафронова Козлова (28 рублей) кратко сказано – убит. Такой же оклад (28 рублей) имел пусторжевец Григорий Замятнин Бухвостов[109].

Далее в списке четвертчиков идет по убыванию ряд луцких помещиков. Кто-то из них назван «Лучанин», а кто-то – «Луцкий помещик». Трудно сказать, в чем здесь разница. Вряд ли этими разными названиями дьяки в Москве пытались разделить бывший ранее единым луцкий служилый город на две группы людей, несших службу в Невеле и Торопце. Еще труднее определить, кто из этих перечисленных служилых людей из Великих Лук к моменту составления списка служил в Невеле, а кто – в Торопце. Поэтому приведем весь список, даже если среди данных людей окажутся те, кто не имеет никакого отношения к Невелю

[107]Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 691, 692.

[108]Там же. Стб. 697, 698, 700.

[109]Там же. Стб. 705, 706.

(в скобках указан размер оклада в рублях). Всего в этом списке, кроме упомянутых ранее Степана Валуева, Петра Лукомского и Майка Козлова, указаны 24 луцких помещика.

Лучане (луцкие помещики): Родион Иванович Бороздин (27 руб.), князь Семен Иванович Андомский (25 руб., про него сказано – умер), Замятня Костюрин (24), Андрей Клокачов (19), Владимир Хмелев (19), Захарий Петрович Юренев (17), Степан Афанасьевич Тыртов (17), Иван Андреев Беклемишев (16), Степан Великопольской (15), Богдан Гундоров Клокачев (13), Иван Самсонов Пущин (13), Несвитай Лаптев (11), Ишук Пасынков (11), Богдан Федоров Хмелев (11), Второй Вельяшев (6), Яким Обрютин (6), Алексей Дубровин (5)[110].

Четвертчиками Устюжской чети были четверо луцких помещиков Креницыных: Иван Посников Креницын (25 руб.), Матвей Тиронов Креницын (21), Богдан Захарьев Креницын (18), Наум Васильевич Креницын (14)[111]. В случае с самым старым из Креницыных, Иваном Посниковым, мы наблюдаем интересную особенность: он начинал службу накануне Смуты четвертчиком Галицкой чети, а теперь мы видим его уже четвертчиком Устюжской чети[112].

По-видимому, в первый год царствования Михаила Романова, когда служилые люди вновь стали получать жалование в московских четвертях, в случае принятия положительного решения о включении данного лица в список четвертчиков (соответственно, и о выплате регулярного жалования) в зависимости от финансового состояния, наличия денег и других факторов этого человека закрепляли за той четвертью, где имелись в настоящий момент денежные средства.

Известны также трое луцких помещиков Мякининых, получавших жалование из Устюжской чети, – это Тимофей Мякинин (12), Данила Андреевич Мякинин (9), Окул Андреевич Мякинин (6)[113].

По сравнению с луцкими помещиками невельских служилых людей в Устюжской чети записано намного меньше – всего 11 человек (не считая убитого Петра Козлова). Они, так же как и служилые люди из Великих Лук, названы по-разному – «Невлянин», «Невельский помещик». Все они имели небольшие оклады, от 5 до 15 рублей. Особое место среди таких помещиков занимают династии Лодыженских и Деденевых. Известны четыре четвертчика Устюжской чети невлян Лодыженских –

[110] Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 706, 708, 710, 717, 720, 722, 725, 729, 730, 734, 741–743.

[111] Там же. Стб. 708, 714, 719, 727.

[112] Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 33.

[113] Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 732, 737, 743.

Федор Петрович Лодыженский (15 руб.), Кузьма Тимофеевич Лодыженский (10), Первой Лодыженский (9) и его сын с аналогичным окладом Федор Первово Лодыженский (9)[114].

Среди пяти невлян Деденевых можно выделить Константина Семеновича Деденева, который отличился в боях под Торопцом в 1617/1618 г. За эту «Торопецкую службу» Константин Деденев 12 мая 1619 г. получил прибавку к окладу в размере одного рубля. Теперь он стал получать 15 рублей. Остальные Деденевы имели следующие денежные оклады: Иван Иванов Деденев – 13 руб., Пимин Иванович Деденев – 12, Влас Рудаков Деденев – 6, Ондреян Григорьевич Деденев – 5. Ондреяна Деденева только 29 июня 1619 г. включили в списки четвертчиков с минимальным окладом 5 рублей, хотя в этой записи указано, что дано ему *«за Невельскую службу 122-го и 123-го году»*[115]. Данная запись наводит на некоторые размышления. Получается, что Ондреян Деденев участвовал в самых тяжелых сражениях под Невелем в 1614–1615 гг., но почему-то его заслуги не были в свое время оценены по достоинству и ему лишь через четыре года установили минимальный оклад. Конечно, регулярное жалование из Устюжской чети, даже в меньшем размере, выгоднее получать, чем жалование «с городом», но все же не исключен вариант, что наш герой чем-то проштрафился после 1615 г. (был ранен и сбежал со службы – таких называли нетчиками, был взят в плен или даже перешел на сторону поляков, а потом вернулся и напомнил о своих прежних заслугах).

Невлянин Михаил Мякинин (дальний родственник или однофамилец луцких Мякининых) имел оклад 14 рублей, а Афанасий Лавров – 13 рублей[116].

Что касается пусторжевских помещиков, то кроме упомянутых ранее Ивана Чихачева, Василия Боброва и Григория Бухвостова в Расходной книге Устюжской чети записаны всего 9 помещиков-пусторжевцев с окладами от 26 до 8 рублей. Это Богдан Перфильев Бороздин (26), Петр Федорович Лихарев (23), Федор Юрьевич Неелов (22), Лука Поярков Головин (19), Федор Васильевич Огарев (17), Василий Иванович Бухвостов (15), Тимофей Иванович Дубровский (12), Филимон Монастырев (10), Степан Клочков (8)[117].

Из псковских помещиков – четвертчиков Устюжской чети, кроме упомянутого выше Ивана Байкова, следует отметить Севергу Петровича

[114]Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 725, 736, 738.
[115]Там же. Стб. 727, 730, 732, 742, 744.
[116]Там же. Стб. 727, 729.
[117]Там же. Стб. 707, 712, 713, 718, 720, 725, 733, 735, 738.

Львова. В августе 1619 г. ему было придано к старому окладу в 19 рублей еще 4 рубля *«за Псковскую службу 124-го и 125-го году»*[118]. В эти годы (1615–1616 гг.) Северга Львов служил в Себеже стрелецким головой, командовал приказом стрельцов в 270 человек. Псковская служба Северги Львова связана, по-видимому, с отражением похода к Пскову шведских войск фельдмаршала Карла Гюлленельма.

Хорошо известен псковский помещик Андрей Тиханов Тимашев, который осенью 1613 г. отличился в обороне Гдова от шведских войск Эверта Горна, *«сидел во Гдове с воеводы и был в головах»*. 31 декабря 1613 г. Андрей Тимашев привез в Москву эту радостную весть, за что был щедро награжден. Запись об этом имеется в Книге сеунчей. Возможно, ранее Андрей Тимашев вместе с другими псковичами Тимашевыми бежал из мятежного тушинского Пскова в Новгород, затем какое-то время служил шведско-новгородскому правительству, но в первый год царствования Михаила Романова присягнул новому царю и в дальнейшем успешно сражался против шведов под Гдовом и Псковом. К 1619 г. оклад Андрея Тиханова Тимашева в Устюжской чети составлял 23 рубля.

Более запутанной оказалась судьба еще двух псковичей Тимашевых, родных братьев Александра Фомича и Степана Фомича. Оба они также в свое время служили шведско-новгородскому правительству. Александр Фомич Тимашев получил поместья в окрестностях Порхова, в 1613 и 1614 гг. продолжал оставаться сторонником шведов, обвинял в измене многих помещиков, бежавших во Псков (с целью получения их поместий). По мнению современного исследователя А. А. Селина, подробно разобравшего биографии обоих братьев Тимашевых, когда в августе 1615 г. поместье Александра Тимашева перешло к его брату Степану, *«видимо, Александр Тимашев к этому времени умер»*. Однако в 1615 г. он не умер, а бежал во Псков, в то время как его брат продолжал служить шведам в Новгороде. Что касается Степана Тимашева, то при шведах он был одно время вторым воеводой в Порхове, затем оказался в Старой Руссе, а последнее известное его служебное назначение при шведах – воевода в укрепленном остроге в Заречье (недалеко от устья Оредежа). Этот острог в мае 1616 г. подвергся нападению псковичей в ходе одного из рейдов по вражеской территории. Возможно, тогда же Степан Тимашев оказался во Пскове. Во всяком случае оба брата Тимашевы в 1618 г. служили Михаилу Романову, были четвертчиками

[118] **Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 718.**

Устюжской чети, причем заслуги Степана Тимашева перед новым правительством были оценены выше, чем его брата Александра. Степан имел оклад 23 рубля, а Александр – 19 рублей[119].

Из других псковских помещиков в данной Расходной книге записаны лишь 5 человек – Иван Григорьевич Чиркин (18), Григорий Бешенцов (16), Федор Бороздин (15) Михаил Воронцов (13) и Иван Перетрутов (8)[120].

Такое незначительное количество псковских помещиков (всего 10 человек) не идет ни в какое сравнение с количеством смоленских помещиков, которых в данной книге указано свыше 170 человек.

Нельзя не упомянуть еще одного четвертчика Устюжской чети. Это казачий атаман Богдан Порываев. В расходной книге отмечено: *«127-го маия в 26 день по челобитной за пометою думного дияка Сыдавного Васильева атаману Богдану Порываеву государева жалованья на нынешней на 127-й год оклад ево 17 р. дано. Взял сам. Богдан государева жалованья взял и руку приложил»*[121]. Атаман Богдан Порываев был грамотным человеком, что довольно редко среди казачьих атаманов. В мае 1619 г. он был еще жив, имел оклад в 17 рублей.

Что касается **четвертчиков Галицкой чети**, то источники об этих людях довольно скудные. Сохранился отрывок Кормленой книги данной четверти. Плюсом этого источника является то, что здесь указаны служилые люди, получавшие жалование начиная с 1613 и вплоть до 1617 г., т. е. за интересующий нас период.

Однако большим минусом данного отрывка Кормленой книги как источника Смутного времени следует считать то, что в ней указаны служилые люди с минимальными окладами (от 13 до 5 рублей), а ведь у большинства помещиков северо-западных регионов (псковичей, новгородцев, лучан, пусторжевцев, невлян) оклады были в пределах 14–20 рублей, а у некоторых 20–30 рублей и даже больше. Эти люди записаны в утраченной части данной книги, и восстановить их имена намного сложнее.

Четвертчиками Галицкой чети были еще в 1604 г. братья Дмитрий, Гаврила и Иван Лодыгины, за которых тогда поручился и расписался в получении денег пусторжевец Иван Степанович Бобров. Братья Лодыгины в Смутное время сделали неплохую карьеру. Один из них – известный нам воевода Себежа Гаврила Васильевич Лодыгин, который из помещика Шелонской пятины стал дворянином московским.

[119] *Селин А. А.* Указ. соч. С. 425–427; РИБ. Т. 28. Стб. 712, 718.

[120] Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 719, 722, 725, 729, 738.

[121] Там же. Стб. 720.

Из Галицкой чети получали жалование невельские помещики Яков Коптев и Семен Львов.

Интересна судьба невельского помещика Якова Никитича Коптева. Он в декабре 1614 г. получил придачу к небольшому старому окладу в 8 рублей – дополнительно 5 рублей. Еще в конце 1613 г. воевода Невеля Григорий Валуев после присяги всех жителей Михаилу Романову отправил в Москву список служилых людей, которые в то время находились в Невеле, с указанием прежнего оклада каждого из этих служилых людей по отечеству, будь то лучанин, пусторжевец или невлянин. В этом же списке уточнялось, откуда ранее (в том числе до Смуты) получал жалование тот или иной человек и в каком размере. После московского разорения в столице практически не осталось документов прежних времен и дьякам приходилось либо прибегать к индивидуальному сыску по конкретному человеку, либо верить спискам, которые присылали воеводы из городов. Сведения были нужны дьякам каждой из четвертей, чтобы московское правительство могло отправлять ежегодно жалование служилым людям. В этом списке оклад Якова Коптева указан в размере 8 рублей. В начале 1614 г. каким-то образом судьба забросила его из северного Невеля в далекий южный Путивль. Там он сумел отличиться в боях с поляками, а осенью 1614 г. вернулся в Москву. Именно за эту *«путивльскую службу 122 году»* Яков Коптев 2 декабря 1614 г. в Москве получил придачу к прежнему окладу еще 5 рублей[122]. По-видимому, он в начале 1615 г. вернулся «из южной командировки» в свой Невель (если только здесь речь не идет о каком-нибудь литовском городке Полоцкого повета с похожим названием типа Путимля).

Другой невельский помещик, Семен Майков Львов, в июне 1614 г. был внесен в список четвертчиков с минимальным окладом в 5 рублей, а в июле и августе того же года дважды получал придачу по 2 рубля за невельскую службу. Последняя известная придача ему была 20 октября 1614 г. «за невельскую службу 123-го году», т. е. за участие в боях под Невелем в сентябре – начале октября 1614 года[123].

Луцких помещиков, получавших жалование из Галицкой чети, записано всего 4 человека. Один из них – Иван Креницын (с окладом в 12 рублей). Про него кратко сказано, что *«в кормленой книге 118-го году при царе Василье оклад ему 12 рублев»*[124]. Это может быть как известный нам Иван Посников Креницын, ставший четвертчиком Устюжской чети, так и его однофамилец (родственник).

[122] Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 64.
[123] Там же. С. 92.
[124] Там же. С. 86.

Другие луцкие помещики, четвертчики Галицкой чети, – это Лаврентий Алексеевич Непенин (минимальный оклад 5 рублей, получил его в июле 1614 г.), Александр Васильевич Фомин (6 рублей, получил лишь в феврале 1617 г. «за торопецкую службу 123-го году»), Иван Романович Тыртов (2 рубля придачи к прежнему окладу в 5 рублей за «невельское осадное сиденье и за выход»)[125].

Несколько больше в Кормленой книге Галицкой чети записано в качестве четвертчиков пусторжевцев (10 человек).

Довольно большой для провинциального помещика оклад в Галицкой чети имел пусторжевец Афанасий Григорьевич Бурцев. В первые годы царствования Михаила Романова ему был установлен прежний оклад 1610 г. в размере 23 рубля[126].

Среди пусторжевских помещиков в Кормленой книге указаны Петр Петрович Горяинов, Степан Иванович Меньшой Елагин, Семой Алексеевич Юшков, Иван Алексеевич Лихачев[127]. У всех этих служилых людей старый денежный оклад в 11 рублей был еще при царе Василии Шуйском и после этого до конца Смуты не менялся. Об их новых пожалованиях за службу сведений нет, по-видимому, они ничем особенным по службе не отличились.

Иван Данилович Моклок (Моклоков?) также был пусторжевским помещиком. В октябре 1615 г. он снова стал получать жалование из Галицкой чети в размере 6 рублей за «осташевскую и рамышевскую службу»[128]. Иван Моклок участвовал в составе отряда Андрея Федоровича Палицына в сражениях под Старой Руссой (это Рамышевское осадное сидение, завершившееся в феврале 1614 г. победой москвичей), а также в боях под Осташковом, когда 22 ноября 1614 г. Андрей Палицын нанес поражение литовским людям.

Еще четыре пусторжевских помещика отличились в обороне Пскова от шведов летом-осенью 1616 г. Это Григорий Богданович Назимов, Тихомир Лукич Шетилов, Микита Иванович Селин, Степан Леонтьевич Бухвостов. Они получили жалование из Галицкой чети в размере 6–7 рублей лишь в июле 1617 года[129].

---

[125]Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 180, 171, 154.

[126]Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 320.

[127]Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 98.

[128]Там же. С. 169.

[129]Там же. С. 158, 170.

Больше всего в Галицкой четверти записано в качестве четвертчиков новгородцев (93 человек) и псковичей (19 человек). 42 новгородца (в основном из Водской и Шелонской пятин) приняли участие в 1613–1616 гг. в боевых действиях под Псковом и псковскими пригородами против шведов и поляков. Из псковичей отметим известного нам Андрея Жданова Квашнина, которому после проведенного сыска был снова установлен прежний оклад в 14 рублей. О его заслугах при этом ничего не говорится[130].

Пскович («псковитин») Иван Семенович Карповский отличился в боях под Себежем. Ему только в январе 1617 г. «*за себежскую службу велено давать из чети вновь по 5 рублев*». Обстоятельства этой себежской службы Ивана Карповского неясны, она могла быть и в 1613 и в 1616 г.

Другой «псковитин», Степан Ногин, отличился в боях под Себежем в 122 (1613/1614) г. и получил награду уже в декабре 1614 г. В источниках он назван казачьим головой. В дальнейшем Степан Ногин в 124 (1615/1616) г. сражался под Опочкой, где руководил отрядом служилых людей, был в головах. За эту *«опочечскую службу 124-го году и за головство»* Степану Ногину было придано в октябре 1616 г. к прежним 10 рублям еще 3 рубля[131]. О его опочецкой службе речь пойдет впереди.

В первые годы царствования Михаила Романова все прямые и косвенные налоги из Невеля и Ржевы Пустой поступали во **Владимирскую четверть.** Точные сведения об этом имеются за 1613/1614 год[132]. Некоторые служилые люди из Невеля и Ржевы Пустой имели в данной четверти довольно большие оклады (по 25–30 рублей и более). Четвертчиком Владимирской чети был пусторжевец Макар Васильевич Молвянинов (в ноябре 1613 г. ему за службу и за раны добавлено 4 рубля к прежнему окладу в 25 рублей). Еще один пусторжевец, Михаил Прокопьев Пушечников, имел довольно большой в то время денежный оклад (в мае 1614 г. ему было прибавлено к прежнему окладу в 30 рублей еще 4 рубля по государеву указу)[133].

Известны пусторжевцы Иван и Воин Сумароковы, которым позднее, в июне 1615 г., вновь были утверждены старые оклады по 18 руб-

[130] Кормленщики Галицкой четверти... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 326.

[131] Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 72, 183.

[132] Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 35 (Невель), 65 (Ржева Пустая).

[133] Кормленая книга Владимирской Четверти 7123 г.: Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 45, 42, 48.

лей, а также дана придача к окладам в размере 4 рубля Ивану и 3 рубля Воину[134].

Василий Иванович Коптев еще 17 апреля 1613 г. (!) был восстановлен в результате дворянского сыска в четвертчиках с окладом в размере 15 рублей. В это время царь Михаил находился по пути в Москву, а вся власть в столице принадлежала Боярской думе. Тогда же Василию Коптеву было прибавлено по боярскому приговору еще 4 рубля[135]. Все это свидетельствует о том, что Василий Коптев еще в 1612–1613 гг. принимал участие в освободительном движении против поляков в центре страны.

Некоторые Коптевы в начале 1613 г. сражались в Торопце против поляков Гонсевского. Ефим и Тимофей Александровичи Коптевы *«сидели в Торопце в осаде от масленницы до Троицына дня»* вместе с луцкими помещиками[136]. Коптевы были и невельскими помещиками – среди них упомянутый ранее Яков Никитич Коптев.

Но вернемся к нашему Василию Ивановичу Коптеву. 23 марта 1614 г. ему в Москве было придано еще 3 рубля к прежнему окладу *«за Невельскую службу»* (теперь он стал получать 22 рубля)[137]. Судя по награждению эта «Невельская служба» связана с событиями под Невелем конца 1613 – начала 1614 г. Василий Коптев вполне мог сыграть определенную роль в переходе Невеля летом-осенью 1613 г. на сторону Михаила Романова как посланник нового московского правительства в этот город, где вместе с Григорием Валуевым служили многие луцкие помещики и пусторжевцы Коптевы.

Еще один источник о службе псковичей, новгородцев и лучан Михаилу Романову – это **Кормленая книга Костромской чети**, опубликованная А. Н. Зерцаловым еще в 1894 году[138]. К сожалению, данный источник в полном объеме тоже не сохранился. В утраченной части приведены списки служилых людей (до 700 человек), занимавших высшее служебное положение и имевших большие оклады (свыше 20 рублей). Среди этих лиц были некоторые служилые люди новгородских пятин и из псковичей. Однако в большинстве интересующие нас лица имели оклады менее 20 руб. В сохранившейся части Кормленой книги мы находим сведения о 1389 лицах из среднего русского дворянства,

[134]Кормленая книга Владимирской Четверти 7123 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 48.

[135]Там же. С. 52.

[136]Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа). С. 136.

[137]Кормленая книга Владимирской Четверти 7123 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 52.

[138]Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15.

служивших в 80 разных городах. Среди них – 34 псковских помещика, 26 новгородцев (в том числе 23 помещика Шелонской пятины), один стрелецкий сотник Давыд Карпов и один представитель далекого южного Ряжска Василий Федюкин. Все они (62 человека) отличились при обороне Пскова и псковских пригородов от шведских войск Густава Адольфа и Карла Гюлленельма, а некоторые из них получили награду за другие бои, в том числе под Гдовом, Порховом, Печерами либо под Псковом – «за Псковскую службу до большого осаду», «за Псковские прежние службы», т. е. еще до похода шведского короля. К сожалению, здесь нигде не говорится о боях под южными псковскими пригородами, они подразумеваются под словами «за Псковскую службу».

Невельских и пусторжевских помещиков в сохранившейся части данной кормленой книги нет. Из 4 записанных в книге луцких помещиков нас интересуют Юрий Ламаной (13 рублей) и Иван Личинов Алексеев (11), которые отличились в боях под Невелем, Улой и Усвятами, в том числе участвуя в «Невельском осадном сидении», как и упомянутый ранее четвертчик Галицкой чети лучанин Иван Романович Тыртов. Лучанин Петр Иванович Красный отличился при обороне Торопца от поляков Гонсевского, а про другого лучанина, Андрея Петровича Пасынкова, не сказано, за какие заслуги он стал четвертчиком: «В кормленой книге 125 году написан в 16 рублех голое имя, а почему написан, того не написано»[139].

В Расходной книге товарам и вещам содержится интересная информация о судьбе некоторых служилых людей из Невеля. 16 декабря 1613 г. в Москве было дано государево жалование *«язычником, детем боярским, псковскому помещику Богдану Сиротину да невелскому помещику Петру Лодыженскому, 2 портища сукна аглинского багрового, по 4 арш. без чети человеку, по 18 ал. по 2 д. арш.»*[140]. Слово «язычник» отличается от слова «язычный привод». Во втором случае прямо говорится о людях, которые доставили в Москву пленников-языков, а в первом случае речь может идти о самих пленниках. Даже если предположить, что Богдан Сиротин и Петр Лодыженский были доставлены в Москву в качестве пленников после перехода Невеля на сторону Михаила Романова, они здесь, в Москве, присягнули новому царю, за что и получили жалование от Казны. В дальнейшем Богдан Сиротин будет часто упоминаться на службе у Михаила Романова.

[139] Кормленая книга Костромской чети // РИБ. Т. 15. С. 2, 54, 92, 119.

[140] Приходно-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 203.

Известно, что Богдан Сиротин принял активное участие в обороне Пскова от шведского короля Густава Адольфа. 19 августа 1615 г. Богдан Сиротин в качестве стрелецкого головы возглавил отряд конницы из стрельцов и казаков в ходе одной из вылазок псковичей, захватил ценных пленных[141].

Через неделю, 23 декабря 1613 г., в Москве получил жалование «псковитин» Федор Надеин «за выход» (4 аршина без чети сукна настрафилю вишневого, ценой 2 рубля). Позже, уже в феврале 1614 г., получил жалование в Москве помещик из Великих Лук («лучанин») Петр Васильевич Креницын (за что – не указано)[142].

В феврале-марте 1614 г. в Москве находилось немало помещиков из Великих Лук. Этот город будет восстановлен лишь после окончания Смуты, а служилые люди из Лук пополнили в те годы гарнизоны других крепостей. Часть луцких помещиков служила в это время в Торопце, а другие – в Невеле вместе с пусторжевскими помещиками. Десять луцких помещиков, будучи в Москве, 10 марта 1614 г. в Разряде подтвердили после проведенного сыска прежний оклад И. И. Голенищева-Кутузова. Это Арбузов Иван Никифорович, Бочкин Алексей Михайлович, Костянтинов Григорий Федорович, Марков Афанасий Иванович, Мякинин Михаил Андреевич, Нефедьев Федор Иванович, Скулеев Никита Иванович, Сунгуров Матвей Федорович, Тыртов Иван Романович, Языков Василий Деевич. Кроме луцких помещиков тогда же подтвердили прежний оклад И. И. Голенищева-Кутузова три пусторжевских помещика – Бобров Иван Матвеевич, Сумароков Афанасий Андреевич, Ушаков Карп Никифорович[143].

Ржева Пустая разделила в последние годы Смуты судьбу Великих Лук. То ли Ржева Пустая подверлась нападению польских отрядов в конце 1613 – начале 1614 г., то ли псковские воеводы по указанию из Москвы приняли решение о невозможности далее оборонять имеющимися силами эту крепость, но факт остается фактом. С этого времени пусторжевские помещики находятся в составе гарнизонов Невеля и Пскова, а в Ржеву Пустую воеводы больше не назначаются и о ней в Разрядах не упоминается.

---

[141] *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 318, 333, 341.

[142] Приходно-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 211, 246.

[143] Челобитье жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова о справке за ним поместной и денежной придач, пожалованных царем Василием Шуйским. 1614, март // АМГ. Т. 1, № 60. С. 96–98.

Заволочье, как и Невель, было подведомственно Владимирской четверти. Как только в Москве узнали, что город перешел на сторону Михаила Романова, дьяки стали выяснять, сколько же денег ранее собирали с Заволочья – это так называемые четвертные доходы. Сыск и счет доходов и расходов было сделать трудно, так как архив Владимирской чети погиб целиком. Переписывая уцелевшие дела, дьяки в Москве выяснили, что в 7114 (1605/1606) г. четвертные доходы *«со Ржевы Пустой, и з Заволчья и з Дворцов кабацких денег верного бранья»* составляли 66 рублей и 13 алтын с полуденьгой. Было принято решение в 1613/1614 г. собирать деньги в таком же количестве. Однако вскоре в Москве узнали, что *«кабацких денег и четвертных доходов взять не на ком»*. В источнике записано: *«И Ржева Пустая была за Литвою, а как государевы люди город Заволчье взяли, и город и посад сожгли, и ныне пуст»*[144]. Ржева Пустая действительно опустела, город прекратил свое существование.

Псковские пригороды в 1615–1617 годах

Сведения о том, сколько было служилых людей в составе гарнизонов Себежа и Опочки и других псковских пригородов, мы можем почерпнуть из Книг разрядных, а также из документов, связанных с выплатой жалования служилым людям. Вскоре после завершения осады Невеля 8 марта 1615 г. из Москвы было отправлено жалование служилым людям псковских пригородов, в том числе на Опочку и в Себеж. Служилые люди из Себежа и Опочки получали жалование из Нижегородской чети. В Приходно-расходной книге Нижегородской чети отмечено, что на Опочку и на Себеж деньги повезли Иван Чихачев и казачий голова Степан Ногин, о котором уже говорилось в связи с событиями в Себеже в 1614 г. Эти деньги предназначались для 270 себежских стрельцов, а также *«52 опоческим стрельцам, 70 опоческим казакам»*. Размер жалования был следующий: рядовые стрельцы получали по 2 рубля, десятники – 2 руб. с четвертью, пятидесятники – 2 с полтиной, а казаки «за службу» – 5 рублей[145].

Сравним эти цифры с данными разрядных книг по состоянию на осень 1615 г., где указан точный состав гарнизонов этих крепостей. За 1615/1616 г. впервые в разрядной записи дается подробный состав гарнизонов многих городов включая Псковские пригороды. Что касается

[144] Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 65.

[145] Приходно-расходная книга Нижегородской чети 123 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 259.

Себежа, то здесь указаны 270 стрельцов (цифры соответствуют количеству стрельцов, кому были предназначены деньги). Стрелецким приказом в Себеже командовал стрелецкий голова Северга Львов (в разрядной записи за следующий 1616/1617 г. в Себеже говорится о стрелецком голове Сергее Львове – по-видимому, это один и тот же человек). В состав гарнизона Себежа, согласно разрядной записи, также входили 30 конных казаков, 20 пушкарей и затинщиков, 120 велижских казаков с атаманом Богданом Подорваном и 100 казаков станицы Михаила Мерзлякова, *«и всего на Себеже всяких людей 570 ч.»*[146].

Казачий атаман Богдан Подорванов осенью 1615 г. со своей станицей в 95 казаков находился под Смоленском, когда начались переговоры с поляками. В то же время он упоминается в 1615/1616 г. в Себеже, где командует 120 велижскими казаками[147]. В 1616 г. казак его станицы вышел из польского лагеря и сообщил важные новости смоленским воеводам. Летом 1617 г. казаки (68 человек) станицы Богдана Подорвана были в Вязьме (еще до начала похода королевича Владислава)[148]. По-видимому, поздней осенью 1615 или в самом начале 1616 г. Богдан Подорван со своими казаками из Себежа был отправлен под Смоленск.

Деньги для себежских казаков и пушкарей, по-видимому, были отправлены в Себеж не 8 марта со Степаном Ногиным, а в другое время. Известно, например, что через неделю, 15 марта 1615 г., из Москвы во Псков был послан Василий Назимов *«для денег и сметных списков»*[149], который неоднократно будет доставлять во Псков деньги служилым людям.

К сожалению, до настоящего времени не обнаружены грамоты из Москвы в Себеж (кроме грамоты от 30 марта 1614 г.) и ответные отписки, а также донесения себежских начальных людей. В этих документах содержится ценная информация о многих событиях, происходивших в то время в районе Себежа. А таких грамот и отписок было много. Только за 1615 г. известно о некоторых из них. Эти грамоты доставляли в Москву и Себеж себежские служилые люди, известны имена таких гонцов. В середине августа 1615 г. в Москву прибыл от себежского воеводы Андрея Усова гонец – казак Нефедка Микулин с отписками. 24 августа ему были выданы деньги на корм на обратный проезд. В документе сказано: *«Себежскому гонцу казаку Нефедку Микулину в дорогу*

[146]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 177.
[147]См.: Там же. Т. 1. Стб. 94, 177.
[148]Там же. Т. 1. Стб. 224, 338.
[149]Приходно-расходная книга Нижегородской чети 123 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 260.

на корм полтина дано. Взял сам. Прислан с отписками и послан назад з грамотами»[150].

Что касается **Опочки**, то в разрядной записи за осень 1615 г. значится: *«С сотником 80 стрельцов, 70 казаков, 8 пушкарей и затинщиков, всего – 158 чел.»*[151]. При сравнении с записью об отправленных в марте 1615 г. со Степаном Ногиным и Иваном Чихачевым деньгах в Опочку мы видим, что в обоих документах указано одинаковое число казаков (70 человек), но разное число стрельцов. Деньги предназначались только для 52 стрельцов, а не для 80. Возможно, что за весну и лето 1615 г. в связи с угрожающей обстановкой (походом шведского короля) состав гарнизона Опочки был усилен, туда «прибрали» еще 30 стрельцов. Пушкарям и воротникам деньги отправлялись отдельно. Известно, что 19 апреля 1615 г. специально из Москвы были отправлены деньги невельским и другим пушкарям[152].

Если говорить о начальных людях, то при сравнении с записями за 1614/1615 и 1615/1616 гг. видим, что ранее на Опочке указан только один воевода, Иван Чихачев, а теперь – два воеводы и еще голова: *«На Опочке воевода Иван Семенов сын Бороздин да Иван Иванов сын Чихачов да голова Ларион Зубатой»*[153].

В первой разрядной записи за 1614/1615 г., составленной в конце 1614 г., мы уже не увидим прежних начальных людей Опочки Ивана Бороздина и Богдана Аминева, которые еще в январе 1614 г. отправляли донесение во Псков воеводе И. Ф. Хованскому. Вместо них записан всего один человек – Иван Чихачев, а во второй разрядной записи за 1615/1616 г. вместе с Иваном Чихачевым снова указан Иван Бороздин.

Упомянутый воевода Иван Чихачев – это тот самый человек, который привез весной 1615 г. из Москвы деньги в Опочку. Скорее всего, зимой 1615 г. в Опочку снова прибыл Иван Бороздин, поэтому Ивана Чихачева отправили за жалованием в Москву, иначе в такое суровое время опасно было оставлять крепость без воеводы. Упомянутый Иван Семенович Бороздин ранее уже служил в Опочке несколько лет и после короткого перерыва вновь вернулся в этот город. Иван Чихачев и Ларион Зубатой сменили в Опочке второго воеводу Богдана Аминева, родственники которого (Федор Григорьевич и Исай Федорович) в это время служили шведскому королю, а позже стали шведскими дворянами.

[150] Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 366.
[151] Книги разрядные Т. 1. Стб. 177.
[152] Приходно-расходная книга Нижегородской чети 123 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 261.
[153] Книги разрядные Т. 1. Стб. 177.

Следует отметить, что в начале 1616 г. некоторые помещики Порховского уезда, бежавшие от шведов во Псков, нашли приют в Опочке. Среди них известен Иван Косицкий, чье имя упоминается в переписке воевод Пскова и коменданта Порхова. Эти помещики время от времени совершали набеги из Опочки на территорию, контролируемую шведами. Фактически они нападали на свои бывшие владения с целью достать продовольствие, терроризируя при этом новых хозяев, продолжавших служить шведам. Набегам служилых людей из Опочки подвергались в основном южные погосты Порховского уезда (Жедрицы, Вышгород, Пажеревицы, Облучье и др.). К этому времени завершились неудачей мирные переговоры между шведами и московитами в Дедерино. Обе стороны не смогли согласовать свои позиции по территориальным вопросам. В итоге было заключено перемирие на три месяца до 1 июня 1616 года[154].

Однако во время этого перемирия весной 1616 г. обстановка для жителей Порховского уезда не была спокойной. В архиве Делагарди в Тарту сохранилось ответное письмо псковских воевод И. Д. Плещеева и С. С. Собакина и дьяка Ч. Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Грассу от апреля 1616 г. Комендант Порхова Геннинг Грасс в начале апреля 1616 г. жаловался псковским воеводам, что Иван Косицкий со своими людьми из Пскова совершает набеги к Порхову *«...и ходя ворует, православных крестьян мучает, побивает и грабит»*. Псковские воеводы в ответ сообщали, что эти разбойники уже давно живут на территории, контролируемой шведами, а до этого Иван Косицкий некоторое время жил в Опочке: *«Косицкий из Опочки сошел в Порховский уезд 1 марта»*. Псковский воевода И. Д. Плещеев, как обычно, писал в ответ, что эти набеги происходят вопреки его указаниям жить в мире с соседями и рекомендовал Геннингу Грассу в случае поимки разбойников делать с ними все что угодно: *«И вам бы велети тех воров имать и казнить»*[155].

Трудно сказать, о каком Иване Косицком здесь идет речь, так как отчество в письме не указано. Известно в это время несколько порховских помещиков с этим именем. В Порховском окологородье имели поместья в 1611 г. Иван Крячков (Кренков) и Иван Никифоров Косицкие, а в

[154]См: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1857. 242 с.; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. Кн. 5, т. 9. М. : Голос, 1993 (также – другие издания).

[155]Отношение Псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к Порховскому коменданту Геннингу Грассу. Псков. 1616 г. (после 19 апреля) // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. Т. 3, № 6. С. 28–30.

Высоцком погосте – Иван Степанович Косицкий. Иван Кренков Косицкий к 1615 г. бежал от шведов во Псков, его поместья как изменника были переданы другим людям. Возможно, что речь в данном случае идет именно о нем. Вскоре после этих событий (через месяц) Иван Кренков Косицкий окажется в Москве. Он будет включен в списки четвертчиков, получит жалование из Костромской чети. Уже 28 мая 1616 г. этому Ивану Косицкому *«за Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь 6 руб., да ему же за Изборскую да за Псковскую службу 123 году, что служил до большого осаду, придано 3 рубля»*[156].

Служилые люди из Опочки держали постоянную связь с соседним Себежем и часто вместе совершали походы. Воеводой Себежа со второй половины 1614 г. был можайский помещик Андрей Васильевич Усов. В первые годы Смуты он вместе с братьями поддерживал Лжедмитрия II, входил в состав окружения Тушинского вора. В начале 1610 г. Андрей Усов, как и некоторые другие русские тушинцы, присягнул королевичу Владиславу и получил земельные пожалования от короля Сигизмунда, а затем судьба забросила его на Псковщину. Летом 1613 г. Андрей Усов отличился при освобождении Гдова от шведов, затем успешно оборонял эту крепость, а в марте 1614 г. вместе со своим помощником Иваном Васильевичем Шестуновым получал в Москве награду за службу. Андрей Усов получил 10 аршин камки, сорок соболей и серебряный ковш, общая стоимость подарков составила 25 рублей. Иван Шестунов получил 8 аршин камки, сорок куниц и серебряную чарку (общая стоимость – 17 рублей)[157].

Судьба Андрея Усова и Ивана Шестунова в дальнейшем будет тесно связана с Себежем. Вскоре после этого мартовского награждения уже летом 1614 г. Андрей Усов был назначен воеводой Себежа. В этой крепости он сменил Василия Яковлевича Боброва. Помощником Андрея Усова продолжал оставаться голова Иван Неелов. В книгах разрядных за 1614/1615 г. упоминается только один Андрей Усов. За этот год указаны воеводы Невеля (Семен Гагарин), Опочки (Иван Чихачев) и Изборска (Григорий Бобров и Карп Ушаков)[158].

Отметим, что именно воеводам Изборска Григорию Боброву и Карпу Ушакову принадлежит заслуга разгрома весной 1615 г. шведско-польского лагеря, который шведы и их временные союзники-поляки

[156] Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. С. 108–109.

[157] Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 253–254.

[158] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 76. Запись за 1614/1615 г.

устроили западнее Пскова (между Псковом и Изборском) с целью блокировать подвоз продовольствия из Дерпта и других ливонских городов к Пскову. Именно в этих боях еще до похода к Пскову шведского короля Густава Адольфа (*«до большого осаду»*) отличился упомянутый ранее Иван Кренков Косицкий.

В самое суровое для Пскова время осады шведским королем Густавом Адольфом Андрей Усов находился в Себеже. Весной-летом 1616 г. его сменил в Себеже соратник по Гдовскому взятию Иван Васильевич Шестунов. В разрядной записи за 1615/1616 г. так и отмечено: *«На Себеже Ондрей Васильев сын Усов да голова Иван Неелов, и Ондрей отпущон, а на его место велено быть Ивану Шестунову да голове Ивану Неелову»*[159].

Особняком здесь стоит Невель, его воевода и состав гарнизона записаны до упоминания о Пскове и псковских пригородах, что косвенно говорит о том, что Невель в те годы Пскову не подчинялся.

Великие Луки, Ржева Пустая (Заволочье), Красный, Вороноч в этом списке за 1615/1616 г., как и в последующие годы до конца Смуты, не указаны. Эти города еще не были восстановлены после разорения (Вороноч в дальнейшем так и не будет восстановлен).

В этой разрядной записи за 1615/1616 г. указан дополнительно к прежним псковским пригородам (Себеж, Опочка, Изборск) также **Остров.** Следует отметить, что Остров упомянут в разрядной записи еще за 1613/1614 г., указан его начальный человек: *«В Псковских пригородех приказные люди: … В Острове Симон Харламов»*[160]. Трудно сказать, когда Семен Харламов был назначен в Остров, сложно ответить на вопрос о том, почему Остров не был указан в разрядной записи за 1614/1615 г., возможно, просто ошибочно пропущен при переписывании. Зато хорошо известно, когда Семен Харламов завершил службу в Острове и кто после него принял дела в этой крепости.

В конце 1615 г. в псковских пригородах Изборске и Острове, а также в Невеле состояние гарнизонов было следующим.

В Изборске, как и в предыдущем году, во главе гарнизона крепости мы видим Григория Боброва (слово «воевода» в разрядной записи, как и в случае с Себежем, не указано). Его помощником записан Павел Сеславин, который сменил Карпа Ушакова. По состоянию на 9 октября 1615 г. в Изборске было 11 детей боярских, 50 стрельцов с сотником

[159]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 177. Запись за 1615/1616 г.

[160]Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 151; Разрядная книга 1613–1614 гг. С. 296.

Богданом Мавриным, 15 пушкарей и затинщиков, 4 воротника. Всего 81 человек[161].

В Острове записан Вельямин Трусов (слово «воевода» не указано). Ранее Вельямин Григорьевич Трусов, помещик Водской пятины, служил новгородско-шведскому правительству. Его поместье в 1612 г. находилось в Дмитриевском Городенском погосте (сельцо Вычелопок, *«двор помещиков за рекою за Удраею»*) возле современной деревни Ивня Батецкого района Новгородской области. К началу 1615 г. Вельямин Трусов уже служит Михаилу Романову, а поместье его как изменника передано другому новгородскому помещику, Ивану Боранову, усадьбу разобрали, а материал использовали для строительства в Ивнинском остроге (*«хоромы свозили с тово места немецкие люди в острог»*)[162].

В июне 1615 г. Вельямин Трусов находился в Москве. 27 июня 1615 г. он получил государево жалование в Москве в размере 15 рублей (по такому же принципу, как и помещики Водской и Шелонской пятин, находящиеся во Пскове). Далее следует интересная запись: *«А Вельямину велено быти на государевой службе в Острове»*. За Вельямина Трусова деньги взял и расписался его брат Иван Григорьевич Трусов[163]. Судя по данной записи с учетом дороги из Москвы до Острова Вельямин Трусов уже в июле 1615 г. приступил к исполнению своих обязанностей в Острове. Здесь он сменил Семена Харламова.

Первым помощником Вельямина Трусова в Острове был стрелецкий сотник Никита Васильевич Белый. Костяк гарнизона Острова составляли стрельцы (50 человек), а также было 15 пушкарей и затинщиков. Всего 67 человек[164]. Стрелецкий сотник Микита Белый ранее, в 1612 г., командовал стрелецким гарнизоном в Псково-Печерском монастыре, был там воеводой Лжедмитрия III (Псковского вора Сидорки). Вместе с первым воеводой Печер Алексеем Юрьевичем Пустошкиным Никита Белый весной 1612 г. вел переписку с воеводой польского Нейгаузена паном Станиславом Рагозинским *«о миру и добром совете»*[165].

[161] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 176.

[162] Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 1: 16. С. 113; Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Боранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615. 8.08 // RA, NOA. Serie I: 6. Л. 63; *Селин А. А.* Указ. соч. С. 276.

[163] Приходно-расходная книга Разряда 123 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 352.

[164] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 177.

[165] См.: *Рабинович Я. Н.* Малые города Псковской земли в Смутное время / под ред. С. А. Мезина. Псков : Псков. обл. тип., 2014. 253 с.

В Невеле в разрядной записи за 1615/1616 г. указаны стольник и воевода Василий Васильевич Волынский и Гаврила Иванович Писемский (они в июне 1615 г. сменили Семена Гагарина), а с февраля 1616 г. вместо них назначены новые воеводы Семен Яковлевич Молвянинов и Крик Степанович Евфимьев. В состав гарнизона Невеля входили дворяне и дети боярские из Великих Лук – 122 человека, из Невеля – 53 человека, из Ржевы Пустой (Заволочья) – 17 человек (в это время 40 пусторжевских детей боярских находились в Пскове). Всего служилых людей по отечеству – 192 человека. Стрельцов в Невеле было 300 человек с тремя сотниками. Этим стрелецким приказом по-прежнему командовал стрелецкий голова Петр Лукомский. Также в состав гарнизона Невеля входили 220 вольных казаков с двумя атаманами, 30 пушкарей и затинщиков, 20 воротников. *«Всего на Невле всяких людей 773 ч.»*[166].

В следующем 125 г. (1616/1617 г.) состав гарнизонов не претерпел существенных изменений.

В **Изборске** количество детей боярских, стрельцов с сотником Богданом Мавриным, воротников и пушкарей осталось прежним. Воеводой здесь записан Иван Васильевич Шестунов, переведенный сюда из Себежа. Его помощник Павел Сеславин при этом не указан (возможно, получил другое назначение). В конце 1617 г. в одной из разрядных записей указаны в Изборске другие воеводы – прежний, Григорий Степанович Бобров, и не указанный ранее Андрей Тимофеев сын Ногин.

В **Острове** запись аналогична прошлому году. Здесь мы видим по-прежнему Вельямина Трусова и сотника Микиту Белого.

На **Опочке** также записаны прежние воеводы Бороздин и Чихачев и голова Ларион Зубатой. Стрельцов снова стало меньше, всего 52 человека (столько же, на какое количество отправлялись деньги еще в марте 1615 г.), а количество казаков и пушкарей не изменилось (70 и 8 соответственно).

О событиях под Опочкой в конце августа 1616 г. кратко говорится в письме шведского военачальника Карла Гюлленельма Якобу Делагарди, подробное содержание которого привел Г. А. Замятин[167]. Этот поход к Пскову Карла Гюлленельма долгое время не был известен краеведам. В Псковской летописи отмечено, что *«пришел Королевич другой подо Псков Анцыкарл, Августа во 11 день; и поставиша городок у Николы Чюдотворца в Устьях над Великой рекой»*[168].

[166]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 176.
[167]См.: *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 382.
[168]ПЛ. С. 234.

Карл Гюлленельм, построив в августе 1616 г. укрепленный лагерь в устье реки Великой, в своем письме указывает на трудное положение с провиантом. Чтобы добыть провиант и фураж, он направил 25 августа полковника вахтмистра Патрика Рутвена *«с 500 рыцарей к Опочке южнее Пскова, но посланные, вернувшись пять дней спустя, привезли ржи и сена только на восемь дней»*. Почему шведы отправили именно к Опочке такой большой конный отряд? Возможно, что это связано с именами служивших шведам отца и сына Аминевых, Федора Григорьевича и Исая Федоровича, вся жизнь которых была тесно связана с Опочкой, а их родственник Богдан Аминев всего лишь два года назад служил в этом городе помощником воеводы. Небольшой гарнизон Опочки не дал шведам приблизиться к крепости, а окрестные жители укрывали продукты от шведов. Эта экспедиция к Опочке Патрика Рутвена закончилась неудачей. Продуктов шведы смогли достать очень мало. Поэтому 5 сентября 1616 г. Патрик Рутвен был снова командировав к Печорам и к Изборску за фуражом. По словам Карла Гюлленельма, это предприятие дало результат не лучше, чем предыдущее.

В отражении данного набега шведов к Опочке принял активное участие «псковитин» Степан Ногин. В источниках он назван казачьим головой, он руководил отрядом служилых людей, «был в головах». За эту *«опочечскую службу 124-го году и за головство»* Степану Ногину было придано уже в октябре 1616 г. к прежним 10 рублям еще 3 рубля[169].

Трудно сказать, как далеко на юг от Опочки проникли шведские отряды и доходили ли они до окрестностей Себежа. Наше внимание привлекает одна фраза в источнике (Расходной книге Устюжской чети), которая имеет прямое отношение к стрелецкому голове Себежа Северге Львову. Ему позже было придано к старому окладу еще 4 рубля «за Псковскую службу 124-го и 125-го году»[170]. Псковская служба Северги Львова связана, по-видимому, с отражением похода ко Пскову шведских войск фельдмаршала Карла Гюлленельма. Вряд ли Северга Львов со своими стрельцами был направлен из удаленного Себежа во Псков. Скорее всего, эта общая фраза «Псковская служба» связана с отражением вражеского нападения на Себеж и его окрестности.

Псковичъ («псковитин») Иван Семенович Карповский отличился в боях под Себежем. Ему только в январе 1617 г. *«за себежскую службу велено давать из чети вновь по 5 рублев»*[171]. Обстоятельства этой се-

[169] Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 72.

[170] Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 718.

[171] Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 183.

бежской службы Ивана Карповского неясны, она могла быть и в 1613, и в 1616 г.

Что касается похода Карла Гюлленельма, то он закончился полным провалом, как и предыдущий – Густава Адольфа. Гарнизон укрепленного лагеря в Устье капитулировал. Здесь главным героем выступил бывший воевода Изборска Григорий Степанович Бобров, который осуществлял блокаду этой шведской крепости. Псковский летописец отмечал: *«Декабря в 10 день, город взяша, и немец достальных выпустиша, и немцы с Государем помирилися, и отдаша городы Новгород и Порхов и Ладогу».* Летописец в данной фразе привел некоторые условия заключения Столбовского мира со шведами. Теперь у России остался только один противник – Польша. Именно в 1617 г., вскоре после заключения Столбовского мира со шведами, польский королевич Владислав начал свой поход на Москву. Русские войска отступили от Смоленска. В том же 1617 г. были потеряны Дорогобуж и Вязьма, а также ряд городов на юге страны.

К сожалению, ни в Книге сеунчей, ни в других источниках ничего не говорится о событиях в районе пограничных городов Себежа, Опочки и Невеля в это время. Вряд ли здесь наблюдалось спокойствие, когда в центре страны началось наступление поляков. Возможно, польские источники помогут ответить на этот вопрос. То, что ситуация в районе Себежа была в то время очень напряженной, свидетельствуют весьма частые приезды гонцов из Себежа в Москву с донесениями о текущих делах.

В **Себеже** в разрядной записи за 125 (1616/1617) г. указаны Василий Яковлевич Бобров и Карп Ушаков. По состоянию на 9 апреля 1617 г. состав гарнизона в Себеже был следующим: *«На Себеже Василей Яковлев сын Бобров да Карп Ушаков; а с ними людей по их отписке Апреля в 9-й день 125-го году: с головою с Сергеем Львовым 270 ч. стрелцов, казаков 30 ч., пушкарей и затинщиков 20 ч.»*[172].

Василий Яковлевич Бобров сменил в Себеже Ивана Шестунова. Карп Ушаков до этого одно время был помощником воеводы Изборска Григория Степановича Боброва, а Василий Яковлевич Бобров через два года снова вернулся в Себеж. Ранее мы видели его воеводой в Себеже в 1614 г. Велижских казаков и казаков Михаила Мерзлякова в это время уже не было в Себеже, поэтому состав гарнизона сократился более чем на 200 человек и составил 320 воинов.

[172]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 391.

В мае-июне 1617 г. себежские гонцы довольно часто приезжали в Москву. 13 июня из Москвы в Себеж был отправлен с царской грамотой себежский казак Богдан Масехин, который незадолго до этого приехал от воеводы Василия Боброва, «пригонял с Себежа с отписками». Богдану Масехину было дано из Москвы в дорогу 16 алтын и 4 деньги.

25 июня 1617 г. был отпущен из Москвы в Себеж себежский гонец пушкарь Ивашка Васильев. Он также привез отписки воеводы Василия Боброва. Ему было дано на дорогу в два раза меньше денег, пол-полтины. На следующий день отпущен в Себеж конный казак Федька Собанин, который тоже прибыл с отписками от Василия Боброва. Он тоже получил на дорогу пол-полтины [173].

Возможно, содержание этих отписок в случае их обнаружения поможет открыть многие тайные страницы истории Себежа.

В Невеле за 1616/1617 г. произошли существенные изменения. Воеводы в этом городе постоянно менялись. Семена Яковлевича Молвянинова отозвали в Москву, а второй воевода Крик Евфимьев умер в Невеле на воеводском посту. В Невель был назначен еще до июня 1617 г. Борис Иванович Кокорев. Приведем полностью разрядную запись, касающуюся Невеля, и сравним эти цифры с данными за предыдущий год: *«На Невле велено быти воеводе Борису Иванову сыну Кокореву, а с ним дворян и детей боярских: Лучан – живут с разоренья на Невле 106 ч., Невлян конных 52 ч., Пусторжевцов конных 20 ч., и всего на Невле Лучан и Невлян и Пусторжевцов конных 180 ч.; да на Невле ж с головою, да с тремя сотники 300 ч. стрелцов; да волных казаков с атоманом с Богданом с Порываевым с товарыши 200 ч., пушкарей и затинщиков 25 ч., воротников 12 ч., плотников 3 ч., розсылщиков 5 ч.»*[174].

Известен один из таких невельских рассыльщиков Карп Алексеев. 13 мая 1617 г. этому «Карпуне Олексееву» было дано в Москве в дорогу 3 алтына и 2 деньги. Он был послан *«по городом от Москвы до Невля з заказными государевы грамоты»*[175].

Видим, что в сравнении с предыдущим годом несколько сократилось число луцких помещиков на Невеле (было 122, стало 106). Количество невлян и пусторжевцев практически не изменилось (невлян было 53, стало 52, а пусторжевцев было 17, стало 20). Стрелецкий голова в Невеле не указан, возможно, что Петр Лукомский отсутствовал в Невеле. Количество вольных казаков несколько сократилось (с 220 до 200),

[173] Приходно-расходная книга Разряда 125 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 609, 617, 618.

[174] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 387–388.

[175] Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 583.

а вместо двух атаманов записан один, зато указано его имя – Богдан Порываев. Количество пушкарей и затинщиков сократилось с 20 до 15, а число воротников осталось без изменения, лишь уточнено, что в их число теперь входят плотники и рассыльщики.

Зато во Пскове прибавилось пусторжевцев (было 40, стало 58). Возможно, что часть пусторжевских помещиков, которая некоторое время служила в Москве, была теперь направлена во Псков. В мае 1617 г. в Москве продолжали оставаться псковские помещики (9 человек), новгородцы Водской и Шелонской пятин (18 и 4 человека соответственно) и 10 пусторжевцев. Этим 10 служилым людям из Ржевы Пустой было выдано жалование в Москве – 91 рубль. Несколько пусторжевцев имели к тому времени значительный оклад, свыше 25 рублей, но им всем определили статью в 25 рублей и выплатили половину этого оклада (12,5 рублей). Остальные помещики имели небольшой оклад[176].

Интересна судьба гдовских стрельцов. Еще в сентябре 1614 г., после почетной капитуляции защитников Гдова перед шведским королем Густавом Адольфом, многие служилые люди согласно условиям капитуляции были отпущены во Псков (некоторые псковские помещики при этом присягнули шведскому королю). Гдовские конные стрельцы в дальнейшем некоторое время находились в Москве.

В сентябре 1616 г. в связи с очередной угрозой Пскову со стороны шведского фельдмаршала Карла Гюлленельма туда были направлены дополнительные силы под командованием Федора Погожего, в отряд которого входили 130 казаков из Москвы, а также гдовские конные стрельцы в количестве 49 человек. 7 сентября 1616 г. по приказу думного дьяка Сыдавного Васильева этим 49 гдовским стрельцам было выдано каждому по 10 алтын, всего около 15 рублей, *«на седла и на войлоки и на узды»*[177].

Возможно, что после подписания Столбовского мира гдовские стрельцы находились в составе гарнизона одного из псковских пригородов. Домой в Гдов они (те, что остались живы) смогли вернуться лишь в сентябре 1621 г. после передаче шведами Гдова московскому воеводе Ивану Денисьеву Нащокину. Еще в 1626 г. упоминаются в составе гарнизона Гдова кроме псковских стрельцов также гдовские стрельцы, правда, в незначительном количестве[178].

[176]РИБ. Т. 28. Стб. 589.

[177]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 391; Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 524.

[178]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 867, 1242.

Что касается жалования служилым людям в эти годы, здесь существовала определенная система. Часто в Разряде денег не хватало и их брали взаймы в других ведомствах. 11 марта 1617 г. взято из Нижегородской чети 1500 рублей «во Псковскую посылку». На следующий день, 12 марта, взято из приказа Казанского дворца 2000 рублей «в Торопец, да на Невль дворяном и детем боярским в государево жалованье». 13 марта взято 300 рублей у князя Д. М. Пожарского для отправки во Псков, а 14 марта из Нижегородской чети 400 рублей *«в Торопецкую да во Псковскую да в Невельскую посылку»*. В тот же день у Ефима Телепнева «от денежного дела» было взято еще 1200 рублей для отправки в Торопец, Невель и Псков[179].

5 апреля 1617 г. было послано в Невель государево жалование служилым людям с пусторжевцем Лукой Поярковым Головиным. Всем было определено выплачивать в эту посылку половину оклада. Четвертчикам, имеющим большие оклады, была определена статья («потолок») в 25 рублей, им выдавали половину – 12,5 рубля. У кого был оклад от 15 до 25 рублей, те получали половину своего оклада. Зато повезло тем, кто имел небольшой оклад менее 15 рублей. Им всем было определено одинаковое жалование в 15 рублей, и они получали половину этой суммы (7,5 рубля). Всего в Невеле в то время находилось 157 таких помещиков. Им был послан 1291 рубль. Кроме того, в то время в самой Москве находились 23 луцких, пусторжевских и невельских помещика. Им было выдано 203,5 рубля по тому же принципу. Точно так же получали деньги служилые люди в Торопце (торопецкие, луцкие и холмские помещики)[180].

К тому времени (весна 1617 г.) в Невеле «поспели на службу» молодые юноши-новики. Этих молодых помещиков было 17 человек. Они родились в начале века, а когда Невель переходил из рук в руки, были еще мальчишками. Возможно, что их отцы были луцкими и пусторжевскими помещиками, которые в тяжелые годы Смуты перебрались со своими семьями в Невель. Теперь этим молодым воинам, которым ранее не было послано государево жалование, установили денежный оклад с городом сразу в размере 15 рублей и отправили по половине этого оклада (по 7,5 рубля). Эти деньги 16 июня 1617 г. невельский помещик Юрий Иванов Жидкий повез в Невель воеводе Борису Кокореву для дальнейшей раздачи (всего на 17 человек 127,5 рубля). Отметим,

[179] Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 517–518.
[180] Там же. Стб. 570–572..

что это одно из первых упоминаний о службе Бориса Кокорева в Невеле, он прибыл в этот город, конечно же, раньше, чем в июне 1617 г.[181]

16 марта 1617 г. было дано государево жалование в размере половины окладов 10 дворянам и детям боярским «станичникам» (в данном случае речь идет не о казачьих станицах, а о людях, которые посланы в качестве гонцов небольшим отрядом – «станицей»). Среди 10 станичников, посланных во Псков с государевыми грамотами о хлебной покупке и для литовских вестей, упоминаются 6 помещиков Шелонской и Водской пятин, а также псковичи Василий Семенович Гаврилов, Тимофей Иванович Сновидов и пусторжевцы Иван Неудачин Шишкин и Григорий Никифоров Елагин. Все они получили по 6–7 рублей[182].

30 июня 1617 г. во Псков было направлено жалование служилым людям по отечеству. Новгородцы Степан Пустошкин и Федор Лугвенев, а также пскович Богдан Патрушев повезли жалование на 344 человека, среди которых 123 псковских помещика, 67 – Водской пятины, 91 – Шелонской пятины и 63 помещика из Ржевы Пустой. Степан Пустошкин вез также добавочные деньги для предыдущих станичников, в том числе для упомянутых выше Григория Елагина и Ивана Шишкина, по полтора рубля каждому[183].

К лету 1617 г., после подписания Столбовского мира со Швецией, обстановка в районе Пскова была достаточно спокойной. Шведские гарнизоны были выведены из Порхова, Старой Руссы, Великого Новгорода и Ладоги. Отношения со шведскими начальниками, остающимися в Гдове, также были мирными. Однако в южных псковских пригородах борьба с поляками и черкасами, находящимися на службе у короля Сигизмунда, в 1617–1618 гг. не прекращалась. Особенно тяжелая ситуация сложилась в районе Себежа и Невеля.

[181] Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 611.
[182] Там же. Стб. 564.
[183] Там же. Стб. 651.

Глава 6

УСЛОВИЯ ДЕУЛИНСКОГО ПЕРЕМИРИЯ. ПЕРЕДАЧА СЕБЕЖА, НЕВЕЛЯ И КРАСНОГО ПОЛЬСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ В НАЧАЛЕ 1619 ГОДА

В начале – середине 1618 г. в Изборске, Острове, Опочке, а также в Невеле состав гарнизонов и воеводы оставались без изменения, как в предыдущем году – в Изборске Иван Шестунов с сотником Богданом Мавриным, в Острове Вельямин Трусов с сотником Микитой Белым, в Опочке Иван Бороздин с Иваном Чихачевым и головой Ларионом Зубатым.

В одной из разрядных записей уточняется смена воевод в Опочке в конце 1617 – первой половине 1618 г.: *«В Опочке был воевода Иван Семенов сын Бороздин, а после ево был воевода Иван Данилов сын Горяинов, изо Пскова был послан от воевод, и наказ ему дан от воевод; а на Иваново место Горяинова был на Опочке воевода князь Семен Данилов сын Шеховской»*[1]. Судя по данной записи псковские воеводы в эти годы сами назначали воевод в свои пригороды (Опочку, Остров и др.) и давали им наказ. Обычно этим занимались в Москве дьяки Разрядного приказа.

Интересная запись о начальных людях на Себеже: *«На Себеже воевода Иван Бобров, да Иван Неелов, а с ними: с головою с Сергеем Львовым 270 ч. стрелцов, казаков 30 ч., пушкарей и затинщиков 20 ч., и всего на Себеже всяких людей 320 ч.»*. Здесь впервые записано – «воевода». Иван Бобров – это известный нам Иван Матвеевич Бобров, первый и последний воевода Михаила Романова в Заволочье. Вместе с этим воеводой мы видим не прежнего помощника Карпа Ушакова, а Ивана Неелова, который ранее уже был в этом городе. Численность личного состава осталась без изменения. На Невеле уточнено, что эта

[1] *Мятлев Н.* Разрядная записка начала XVII в. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Смесь. № 2. С. 26.

информация дана по состоянию на 14 июля 1618 г. (здесь указаны прежний воевода Борис Кокорев, старый атаман Богдан Порываев, по-прежнему отсутствует фамилия стрелецкого головы). Численность личного состава гарнизона Невеля осталась без изменения – 725 человек, в том числе 106 лучан, 52 невлянина конных, 22 пусторжевца, 300 стрельцов и 200 вольных казаков[2].

Один из документов, опубликованных Н. Мятлевым, позволяет выяснить некоторые подробности жизни южных псковских пригородов в 1618 г. В это время в Себежском уезде «с оброчных дол» собирал денежный оброк в дворцовых волостях Макар Девятого сын Скобельцын (он был «посылан в приказчики»). А в другой уезд были отправлены приказчиками в государевы дворцовые волости Яков Федоров сын Ододуров и Иван Филипов сын Головачев. В рукописи этот уезд указан как «Вели... ской». Н. Мятлев решил, что речь идет о Велижском уезде, и дописал пропущенные буквы (жс). У него записано «да в Вели(жс)ком уезде». По нашему мнению, Велижский уезд все время находился под контролем поляков, сюда псковские приказчики не могли быть отправлены. Речь здесь идет об уезде Вельевском с центром в древнем городище XIV в. Велье, расположенном между Островом и Опочкой (деревня в современном Пушкиногорском районе). Также здесь говорится, что в это время отписывал на государя лес на городовое дело (т. е. на строительство новых укреплений) голова Борис Симанский.

В 1618 г. в Острове указан приказчик Богдан Третьяков сын Ногин, а стрелецким сотником в этом городе записан Василий Степанов сын Косицкий. Среди служилых людей, которые выделяли в Псковских пригородах, засадах, губах и уездах ржаной и яровой хлеб, указаны известные нам псковичи и пусторжевцы – Иван Данилов сын Сумароков, Степан Андреев сын Пустошкин, Александр Фомин сын Тимашев, Семен Васильев сын Харламов, Василий Моисеев сын Корин, Иван Якимов сын Бойков, Тарасий Петров сын Скобельцын. В южных псковских уездах среди лиц, что выделяли ржаной и яровой хлеб, указаны Иван Григорьев сын Чиркин (в Островском уезде), Северга Петров сын Львов (в Велейском и Красногородском уездах), Григорий Васильев сын Бешенцов (в Опочецком уезде), Иван Молчанов сын Чиркин (в Себежском уезде)[3].

[2] **Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные): в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 523.**

[3] ***Мятлев Н.*** **Разрядная записка начала XVII в. С. 26.**

В это время над страной вновь нависла смертельная опасность. Польские войска вместе с королем Сигизмундом и королевичем Владиславом подошли к Москве и предприняли штурм столицы (1 октября 1618 г.). С огромным трудом натиск поляков удалось отбить. Вскоре начались мирные переговоры в местечке Деулино возле Троице-Сергиева монастыря. Итоги заключенного Деулинского перемирия зафиксировал псковский летописец: *«Тое ж осени приходил Королевич под Москву с Польскими и Литовскими людьми, Владислав Жидимонов, и помирившася с ним на 14 лет, и даша ему 12 городов Северских и Себеж, Псковский пригород. А променяша панов Труса с товарищи, коих в Москве взяли казаки, на Митрополита Филарета, – и на другой год приде с Литвы, – да Князь Михайла Шеина, да Князь Ивана Пуговку»*[4]. Здесь не все указано правильно. Пропущены Невель и Красный, которые никак нельзя причислить к северским городам, как и Дорогобуж с Белой, тоже отданные полякам. Воевода Смоленска Михаил Борисович Шеин не был князем, в отличие от царского брата Ивана Ивановича Шуйского, имевшего прозвище Пуговка. К тому же князя Ивана Шуйского Пуговку не обменяли при общем размене пленных в июне 1619 г. (Филарета, Шеина, Луговского и некоторых дворян на полковников Струся, Будилу и других поляков). Князь Иван Шуйский еще свыше полугода оставался в Польше и вернулся в Россию лишь в начале 1620 г.

Более подробно об этих переговорах и об условиях Деулинского перемирия сказано в Новом летописце. Здесь говорится о передаче русской стороной полякам 14 городов: *«... и отдали к Литве городов Московских: Смоленеск, Белую, Невль, Красной, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубческ, Себеж, Серпеяск, Стародуб, Нов городок, Чернигов, Монастыревской и записьми укрепилися»*[5]. Нас будут интересовать в этой записи только Себеж, Невель и Красный.

Постараемся выяснить, когда и каким образом Себеж, Невель и Красный оказались в руках поляков (когда московская сторона утратила контроль над этими городами). Мнение многих краеведов, что Себеж был захвачен поляками к концу 1618 г. и Деулинское перемирие лишь закрепило юридически уже сложившееся состояние дел, является ошибочным. В Книгах разрядных говорится о назначении в Себеж московских воевод на 127 г. (1618/1619 г.). Этим воеводой в Себеже был Василий Федорович Туров. Его помощником снова был

[4]Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным. М. : Унив. тип., 1837. С. 234.

[5]Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. С. 148. Гл. 390. О мирном поставлении с Литовскими людьми.

назначен Карп Ушаков вместо Ивана Неелова. Что касается стрелецкого головы, то здесь снова произошли изменения, в Себеж был назначен Григорий Михайлович Чириков вместо Сергея Львова: *«На Себеже Василей Федоров сын Туров да Карп Никонов сын Ушаков; а с ними с головой с Григорьем Чириковым стрелцов 270 ч., казаков 30 ч., пушкарей и затинщиков 20 ч.»*[6]. Как видим, численность личного состава осталась без изменений. В другой разрядной записи уточняется смена воевод Себежа: *«На Себеже был воевода Иван Матвеев сын Бобров и на Иваново место были воеводы Василей Федоров сын Туров да Карп Никонов сын Ушаков»*[7].

В октябре 1618 г. псковские воеводы князь Иван Федорович Троекуров, князь Мирон Михайлович Шеховской, Семен Дементьевич Яковлев, дьяки Никита Дмитриев и Семен Лутохин заключили местное перемирие с польскими комиссарами. В переговорах с русской стороны участвовали Андрей Матвеевич Квашнин (в другом месте указан известный нам Андрей Жданов Квашнин), Алексей Григорьевич Татищев, Григорий Васильевич Бешенцов, Иван Якимович Бойков, подьячий Федор Голощапов, а также представители купечества Онанья Тарасьев, Василий Ворыгин, Родион Олферьев, Иван Остафьев. Отметим, что подьячий Федор Голощапов и посадский Онанья Тарасьев ранее уже участвовали в переговорах с поляками в 1613 г.

С польской стороны выступали комиссары: «Балтромей Голтшур (Готлшур)», каштелян Дерптский и староста Кремонский; «Болтромей Важенский, покморей и копитан» королевский; «Готарт Ян Тизенгауз», староста Моремburский, Шваневборский и Керемецкий; Вальтер Плетенберг, староста Новгородский; Томаш Рам, судья Рижский; «Бендрикс Гинц (Ганц), райца Рижский»; «Болтромей Швиндер (Швидебан), райца Дербский».

Переговоры проходили в пограничных деревнях Мигудицы (Мизузицы) и Умизидове. Псковских послов сопровождали в качестве охраны головы Михаил Прокофьевич Пушечников с пусторжевцами, Иван Григорьевич Чиркин и Иван Иванович Татьянин с псковичами, Степан Андреевич Пустошкин и Федор Иванович Лугменев с новгородцами Шелонской и Водской пятин.

Переговоры были завершены 23 октября 1618 г., когда поляки продолжали боевые действия в центре страны, штурмовали Троице-Сергиев монастырь и только готовились вести переговоры о мире в Деулино.

[6] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 642–643. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 416

[7] *Мятлев Н.* Разрядная записка начала XVII в. С. 26.

На этих переговорах стороны договорились не нападать на порубежные земли, в том числе поляки не должны приходить войной под Псков и псковские пригороды – *«под Избореск, под Остров, под Опочку, под Себеж, под Заволочье, Пустую Ржеву, под Вдов, под Печерской монастырь, на Велье»*[8]. Эти перемирные записи были оправлены в Москву в Посольский и Разрядный приказы.

Из текста данной перемирной грамоты видно, что в конце октября поляки соглашались не нападать на московский город Себеж, т. е. считали Себеж русским городом и не претендовали на него. На северо-западе страны наступила долгожданная тишина. Защитники Себежа теперь могли вздохнуть спокойно. Казалось, ничто не предвещало беды, однако беда пришла откуда не ждали – из самой Москвы, от московских бояр Михаила Романова.

В конце декабря 1618 г. начальным людям Себежа Василию Федоровичу Турову, Карпу Никонову Ушакову и стрелецкому голове Григорию Чирикову поступила царская грамота, где в соответствии со статьей 2 Деулинского договора было предписано: *«Эти города* (включая Себеж. – *Я. Р.*) *московское правительство обязуется очистить к 15/25 февраля 1619 г.;*

тяглое посадское и уездное население этих областей переходит в подданство Речи Посполитой,

гости и торговые люди могут определить свое подданство по личному выбору,

а духовенство, воеводы, дворяне, приказные и военные – все люди выпускаются в Московское государство со всем их имуществом».

Русские не могли соблюдать эти условия, вывозили с собой и посадских людей, и церковное имущество, и крепостные орудия. В перемирную запись потом были внесены дополнительные статьи, одна из которых гласит: *«Возвратить в аннексированные города вывезенных русскими дворянами посадских людей и крестьян, а также пушки, колокола и т. д.»*[9].

Приведем текст одной из разрядных записей. Текст сохранился не полностью, но смысл понятен. Сведения относятся к 1618 и началу 1619 г. Сначала говорится о воеводах Себежа в 126 (1617/1618) г.: *«На Себеже был воевода Иван Матвеев сын Бобров, а на Иваново*

[8] *Мятлев Н.* Разрядная записка начала XVII в. : Список с записи, какова дана Ливонских городов державцом 129 году октября в 23 день, а также с перемирной записи Ливонских городов, какова взята у державцов у Бортломея Голт Шура с товарыщи // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Смесь. № 2. С. 25, 29–33.

[9] Цит. по: *Савич А. А.* Деулинское перемирие 1618 г. // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. Сер. ист. 1939. Т. 4, вып. 2. С. 100, 102, 103.

место были воеводы Василий Федоров сын Туров да Карп Никонов сын Ушаков». Далее приводится важная информация о том, что для передачи Себежа польской стороне из Пскова туда был специально отправлен один из псковских воевод Семен Яковлев. В Москве и Пскове хорошо понимали, что защитники Себежа могут не подчиниться приказам центра и не захотят отдавать свой любимый город полякам, а если уж придется уходить из Себежа, то жители могут сделать так, что полякам останется лишь выжженная земля. «Врагу не должно достаться ничего из имущества, мы все уйдем на русскую территорию, все заберем с собой, а что не сможем увезти, то уничтожим», – по-видимому, так думали многие. Такие действия защитников Себежа могли спровоцировать очередной конфликт между Россией и Польшей и надолго затянуть обмен пленными. А ведь царь Михаил ждал возвращения своего отца Филарета! Поэтому московское правительство было кровно заинтересовано, чтобы передача полякам городов, в том числе и Себежа, прошла безо всяких осложнений.

Чтобы защитники Себежа послушались псковского воеводу Семена Яковлева, тот на всякий случай взял с собой крупный отряд псковских стрельцов, на которых вполне мог положиться. В разрядной записке говорится, что этих стрельцов возглавляли два стрелецких головы (командиры стрелецких приказов), известные деятели Смуты Богдан Дубровский и Петр Ногин: «*А как посылан воевода изо Пскова Семен Дементьевич Яковлев на Себеж...* (пропуск)... *людем и они были с ним же...* (пропуск)... *были головы стрелецкие Богдан Минин сын Дубровской...* (пропуск)... *н Андреев сын Ногин. Да ис Себежа приведен голова стрелецкой Григорей Михайлов сын Чириков*»[10].

Судя по данной записи один из воевод Пскова Семен Яковлев был отправлен в Себеж с крупным отрядом псковских стрельцов под командованием Богдана Минича Дубровского и Петра Андреевича Ногина передавать полякам этот город и выводить оттуда русский гарнизон. Как подчинились Семену Яковлеву себежские стрельцы во главе с головой Григорием Чириковым, история умалчивает, но кое-что при молчаливом согласии Семена Яковлева втайне от польских представителей защитники Себежа сумели увезти с собой во Псков. Речь идет о некоторых крепостных орудиях.

Известен интересный документ – *«Роспись псковского наряду, что привезено во Псков с Себежа во 127-м году по отписке изо Пскова стол-*

[10] *Мятлев Н.* Разрядная записка начала XVII в. С. 26.

ника и воевод князя Ивана Троекурова с товарыщи»[11]. Позже в одной из перечневых росписей, которая составлялась в Москве, было отмечено, что во Пскове имеются орудия из Себежа: «*Пищаль себежская неметцкая на колесех, а к ней по кружалу ядро 2 гривенки...*». Другая пищаль из Себежа находилась в Среднем городе: «*В Среднем городе на Плоских воротех пищаль себежская меденая 9-пядная в стану и на колесах, а в ней ядро 3 гривенки железное, станок ветчан а колеса добры*». Третья себежская пищаль прикрывала Георгиевские ворота Окольного города: «... *над Егорьевскими вороты на роскате пищаль себежская неметцкая полковая меденая, а ядро к ней 2 гривенки железное, станок и колеса добры*». Четвертая пищаль стояла под навесом: «*Да под навесом же наряду... да себежского наряду пищаль полуторная, а к ней ядро по кружалу пол-3 гривенки*»[12].

Эти пищали во Пскове обслуживали себежские пушкари. Известны имена некоторых из них – это, например, Ивашко Себежанин, Федка Григорьев Себежанин.

Известно имя польского комиссара, который принимал в начале 1619 г. Себеж у псковского воеводы Семена Дементьевича Яковлева. Это был Юрий Сивицкий, и он же принимал после Себежа у Семена Яковлева псковский пригород Красный.

В Описи архива Посольского приказа, составленной после майского пожара 1626 г., отмечены сохранившиеся на тот момент документы, связанные с передачей Себежа и Красного польской стороне: «*... да тут же отписка с Себежа и ис Краснова Семена Яковлева, как он отдал те городы Юрью Сивицкому,*

а под отпискою роспись, что у него, Семена, Юрьи в тех городех в Себеже да в Красном взял наряду и всяких пушечных запасов;

да тут же роспись Себежского уезду губам, что в которой губе деревень, и пустошей, и починков, и что в них четвертные пашни по писцовым книгам лета 7076-го году;

да тут же роспись имянная себежских монастырей черным попом и ружных храмов попом, и дьяконом и всяким церковным причетником,

и себежским служилым людем, казаком и стрелцом, и пушкарем и воротником, которые выведены из Себежа во Псков и во Псковские пригороды;

[11] Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта : в 2 т. Ч. 1. М. : Центр. архив древних актов, 1977. С. 371.

[12] Перечневая роспись, составленная в Разряде по сметной книге. 1626/1627 г. // Сборник Московского архива министерства юстиции (МАМЮ). Т. VI. «Псков и его пригороды», книга вторая. М., 1914. № 4. С. 22; Росписной список. 1633 г. // Сб. МАМЮ. Т. VI, № 9. С. 42, 43, 49, 50.

да тут же роспись города Красного уезду губам...

а у себежские и у красногородские росписи по ставом рука Юрья Сивицково...

список с росписи Юрья ж Сивитцкого, как он принял город Себеж да Красной у псковского воеводы у Семена Яковлева».

Этот же Юрий Сивицкий принимал у русских представителей Максима Радилова и подьячего Филата Домашнего перед Себежем город Невель. В той же Описи архива Посольского приказа говорится о документе, связанном с передачей Невеля полякам: *«... список с росписи, что принял Невль у Максима Радилова да у подьячего Филата Домашнего Юрьи Сивитцкой»*[13].

Максим Радилов приехал в Невель к началу 1619 г., ибо осенью 1618 г. он участвовал в обороне Москвы от войск поляков и черкас – ему поручено было ведать участок между Трубой и Стретенскими воротами (район Глухой башни)[14].

Неприступный Невель, отразивший все атаки врага, был передан без боя полякам, а гарнизон города в полном составе – отправлен в только начинавшую восстанавливаться крепость Великие Луки. Вряд ли было случайностью, что этих защитников Невеля принимал в Великих Луках родной брат бывшего невельского воеводы Б. И. Кокорева Григорий Иванович Кокорев.

Интересно, что в разрядной записи за 1618/1619 г. Невель и его воевода, в отличие от Себежа, не указаны. Можно предположить, что к моменту начала переговоров в Деулино вопрос о передаче Себежа полякам еще не стоял и польские комиссары сумели «выбить» этот город, как и некоторые южные русские города, уже на заключительной стадии ведения переговоров. С предстоящей утратой Невеля русская сторона, видимо, смирилась заранее.

Учитывая расстояние между данными крепостями, а также время, необходимое для приема-передачи этих крепостей польской стороне (а принимал все крепости один и тот же человек – Юрий Сивитцкий), можно предположить, что поляки получили Невель в январе 1619 г., а Себеж и Красный – в феврале-марте 1619 г.

В Приходной книге Новгородской четверти за 128 (1619/1620) г. отмечено: *«А Себеж по посольскому договору отшел в литовскую сторону в прошлом в 127-м году, а денежных доходов с Себежа на 127-й год до отдачи взято сто девять рублев дватцать шесть алтын четыре деньги, а ко 128-му году те деньги из окладу выложены».* Данная запись

[13]Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 147, 350.

[14]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 572.

свидетельствует, что в течение первой половины 1618 г. Себеж находился еще под властью Москвы и за это время с сентября 1618 г. вплоть до передачи города полякам отсюда в столицу поступили довольно большие деньги (оброчные, откупные и прочие) – свыше 109 рублей. Для сравнения – с Опочки с сентября 1618 по август 1619 г. было получено 375 рублей (в том числе с кабака – 290 рублей), а с Острова 224 рубля (в том числе с кабака – 180 рублей)[15].

Защитники Себежа были выведены в другие псковские пригороды, прежде всего на Опочку, где их встретили новые воеводы Опочки князь Семен Данилович Шеховской и Гаврила Артемьев Дубровский. Сюда же был отправлен из Пскова в 1619 г. пусторжевец Богдан Перфильев сын Бороздин с государевым денежным жалованием – раздавать деньги себежским стрельцам[16].

Приведем одну интересную разрядную запись, относящуюся к 1619 г., т. е. к тому времени, когда защитники Себежа вместе со своими воеводами В. Ф. Туровым и К. Н. Ушаковым ушли на Опочку: *«Да посылан изо Пскова от воевод Федор Гордеев сын Бороздин обыскивать про Василья Турова да про Карпа Ушакова на Опочку, а наказ ему даван от воевод...»*[17]. Вероятно, здесь речь идет о возможных нарушениях со стороны воевод при передаче Себежа полякам (если только этот обыск не связан с раздачей поместий Турову и Ушакову в Опочецком уезде). Думается, что этот обыск был чистой формальностью для удовлетворения претензий польской стороны и воеводы не понесли никакого наказания.

В последующие годы мы видим именно на Опочке свыше 200 себежских стрельцов и некоторое число себежских казаков. Воевода Семен Шеховской оставался на Опочке и в следующем 1619/1620 году[18]. Затем князя Семена Шеховского и 1620/1621 г. сменил князь Иван Семенович Путятин, а второй воевода Гаврила Артемьев Дубровский остался и при новом воеводе. В 1621/1622 и 1622/1623 гг. мы видим на Опочке уже нового воеводу, Матвея Шаврука Муравьева, а в 1623/1624 г. – Артемия Осиповича Пуляева[19].

По состоянию на 20 марта 1624 г. на Опочке по отписке воеводы Артемия Пуляева находились *«с головою Опоческих и Себежских,*

[15]Приходная книга Новгородской четверти 1619/20 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М. : Наука, 1983. С. 20–22.

[16]*Мятлев Н.* Разрядная записка начала XVII в. С. 27.

[17]Там же. С. 28.

[18]Книги разрядные. Т. 1. Стб. 642, 716.

[19]Там же. Стб. 762, 867, 923, 1031.

с атаманом, казаков 72 ч., да с головою ж да с 2-мя ч. сотники Опочецких и Себежских 250 ч. стрельцов; пушкарей, и затинщиков, и воротников, и плотников, и кузнецов 12 ч., посадцких людей и захребетников 39 ч.; и всего на Опочке служилых и всяких людей 375 ч.»[20].

В книге Л. И. Софийского, как и у А. П. Барсукова, воеводой на Опочке после Семена Шеховского записан сразу Артемий Пуляев (пропущены воеводы Иван Путятин и Матвей Муравьев)[21].

В последующие несколько лет при новых воеводах Иване Денисьеве Нащокине и Андрее Прокопьеве Окуневе состав гарнизона не менялся. Опочка продолжала оставаться важной крепостью, прикрывая Псков от нападений поляков с юга, и одновременно являлась базой для походов русских войск на территорию Речи Посполитой.

После передачи Себежа полякам в 1619 г. эта крепость на 14 лет оказалась на территории Речи Посполитой. Во время Смоленской войны Себеж на короткое время был освобожден, но по условиям Поляновского мира эта крепость была снова уступлена полякам. Ситуация повторилась после очередной Русско-польской войны 1654–1667 гг., когда в обмен на Киев русские вернули польской стороне захваченный было Себеж. Недолго оставался он под контролем России и во времена Петра I. И лишь после первого раздела Польши уже при Екатерине II Себеж окончательно и навсегда вошел в состав Русского государства.

Ржева Пустая разделила в последние годы Смуты судьбу Великих Лук. С 1614 г. пусторжевские помещики находятся в составе гарнизонов Невеля и Пскова, а в Ржеву Пустую воеводы больше не назначаются и о ней в Разрядах не упоминается. В 1615/1616 г. во Пскове было 40 пусторжевцев, а в Невеле 17, в 1616/1617 г. – 58 и 20, в 1617/1618 г. – 58 и 22. После заключения Деулинского перемирия и передачи Невеля польской стороне пусторжевские помещики (около 20 человек) из Невеля вместе с невлянами и лучанами были переведены в Великие Луки. Основная масса пусторжевских помещиков все эти годы продолжала нести службу во Пскове. В 1625 г. там находилось уже 80 пусторжевских помещиков. Что касается самой Ржевы Пустой (Заволочья), то эта крепость упоминается лишь один раз после длительного перерыва в разрядной записи

[20] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1136.

[21] *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Репринтное издание. Псков : Псковская областная типография, 2004. С. 90; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. С. 162.

за 1623/1624 г. Здесь же указан воевода Заволочья Богдан Васильевич Назимов[22].

В дальнейшем Ржева Пустая более 20 лет не упоминается в источниках – по-видимому, попытки восстановления этой крепости вплоть до 1640-х гг. не увенчались успехом.

Судя по разрядным записям, Великие Луки были восстановлены сразу же после окончания Смуты. В Разрядной записи за 1617/1618 г. Луки не упоминаются, по-видимому, город еще не был восстановлен. В разрядной записи за следующий, 1618/1619 г., впервые после долгого перерыва мы находим упоминание о Великих Луках: *«На Луках-Великих воевода Григорей Иванов сын Кокорев, а с ним: дворян и детей боярских Лутцких и Невелских и Пусторжевских помещиков, которые были на Невле и которые Лутцкие помещики были в Торопце, всего 230 ч.; атаманов и ясаулов и казаков 204 ч., стрелцов с головою с Микитою Суморокoвым да с 3-ма сотники 300 ч., пушкарей и воротников и плотников и кузнецов 41 ч., розсылщиков 7 ч.; посадцких людей, Лучан и Невлян по сказке Лучан же и Невлян, дворян и детей боярских: Петра Лукомского с товарыщи 76 ч.»*[23].

В этой записи за 1618/1619 г. Невель уже не указан, а Себеж, его воевода и состав гарнизона отмечены. Стрелецкий гарнизон в Луках возглавил теперь новый голова Никита Сумароков, а Петр Лукомский по возрасту и ранению был освобожден от этой тяжелой должности, хотя и остался одним из наиболее уважаемых людей города. Посадские люди, жившие ранее, до разорения, в Луках, а потом разбежавшиеся по окрестным городам и селам, теперь вернулись в свой родной город. В Луки пришли также посадские люди из Невеля.

После утраты Невеля, переданного польской стороне по условиям Деулинского перемирия, Луки стали одной из главных пограничных крепостей на Северо-Западе. Во время Смоленской войны (1632–1634 гг.) именно Великие Луки стали базой для развертывания русских войск на северо-западе страны, а лучане сыграли важную роль в успешных походах к Невелю и другим русским городам, захваченным поляками. То же самое происходило и во время очередной Русско-польской войны 1654–1667 гг. Хорошо известна героическая история Великих Лук и в более позднее время. Думается, что жителям этого Города воинской славы можно по-праву гордиться подвигами своих предков.

[22] Книги разрядные. Т. 1. Стб. 176, 388, 391, 523, 642, 643, 1135.
[23] Там же. Стб. 643.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период восстания Болотникова служилые люди из южных псковских пригородов участвовали в борьбе против повстанцев, хотя и в меньшей степени, чем новгородцы. Отношение псковичей к пленным болотниковцам резко отличалось от отношения к ним новгородцев. В то же время служилые люди из Великих Лук были более активны в борьбе с повстанцами.

После Болховской битвы (май 1608 г.) служилые люди из южных псковских пригородов, в том числе попавшие в плен к самозванцу, стали активными его сторонниками, и именно они подняли восстание против царя Василия Шуйского летом 1608 г. сначала в Великих Луках, затем в Себеже и Опочке. В итоге Псков под нажимом южных пригородов в сентябре 1608 г. также присоединился к Лжедмитрию II.

В Тушинский период, когда началось противостояние Пскова и Новгорода (осень 1608 г.), основные боевые действия на северо-западе между сторонниками самозванца и правительственными войсками, выступавшими в союзе со шведами, развернулись в районе Пскова и городов Ижорской земли, которые длительное время также поддерживали Лжедмитрия II. В южных псковских пригородах наблюдалось относительное спокойствие. Правительственные войска сюда не доходили, соседние литовские земли поддерживали хрупкое перемирие.

В 1611–1612 гг. южные пригороды находились под опекой «старшего брата» Пскова, получая от него помощь в борьбе против Лисовского, черкас и поляков. Служилые люди Себежа и Опочки признали власть нового самозванца Лжедмитрия III, базой которого (декабрь 1611 – май 1612 г.) стал Псков. В то же время после сожжения Великих Лук служилыми людьми из Торопца, поддерживающими Подмосковное ополчение, оплотом поляков на северо-западе стал Невель, к которому присоединилась Ржева Пустая, захваченная Лисовским весной 1612 г. Одна часть служилых людей из Великих Лук присоединилась к освободительному движению и оказалась в Торопце, а другая вместе с Григо-

рием Валуевым продолжала поддерживать польского короля Сигизмунда III и составила значительную часть гарнизона Невеля.

В конце 1612 г. Псков и его южные пригороды признали власть объединенного ополчения Трубецкого – Пожарского в Москве, а уже весной 1613 г. – нового царя Михаила Романова.

С помощью Москвы (прежде всего казаков ополчения) псковичи начинают вести активную борьбу не только против шведов (восстания в Гдове и Порхове), но и против поляков и лисовчиков. Сначала была освобождена Ржева Пустая (июль 1613 г.), под контроль Москвы перешел Невель (август-сентябрь 1613 г.), а затем начались походы из Себежа и Невеля в соседние литовские земли (Ула, Овсей, Озерище). В свою очередь, Себеж и Невель неоднократно отражали атаки поляков и литовцев, пытавшихся захватить эти крепости. Москва при этом оказывала посильную помощь южным псковским пригородам, в том числе финансами, продовольствием и вооружением.

В Смутное время из-за падения центральной власти на местах стали активно действовать местные «миры», каждый на свой страх и риск. Вопреки политической традиции они действовали самостоятельно, без оглядки на центр. Малые города играли в Смутное время отнюдь не малую роль. При этом сознательные люди в этих городах думали не только о себе, но и о судьбе государства. Патриотические соображения жителей малых городов играли особую роль, которую нельзя недооценивать.

Роль южных псковских пригородов в Смутное время была значительной. Без союза с ними не могла удержаться никакая власть во Пскове. Они обеспечивали функционирование торгово-экономических связей, от их политической ориентации зависели успехи военных мероприятий. В этой борьбе важную роль стали играть широкие демократические слои, в том числе казаки, которые внесли боевой дух в борьбу с интервентами. Отряды казаков, стрельцов и детей боярских из Опочки, Себежа, Невеля активно применяли методы партизанской борьбы, совершая глубокие рейды в тыл врага. К сожалению, после Деулинского перемирия неприступные крепости Себеж и Невель были отданы полякам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Источники

Документы Новгородского оккупационного архива – Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA)

Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1 : 16. С. 113.

Челобитная (отписка) старорусского воеводы Г. А. Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что в Коломенском погосте крестьян нет, они разбежались от литовских людей, стоящих в Офремовском погосте, а в Холмском уезде стоит Лисовский с литовскими людьми. 1612, января после 16 // RA, NOA. Serie 2 : 361. Л. 24–25.

Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Боранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615. 8.08 // RA, NOA. Serie I : 6. Л. 63.

Акты, относящиеся к истории западной России (далее – АЗР). СПб., 1851 Т. 4 (1588–1632)

Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // АЗР. СПб., 1851. Т. 4, № 183. С. 336–425

АЗР. Т. 4, № 183–CXXVI. С. 336.
АЗР. Т. 4, № 183–CXCIII. С. 343.
АЗР. Т. 4, № 183–CXCIV. С. 343.
АЗР. Т. 4, № 183–CCXXXIX. С. 348
АЗР. Т. 4, № 183–CDXLIII. С. 367.
АЗР. Т. 4, № 183–CDXLV. С. 367.
АЗР. Т. 4, № 183–CDLX. С. 369.
АЗР. Т. 4, № 183–CDLXII. С. 369.
АЗР. Т. 4, № 183–CDLXIV. С. 369.
АЗР. Т. 4, № 183–DCLXXXIV. С. 394.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXVI. С. 412–413.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXVIII. С. 413.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXX. С. 414.

АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXIV. С. 416.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXV. С. 416.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXVI. С. 417.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXVII. С. 417.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXVIII. С. 417–418.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXXIX. С. 418.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXC. С. 418.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCI. С. 419.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCIII. С. 420.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCIV. С. 420.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCV. С. 421.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCVI. С. 421.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCVIII. С. 422.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCXCIX. С. 422–423.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCC. С. 423.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCCI. С. 423–424.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCCII. С. 424.
АЗР. Т. 4, № 183–DCCCIII. С. 424
АЗР. Т. 4, № 183–DCCCIV. С. 425.

Лист Литовско-Польских послов Московским думным боярам, о готовности их быть в назначенный срок на съезде для мирных переговоров с требованием прекратить набеги на порубежные места и выслать на границу Польских и литовских пленников для взаимного размена. 1615, августа 20 // АЗР. Т. 4, № 198. С. 447–448.

Ответ второй Литовско-Польских послов московским царским послам, на съезде под Смоленском. 1615, в конце ноября // АЗР. Т. 4, № 209. С. 478.

Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 : Смутное время Московского государства. Вып. 8 / под ред. и с предисловием Л. М. Сухотина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (ЧОИДР). 1911. Кн. 4 (М., 1911)

Дела Московского Поместного приказа // ЧОИДР. 1911. Кн. 4.

Реестр жалованных листов короля Сигизмунда русским людям на вотчины и поместья. Под Смоленском, 1611 г. (Из Литовской метрики) // ЧОИДР. 1911. Кн. 4.

Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях. Под Смоленском, 1610 г. (Из Литовской метрики) // ЧОИДР. 1911. Кн. 4.

Акты Московского государства, изданные Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634)

Дело по челобитью Баима Болтина... 1634 г. // АМГ. Т. 1, № 512. С. 486.

Челобитье жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова о справке за ним поместной и денежной придач, пожалованных царем Василием Шуйским. 1614, март // АМГ. Т. 1, № 60. С. 96–98.

Челобитье казака Тимофея Сергеева о пожаловании его за службу и за полнское терпение.1614 // АМГ. Т. 1, № 94. С. 131.

Отписка Невельского воеводы Семена Гагарина о получении им вестей через Крикова человека Ефимьева Василия Лукина о появлении литовских людей под Опочкой с приложением распросных речей Лукина. 1614, после 18 марта // АМГ. Т. 1, № 72. С. 108–109.

Отписка Псковских воевод Ивана Хованского с товарищи об отказе Себежских атаманов и казаков прислать к ним во Псков захваченных казаками в перемирье в замиренных Литовских городах Андрея Густа да Голковского с товарищи. 1614, февраль // АМГ. Т. I, № 75. С. 112–113.

Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского с товарищами, что Себежские осадные головы Василий Бобров, да Иван Неелов чинят задоры за рубежом, и за то литовские люди хотят осадить Себеж. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 65. С. 100–101.

Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского, Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей, что они, соединившись, намерены вместе воевать Русскую землю. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 67. С. 102–103.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613)

Лист Великолуцкого наместника и воеводы Федора Плещеева Усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, о запрещении порубежным жителям производить грабежи в Великолуцком, Невельском и Заволочцком уездах. 1608, июля 15 // АИ. Т. 2, № 88. С. 120.

Лист псковского наместника князя Засекина Дерптскому державцу Бормовскому, о присылке вспомогательного войска, по найму, для нападения на Новгородцев, отложившихся от Самозванца. 1609, июнь // АИ. Т. 2, № 238. С. 280.

Лист Самозванцевых воевод Пустошкина и Белого в Новый городок, пану Рагозинскому, о пересылке перемирных грамот к Лжедмитрию в Псков, с обещанием жителям безопасности со стороны Русских ратных людей. 1612, апреля 20 // АИ. Т. 2, № 335. С. 401.

Лист Себежских Самозванцевых воевод Лодыгина и Неелова Полоцкому державцу Корсаку-Голубицкому, о воспрещении Литовцам набегов на Себеж. Себеж. 1612, марта 31 // АИ. Т. 2, № 334. С. 399–401.

Отписка Бельского воеводы Богдана Собакина, о поимке на Погорелом Городище мужиков с грамотами от Самозванца о задержании на дороге литовских послов. 1608, авуста 3 // // АИ. Т. 2, № 90. С. 121.

Отписки Великолуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова Усвятскому подстаросте Юрию Коховскому, о невозможности выдать гетману Сапеге требуемые им деньги. 1610, июля 7 и 15 // АИ. Т. 2, № 285. С. 343–345.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613)

Грамота князя Пожарского к вычегодцам. 1612, апреля 7 // ААЭ. Т. 2, № 203. С. 253–257.

Отписка нижегородцев к вологжанам. 1612 // ААЭ. Т. 2, № 201. С. 248–251.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГД). М., 1819. Ч. 2

Окружная грамота Князя Дмитрия Михайловича Пожарского. 1612 года, в июне // СГГД. Ч. 2, № 281. С. 593–597.

Донесение польскому королю Сигизмунду III и его сыну царю Владиславу Сигизмундовичу от боярина И. Салтыкова из Новгорода. 1610 год, 17 ноября // СГГД. Ч. 2, № 209. С. 452–460.

Запись Лжедмитрия Гришки Отрепьева Сендомирскому воеводе Юрью Мнишку. 1604, мая 25 // СГГД. М., 1819. Ч. 2, № 76. С. 160–161.

Разрядные записи, разрядные книги

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). (М., 1907). 343 с.

Белокуров С. А. Разрядные записи... // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). (М., 1907). 343 с.

Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. 1380 стб.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова : в 4 т. М. : ИРИ РАН, 1994. Т. 4, ч. 1. 138 с.

Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. М. : Ин-т истории СССР, 1975. Т. 2, вып. 1. 241 с.

Разрядная книга 1559–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1974. 436 с.

Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории АН СССР, 1974. 398 с.

Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 296.

Мятлев Н. Разрядная записка начала XVII в. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Смесь. № 2.

Мятлев Н. Разрядная записка начала XVII в. : Список с записи, какова дана Ливонских городов державцом 129 году октября в 23 день, а также с перемирной записи Ливонских городов, какова взята у державцов у Бортломея Голт Шура с товарыщи // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Смесь. № 2. С. 25, 29–33.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 151.

Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. и другие летописи и хронографы

Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 238–271.

Карамзинский хронограф // *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. ; Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. С. 321–379.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М. ; Л., 1949. Т. 25.

Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12 (М., 1965).

Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14.

Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным. М. : Унив. тип., 1837. 281 с.

Псковские и Софийские летописи (Прибавления к псковским летописям) : О прежнем нашествии Немецком и нынешнем на Новгородскую землю... ; О нашествии поганых Литвы и Немец... ; О бедах и скорбях и напастях... ; О царском избрании на Московское государство... ; О смятении и междоусобии и отступлении Псковичей от Московского государства... // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

Псковские и Софийские летописи : Псковская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5.

Псковские летописи. М. ; Л., 1941. Вып. 1 ; М. ; Л., 1955. Вып. 2.

Псковские летописи : Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4, вып. 3.

Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.

Софийские летописи : Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.

Софийские летописи : Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.

Книга Степенная царского родословия : в 2 ч. Ч. 2 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 592–595 (Степень 16, гл. 11 «Чюдо преподобного чудотворца Сергия о преславной победе на Литву у града Опочки»).

Кормленые и приходно-расходные книги московских приказов

Кормленая книга Владимирской Четверти 7123 г. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.

Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.

Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.

Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ : в 39 т. СПб., 1894. Т. 15.

Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время (отрывки) : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время

Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2.

Приходная книга Новгородской четверти 1619/20 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М. : Наука, 1983. 479 с.

Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 35 (Невель), 65 (Ржева Пустая).

Приходно-расходная книга Нижегородской чети 123 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 259.

Приходно-расходная книга Разряда 123 году : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 294.

Приходно-расходная книга Разряда 7125 году : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1// РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 511–512.

Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 777.

Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9. 668 с.

Расходная книга Устюжской чети 127 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 691, 692.

Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. (Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья за прошлые годы) : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 84. С. 300–303.

Сборник Московского архива Министерства юстиции (далее Сб. МАМЮ). М., 1913. Т. 5 ; М., 1914. Т. 6 (Псков и его пригороды. Кн. 1, 2)

Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина. 1585–1587 гг.) // Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. 5.

Псков и его пригороды. Книга вторая // Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. 6.

Перечневая роспись, составленная в Разряде по сметной книге. 1626/1627 г. // Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. 6, № 4. С. 22.

Росписной список. 1633 г. // Сб. МАМЮ. М., 1914. Т. 6, № 9. С. 42–50.

Сочинения иностранцев

[Пиотровский С.] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев : Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / пер. с польск. О. Н. Милевского ; вступ. ст. и коммент. д-ра ист. наук проф. А. А. Михайлова ; биогр. очерк Н. Ф. Левина. Псков : Псков. обл. тип., 2005. 503 с.

Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1961. 400 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко ; вступ. статья А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Гейденштейн Р. Записки о московской войне / пер. И. И. Виноградов ; ред. В. Г. Васильевский. СПб. : Археогр. комис., 1889. 312 с.

Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613), известный под именем Истории ложного Димитрия (из дневника Будилы) / пер. М. Кояловича // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ) : в 39 т. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 288.

Петрей П. История о великом княжестве Московском, о происхождении великих князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Эрлезунда в Лейпциге в 1620 г. / пер. А. Н. Шемякина. М. : Унив. тип. (Каткович и К°), 1867. 341 с.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», Ливония» и др.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 271 с.

Поход его королевского величества в Москву 1609 года // РИБ. СПб., 1872. Т. 1 (Памятники, относящиеся к Смутному времени). Стб. 685.

Прочие источники

Выпись из письма Г. Валуева из Невеля к А. И. Гонсевскому. 1613, июля 11 // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142, № XXIII–1.

Города России XVI века : материалы писцовых описаний / изд. подгот. Е. Б. Французовой. М. : Древлехранилище, 2002. 469 с.

Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. / публ. С. С. Ермолаев // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. : Изд-во АН СССР, 1985. С. 140–141.

Житие преп. Сергия Радонежского. Гл. 55.

Записная беспошлинная книга (12 августа 1613 г. – позднее 19 августа 1615 г) // Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. М. : Наука, 1994. 477 с.

Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1 : Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского. М. ; Варшава : Археографический центр, 1995.

Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. 1–107.

Описание городов Европейской части России XVI–XVII вв. : Указатель по материалам писцовых и переписных книг / сост. Т. Б. Соловьева, Л. А. Тимошина. М. : Древлехранилище, 2005. 313 с.

Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта : в 2 ч. Ч. 1. М. : Центр. архив древних актов, 1977. 528 с.

Отношение Псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к Порховскому коменданту Геннингу Грассу. Псков. 1616 г. (после 19 апреля) // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. Т. 3, № 6. С. 28–30.

Отписка Земского Совета Царю Михаилу Федоровичу о распоряжениях по защите Пскова от шведов // Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1850. Т. 1. Прил. № 6. Стб. 1051–1055.

Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М. : Имп. О-во истории древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 240 с.

Письма разных лиц к гетману Яну Сапеге : боярина и воеводы Федора Плещеева и наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова, о снятии копий с грамоты Лжедмитрия и возвращении подлинной Сапеге ; о посольстве гонцов из разных городов к Лжедмитрию ; о размене пленных, о намерении Торопчан принести повинную Лжедмитрию. 1610, мая 7 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12–LXXII. С. 79–81.

Расспросные речи Никиты Калитина. 1614, февраль // Сб. Новгородского общества любителей древности (НОЛД). Вып. 5 : Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / пер. А. В. Полторацкого. Новгород, 1911. № 9. С. 29.

Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. 376 с.

Утвержденный список перемирного договора Псковских уполномоченных с Ал. Лисовским. 1613, августа 20 // Сб. РИО. М. 1913. Т. 142, № XXIII–2. С. 422–424.

Челобитные польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу. 1611 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2, № 172–1. Стб. 698–699.

Исследования

Андриашев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской Земли : Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. 1. М. : Имп. О-во истории древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. 552 с.

Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII вв. : Общество и государство. СПб. : Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 2003. 383 с.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 626 с.

Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб. : Алфавит, 1855. 365 с.

Бирюлин С. Ф., Масолов Н. В. Пустошка. Л. : Лениздат, 1985. 112 с.

Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки / изд. Н. И. Кукольника. Псков, 1879. 148 с.

Вершинский А. Н. Города Калининской области : исторические очерки. Калинин : Калинин обл. лит. изд. Напечат в Лихославле, 1939. 122 с.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 607 с.

Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова ; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 652 с.

Володихин Д. Московско-литовские войны (конец XV – середина XVI веков) // Энциклопедия для детей : Т. 5, ч. 1 (История России и ее ближайших соседей) / сост. С. Т. Исмаилова. М. : Аванта+, 1995. С. 301–309.

Ермолаев С. С. Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1985. С 137–163.

Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // НИОР РГБ. Ф. 618 : Замятин Герман Андреевич. Карт. 1. Д. 3. Л. 30.

Замятин Г. А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб. : Европейски Дом, 2008. 492 с.

Иванов Ю. Г. Старинные крепости России. Смоленск : Русич, 2004. 584 с.

Калью В. В. Красный Городец. 1464–2004. Красногородск : Великолукская гор. тип., 2004. 643 с.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IX, гл. V // Карамзин Н. М. История Государства Российского. Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Кн. III (тома IX–XII). СПб. : изд. И. Эйнерлинга, 1843.

Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М. : Издат. центр Ин-та истории РАН, 2005. 452 с.

Крылов А. Е. Край между Псковом и Новгородом. Псков : ЛОГОС Плюс, 2013. 544 с.

Куканов Ю. В. Себеж. Л. : Лениздат, 1973 (2-е изд., доп.). 160 с.

Лагунин И. И. Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 12. С. 125–141.

Лебедев Е. Е. Город Порхов и его окрестности. Новгород : Губ. тип., 1915.

Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1857. 242 с.

Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica : студії з історії Великого князівства Литовського. Київ, 2009. Т. I. С. 67–68.

Малов А. В. Невельское «сидение» 1613–1619 гг. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії : Збірник наукових праць : Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 25. Рівне, 2014. С. 210–220.

Малов А. В. Невельское взятье. Ноябрь 1632 г. // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». 2002. Вып. 19, № 3. С. 4–7.

Малов А. В. Северо-Западное пограничье в конце Смуты (1613–1619 гг.) : К методике реконструкции событий и источниковедению темы // Смутное время в России : Конфликт и диалог культур : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 г. СПб., 2012. С. 140–143.

Меньшов Н. П. Административно-территориальное деление и история Себежского уезда в XVI–XVIII веках (по материалам Российского государственного Архива древних актов) // Себежский краеведческий музей : история и научно-исследовательская работа / ред.-сост. С. А. Фетисов, А. С. Петренко. Себеж : Себеж. краевед. музей, 2007. С. 33–51.

Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост. Н. Ф. Левин, Т. В. Круглова. Псков : Обл. тип., 2009 (Псковская историческая библиотека). Первое изд. Киев : Типография Киево-Печерской Лавры, 1831. 416 с.

Осокин П. Г. Гдов. Л. : Лениздат, 1981. 128 с.

Памятная книжка Витебской губернии на 1867 г. СПб. : Губ. тип., 1867. 118 с.

Панов Н. А., протоирей. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (материалы к истории г. Острова и его уезда). Остров, 1913. Репринт переизд. Псков : Псков. обл. тип., 2004. 544 с.

Пахрин Ю. П. Остров. Л. : Лениздат, 1980. 128 с.

Петров Г. В. Невель. Л. : Лениздат, 1980. 102 с.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899 (1-е изд.) ; СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910 (3-е изд.) 642 с.

Платонова Р. И. Планировочная структура «псковского периода» Себежа в конце XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. : Наука, 1983. С. 51–63.

Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М. : Наука, 1966. Вып. VI. С. 149–206.

Порхов и его уезд : Сборник дореволюционных публикаций / сост. Н. Ф. Левин. Псков : Псков. обл. тип., 2005. 463 с.

Рабинович Я. Н. Братья Семен и Никита Гагарины : страницы биографии (1610–1640). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 168 с.

Рабинович Я. Н. Великие Луки в Смутное время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История, Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 127–137.

Рабинович Я. Н. Малые города Псковской земли в Смутное время / под ред. доктора исторических наук, профессора С. А. Мезина. Псков : ГППО «Псковская областная типография», 2014. 253 с.

Савич А. А. Деулинское перемирие 1618 г. // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. Сер. ист. 1939. Т. 4, вып. 2. С. 49–112.

Седов П. В. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера : межвуз. сб. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1993. С. 22–33.

Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2008. 752 с.

Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский : Хроника Смутного времени. М. : Мол. гвардия, 1981. 352 с.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М. : Моск. рабочий, 1986. 344 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1993. Кн. 5, т. 9. 748 с.

Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.) / вступительная статья Н. Ф. Левина. Псков : Псковская областная типография, 2004 (Серия «Псковская историческая библиотека»). 232 с. Репринт изд. ; 1-е изд. : Псков : Электрич. типо-лит. Губ. Зем., 1912. 209 с.

Список населенных мест Витебской губернии / под ред. А. П. Сапунова. Витебск : Губ. стат. ком., 1906. 450 с.

Суворов Н. С. Псковское церковное землевладение в XVI и XVII веках // ЖМНП. 1905. Вып. 12 ; 1906. Вып. 4, 5, 7, 8.

Сухотин Л. М. Предисловие // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 : Смутное время Московского государства. Вып. 8 / под ред. и с предисловием Л. М. Сухотина. М., 1911. С. XXXV.

Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия : Движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008 (1-е изд. – Волгоград, 1999). 692 с.

Федоров Т. В. Красногородское. Л. : Лениздат, 1979. 96 с.

Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. XXII). 349 с.

Шеломанова Н. Б. Себежская земля в XVI в. // Археографический ежегодник за 1967 г. М. : Наука, 1969. С. 73–95.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

RA, NOA – Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (Документы Новгородского оккупационного архива)

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук. СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613)

АЕ – Археографический ежегодник

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России : в 5 т. Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613)

АМГ – Акты Московского государства, изданные Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634)

АРИ – Архив русской истории

Дворцовые разряды – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 151

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук

Книга сеунчей – Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1 : Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского. М. ; Варшава : Археограф. центр, 1995.

Книги разрядные – Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853.

МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции

НОЛД – Новгородское общество любителей древности

ОР – Отдел рукописей

ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей : в 43 т.

Разрядная книга 1475–1598 гг. – Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. – Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова : в 4 т. М. : ИРИ РАН, 1994. Т. 4, ч. 1. 138 с.

Разрядная книга 1550–1636 гг. – Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. М. : Ин-т истории СССР, 1975. Т. 2, вып. 1. 241 с.

Разрядная книга 1559–1605 гг. – Разрядная книга 1559–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1974. 436 с.

Разрядная книга 1598–1604 гг. – Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории АН СССР, 1974. 398 с.

Разрядная книга 1613–1614 гг. – Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 296.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

РИО – Русское историческое общество

Сб. – Сборник

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел : в 5 ч. М., 1819. Ч. 2

УЗ – Ученые записки

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете

ОБЩИЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азарьин Симон – 30

Аксаков Федор Дмитриевич, воевода в Красном – 47

Александров А. М. – 143, 174

Алексеев Данила Федорович, луцкий и пусторжевский помещик – 168, 188

Алексеев Иван Личинов, луцкий помещик – 189, 236

Алексеев Карп, невельский рассыльщик – 248

Алексеев Олешка Кирилов, пушкарь – 110

Алексеев Терентий (Тереха), себежский ивановский дьячок – 63, 77

Алексей Васильевич, псковский степенной посадник – 41

Алексей Михайлович, царь – 6, 7

Аминев Богдан Михайлович, второй воевода Опочки – 153, 176, 204, 225, 240, 246

Аминев Богдан Угримов, помещик – 118, 119, 121, 126

Аминев Исай Федорович, шведский дворянин – 240, 246

Аминев Угрим Семенович, городовой приказчик в Вороноче – 121

Аминев (Ананьев) Федор Арапов, помещик – 94, 96, 97, 108

Аминев Федор Григорьевич, шведский дворянин – 240, 246

Андомский Семен Иванович, князь, лучанин (луцкий помещик) 228

Андреев Андрюшка, крестьянин – 201

Андреев Васька, непашенный бобыль – 196

Андреев Иванко, крестьянин – 200

Андреев Осипко, непашенный бобыль – 201

Андреев Федька, себежский стрелец – 66

Андреев Юрка, непашенный бобыль – 196

Андрияшев А. М. – 159

Анисимов Василий Михайлов, владелец оброчной пожни – 110

Анисимов Иван, казачий атаман – 214

Анна, жена Гаврилы мельника – 97, 98

Анница, вдова – 106

Аннинский С. А. – 143, 174

Аракчеев В. А. – 134

Арбузов Иван Никифорович, луцкий помещик – 128, 237

Арбузов Иван Федорович, луцкий помещик – 168, 188

Арбузов Федор, луцкий и невельский помещик – 147

Аргун, крестьянин Шибана Неклюдова – 106

Артемьев, никольский поп Яблонского погоста – 194, 203

Афанасьев Алешка, себежский бирюч – 61

Афанасьев Поздей, казачий атаман – 214

Б

Баба Сенька, стрелец – 100

Бабин Матвей Афанасьев, себежский пушкарь, лавочник – 63, 73 76, 83 86
Байков Иван Якимов, псковский помещик – 227, 229
Байков Исак, луцкий помещик – 178
Байников Трофимка Третьяков, стрелец – 98
Байников Федька Третьяков, стрелец – 98
Балагуров Борис (Бориско) Лаврентьев, себежский пеший казак – 66, 79, 85
Балагуров Петр, себежский казак – 66
Балагуров Федька Павлов, себежский конный казак – 79, 89
Балакиревский Гаврилка Алексеев, дворцовый крестьянин – 99
Барсуков А. П. – 12, 13, 39, 261
Барша Васька, посадский – 117
Басманов Петр Федорович, воевода – 128
Бахарев Данилка Иванов, себежский конный казак – 88, 90
Бахарев Илейко Иванов, себежский пеший казак – 70
Бачманов (Бочманов) Богдан Григорьевич, помещик – 64, 77, 84, 87, 202
Башин (Обакшин) Константин Микулин, сергиевский поп – 96, 110
Бедра Сенька, стрелец – 98, 106
Бедринская Акулина, вдова – 119, 120, 124
Бедринская Василиса, вдова – 119, 120
Бедринская Наталья Малюгина – 119, 120
Бедринский Богдан Малюгин – 119, 120
Бедринский Воронец Леонтьев, помещик – 118, 119, 124, 125
Бедринский Игнатий (Малюга), помещик – 120, 124
Бедринский Леонтий, осадный голова в Красном – 48
Бедринский Леонтий Борисович, помещик – 124
Бедринский Соловец Леонтьев, помещик – 118, 119, 124, 125
Без-Корнилович М. О. – 8
Безсекерский Александр, польский пан – 209
Беклемишев Андрей, пусторжевский помещик – 166
Беклемишев Иван Андреевич, лучанин (луцкий помещик) 228
Беклешов Нечай, псковский помещик – 142
Беклешов Нечай Семенович, псковский помещик – 118 120, 124, 125
Беклешов Степан Семенович, псковский помещик – 118 120, 124, 125
Белогубов Федька, себежский пеший казак – 62
Белодедов Иванка Андреев, воротник – 113, 116, 117
Белокуров С. А. – 128, 129, 219
Белый Никита Васильевич, стрелецкий сотник – 157, 244, 245, 252
Беляев Васька, бобыль – 117
Беляйко мясник, себежский казак – 62
Бесерецкий (Бисеровской) Иванка, пушкарь – 98
Бешенцов Григорий Васильевич, участник переговоров – 231, 253, 255
Бибиков Алексей Буслаев, пусторжевский и невельский помещик – 155
Бибиков Буслай, луцкий помещик – 155
Бибикова Татьяна, жена Буслая Бибикова, вдова – 155
Бирюлин С. Ф. – 9
Бисеровский (Битьевский) Прохна (Прошка) 96
Бисеровский Иванка, пушкарь – 101
Благово Борис Петрович, второй воевода в Великих Луках – 52
Благово Иван, воевода в Себеже – 35
Блаженников (Блаженков, Блажонков) Матвей, стрелецкий сотник – 130
Бобр Сенька, пеший казак – 65, 71
Бобров Василий Яковлевич, воевода (осадный голова) Себежа – 12,

163, 176, 177, 190 192, 227, 229, 242, 247, 248
Бобров Григорий Степанович, пусторжевец, воевода Изборска – 217, 242, 243, 245, 247
Бобров Иван Матвеевич, пусторжевский помещик, московский воевода в Заволочье, Себеже – 128, 177, 223, 237, 252, 255, 256
Бобров Иван Степанович, пусторжевский помещик – 138, 159, 231
Богданка свеенин – 89
Богданов Тимошка, стрелец – 98
Бойков Иван Якимович, псковский помещик, участник переговоров – 227, 253, 255
Болдов (Болдин) Алеша (Олексейка), посадский молодой тяглый человек – 99, 104
Болотников Иван Исаевич, руководитель народного движения – 16, 128, 129, 155, 201, 263
Болтин Баим Федорович, воевода – 219
Большинский Сенька, дворцовый крестьянин – 99
Боранов Иван, помещик, дозорщик – 244
Борис Годунов, царь – 55, 127, 159
Бориско мясник, себежский казак – 62
Борисов Афонаско, крестьянин – 199
Борисов Киприан, посадский человек – 180
Борисов Федор, луцкий помещик – 167
Борисов Юшко, себежский тяглый житель – 72
Борисова Ульяна, жена Федора Борисова, вдова – 167
Бормовский, дерптский державец (воевода) 134
Бороздин Богдан Перфильев, пусторжевский помещик – 229, 260
Бороздин Иван Атаев сын – 53
Бороздин Иван Григорьевич, воевода Опочки – 40
Бороздин Иван Семенович, воевода Опочки – 39, 153, 176, 204, 225, 227, 240, 245, 252
Бороздин Никита Григорьевич, осадный голова Себежа, воевода Торопца, Великих Лук – 40, 53, 60, 61
Бороздин Родион Иванович лучанин (луцкий помещик) 228
Бороздин Федор Гордеев, псковский помещик, осадный голова в Красном – 49, 260
Бороздин Федор, псковский помещик – 231
Ботохнов Лашко, крестьянин – 197
Ботохнов Осип Семенов, себежский воротник – 68, 78
Бочкин Алексей Михайлович, луцкий помещик – 128, 135, 164, 183, 237
Бочкин Константин Алексеевич, луцкий помещик – 164
Боярщинский Петрушка, крестьянин – 97
Брусницын Прошка Алексеев – 197
Брусницын Сенька, себежский стрелец – 197
Брусницын Юрка, себежский стрелец – 197
Буганов В. И. – 20, 35, 41, 107
Будила, польский полковник – 171, 254
Бужелов Иванко, себежский стрелец – 65
Булгаков Бохтеяр, московский гость – 214
Булгаков Федор, воевода в Себеже – 35
Бурцев (Бурцов) Петр, воевода – 132
Бурцев Афанасий Григорьевич, пусторжевец – 233
Бурцов Михаил Иванович, голова в Великих Луках – 52
Бурцев Михаил, псковский помещик – 142
Бурцев Федор Андреевич, пусторжевский помещик – 166

Бурцов Федор, пусторжевский помещик – 222, 223
Буссов Конрад, немецкий кондотьер – 23, 143, 146, 152, 163
Бутырский И. П. – 27, 33, 58, 102
Бухвостов Василий, невельский помещик – 224
Бухвостов Василий Иванович, пусторжевский помещик – 229
Бухвостов Григорий Замятнин, пусторжевец – 135, 222, 227, 229
Бухвостов Григорий, луцкий помещик – 183
Бухвостов Замятня, пусторжевский помещик – 222
Бухвостов Роман, пусторжевский помещик – 167
Бухвостов Семен, пусторжевский помещик – 142, 152
Бухвостов Степан Леонтьевич, пусторжевский помещик – 233
Бухвостова Аграфена, вдова – 222
Бухнов Калинка, владелец нивы – 106
Бучнев Павлик, дворцовый крестьянин – 99
Быков Софон Федоров, дворцовый крестьянин – 99

В

Важенский Бартоломей, польский комиссар (посол) 255
Валтырь, крестьянин – 196
Валуев Григорий Леонтьевич, воевода в Великих Луках и Невеле – 13, 52, 54, 132, 135, 138 142, 144 149, 153 156, 163, 165, 168, 169, 172, 175, 177 179, 181 189, 204 206, 210, 212, 224, 225, 232, 235, 264
Валуев Иван Григорьевич, стряпчий (сын Г. Л. Валуева) 135, 183, 184, 225
Валуев Леонтий Григорьевич, голова в Великих Луках, Невеле – 52, 53, 54
Валуев Степан Андреевич, луцкий помещик – 135, 148, 183, 227, 228
Ванда Иванка Оникеев – 116
Василий, рожественский поп
Василий Шуйский, царь – 5, 49, 128 139, 141, 144, 150, 152, 164, 201, 218, 232, 233, 263
Василий III, великий князь – 31, 44
Василий, себежский рождественский поп (см. Киприанов) 32, 66, 67
Василиса, вдова, жена Ивана Заколодеского – 85
Василиска, стрелецкая жена – 71
Васильев Дмитерка, себежский тяглый человек – 73
Васильев Иванка, воротник Кремских ворот в Себеже – 63, 78, 83
Васильев Иванко Батко, себежский стрелец – 65, 84
Васильев Ивашка, себежский гонец, пушкарь – 248
Васильев Микита, стрелец – 101
Васильев Олексейко вельянин, себежский пеший казак – 69, 80
Васильев Самойла (Самулка), себежский воротник – 61
Васильев Сидорка, стрелец – 115, 117
Васильев Томилка, казак станицы Микиты Путимца – 210
Васильев Ульянка, владелец нивы – 106
Васильев Филипка, себежский тяглый человек – 72
Васька гончар, себежский стрелец – 64
Васька псковитин, себежский конный казак – 70, 79
Васька Салтан, себежский тяглый человек – 73
Васька Сусло вельянин, себежский пушкарь, лавочник – 63, 74, 75
Васька, крестьянин – 200
Великий Степан, себежский пушкарь – 63
Великопольской Степан, лучанин (луцкий помещик) 228
Вельской (Великого) Бориско Кузьмин, себежский конный казак – 68, 89

Вельяминов Василий Андреевич Меньшой, воевода в Красном – 47
Вельяминов Григорий Иванович, стрелецкий голова в Красном – 47
Вельяминов Леонтий Андреевич, стольник и воевода – 175
Вельяминов Никита Дмитриевич, псковский воевода – 156, 176, 180, 190, 192, 204
Вельяшев Второй, лучанин (луцкий помещик) 228
Вершинский А. Н. – 8
Веселка Гриша Тарасов, посадский – 110
Веселовский С. Б. – 194
Ветошник Федька, крестьянин – 198
Вешняков Василий, воевода, голова в Заволочье – 46, 52
Видекинд Ю. – 143, 149, 156, 157, 170, 171, 173, 174
Виселицин Тимофей, воевода – 217
Висковский, польский пан – 160
Виснер (Visner H.), польский историк – 178
Витовт, литовский князь – 24, 26, 27, 28
Владислав Сигизмундович, польский королевич – 135, 137, 138, 140, 141, 143, 147, 148, 150, 152, 154, 155, 157, 164, 165, 169, 173, 177, 178, 239, 242, 247, 254
Власов (Власьев) Лукьянко, себежский стрелец – 65
Власов Ермолка, кузьмодемьянский дьячок – 100
Власьев Демидко, себежский стрелец – 65
Власьев Лукьянка, себежский стрелец – 79
Власьев Петрушка, себежский стрелец – 82
Влесенский Ратайко Осипов, себежский конный казак – 90
Воейков Матвей, воевода в Себеже – 35
Волк Сидорко Харитонов, пушкарь – 101
Волковский Иванка, дворцовый крестьянин – 99
Волковский Сенька, стрелец – 98
Волковский Спиридон Иванов, петровский поп – 101, 103
Волконский Андрей, князь, воевода Заволочья – 51
Волконский Григорий Константинович, князь, окольничий – 134, 164
Володихин Д. – 29
Володька, крестьянин – 97
Волынский Василий Васильевич, стольник, воевода Невеля – 218, 219, 220, 245
Волынский Иван Васильевич – 218
Волынский Меньшой Григорьевич, посол – 55
Воробей Дорошко Степанов, себежский стрелец – 65, 71
Ворон, себежский конный казак – 71
Воронин Назарий, помещик – 118, 120, 121
Воронцов Васька Федоров, себежский стрелец – 68, 69, 82
Воронцов Гур Немиров, воевода Красного – 48
Воронцов Данила, осадный голова на Себеже – 40, 41
Воронцов Дмитрий, псковский наместник – 31
Воронцов Злоба Григорьев, пскович – 30
Воронцов Михаил Данилович, псковский помещик – 135, 184
Воронцов Михаил, псковский помещик – 231
Воронцов Михаил, новгородский наместник – 31
Ворыгин Василий, купец – 255
Ворыгин Иван – 87, 199, 202
Вошков Кузьма, владелец нивы – 106
Вощагинский Василий Филиппов (Вощагин Андрей), крестьянин – 96, 97

Г
Гаврилка островитин, себежский пеший казак – 82
Гаврилка проскурницын, себежский стрелец – 62
Гаврилко, крестьянин – 196
Гаврилов Василий Семенович, псковский помещик – 142, 250
Гаврилов Левонка, себежский тяглый человек – 73
Гаврилов Семен, псковский помещик – 142
Гаврилов Якуш, себежский стрелец – 62
Гаврилова Ирина (Орина), проскурница – 66, 77
Гагарин Богдан Васильевич, князь, воевода в Великих Луках – 52
Гагарин Иван Иванович, князь, сеунщик – 210, 211, 213
Гагарин Семен Никитич, князь, воевода Торопца, Невеля – 13, 23, 153, 154, 204 210, 212, 218, 219, 224, 242, 245
Гадов Иван Данилов, воротник – 100, 103, 105, 106
Галицкий Васька, себежский тяглый человек – 73
Гейденштейн Рейнгольд, польский хронист – 34 38, 48
Герберштейн Сигизмунд, имперский посол в Россию – 30, 31
Гинц (Ганц) Бендрикс, польский комиссар (посол) 255
Гладышев Фомка, себежский конный казак – 79, 80, 85, 86, 89
Глина Федор, староста Опочки – 28
Глотов Меньшик Васильев, опочецкий сотник стрелецкий -101, 102, 108
Глупой Данилка, непашенный бобыль – 196
Глупой Дмитерко, непашенный бобыль – 196
Говоровский Тимоха, стрелец – 98
Гогалинский (Гаголинский) Петрушка, себежский стрелец – 68, 82
Годунов Борис Федорович, царь – 127
Годунов Федор Борисович, царевич – 127, 135
Голенищев Григорий Иванович, луцкий помещик – 178
Голенищев Михаил Иванович, осадный голова в Заволочье – 51
Голенищев-Кутузов Иван Иванович, жилец – 128, 225, 237
Голицын Василий Васильевич, князь, боярин – 128
Голковский, литовский пан, пленник – 190
Голованов Олексейко (Олеша) Иванов, себежский конный казак – 68, 79, 80, 91
Головачев Иван Филипович, приказчик дворцовых волостей – 253
Головин Борис, пусторжевский помещик – 148, 152
Головин Лукьян (Лука) Поярков, пусторжевский помещик – 222, 229, 250
Головин Михаил Иванович, воевода Великих Лук – 52
Головин Михаил Петрович, воевода – 45
Голощапов (Голопзанов) Федор, подьячий – 180, 255
Голтшур (Готлшур, Голт Шур) Бартоломей (Бортломей), польский комиссар (посол) 255, 256
Голубов Тимошка Иванов, пушкарь – 101, 106
Голубь, себежский стрелец – 81
Гонсевский Александр Корвин, велижский староста, польский комендант Москвы – 13, 129, 131, 134, 138, 154, 175, 177, 178, 186, 235, 236
Гончаров Гриша, себежский пушкарь – 78
Горбатов Федька Иевлев, стрелец – 98
Горбатый-Шуйский Борис, князь, новгородский наместник – 31
Горбовский Костя, дворцовый крестьянин – 99

Горбовский Кузьма, посадский – 99
Горбовский Наум, дворцовый крестьянин – 99
Горг Михалко Григорьев, себежский пеший казак – 69
Горн Эверт, шведский военачальник – 143, 151, 173, 174, 230
Горошок Кирилко Андреев, крестьянин – 197
Горошок Офромейко Кирилов – 197
Горчица Гриша, себежский конный казак – 82
Горяинов Иван Данилович, воевода Опочки – 252
Горяинов Иван, пусторжевский помещик – 148, 152, 222
Горяинов Петр Андреевич, второй воевода в Великих Луках – 135, 136, 142, 148
Горяинов Петр Петрович, пусторжевский помещик – 233
Горяинов Петр, осадный голова на Опочке, в Заволочье – 40, 51
Горянский Вединечко, себежский стрелец – 198
Горянский Демешка, себежский стрелец – 198
Горянский Петрушка Григорьев Шелудивый, крестьянин – 198
Горянский Ульянка Юрьев, крестьянин – 198
Грамотин Иван Тарасьевич, дьяк, второй воевода Пскова, печатник и думный дьяк – 130, 154
Гранда Федька, крестьянин – 200
Грасс Геннинг, порховский комендант – 241
Грибанов Самсонко, крестьянин – 196
Григорий, троицкий поп в Себеже – 85
Григорьев Алеша, пушкарь – 101, 104
Григорьев Васька, опочецкий пушкарь – 104
Григорьев Васька, себежский пушкарь – 64, 75
Григорьев Демешка, дворник, посадский – 114, 115, 117
Григорьев Еремка, себежский стрелец – 65
Григорьев Мишук, себежский пеший казак – 67
Григорьев Нефедка, себежский стрелец – 82
Григорьев Пятой, новгородский дьяк – 157
Григорьев Самулка, себежский пеший казак – 82
Григорьев Тихон (Тиханко), себежский казенный кузнец – 64, 80, 84
Григорьев Шестачка, стрелец – 98
Гринцов Михаил, старец богадельной избы – 98
Гриша банник, себежский стрелец – 71
Гриша Мороз банник, себежский пеший казак – 82
Гришин Левка, себежский пеший казак – 69, 81
Гришин Самулка, себежский пеший казак – 69
Гурьев Иван, псковский помещик – 164
Густ Андрей, литовский пан, пленник – 190
Густав Адольф, шведский король – 184, 201, 217, 236, 243, 247, 249
Гусь Васька, себежский пеший казак – 65
Гюлленельм Карл, шведский фельдмаршал – 204, 230, 236, 245, 246, 247, 249

Д

Давыд, себежский пеший казак – 84
Давыдов Якимко, себежский пеший казак – 70
Данилов Наумко, себежский пеший казак – 69
Данилов Родионко, стрелец – 115
Дарьица, вдова – 72
Дарья, вдова – 147
Деденев Влас Рудаков, невельский помещик – 229

Деденев Иван Иванович, невельский помещик – 229
Деденев Константин Семенович, невельский помещик – 214, 229
Деденев Ондреян Григорьевич, невельский помещик – 229
Деденев Пимин Иванович, невельский помещик – 229
Деденев Селиверст, невельский помещик – 168
Делагарди Якоб, шведский военачальник – 5, 21, 139, 151, 156, 157, 170, 175, 184, 201, 245
Дементьев Иванко, себежский стрелец – 68
Демьянов Яков Афанасьевич, воевода – 213
Денисьев. Сидорко, себежский пеший казак – 70
Дехтярев Максим, стрелец – 98
Дешевый Давыдка, стрелец – 98
Дзялынский Лука, польский хронист – 36
Дмитерка мясник, себежский тяглый человек – 73
Дмитриев (Дмитров) Офонка, себежский пеший казак – 70
Дмитриев Васька Белый, себежский стрелец – 71
Дмитриев Никита, дьяк – 255
Дмитриев Петрушка, себежский стрелец – 62
Дмитриев Федька, невельский казак – 188
Дмитриев Юрий Васильевич, голова в Себеже – 40
Доев (Воев, Одоев) Меншик Якушев, посадский торговый человек – 96, 99
Долгово Михаил, крестьянин – 97
Долгоруков Владимир Тимофеевич, князь, воевода – 134, 164
Домашний Филат, подьячий – 259
Дровнин Иван Васильевич, писец – 19, 21, 32, 56, 58 60, 83, 86, 95, 111, 195, 199, 201, 202
Дрозд Микифорко Дементьев, себежский конный казак – 90
Друтский Дмитрий Данилович, князь, воевода в Великих Луках – 53
Друшляк (Дуршлак), польский воевода, полковник запорожцев – 136, 137
Дубровин Алексей, лучанин (луцкий помещик) 228
Дубровский Богдан Минич, стрелецкий голова – 257
Дубровский Гаврила Артемьев, второй воевода Опочки – 260
Дубровский Гаврила, пусторжевский помещик – 221
Дубровский Тимофеев Иванович, пусторжевский помещик – 229
Дудыря Иванко, себежский тяглый человек – 73
Дьяконов Иванка Леонтьев, себежский ильинский дьячок – 61, 77
Дюпин Иван, пусторжевский помещик – 221, 222
Дюпин Смирной, пусторжевский помещик – 221
Дягилев Гаврила, полочанин – 162

Е

Евгений, митрополит (Болховитинов Евфимий Алексеевич) 14, 27, 33, 34, 43
Евфимьев (Ефимьев) Крик Степанович, воевода Невеля – 53, 206, 219, 245, 248
Едигеев Василий, пусторжевский сотник стрелецкий – 167
Екатерина II, императрица – 9, 261
Елагин Богдан, пусторжевский помещик – 166
Елагин Григорий Никифорович, пусторжевец – 250
Елагин Михаил Афанасьевич, пусторжевский помещик – 167
Елагин Степан Иванович Меньшой – 233
Елагин Степан, пусторжевский помещик – 222
Елагина Варвара, вдова – 222
Елена Глинская, великая княгиня – 10, 61

Елисеев Кирил, стрелец – 103
Елисеева Дарья, проскурница – 101
Еремеев Клементий, дозорщик – 200, 201
Еремеев Тимошка, пушкарь – 100, 104
Еремка, себежский стрелец – 81
Ермолаев С. С. – 17, 22, 193, 194, 197, 199, 200 202
Ермолин Карп, себежский пеший казак – 67, 82
Ермолин Куземка, себежский тяглый человек – 73
Ермолин Михалко, присяженин – 86
Ермолин Сенко Мотовило, себежский пеший казак – 69
Ермолка (Ермолка Андреев), крестьянин – 96, 97
Есинецкий Воин, польский начальник в Великих Луках – 154
Есипов Иванко, успенский дьячок – 101

Ж

Жарков Никонко, себежский конный казак – 82
Жданко, себежский стрелец – 64
Жданов Алеша, пушкарь – 104
Жданов Кирилка, себежский стрелец – 65
Жданов Петруша, пушкарь – 104, 106
Железного Бобу (Железнобоев) Левошка Созонов, дворцовый крестьянин – 96
Железного Бобу (Железнобоев) Офоноска Созонов, дворцовый крестьянин – 96
Жеребец Микита, воровской атаман – 217, 218
Жеребцов Петрушка Дорофеев, себежский конный казак – 81, 89
Жидкий Юрий Иванович, невельский помещик – 250
Жирилов Мартын латыш – 90
Жировой-Засекин Александр Федорович, князь, воевода Пскова – 133
Жолкевский Станислав, польский гетман – 140
Жохов (Жехов) Гриша, себежский стрелец – 65, 77
Жохов Ерошка, себежский стрелец – 195
Жохов Малах, себежский стрелец – 195
Жохов Якуш, себежский стрелец – 82
Жуков Федька, себежский воротник – 62, 78

З

Загряжский Афанасий Федорович, голова в Великих Луках – 52
Заец Филипко, себежский стрелец – 65
Замыцкий Константин Тимофеевич, писец – 33, 58
Замятин Г. А. – 6, 14, 149 151, 156, 163, 171, 181, 182, 237, 245
Замятнин Юрий, воевода – 29
Заруцкий Иван Мартынович, казачий атаман, руководитель ополчения – 147, 150, 153, 156, 173
Захарьев Созонко, себежский пеший казак – 70
Захарьин Ондронко, себежский тяглый человек – 73
Захарьин (Захаров) Петрушка, себежский пушкарь – 63, 78
Захарьин Семен Некрасов, дворецкий – 30
Звенигородский Григорий, князь, воевода в Красном – 47
Звенигородский Иван Александрович, псковский князь – 41
Згурской, литовский пан – 46
Зеленой Данила – 217
Зеленый Григорий Федорович, пусторжевский помещик – 166
Зерцалов А. Н. – 178, 189, 235, 242
Зинов Гришка, крестьянин – 200
Зинов Федорко Латыш, крестьянин – 200
Зиновий, псковский посадник – 28

Зиновия, игуменья, настоятельница Успенского женского монастыря – 102
Зиновьев Лашук, себежский стрелец – 69, 73
Зубатой Третьяк, голова в Заволочье – 51
Зубатый Ларион, стрелецкий голова на Опочке – 240, 245, 252
Зуй Васюк, себежский стрелец – 62
Зуй Степанко, себежский тяглый человек – 73

И

Иван Грозный, царь – 10, 33, 39, 47, 58, 84, 86
Иван Иванович, царевич – 47
Иван шапочник, себежский стрелец – 64
Иван, себежский сергиевский поп – 64
Иванка Высоких штей, себежский пеший казак – 80
Иванка Латыш, себежский пеший казак – 79
Иванка Сапожник (Назарьев?), себежский воротник – 71, 78, 83
Иванка, себежский казак – 61
Иванко Детятя, себежский тяглый человек – 72
Иванко пастух, себежский тяглый человек – 72
Иванко шапочник, посадский – 115, 116
Иванов Андрей, посольский подьячей – 55
Иванов Андрей, сергиевский поп – 111
Иванов Артемий, преображенский дьякон – 113
Иванов Богданка, себежский пушкарь – 78
Иванов Васька Глазка, себежский тяглый человек – 73
Иванов Васька, крестьянин – 196
Иванов Гриша, себежский стрелец – 64
Иванов Гриша Зуй, себежский воротник – 68, 80
Иванов Гришка, крестьянин – 196
Иванов Гурейко, себежский пеший казак – 70, 71
Иванов Дементий, себежский стрелец – 80
Иванов Жданко, непашенный бобыль – 196
Иванов Жданко, себежский пеший казак – 65, 68, 84
Иванов Захарка Дроздов, себежский пеший казак – 81
Иванов Иванка, себежский тяглый человек – 73
Иванов Илейка, себежский пеший казак – 65, 68
Иванов Илейка, себежский тяглый человек – 73
Иванов Истомка бельчанин, себежский пушкарь, лавочник – 74 76
Иванов Калинка, пушкарь – 101, 106
Иванов Кирилко, себежский пеший казак – 68
Иванов Лазарь, стрелец – 98, 103
Иванов Малга, себежский пушкарь – 67, 75
Иванов Микита, никольский поп – 112, 113
Иванов Микифор, спасский пономарь – 113, 117, 118
Иванов Митя, пятницкий дьячок – 117
Иванов Мурашка, стрелец – 100
Иванов Назарко, стрелец – 100
Иванов Оксенко (Омоска) Лутоша (Лотоша), себежский казенный плотник – 70, 74, 80
Иванов Ондрейко (Ондрюша), себежский пеший казак – 69, 82
Иванов Офонька островитин, себежский стрелец – 64, 79
Иванов Первуша, калачник – 104
Иванов Петруша сын кожевника, себежский пеший казак – 82
Иванов Петрушка, молодой тяглый человек на Опочке – 101

Иванов Самуха (Самулка), себежский пеший казак – 65, 82
Иванов Собака, себежский конный казак – 82
Иванов Софрон, себежский ивановский поп – 63, 77
Иванов Спиря, себежский пеший казак – 62, 82
Иванов Тараско, себежский пеший казак – 65
Иванов Тимошка, стрелец – 100
Иванов Третьячко, себежский пеший казак – 68, 69
Иванов Трофимка, крестьянин – 196
Иванов Фадейка, стрелец – 112, 115
Иванов Федька, петровский дьячок – 101, 110
Иванов Федька, стрелец – 103, 104, 115, 116
Иванов Фролко, себежский пеший казак – 69
Иванов Шарап, себежский конный казак – 81
Иванов Юрка, себежский пеший казак – 69
Иванов Юшка Надежа, себежский пеший казак – 81
Иванов Яким, себежский казачий атаман – 12, 190 192, 203
Иванов Ю. Г. – 7, 34, 41, 49, 171
Ивачев Андриан, пусторжевский помещик – 165
Ивачев Иван Андрианов, пусторжевский помещик – 165
Ивачева Варвара, жена Андриана Ивачева, вдова, тетка Андрея Квашнина – 165
Ивашка Рогатай, себежский тяглый человек – 73
Игнатий, игумен Никольского монастыря – 102
Игнатов Никонко Жар (Жарков), себежский конный казак – 69, 70, 91
Игнатьев Гаврилка, себежский пеший казак – 65
Игнатьев Дмитрий, себежский пушкарь (см. Рядов) 78
Игнатьев Обакша, себежский казак – 65, 82
Игнашко сапожный мастер, себежский стрелец – 69
Иевлев Иванко, себежский стрелец – 68
Иевлев Тимошка, пушкарь – 98, 100
Илейка (Кленка) Великая Борода, стрелец – 96, 98
Ильин Гордюшка, себежский стрелец – 62, 67, 71
Ильин Ларионко, себежский тяглый человек – 73
Ириньица, вдова – 73
Ириньица проскуриха, вдова – 73
Исидор, новгородский митрополит – 5
Исленьев Данила Иванови, посол – 55
Исмаилова С. Т. 29
Истомин Малга Бельчанинов (вельянин), себежский пушкарь, лавочник – 74 76, 78
Истомка вельянин (белчинин), себежский пушкарь (см. Селиванов) 76, 80
Истомка Пастух, себежский казак – 62

К

Калачник Жданко, стрелец – 98, 104
Калинин Гаврилка, себежский пеший казак – 84
Калинин Жданко, стрелец – 101
Калитин Никита, новгородский помещик – 21, 184 187, 189
Калью В. В. – 9, 58, 111
Канухин Иванка, крестьянин – 97
Карамзин Н. М. – 10, 27, 28, 34, 35, 39, 127
Карамышев Григорий, пусторжевский помещик – 167
Карамышев Дружина, пусторжевский помещик – 142
Карамышев Иван Никитич, осадный голова (наместник) в Заволочье, Великих Луках, Невеле – 51, 53
Карамышев Никита, псковский помещик – 142

Карамышев Роман Дмитриевич, пусторжевский помещик – 187, 188
Карп сапожник, себежский стрелец – 67
Карпов Давыд, стрелецкий сотник – 236
Карпов Онфимка, себежский пеший казак – 65
Карпов Симанка, себежский тяглый человек – 73
Карповский Василий, помещик – 94
Карповский Иван Семенович, пскович («псковитин») 234, 246, 247
Карповский Иван Юрьевич, помещик – 107
Карповский Костя Семенович, помещик – 107
Карповский Максим, псковский посол – 134
Карповский Петр Иванов, помещик – 94, 107
Карповский Семейка Захаров, опочецкий губной староста и осадный голова – 40, 101, 107
Карповский Юрий Захаров, городовой приказчик в Изборске и осадный голова – 94, 107
Каховский (Коховский) Юрий, усвятский подстароста – 130, 131, 136
Качалов Томила, помещик – 225
Кашинцев Леонтий, стрелецкий голова в Великих Луках – 135
Квашнин Андрей Жданов, псковский помещик – 164, 165, 176, 179, 201, 234, 255
Квашнин Андрей Матвеевич, участник переговоров – 255
Квашнин Аталык Иванович, второй воевода в Заволочье – 51, 201
Квашнин Василий Андреевич, наместник в Себеже и Опочке – 40, 61, 111
Квашнин Иван Андреевич, помещик – 94
Квашнин Иван Жданов, псковский помещик – 165
Квашнин Иван Иванович, наместник в Заволочье – 51
Квашнин Севастьян Григорьев сын, дозорщик, псковский помещик – 200, 201
Кипреянов Игнашка, себежский успенский пономарь – 80
Кипреянов Микулка, себежский тяглый человек – 72
Киприанов (Кипреянов) Василий, себежский рожественский поп, 77, 80
Кирилов Алеша, пушкарь – 98, 101, 103, 104
Кирилов Левка, пятницкий дьячок – 100
Кирилов Осипко, житель Себежа – 71
Кирилов Офонька, себежский стрелец – 64, 82
Кирилов Якуш, себежский конный казак – 67, 72
Кирилов Якуш, себежский пеший казак – 68
Кислицин Лаверка, спасский монастырский крестьянин – 98
Кисляков Иванка, дворцовый крестьянин – 99
Клементьев Тиша, дворцовый крестьянин – 116
Клеопин Алексей – 30
Клеопин Василий Алексеев – 30
Клеопин Нечай Алексеев – 30
Клокачев Андрей, лучанин (луцкий помещик) 228
Клокачев Богдан Гундоров, лучанин (луцкий помещик) 228
Клочков Иван, пусторжевский помещик – 222
Клочков Степан, пусторжевский помещик – 229
Кляпин Игнат, себежский пушкарь – 66
Книгин Ильюша, непашенный бобыль – 199
Книгин Матюшка, непашенный бобыль – 199
Княжнин Петр (Петрушка), пусторжевский помещик – 221, 223
Княжнин Роман (Ромашка), пусторжевский помещик – 221, 223

Кобзарева Е. И. – 171, 172
Кобылин Дмитрий Андреевич, пусторжевский помещик – 166
Кобылин Петр, пусторжевский помещик – 148
Коваленко Г. М. – 6, 149, 182
Кожин Сидорко Антипов, себежский пеший казак – 68
Козачковский Георгий Филиппович, псковский посадник – 25
Козихинский Огафонка, литовский человек, грабитель – 161
Козицын Анисим, себежский посадский человек – 66, 196
Козлов Май Посников, невельский и ржевский помещик – 168, 216, 217
Козлов Майк, лучанин – 227, 228
Козлов Петр Постников, ржевский помещик – 168, 182, 187, 188
Козлов Петр Сафронов, невельский помещик – 227, 228
Кознов Иванка, себежский казак – 67
Козодавлев Матвей Михайлович, помещик – 118, 119, 124, 125
Козодавлев Меншик Борисович, помещик – 118 120, 124, 125
Козодавлев Степан Михайлович, помещик – 118, 119, 124, 125
Кокорев Борис Иванович, воевода Осташкова, Невеля – 218, 248, 249, 250, 253, 259
Кокорев Григорий Иванович, воевода Изборска и Великих Лук – 177, 259, 262
Кокошкин Никифор – 39
Кокошкин Семен Никифорович, осадный голова в Заволочье, Невеле – 51, 54
Колосов Семен, староста Опочки – 28
Колмачев Якулка, кабацкий откупщик – 206
Колпачник Кирил Алексеев сын, владелец нивы – 106
Колычев Гаврила, воевода в Красном – 47
Колычев Михаил Федорович, воевода в Красном – 47
Колычев-Крюк Иван Федорович, наместник и воевода в Заволочье – 51
Колычев-Лошаков Матвей Третьяков, воевода в Заволочье – 51
Кондратьев Калина, себежский пушкарь – 70
Кондратьев Ондрейко рыбник, себежский тяглый человек – 72
Кондратьев Олиско, себежский стрелец – 71
Кондратьев Родивонка, себежский тяглый человек – 73
Кондратьев Степанко, себежский стрелец – 64
Конихин (Канухин) Иванка, крестьянин – 96
Коновалов Сенька, стрелец – 98
Константин, кузьмодемьянский поп – 100
Копальский, польский пан – 192
Копанский Иван, польский посол – 180
Коптев Василий Иванович – 235
Коптев Ефим Александрович – 235
Коптев Тимофей Александрович – 235
Коптев Яков Никитич, невельский помещик – 232, 235
Кора (Кур) Ивашка (Иванко), казенный плотник – 104
Кордатский, польский полковник – 212
Кордт В. А. – 156
Корин Василий Моисеев (выделял хлеб) 253
Корин Василий, дьяк – 176, 180, 190, 192, 204
Корнилов Федосий, спасский поп – 98
Корнилов Федосий, успенский поп – 103, 104
Корсак Ондрей, королевский поручик, пан – 210
Корсак-Голубицкий Остафий, полоцкий воевода («державец и наместник») 158, 161, 162

Косицкий Василий Степанович, стрелецкий сотник в Острове – 253
Косицкий Иван, пусторжевский помещик – 142
Косицкий Иван, помещик Порховского уезда – 241
Косицкий Иван Крячков (Кренков), помещик Порховского уезда – 241 243
Косицкий Иван Никифоров, помещик Порховского уезда – 241
Косицкий Иван Степанович, помещик Порховского уезда – 241, 242
Костенецкий, польский воевода, полковник запорожцев – 136, 137
Костерев Иван, стрелец – 98
Костомаров Н. И. – 10, 27
Костюрин Замятня, лучанин (луцкий помещик) 228
Костянтинов Григорий Федорович, луцкий помещик – 128, 237
Костянтинов Деваниско, себежский пеший казак – 70
Котельников (Постельников) Калинка, себежский пушкарь – 84
Котельников Калина, себежский конный казак – 201, 203
Котельников Юшка (Юрий) Филипов, пушкарь – 98, 101, 110
Кочанов Сенька – 90
Кочековский (Кочюговский, Кочетовский) Марк – 96, 97, 98
Кочетковская Марья, вдова – 97, 98
Коялович М. – 171
Крапивин Иванка Зиновьев, себежский воротник Кремских ворот – 83
Красная Аника, вдова, жена Микулы Красного – 98
Красный Петр Иванович, луцкий помещик – 178, 236
Креницын Богдан Захарьев, луцкий помещик – 168, 211, 212, 228
Креницын Иван Посников, луцкий помещик – 182, 227, 228, 232
Креницын Иван, луцкий помещик – 232
Креницын Матвей Тиронов, луцкий помещик – 228
Креницын Наум Васильевич, луцкий помещик – 228
Креницын Петр Васильевич, луцкий помещик – 237
Кривоборский Федор Иванович, князь, воеводав Великих Луках – 52
Кролев Олферка, дворцовый крестьянин – 99
Кропоткин Микита, князь, воевода в Красном – 46
Кросавин Иванко Васильев, пушкарь – 113
Круглова Т. В. – 14, 34, 43
Крылов А. Е. – 12
Кубенский Михаил, князь, псковский наместник – 31
Кузнецов Васька Степанов (пушкарь) см. Степанов Васька, кузнец – 84
Кузнецов Ондрюшко, себежский пеший казак – 69
Кузьмин Василий, себежский конный казак – 90
Кузьмин Иван, сергиевский поп – 110
Кузьмин Ларивонка рыбник, себежский пеший казак – 79
Кузьмин Макейка, себежский стрелец – 81
Кузьмин Осипко Сит, себежский стрелец – 62, 79
Кузьмин Федька Даного, себежский стрелец – 64, 81
Кузьмин Федька, себежский пеший казак – 65
Кузьмин Федька, себежский тяглый человек – 73
Кузьмин Юшка (Якуш) Лапа, посадский молодой тяглый человек – 101, 103, 104
Кузьмина Л. Ф. – 20, 41
Куканов Ю. В. – 16
Кулак Степан, невельский казак – 188
Кур Иванко, себежский тяглый человек – 72
Кур Иванка, казенный плотник на Опочке – 101

Куракин Иван Семенович, князь, боярин – 205
Курбатов О. А. – 11
Курка Офонька, себежский воротник – 68
Куртин Андрей, крестьянин – 196
Куртин Бориско, крестьянин – 196
Куртин Иванко, крестьянин – 196
Кучуговский (Кочюговский), Иванка Михайлов, пушкарь – 110

Л

Лавров Афанасий, невельский помещик – 229
Лавров Василий Иванович, невельский помещик – 168
Лавров Григорий Иванович, невельский помещик – 168
Лагунин И. И. – 17, 19, 26, 34, 57, 60, 62, 63, 66 69, 79, 84, 92
Лазарев-Станищев Дмитрий Андреевич, голова в Себеже – 40
Ламаной Юрий, луцкий помещик – 189, 236
Лаптев Несвитай, лучанин (луцкий помещик) 228
Ларионов Григорий, подьячий – 21, 194, 199, 226
Ларионов Микифор, преображенский дьячок – 113
Ларионов Микифор, спасский дьячок – 113, 116
Лашковский (Лашков) Адам, посадский – 96, 97, 99
Лашук Бируля, себежский пеший казак – 62
Лашук Рыбник, себежский пеший казак – 65
Лебедев Е. Е. – 11
Левашева Наталья – 221, 222
Левин Порошко, себежский казак – 68
Левин Н. Ф. – 11, 14, 34, 36, 43, 56
Левонко Зеновьев, себежский тяглый человек – 72
Левонов Игнашко, пушкарь – 112
Левонов (Левонтьев) Яким, сергиевский дьякон – 98, 100, 103, 104
Левонов Порошко, себежский пеший казак – 65
Левонтий, себежский ильинский дьякон – 80
Левонтьев Игнаша, себежский пушкарь – 78
Левонтьев Перфир, староста Спасской церкви – 109
Левонтьев Симанко, себежский стрелец – 65, 79
Леницын (Ленин, Леница, Каленицын) Ефим Александров, посадский, молодой тяглый человек – 96, 101, 103, 104
Леонтьев Михаил Парфеньев, успенский пономарь – 110
Леонтьев Обрамко, пушкарь – 112
Лех, крестьянин – 198, 203
Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев), самозванец – 127, 135, 157
Лжедмитрий II, самозванец, Тушинский вор – 5, 16, 18, 19, 129 132, 135 141, 144, 145, 147, 149, 153, 157, 164, 201, 242, 263
Лжедмитрий III, самозванец, Псковский вор Сидорка (Матюшка) 5, 16, 18, 141, 149 157, 160, 162, 163, 165, 166, 168 172, 208, 244
Лизухин Истомка, себежский воротник – 68, 78
Линев Кобяк, голова в Великих Луках – 52
Лисовский Александр Иосиф, польский полковник – 14, 18, 23, 49, 134, 138, 139, 142 145, 147, 149 152, 154, 156, 157, 162 166, 170, 172, 175 182, 186, 189, 190, 206, 209, 218, 263
Литвинов Василий – 90
Лихарев Алексей, невельский помещик, племянник Бориса Лихарева – 166
Лихарев Борис Степанович, осадный голова (голова) в Заволочье, Невеле Великих Луках – 51, 53, 54
Лихарев Борис Степанович, пусторжевский помещик – 223

Лихарев Борис Федорович, голова – 53, 54
Лихарев Борис Федорович, пусторжевский помещик – 223
Лихарев Борис, наместник на Опочке – 40
Лихарев Борис, невельский помещик – 166
Лихарев Петр, пусторжевский помещик – 223, 224
Лихарев Петр Федорович, невельский и пусторжевский помещик – 168, 229
Лихарев Федор Степанович, наместник на Опочке, голова в Невеле – 39, 40, 54, 97, 103, 111
Лихачев Иван Алексеевич – 233
Ловушка Илейка, себежский стрелец – 67
Логинов Малга, себежский тяглый человек – 73
Логинов Матвейко Латыш, крестьянин – 197
Логинов Петрушка, себежский стрелец – 79
Логинов Сенька, себежский тяглый человек – 72
Лодыгин Василий Федорович, голова на Себеже – 40, 159
Лодыгин Василий, помещик Шелонской пятины – 159
Лодыгин Гаврила Васильевич, воевода Себежа – 13, 158 161, 176, 177, 231
Лодыгин Дмитрий Васильевич, брат Г. В. Лодыгина – 159, 231
Лодыгин Иван Васильевич, брат Г. В. Лодыгина – 159, 231
Лодыженский Кузьма Тимофеевич, невельский помещик – 229
Лодыженский Первой, невельский помещик – 229
Лодыженский Петр, невельский помещик – 236
Лодыженский Федор Первово, невельский помещик – 229
Лодыженский Федор Петрович, невельский помещик – 168, 229
Ломаков Третьяк Васильев, помещик – 108
Лубова Агафья, вдова, жена Ивана Лубова – 98
Лубьев (Лувьев) Петр Жданов, пушкарь – 98, 109, 110
Лубьева Матрена, вдова, жена Ждана Лубьева – 98
Лувьев (Лубьев) Ждан, владелец мельницы – 109
Лугменев (Лугвенев) Федор Иванович, голова новгородцев – 216, 250, 255
Луговской Томила, думный дьяк – 254
Лука крестечник, себежский пушкарь – 63
Лукин Бориско, себежский пеший казак – 66
Лукин Василий, слуга Крика Ефимьева – 206
Лукин Трофимка, себежский пеший казак – 79
Лукин Федька, себежский стрелец – 66
Лукомский Петр Максимович, луцкий и невельский помещик, стрелецкий голова в Невеле – 135, 147, 168, 169, 182, 183, 212, 215, 218, 219, 227, 228, 245, 248, 262
Лукьянов Омельянко, себежский стрелец – 67, 82
Лукьянов Падора, себежский казенный плотник – 74, 75, 80
Лукьянов Филипко, тяглый житель Себежа – 73
Лунев Игнашко Андреев, пушкарь – 112
Лунев Петруша Олферьев, пушкарь – 113
Лутохин Семен, дьяк – 255
Лутьянов Володька – 104
Лыжин Н. П. – 241
Лыков Борис Михайлович, князь, боярин – 205
Лысков Гаврилка Якимов, дворцовый крестьянин – 99
Львов Алай, невельский помещик – 169

Львов Алексей Мизайлович, князь, воевода – 207
Львов Майк, невельский помещик – 164
Львов Петр Андреевич, себежский помещик – 63, 80, 84, 86, 87, 199, 202
Львов Северга (Сергей) Петрович, стрелецкий голова на Себеже – 12, 194, 199, 200, 202, 226, 229, 230, 239, 246, 247, 252, 253, 255
Львов Семен Майков, невельский помещик – 165, 208, 232
Ляпунов Гриша, себежский пушкарь – 68
Ляпунов Прокопий Петрович, руководитель ополчения – 145, 147, 150, 204
Лях Иванко, присяженин – 86
Лях Иванко, себежский стрелец – 67
Ляцкий Иван Васильевич, воевода – 44

М

Маврин Богдан, стрелецкий сотник в Изборске – 244, 245, 252
Макарий, митрополит – 30
Макаров Архип, дворцовый крестьянин – 99
Макаров, дворцовый крестьянин – 99
Макаров Левонка, посадский – 112
Макаров Никита Петров – 104
Макаров Петруша, пушкарь – 98, 100
Макаров Томилко, себежский стрелец – 69
Маков Прокопий, псковский посадник – 28
Максимко калачник, себежский казак – 73
Максимка тележник, посадский – 99
Максимов Казаринко, посадский человек, лучанин – 131, 136
Максимов Конан калачник, себежский пеший казак, лавочник – 74, 75
Максимов Левка, пушкарь – 100
Максимов Михалка, пушкарь – 100
Максимов Онфимка Беспорточник, себежский тяглый человек – 73
Максимов Степанко, себежский пеший казак – 67
Малеин А. И. – 31
Малов Осипка, себежский тяглый человек – 73
Малов А. В. – 10, 13, 163, 177, 178, 208, 219 221, 225
Малой Мурашка (Павлов Малый), стрелец – 96, 98
Малофеев Куземка, себежский пеший казак – 68
Мамон, себежский казак – 65
Марина, вдова, Митрофанова дочь – 81, 82
Марков Афанасий Иванович, луцкий и невельский помещик – 128, 183, 224, 225, 237
Марков Ишук, невельский помещик – 224, 225
Марков Матвей, невельский гонец в Москву – 213
Мартемьяна, старица Ильинского монастыря, лавочница – 61, 74 77
Мартынов Иванко, себежский пеший казак – 67
Мартынов Кирилко, пушкарь – 100
Мартынов Андрюшка, крестьянин – 199, 200
Марьица, вдова – 72, 73
Марья, жена Ширяя Ододурова – 94, 97
Масехин Богдан, себежский конный казак – 203, 248
Маслов Прокоп – 124
Масолов Н. В. – 9
Матвеев Васька Мщицын, себежский пеший казак – 65, 79
Матвеев Васька, себежский тяглый человек – 73
Матвеев Исачка, себежский пеший казак – 65, 81
Матвеев Киприянко, пушкарь – 100, 106
Матвеев Мокей – 92
Матвеев Степанко свечник, себежский стрелец – 69

Матвеев Филипко, себежский стрелец – 71
Матвей, себежский тюремный сторож – 62
Матвейка кузнец, себежский тяглый человек – 73
Матвейко, себежский троицкий пономарь – 86
Матрена, вдова – 98
Медведев Зихна (Зинон Васильев), крестьянин – 96, 97
Медведев Иванка, крестьянин – 201
Медведев Максим, себежский казак – 62
Мезин С. А. 5, 179, 244
Мекишан (Мекшан) Якушко, казачий крестьянин – 191, 203
Мельницкий Иван Семенович, дозорщик – 244
Меньшов Н. П. – 17
Мерзляков Михаил, казачий атаман в Себеже – 12, 203, 239, 247
Меселка Васька – 99
Мещанинов-Морозов Григорий Иванович, писец – 19, 21, 32, 56, 58 60, 83, 86, 95, 96, 111, 126, 195, 199, 201
Мещерский Григорий Федорович, князь, воевода – 45
Мещерский Иван Афанасьевич, воевода Порхова – 12
Микита, пятницкий дьячок – 113
Микитин Гриша, себежский воротник – 70, 78, 84, 86
Микитин Леонтий, себежский ильинский дьякон – 61, 76
Микитин Офонька, себежский рожественский пономарь – 77
Микитка ларечник, себежский тяглый человек – 73
Микитка старец, себежский тяглый человек – 73
Микифорко Красногородец, себежский тяглый человек – 73
Микифоров Микулка Белый, себежский пеший казак – 69, 81
Микифоров Окатко Толокнянин, себежский казенный кузнец – 70, 84
Микифоров Ортемко, себежский пеший казак – 69
Микифоров Филипко, себежский тяглый человек – 73
Микула, себежский дьякон церкви Живоначальной Троицы – 61
Микулин (Микушин) Константин, поп (см. Башин) 97
Микулин Гришка Доросовский, себежский пеший казак – 62, 81
Микулин Нефедка, себежский конный казак, гонец – 203, 239
Микулин Родивонка, себежский казенный плотник – 78
Милевский О. Н. – 36
Милославский Григорий, новгородец – 216
Милославский Михаил, дьяк – 180
Минин Иван, священник церкви св. Сергия Радонежского в Опочке – 28, 98, 101, 104, 105, 110
Минин Кузьма, руководитель Нижегородского ополчения – 15, 169, 171
Митин Калинка, пушкарь – 106
Михаил Федорович Романов, царь – 5, 8, 11 13, 20, 21, 49, 128, 135, 153, 154, 170, 173 183, 185, 192, 201, 204 206, 208, 209, 215, 216, 220, 221, 227, 228, 230, 232, 233, 235, 236, 244, 252, 256, 257, 264
Михайлов А. А. – 36
Михайлов Васька, себежский стрелец – 62, 79
Михайлов Васька, фоминский дьячок – 103
Михайлов Захарка, себежский тяглый человек – 72
Михайлов Иванка, пушкарь – 101
Михайлов Кит, себежский воротник – 67, 78
Михайлов Максимко, себежский стрелец – 62, 79

Михайлов Мина, священник Спасской церкви в Опочке – 28, 110, 111
Михайлов Савка, стрелец – 101, 104
Михайлов Темка, себежский тяглый человек – 73
Михалкин Карп, себежский стрелец – 79
Михеев Афоня, себежский пушкарь – 63, 71, 74
Михеев Васька вельянин, себежский пушкарь – 75, 80, 81
Михеев Михалко (Чекенев?), себежский стрелец – 66
Мнишек Марина – 127, 129, 131, 169
Мнишек Юрий, Сандомирский воевода – 127
Мокей Petniev (Петнев?), луцкий помещик – 147
Моклок (Моклоков?) Иван Данилович, пусторжевский помещик – 233
Молвяников (Молдяников) Яков – 94, 96
Молвянинов Василий Иванович, воевода Заволочья – 51
Молвянинов Макар Васильевич, пусторжевец – 222, 234
Молвянинов Семен Яковлевич, воевода Невеля – 219, 220, 245, 248
Моложенин Шарап, помещик Деревской пятины – 178
Монастырев Филимон, пусторжевский помещик – 229
Мордовина С. П. – 21
Мороз Петруша банник, себежский конный казак – 77, 83
Мосейко седельник, себежский тяглый человек – 72
Мотовилов Кондрашка, себежский пеший казак – 81
Мотякин Афанасий Иванов, помещик – 108, 118, 119, 122, 125
Мстиславский Федор Иванович, князь, боярин – 155
Мужилов (Мужило) Иванка, пушкарь – 98, 106
Мунехин Мисюрь, дьяк – 29
Муравский Соболевич, татарской ротмистр, пан – 210
Муравьев Герасим Арсеньевич, воевода Старой Руссы – 157
Муравьев Матвей Шаврук, воевода Опочки – 260, 261
Мурза Осип (Алешка) Гаврилов, воротник – 96, 100, 103, 110
Мусоргский Ен (Иван) Федоров сын, новгородец – 30
Мусорский Петр Иванович, луцкий помещик – 135, 183
Мякинин Григорий Прокопьевич, луцкий помещик – 168
Мякинин Данила Андреевич, луцкий помещик – 228
Мякинин Михаил Андреевич, луцкий помещик – 128, 237
Мякинин Михаил, невельский помещик – 224, 225, 229
Мякинин Окул Андреевич, луцкий помещик – 228
Мякинин Тимофей, луцкий помещик – 228
Мякишев (Микишев) Петруша Федоров, себежский десятник конных казаков – 70, 82, 85, 88
Мякишев Иванка – 89
Мякухин Гриша Иванов сын, дворцовый крестьянин – 99
Мякухин Кипря, пушкарь – 98
Мясной Судок – 55
Мятлев Н. – 252, 253, 255, 256, 257, 260

Н

Надеин Федор, псковский помещик – 237
Назаренко А. В. – 31
Назарьев Иванка, себежский воротник Кремских ворот – 80
Назимов Алексей, пусторжевский помещик – 167
Назимов Богдан Васильевич, воевода Заволочья – 262
Назимов Василий, новгородец – 216, 239

Назимов Григорий Богданович, пусторжевский помещик – 233
Назимов Лаврентий Нежданов, помещик – 194, 202, 203
Назимов Матвей, невельский гонец в Москву – 213
Назимов Нездан – 202
Назимов Семен Богданович, пусторжевский помещик – 167
Назимов Семен Нежданов, помещик – 194, 202, 203
Назимова Варвара, жена Алексея Назимова, вдова – 167
Накапаной Гаврилка, крестьянин – 195, 196
Наливайко Андрей, полковник запорожских казаков – 16, 23, 158
Наливайко Северин, руководитель казачьего восстания на Украине – 157
Насонов Ондрюшка, себежский стрелец – 70, 82
Насонов А. Н. – 22
Настасья, Данилова жена, вдова – 77
Наумко проскурницын, себежский пеший казак – 67
Наумов Андрей Федорович, сеунщик – 189
Наумов Василий Петрович, воевода – 213
Наумов Самсонка, себежский казак – 67
Нащокин Андрей, новгородец – 216
Нащокин Воин – 94, 96, 97
Нащокин Ермола, воевода в Красном – 35, 47
Нащокин Иван Денисьев, воевода Опочки, Гдова – 249, 261
Нащокин (Ордин) Матвей Михайлов, помещик – 118, 119, 122, 125
Нащокин Савва Васильев, помещик – 122
Недьяков Жданко, себежский стрелец – 79
Недьяков Сенька Родивонов, себежский стрелец – 66, 79, 82
Неелов Василий, помещик – 94, 97
Неелов Герасим, пусторжевец – 221
Неелов Иван, пусторжевский помещик – 222
Неелов Иван Андреевич, стрелецкий голова, второй воевода Себежа – 12, 13, 158 161, 177, 190 192, 242, 243, 252, 255
Неелов Михаил, дозорщик – 244
Неелов Федор Юрьевич, пусторжевский помещик – 229
Неелов Юрий, помещик – 94, 97
Неклюдов Алексей, помещик, городовой приказчик – 94, 97, 100
Неклюдов Василий Алексеев, помещик – 96, 97, 104, 106, 107, 108
Неклюдов Захар Андреев, помещик – 118, 119, 123, 125
Неклюдов Иван Алексеев, помещик – 107
Неклюдов Михаил Алексеев, помещик – 94, 97, 107
Неклюдов Федор Никитич, дозорщик – 244
Неклюдов Шибан Алексеев, помещик, осадный голова в Красном – 49, 94, 97, 106 108
Непенин Лаврентий Алексеевич, луцкий помещик – 233
Неплюев Макар (Марк), голова в Заволочье – 51
Неплюев Степан Степанович, луцкий помещик – 214
Неплюев Федор Гаврилов – 30
Нестерко пастух, себежский тяглый человек – 72
Нестеров Миша, ямщик – 114
Нестеров Онкудинко Селиванов, пушкарь – 110
Нестеров Селиван, владелец нивы – 106
Нефедьев (Нефедов) Якуш (Якушка), себежский пушкарь – 63, 70, 76, 78, 80
Нефедьев Федор Иванович, луцкий помещик – 128, 237

Нечаев Елизарий, себежский помещик – 63, 65, 73, 77, 86, 87, 199, 202
Нечаев Иван Иванович, голова в Себеже – 40
Низовцев Матвей, пусторжевский помещик – 222
Никита Вареных ног, себежский тяглый человек – 72
Никитин Василий (Васька), спасский дьякон (дьячок) 101, 104
Никифоров Гаврилка Проскурницын, себежский стрелец – 79
Новиков Мишка, пушкарь – 94, 97
Новиков Никифор, пушкарь – 106
Новосильцев Федор – 30
Ногин Андрей, осадный голова в Острове – 50
Ногин Андрей, помещик – 96, 97
Ногин Андрей Петрович, помещик – 50, 94, 107
Ногин Андрей Тимофеевич, помещик – 50, 245
Ногин Богдан Михайлович, псковский помещик – 135, 184
Ногин Богдан Третьяков, приказчик дворцвых влостей – 253
Ногин Василий Петрович, помещик – 94, 97, 107
Ногин Петр Андреевич, стрелецкий голова – 257
Ногин Степан, псковский помещик, казачий голова – 193, 234, 238 240, 246
Ноздреватый Григорий, князь, воевода в Себеже – 35
Норицын Якушко Васильев, себежский стрелец – 68

О

Обакшин Константин Микулин сын, сергиевский поп – 98
Обашихин Онашка, стрелец – 115
Оболенский Иван Федорович, князь, воевода в Себеже, Заволочье – 41, 51
Оболенский Тимофей, князь, пусторжевский помещик – 167
Оболенский-Телица Иван Федорович, князь, воевода в Великих Луках – 53
Обольнянинов Петр, новгородец – 216
Оботуров Чета, дьяк – 241
Образцов Василий Иванович, стрелецкий сотник в Красном – 111, 112, 115, 117
Обросимов Иванка, себежский тяглый человек – 73
Обросимов Федька, петровский дьячок – 105
Обрютин Матвей Сергеевич, лучанин – 212, 215
Обрютин Яким, лучанин (луцкий помещик) 228
Овсевьев Гриша, казенный кузнец – 101
Овсевьев Ивашка, пусторжевец – 223
Овцын Григорий Семенович, воевода Заволочья – 51
Овчинников Мишка Петров – 116
Огарев Василий Никитич, голова в Невеле, Гдове – 53, 54
Огарев Иван Никитич, голова в Заволочье – 51
Огарев Федор Васильевич, пусторжевский помещик – 229
Огафьица, вдова – 65
Огибалов Афанасий, стрелецкий голова – 130
Огибалов Иван Федорович, помещик – 123
Огибалов Петр Иванович, помещик – 118 120, 123, 125
Одинцов Семен, невельский помещик – 168
Одноков Кирилко, себежский пеший казак – 69
Одоев Мельшик, владелец нивы – 106
Ододуров Ширяй, помещик – 94
Ододуров Яков Федорович, приказчик дворцовых волостей – 253
Одоевский Иван Никитич, князь, боярин – 5, 175, 201
Ожогин Иван, новгородец – 216

Окинфиев Микула, ивановский дьякон – 64
Оксентьев Гаврила, себежский пеший казак – 65
Оксентьев Тимошка, себежский стрелец – 70
Оксиньица, вдова – 73, 79
Окулич-Казарин Николай Фомич, псковский краевед – 7
Окунев Андрей Прокопьев, воевода Опочки – 261
Окунев Леонтий Андреевич, осадный голова Себежа – 40, 61
Оладьевский Тереха Демидов, дворцовый крестьянин Себежского уезда – 161
Олександров Олха, себежский поместный казак – 85
Олексеев Ондрейко, себежский тяглый человек – 73
Олексеев Сенька, себежский воротник – 68, 78
Олесницкий Миколай, польский посол – 131
Олешка, крестьянин Василия Неклюдова – 106
Олисов Кирил, стрелец – 106
Олферьев Игнашко Левонов, пушкарь – 112, 116
Олферьев Родион, купец – 255
Олфимов Гриша Свечник, толмач – 113, 116
Олфимов Якуш, себежский казак – 64
Омельянов Давыдко, крестьянин – 199
Омельянов Иванка, крестьянин – 199, 200
Омосов Софон (Софронка), себежский стрелец – 62, 82
Ондреев Иванко, себежский пеший казак – 67
Ондреев Карпик плотник, себежский пеший казак – 82
Ондреев Кирилка вельянин, себежский стрелец – 79
Ондреев Кирьян, себежский стрелец – 65
Ондреев Лучка горшок, себежский пеший казак – 79
Ондреев Олферко сапожник, себежский стрелец – 79
Ондреев Онисим – 104
Ондреев Федька, себежский стрелец – 73
Ондронов Иванка, себежский воротник – 84 86
Ондронов Тиша ржевитин, себежский пеший казак – 70, 81
Ондрюша Килка, себежский тяглый человек – 73
Ондулев Матвейко Андреев, крестьянин – 199
Онисимов Якуш, себежский казак – 65
Оносья, игуменья Успенского монастыря – 97, 98, 102
Онтипин Сидорка, себежский пеший казак – 82
Онтошко скоморох, себежский стрелец – 64
Ордин-Нащокин Андрей, осадный голова на Опочке, в Красном – 40, 49
Ордин-Нащокин Воин Гаврилов, помещик, голова на Себеже – 40, 107, 108
Орлов Гаврилка, себежский стрелец – 83
Орников Андрюшка, крестьянин – 196
Орников Якушка, крестьянин – 196
Ортемов Лавер (Лаверка, Лаврик), сергиевский пономарь – 101, 103
Ортемов Степанко, себежский пеший казак – 67
Осипов Гриша, спасский дьячок – 112, 113
Осипов Иванка, успенский дьячок – 104
Осипов Ивашка, посадский – 103
Осипов Ондрюшка, крестьянин – 196
Осипов Петруша, пушкарь – 98, 106
Осипов Ратайка, себежский конный казак – 90

Осипов Тимошка, стрелец – 100
Осокин Конанко Иванов, пушкарь – 113
Осокин Онкудинко Офонасьев, пушкарь – 113
Осокин П. Г. – 9
Останков Андрюшка, крестьянин – 194, 201, 203
Остафьев Васька псковитин, себежский конный казак – 90
Остафьев Иван, купец – 255
Острожский Константин, литовский гетман – 29, 30, 31
Отлипаев Гаврила, подьячий Разрядного приказа – 213
Отоманов Микитко, себежский стрелец – 69
Отрепьев Григорий (Лжедмитрий I), самозванец
Отяев Зубатой, наместник в Красном – 46
Офонасьев Олеша, себежский стрелец – 62
Офонасьев Ортемка, себежский пеший казак – 81
Офремов Богдашка, себежский пеший казак – 82
Офремов Васька, себежский пеший казак, лавочник – 69, 74, 75, 76, 85, 86
Офремов Лавер, сергиевский пономарь – 101
Офремов Микитка, себежский тяглый человек – 72
Офремов Михалко, себежский пеший казак – 67, 68
Офремов Павел, дворцовый крестьянин – 99
Офремов Федоско, себежский пеший казак – 70
Офремов Федька, себежский пеший казак – 62, 81, 84
Офремов Филя станочник, себежский стрелец – 65
Офросимов Б. Н., художник-любитель, опочецкий помещик – 93, 95
Офросимов Степан, пусторжевский помещик – 221
Офросимов Яков Данилович, пусторжевский помещик – 217, 222

П

Павлов Володька, крестьянин – 199
Павлов Гриша, себежский пеший казак – 65, 79
Павлов Лутьянка, стрелец – 96, 98
Павлов Ортемий, себежский покровский поп – 63, 77, 78
Павлов Филип (Фиша), себежский воротник – 69, 78
Павлов Филип, житель Опочки – 104
Палехнов Сава, владелец нивы – 106
Палицын Андрей Федорович, московский воевода – 180, 182, 184, 185, 186, 205, 213, 233
Палицын Степан, новгородец – 156
Палка, присяжеинин – 86
Панкратов Куземка, молодой тяглый человек – 100
Панов Н. А., протоирей – 7
Пантелей, князь Олыскый, ливонский посол – 42
Парихина Марья, вдова, жена Гриши Парихина – 98
Парфений, пречистенский пономарь – 110
Парфенов (Парфеньев) Ширяйка, себежский пушкарь, лавочник – 63, 74, 75, 81
Парфеньев Куземка, себежский тяглый человек – 73
Парфеньев Минка, себежский пеший казак – 81
Пастухов Иванко Омельянов, себежский пеший казак – 69, 81
Пастухов Олекса, себежский пеший казак – 65
Пасынков Андрей Петрович, луцкий помещик – 236
Пасынков Ишук, лучанин (луцкий помещик) 228
Патрушев Богдан, пскович – 250
Пахрин Ю. П. – 9
Пашкова Агрофена , вдова – 98

Пашковский Адам (он же Лашков Адам) 96
Пеганко, литовский человек, грабитель – 161, 162
Перетрутов Иван, псковский помещик – 231
Перетрутов Максим, голова на Опочке – 39, 111
Перферьев Никифорко, успенский пономарь – 101
Перхов Зеновко, стрелец – 100, 106
Перхов Миша, успенский пономарь – 104
Пестинский Троша Савин, стрелец – 98
Пестов Андрей, дворцовый приказчик – 113
Пестов Федька, себежский воротник – 64, 78
Петр Федорович, самозванный царевич (Илейка Муромец) 129
Петр I, император – 17, 60
Петрей Петр, шведский дипломат – 23, 170, 171
Петренко А. С. – 18
Петров Епимашко, себежский пеший казак – 69
Петров Калиста рыбник, себежский пеший казак – 80
Петров Назарка, непашенный бобыль – 195, 196
Петров Олиско, себежский пеший казак – 65
Петров Петрушка, пушкарь – 101
Петров Федька красногородец, себежский пушкарь – 61, 80, 85, 86
Петров Г. В. – 9
Петрутов Василий, псковский помещик
Петрутов Григорий, псковский помещик
Пиминов Бухна (или Пиминка Бухна Онтонов), посадский – 112, 116, 117
Пиотровский Станислав, ксендз, польский хронист – 36, 48
Писемский Гаврила Иванович, второй воевода Невеля – 218, 219, 245
Платонов С. Ф. – 14, 52, 57, 102
Платонова Р. И. – 19, 57
Плетенберг Вальтер, польский комиссар (посол) 255
Плешанова И. И. – 183
Плещеев Захарий Иванович, писец – 33, 58, 102
Плещеев Иван – 163
Плещеев Иван Дмитриевич, псковский воевода – 241
Плещеев Наум Михайлович, воевода – 135, 184
Плещеев Смерд Иванович, второй воевода в Себеже – 35
Плещеев Федор Михайлович, великолукский наместник и воевода – 130, 131, 132, 136
Плоскирев Гриша, себежский тяглый человек – 72
Плотник Кирилл, пушкарь – 98
Побединский, пан, псковский воевода, лютеранин – 133
Погодин М. П. – 14, 22, 25, 129, 144, 176, 254
Погожев Леонтий, пусторжевский помещик – 223
Погожий (Погожев) Федор, невельский помещик – 164, 249
Подлуткий Васька, дворцовый крестьянин – 99
Подорван (Подорванов) Богдан, казачий атаман в Себеже – 12, 203, 239
Пожарский Дмитрий Михайлович, руководитель Нижегородского ополчения – 169, 170, 171, 173, 174, 250, 264
Позняков Кирил Полуехтов, себежский никольский дьячок с Крему, лавочник – 68, 74, 75, 77, 78
Полашка, вдова – 73
Поливанов Злоба Воронцов, пскович – 30
Полторацкий А. В. – 21, 185, 186

Полуехтов Фомка, себежский пеший казак – 65
Полуехтов. Сергей, себежский никольский поп с Крему – 61, 63, 77
Помещиков Матвей, подьячий, дозорщик – 244
Попков (Попов) Симанка Ермолин, себежский стрелец – 62, 81
Попов Гаврилка, пушкарь – 101, 106
Попов Гришка Иванов, себежский стрелец – 76, 82
Попов Олиско, себежский пеший казак – 65
Попов Осип, стрелец – 106
Попов Офонька Фомин – 117
Попов А. Н. 171
Попов Н. А. – 19, 128, 176
Попова Авдотья, вдова, жена Михаила Попова – 98
Порецкий Андрей Троянов, псковский воевода, «литвин» 133
Порозов Михаил, дворцовый крестьянин – 118
Поросский Василий Кузьмин, себежский конный казак – 89, 92
Порохов Семен Иванович, невельский помещик – 216, 217
Поршень Федька, себежский тяглый человек – 72
Порываев Богдан, казачий атаман – 207, 213, 214, 231, 248, 249, 253
Поспеев Фомка, себежский стрелец – 64
Поссевино Антоний, дипломат – 38
Постельников (Котельников) Калинко, себежский пушкарь – 71
Потапов Алеша, пушкарь – 106
Потапов Семен, пусторжевский помещик
Потафьев Кирилко, себежский стрелец – 64
Поткин Тимофей, псковский посадник – 28
Поярков Лукьян, пусторжевский помещик – 222
Прибытков Агафон, себежский пушкарь – 66, 84, 85, 86
Прозоровский Семен Васильевич, князь, стольник и воевода – 153, 175
Проскура Степанко Ермолкин, себежский стрелец – 197
Просовецкий Андрей Захарович, казачий атаман, бывший тушинский воевода – 134, 138, 142, 143, 144, 145, 147
Пузов Иванко Семенов, пушкарь – 112
Пуляев Артемий Осипович, воевода Опочки – 260, 261
Пунинской Ортемко, литовский человек, грабитель – 161
Пургилев Мартынко, охотницкий ямской крестьянин – 199
Пустошкин Алексей Юрьевич, воевода в Псково-Печерском монастыре – 157, 244
Пустошкин Степан Андреевич, голова новгородцев – 253, 255
Пустошкин Степан, новгородец – 216, 250
Путимец Микита, казачий атаман – 209, 210
Путятин Иван Семенович, князь, воевода Опочки – 260, 261
Путятин Петрушка, торопчанин – 131
Пух (Пуховик) Девонис (Денис) Григорьев, дворцовый крестьянин – 99, 104
Пучков Кузьма, владелец мельницы – 118
Пучков Осип, дворцовый крестьянин – 99
Пушечников Михаил Прокофьев, голова пусторжевцев – 234, 255
Пушечников Прокофий, голова в Заволочье, Невеле – 51, 54
Пушкин Гавриил Григорьевич, думный дворянин и воевода – 135
Пущин Иван Самсонов, лучанин (луцкий помещик) 228
Пушкин Суббота Степанович, осадный голова (воевода) в Великих Луках, Заволочье, Невеле – 51 54

Пыжов Василий Яковлев, воевода в Красном – 46
Пышнев Алексей Григорьев, пушкарь – 98, 106, 110

Р

Рабинович Я. Н. – 5, 13, 132, 179, 205, 244
Рагозинский Станислав, польский воевода в Нейгаузене – 157, 244
Радзивилл, «подчашей» 204
Радилов Максим, русский уполномоченный – 259
Рам Томаш, польский комиссар (посол) 255
Рахманинов Селиванка Федоров, себежский конный казак – 90
Репнин-Оболенский Михаил Петрович, князь, воевода – 45
Решетов Тит, дворцовый крестьянин – 99
Ржевитин Радивошко, непашенный бобыль – 199
Ржевский Иван, пусторжевский помещик – 167
Рогаткин Гриша, дворцовый крестьянин – 99
Рогоза Устинко Нестеров, пушкарь – 113
Родивошка, успенский казак – 98
Родион, пятницкий пономарь – 113
Родионко плотник, себежский конный казак – 62, 72
Родионов Иванка, пушкарь – 100, 103, 104
Розладин Василий, воевода Себежа – 63
Рокотов Богдан, челобитчик королю Сигизмунду, помещик – 138, 152
Рокотов Иван, осадный голова в Красном – 49
Рохманинов Олекса Офонасьев, себежский стрелец – 79
Рохманинов Селюга, себежский конный казак – 83
Рубцов Исачка стрелец – 100, 104
Рукавичников Тимошка Федоров – 197
Рукавичников Якушка Федоров – 83, 197
Русин (Русинов) Васька Ондреев, себежский конный казак – 81, 85, 86, 89
Рутвен Патрик, полковник вахтмистр – 246
Рыба Микитка, себежский пеший казак – 67
Рютнев Якуш Трофимов, себежский конный казак – 67, 79, 90
Рябинин И. С. – 148
Рядов Дмитрий, себежский пушкарь – 66

С

Саблер Г. – 241
Сабуров Андрей Васильевич, псковский наместник – 29, 30
Сабуров Замятня Иванович – 55
Сабуров Иван Васильевич, воевода в Великих Луках, окольничий – 52
Сабуров Иван Иванович, воевода в Великих Луках, окольничий – 52
Савва, себежский успенский дьякон – 61
Савельев Иван, невельский казачий атаман – 189
Савин Прошка, стрелец – 106
Савич А. А. – 14, 49, 256
Савостеев Иванка Козлов, себежский пушкарь – 64, 78
Салтанов Васька Степанов, себежский стрелец – 70, 81
Салтанов Игнашка, непашенный бобыль – 196
Салтанов Куземка, себежский стрелец – 70, 79
Салтанов Мартынко, непашенный бобыль – 196
Салтыков Дмитрий Борисович, воевода в Великих Луках – 52
Салтыков Иван Михайлович, боярин, воевода Великого Новгорода – 139 144, 147, 149

Салтыков Михаил Глебович, боярин, лидер Семибоярщины – 137, 140
Салтыков Борис Михайлович, боярин – 24
Салтыков-Морозов Василий Михайлович, наместник в Опочке – 28
Самарин Богдан, новгородец – 216
Самойлов Дорошка, себежский стрелец – 65, 66
Самсонов Федька Филипов, себежский конный казак – 89
Самсонов Филя Ортемьев, себежский стрелец, лавочник – 66, 74, 75
Самулка (Семилка), себежский воротник – 78
Самулка (Самилка), себежский стрелец – 198
Сапега Лев, литовский канцлер – 55, 155, 165, 167, 206
Сапега Ян Петр Павлович, усвятский староста – 16, 130, 133, 136 138
Сапунов А. П. – 8
Сарпунов Ульян Омельянов, дворцовый крестьянин – 98, 103, 106, 110
Сарпунов Ушак, дворцовый крестьянин – 98
Сафонов (Софронов) Офонька, себежский пеший казак – 65, 79
Свербеев Иван, себежский городовой приказчик – 64, 66, 77
Свиньин Василий, спасский дьякон – 105
Себежанин Ивашка, пушкарь – 258
Себежанин Федька Григорьев, пушкарь – 258
Седельников Гришка Иванов, бобыль – 99
Седловской Офоня (Офонаска) Михеев, себежский пушкарь, лавочник – 63, 71, 74, 75
Седов П. В. – 16
Седун Сенька, воротник – 103
Секирин Перфирий Иванович, воевода – 207
Селиванов (Селиверстов) Онкудинко, воротник – 98, 100
Селиванов Истомка (вельянин), себежский пушкарь – 65, 75
Селиванов Скурат, посадский – 103
Селиванов Федор, себежский успенский поп – 66, 77
Селиверстов Василий, казачий атаман – 185
Селиверстов Офоня, себежский стрелец – 62, 80
Селин Микита Иванович, пусторжевский помещик – 233
Селин А. А. – 218, 230, 231
Семен, себежский ильинский дьякон – 61
Семенов Бориско, себежский казак – 66
Семенов Васька, себежский тяглый человек – 73
Семенов Демешка, себежский тяглый человек – 73
Семенов Иванко, себежский пеший казак – 66, 81
Семенов Корнилка, стрелец – 115
Семенов Костя мясник, себежский конный казак – 68, 90
Семенов Нечайко, крестьянин – 97
Семенов Родька, стрелец – 115
Семенов Самуха (Самуля, Муха), земский дьячок – 97, 101, 104, 106, 110
Семенов Трофимко, казенный плотник – 100
Семенов Юшко, себежский пеший казак – 70
Семенов Яков ямщиков, себежский конный казак – 90
Сенька воротник, себежский пеший казак – 62
Сенька Лисица, себежский пеший казак – 62
Сенька, себежский тяглый человек – 73
Сергеев Васька, себежский тяглый человек – 73
Сергеев Дорошка, себежский пеший казак – 68
Сергеев Тимофей, войсковой есаул – 185

Сергеев Томила, дьяк в Старой Руссе – 157
Серебреник Ждан, посадский человек – 180
Сеславин Павел, помощник воеводы Изборска – 177, 243, 245
Сестреев Михалко, пушкарь – 98, 101, 106
Сивицкий Юрий, польский комиссар – 258, 259
Сивицкий Б. В., первый директор Себежского музея – 19, 57
Сивяк (Сивяков) Игнаш (Игнатка) Остафьев, себежский десятник конных казаков – 70, 81, 88
Сигизмунд III, польский король – 13, 16, 20, 129, 131, 134, 137 144, 146 149, 152, 154 156, 157, 164, 165, 167, 169, 170, 173, 178, 179, 205, 210, 212, 242, 248, 254, 264
Сидорка свирельник, себежский конный казак – 71
Сидоров Беляйка, себежский пеший казак – 82
Сидоров Лашук, себежский стрелец – 62, 82
Сидоров Логинко, себежский стрелец – 64
Сидоров Лучка, кабацкий откупщик – 206
Сидяка (Седун) Сенька Юрьев, воротник – 98, 100
Симанов Сенька, себежский стрелец – 62
Симанский Борис, голова – 253
Симанский Иван Леонтьевич, пусторжевский помещик – 141, 142, 152, 166
Симанский Иван Тихонович, челобитчик королю Сигизмунду – 138, 152
Симанский Иван Третьяков, псковский помещик – 135, 183
Симанский Яков Тихонович, челобитчик королю Сигизмунду – 138, 152
Симонов Богданко, себежский пеший казак – 70, 80
Синцов Ждан, невельский помещик – 168
Сиротин Богдан Данилович, псковский помещик – 164, 179, 215, 217, 236
Сиротин Богдан, псковский помещик, стрелецкий голова – 236, 237
Сиротин Данила, пусторжевский помещик – 138
Скобельцин Глеб, осадный голова в Красном – 49, 151
Скобельцын Захар, помощник осадного головы Себежа – 40
Скобельцын Константин, себежский осадный голова – 35, 40, 61, 80
Скобельцын Макар Девятого, приказчик дворцвых волостей – 253
Скобельцын Тарасий Петрович – 253
Скоков Макарка Федоров, себежский стрелец – 69, 81
Скоморохов Онтошка Петров, себежский стрелец – 81
Скоморохов Якуш Петров, себежский стрелец – 81
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь, боярин – 23
Скрынников Р. Г. – 15, 16, 158, 171
Скудин Григорий, псковский помещик – 164
Скудин Никита Рохманинов, осадный голова в Себеже – 40
Скудин Микита, осадный голова в Острове – 50
Скулеев Никита Иванович, луцкий помещик – 128, 237
Скуратов Ортюшка, владелец нивы – 106
Скуратов Федька, стрелец – 101, 104
Слушаевский Иванка – 112
Смагин Андрюшка Иванов, себежский конный казак – 62, 65, 79, 88, 89
Смочаж Герасимка, крестьянин – 198
Смык Сенька Ильин, пушкарь – 101
Сназин Афанасий Елизарьев, помещик – 194, 201 203
Сновидов Иван Иванов, помещик – 108

Сновидов Тимофей Иванович, псковский помещик – 250
Собакин Борис (Богдан), воевода Белой – 131
Собакин Микула, себежский конный казак – 90
Собакин Сергей Степанович, псковский воевода – 241
Соболь Трофимка, себежский стрелец – 65
Собянин (Собанин) Федька, себежский конный казак – 203, 248
Созонов Левошка (см. Железново Бобу Левошка) 96, 99
Созонов Офонаска (см. Железново Бобу Офонаска) 96, 99
Сокол, польский воевода – 30
Соколинский Михаил, князь, воевода Полоцкий – 186
Соколов, себежский казак – 77
Соловьев С. М. – 10, 14, 241
Соловьева Т. Б. – 21
Солодохин Ермолка, стрелец – 115
Сомра Иван, посадский человек – 180
Сопцов Лавр (Лаверка) Потафьев, посадский – 104, 110
Сопцов Савка, молодой тяглый человек – 101, 104
Сопцов Ульянка, владелец огорода и нивы – 104, 106
Сорочнев Иван Никитич, посол, голова – 180, 182, 183, 209, 210
Софийский Л. И. – 7, 12, 14, 19, 26 28, 30, 33, 39, 56 58, 93 97, 102, 153, 261
Софонов Курбат Иванович, помещик из Серпейска – 185
Софронко, крестьянин – 196
Софронов Иванка, себежский стрелец – 82
Софронов Матюша, себежский стрелец – 82
Сохин Василий Михайлов (Ионин Василий), фоминский дьячок – 96, 98, 101
Спасителев Иван, воевода – 189
Спиров Васька, себежский пеший казак – 65, 82
Спица, дворник Клинского монастыря Рождества Богородицы – 64
Сприкутов Степанко, крестьянин – 201
Срезнев Иван Семенов, сын боярский – 30
Станиславский А. Л. – 21
Станищев Дмитрий Лазаревич, осадный голова на Опочке и в Себеже – 40
Старый (Старого) Алексей Михайлович, писец – 33, 58, 102
Стелихин Микитка, ямщик – 114
Стенюков Исак, себежский конный казак – 198, 203
Степанка старец, себежский тяглый человек – 72
Степанко, крестьянин – 192
Степанов Васька Дьяков, себежский никольский дьячок – 63, 77, 78, 85
Степанов Васька кузнец (Кузнецов), себежский пушкарь – 70, 75, 78, 80
Степанов Иван, успенский поп – 101, 103
Степанов Лукьянка, посадский, молодой тяглый человек – 99, 101, 104
Степанов Марко, себежский пеший казак – 65
Степанов Михалко, себежский пеший казак – 65
Степанов Ондрюша, себежский кузнец, лавочник – 74, 75
Степанов Петрушка, себежский стрелец, лавочник – 64, 74, 75, 79
Стефан Баторий, польский король – 16, 23, 33 38, 40, 47, 48, 53, 68, 83, 86, 118, 121, 123, 138
Стехнов Сенька, крестьянин – 201
Стехнов Терешка Сенькин – 201
Стобырин Малафейко Герасимов, пушкарь – 112
Стобырин Обрашко Леонтьев, пушкарь – 112
Стасюлевич М. М. – 12

Стравников (Строчников) Бориска Семенов Медведев, себежский конный казак – 65, 79, 90
Струсь, полковник – 254
Стрыйковский М., польский хронист – 26
Суворов Н. С. – 57
Судимантов (Судимонтов, Судиментов) Максим (Максак), воевода на Опочке – 35
Судоплат (Судоков) Васька, себежский стрелец – 65, 79
Сумароков Афанасий Андреевич, пусторжевский помещик – 128, 237
Сумароков Воин, пусторжевский помещик – 234, 235
Сумароков Девятого, пусторжевский помещик – 222
Сумароков Иван Данилович – 253
Сумароков Иван, пусторжевский помещик – 234, 235
Сумароков (Соморуков) Никита Иванович, сеунщик, стрелецкий голова – 207, 262
Суморощкий Иван Иванович, псковский помещик – 164, 165, 208
Суморощкий Иван, пусторжевский помещик – 135, 183, 216
Сунгуров Матвей Федорович, луцкий помещик – 128, 237
Сухорук Григорий, казак станицы Богдана Порываева – 207
Сухотин Л. М. – 20, 135, 142, 147 149, 155, 159, 179, 182, 184, 193, 218, 234
Сыдавный Васильев, думный дьяк – 231, 249
Сылтанов Васька, крестьянин – 196
Сылтанов Петрушка, крестьянин – 196
Сыромятников Алеша Савин (крестьянин Василия Неклюдова) 97, 104
Сыромятников Митька, стрелец – 98
Сыромятников Якуш, крестьянин – 97
Сытин Андрей – 50

Т

Таможенник Самулка Максимов, никольский дьячок – 101, 103
Таможник Ждан Федоров, пушкарь – 110
Таможник Исачка Кирилов сын – 99
Таможник Мурашко Кирилов, пушкарь – 98, 100, 106, 110
Тананин Василий, староста дворцовых сел из Спасской губы – 97
Тарасов (Тарасьев) Игнашка, себежский стрелец – 69, 70, 73
Тарасов (Тарасьев) Микитка, себежский рождественский дьячок – 66, 77
Тарасов Гришка, себежский стрелец – 66
Тарасов Иванка, себежский воротник – 70, 78
Тарасов Сава, дворцовый крестьянин – 99
Тарасов Федька, пушкарь – 113, 116
Тарасьев Онанья, купец – 255
Татищев Алексей Григорьевич, участник переговоров – 255
Татьянин Иван Иванович, голова псковичей – 255
Телепнев Ефим – 250
Теренин Федька, пушкарь – 101, 104
Терентьев Филип, опочецкий пушкарь – 104
Тизенгауз Готарт Ян, польский комиссар (посол) 255
Тимашев Александр Фомич, псковский помещик – 230, 231, 253
Тимашев Андрей Тиханов, псковский помещик – 230
Тимашев Василий Степанович, осадный голова в Острове – 50
Тимашев Степан Фомич, псковский помещик – 230, 231
Тимофеев Алексей – 104
Тимофеев Иванка, пскович – 116

Тимофеев Федор, себежский покровский дьячок – 64, 78, 85
Тимофеева Наталья, проскурница – 113
Тимошина Л. А. – 21
Тиреканов Кондашка, крестьянин – 201
Тиреканов Куземка Носко, крестьянин – 201
Тиреканов Михалка, крестьянин – 201
Титов Калинка, пушкарь – 101
Тиханов Иван Семенович, луцкий помещик – 210
Тихна (Тихан Васильев), крестьянин – 96, 97
Тишков Захар, себежский стрелец – 62, 82
Токмаков Иван Юрьевич, князь, воевода в Великих Луках – 52
Толокнянин Окатко, себежский казенный кузнец – 85
Толстого (Толстоногов) Фомка Дмитров, себежский конный казак – 69, 79, 89, 91, 92
Толстой Михалка, себежский конный казак – 81
Толстой (Толстоухов) Михалко, спасский дьячок – 98, 105
Толстой Нечайко Александров (Алексеев), себежский конный казак – 70, 79, 89
Толстоухов Михайло успенский дьячок – 103
Топырин Иванка, дворцовый крестьянин – 112
Торокан (Тороканов) Сергейко Иванов, себежский казачий пятидесятник – 69, 71, 84
Тороканов Онашка (Олешка Семенов), себежский пеший казак – 71, 82
Травин Л. А., первый историк города Опочки – 27
Трезуб Ондрейко, тяглый житель Себежа – 73
Третьяков Фома Иванович, воевода в Красном – 45
Троекуров Иван Федорович, князь, стольник и воевода Пскова – 255, 258
Трофимов Мануха, себежский казак – 66
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, боярин, руководитель ополчения – 147, 150, 153, 156, 171, 173, 174, 180, 186, 264
Трусов Вельямин Григорьевич, воевода Острова – 244, 245, 252
Трусов Иван Григорьевич, новгородский помещик – 244
Тулуп, литовский ротмистр – 191
Туманка Латыш – 88, 89
Тургенев Игнатий, приказчик дворцовых сел – 97, 104
Туренин Василий Иванович, князь, воевода Торопца – 178
Туров Василий Федорович, воевода Себежа – 12, 254, 256, 257, 260
Туров Федор Иванович, осадный голова в Острове – 50
Тынин Юрий, сын боярский – 133
Тыртов Алексей Афанасьевич, луцкий помещик – 168
Тыртов Иван Романович, луцкий помещик – 128, 233, 236, 237
Тыртов Степан Афанасьевич, лучанин (луцкий помещик) 228
Тюменцев И. О. – 16, 131, 132, 137, 144, 145
Тюняков Олекса (Олешка) Тимофеев, пушкарь – 112, 113, 117
Тютчев Абрам Внуков, луцкий помещик – 147
Тютчев Внук Третьяков, луцкий помещик – 147
Тютчев Третьяк, луцкий помещик – 147
Тюфякин Федор Васильевич, воевода, князь, воевода в Себеже – 35

У

Угарин Федька – 106
Угораниха Марья Васильевна, вкладчица Успенского монастыря – 110

Ужевиков Петруша, себежский пеший казак – 65
Ульянов Богдан Андреевич, помещик – 118, 119, 124, 125
Ульянов Леонтий Семенович, помещик – 118, 119, 123, 125
Ульянов Ондрюша, сергиевский дьячок – 100
Урусов Петр – 147, 149
Усов Андрей Васильевич, можайский помещик, челобитчик королю Сигизмунду, воевода Себежа – 12, 137, 239, 242, 243
Усов Иван Васильевич, челобитчик королю Сигизмунду, можайский помещик – 137
Ушаков Карп Никифорович, пусторжевский помещик – 128, 237
Ушаков Карп Никонов, стрелецкий голова, второй воевода Изборска, Себежа – 12, 226, 242, 243, 247, 252, 255 257, 260
Ушаков Никита Иванович, пусторжевский помещик – 166
Ушаков Никон Юрьев, второй воевода (голова) Заволочья, Невеля – 51, 54

Ф

Фалалейка, себежский казак – 64
Фаренсбах Йохан, шведский командир – 157
Федор, себежский пеший казак – 65
Федоров Андрюшка, себежский пушкарь -61
Федоров Васька Русинов, себежский успенский дьячок – 65, 66, 77
Федоров Гаврилка, себежский стрелец – 198
Федоров Гриша, стрелец – 100
Федоров Демешка – 101
Федоров Дорофей, себежский троицкий дьякон – 61, 77
Федоров Иванка, себежский воротник Летних ворот – 63, 78
Федоров Ждан, владелец нивы – 106
Федоров Иванко, себежский пеший казак – 66, 76, 77
Федоров Кирил Боран, себежский ямщик – 61, 72, 92
Федоров Матюшка, себежский стрелец – 66, 79
Федоров Митрофан, себежский успенский дьякон – 64, 66, 77
Федоров Петр – 55
Федоров Селюга (Селиванко), себежский конный казак – 70, 81
Федоров Степанка, себежский пушкарь – 80
Федоров Тимоха, себежский стрелец – 71
Федоров Федосей, спасский поп – 100
Федоров Фомка, гонец в Великие Луки – 136
Федоров Якушка, крестьянин – 198
Федоров Т. В. – 9
Федорова Матрена вдова, вкладчица Успенского монастыря – 103, 110
Федосов Миша, пушкарь – 101
Федосьица, вдова – 72
Федотов Окат, себежский стрелец – 66
Федотьев Иван, спасский поп – 112, 113
Федька скорняк, себежский стрелец – 65
Федюкин Василий, сын боярский из Ряжска – 236
Феодора, вдова, жена казака Федора Лиственского – 79
Ферзин Оксенко Иванов, крестьянин – 196
Фетисов С. А. – 18
Филарет, Ростовский митрополит, патриарх – 22, 170, 254, 257
Филатов Илейка, стрелец – 110
Филипов Кондратко, себежский пеший казак – 65
Филипов Нечайка, себежский пеший казак – 79
Филипов Федька, себежский конный казак – 79
Филька красильник, себежский пеший казак – 62
Филя станочник, себежский стрелец – 71

Фомин Александр Васильевич, луцкий помещик – 233
Фомин Марко Лужилов, себежский стрелец – 64, 79
Фомин Офромейко, крестьянин – 195, 196
Фофанов Семейка Меншик (Меньшой), опочецкий городовой приказчик – 97, 100, 104, 108
Фофанов Ульянко, себежский воротник – 67, 78
Французова Е. Б. – 21

Х

Ханев Михал, пушкарь – 106
Ханев Федька, пушкарь – 106
Харин (Харитонов) Осип, дворцовый крестьянин – 99
Харин Омельянко, непашенный бобыль – 199
Харин Осип – 204
Харитонов Васька, себежский пеший казак – 65
Харитонов Осип, дворцовый крестьянин – 104, 110
Харитонов Савка, владелец нивы – 106
Харитонов Федька, пушкарь – 113, 117
Харламов Алексей Васильевич, помещик – 70, 77, 80, 86, 87, 203
Харламов Василий, помещик – 80, 197
Харламов Василий, тюремный сторож – 114, 116
Харламов Воин, помещик – 69, 195, 197
Харламов Воин Яковлевич, себежский стрелецкий сотник – 64, 69
Харламов Григорий, себежский стрелецкий сотник – 64, 79
Харламов Иван Семенович, помещик – 194, 195 197, 203
Харламов Семен Васильевич, помещик – 70, 77, 86 88, 203, 253
Харламов Семен, воевода в Острове – 177, 226, 243, 244
Харламов Семен, помещик – 195, 226
Харламов Степан Васильевич, помещик – 68, 71, 77, 84, 86, 194, 195, 197, 198, 203
Харлампьев (Харламов) Федька (Федотка), себежский троицкий дьячок – 61, 72, 80
Хвостов Андрей Михайлович, осадный голова в Красном – 41, 48, 111, 116, 125
Хвостов Андрей, осадный голова в Себеже – 41
Хвостов Степан, голова в Невеле – 54
Хмелев Богдан Федорович, лучанин (луцкий помещик) 228
Хмелев Владимир, лучанин (луцкий помещик) 228
Хованский Иван Федорович, князь, псковский воевода – 153, 157, 176, 180, 190 192, 204, 206, 240
Ходкевич Ян Кароль, литовский гетман – 134, 143, 149, 150, 169, 204
Холопов Гаврила Данилов – 30
Холопов Константин Данилов – 30
Хомутов Федор Григорьевич, луцкий помещик – 142
Хонев Дунай Онисимов, стрелец – 98
Хонев Тереха Максимов – 99
Хохлов Васька, кабацкий откупщик – 206
Хорошкевич А. Л. – 31, 143
Хотков Анишко, крестьянин – 200
Храмцов Гриша, себежский пушкарь – 68
Хрипунов Кирил, себежский казачья голова – 61, 66, 68, 71, 77, 80, 83
Хрипунов Роман, луцкий помещик – 178
Хромцов Ортюшко, себежский пеший казак – 65

Ц, Ч

Царицын Федор Иванов, себежский ильинский поп – 61, 76, 77, 80, 85
Цветаев Дмитрий, управляющий Архивом (МАМЮ) 95
Цвиконской, литовский пан – 46

Цыпляк Васька, себежский тяглый человек – 73
Чальцов Федька, себежский тяглый человек – 73
Чекенев Михалка Михеев – 80
Чепчугов Никифор, воевода Себежа – 63
Черкас, литовский воевода – 44
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь – 180, 185, 189
Черномаз Иван, себежский пеший казак – 65
Черный (Чернов) Якуш (Яков) Григорьев, себежский казачий пятидесятник – 65, 79, 85, 86, 88, 91
Черный Офоня, себежский ямщик – 76
Черняк, литовский воевода – 28
Чечулин Н. Д. – 56, 57, 111, 112, 115 117
Чиган, себежский пеший казак – 82
Чириков Григорий Михайлович, стрелецкий голова – 12, 255 257
Чириков Федор, помещик – 94, 97, 99, 123
Чиркин Иван Григорьевич, псковский помещик, голова псковичей – 231, 253, 255
Чиркин Иван Молчанов сын – 253
Чирков (Чириков) Гаврила Никитин, помещик – 94, 99, 108, 118 120, 123, 126
Чихачев Иван, пусторжевский помещик – 221, 238
Чихачев Иван Иванович, пусторжевец, воевода Опочки – 163, 227, 229, 238, 240, 242, 252
Чихачев Иван Михайлович, пусторжевский помещик – 166, 167
Чихачев Федот, пусторжевский помещик – 148, 167
Чоглоков Александр Борисович, воевода Красного – 47
Чоглоков Александр Игнатьевич, воевода Торопца – 141
Чоглоков Михаил, воевода – 45
Чюлпа Андрюшка, себежский стрелец – 198

Ш, Щ

Шалимов (Шелимов) Гаврила Михайлов, пушкарь – 110
Шалин Микула, себежский казак – 66
Шамин Иван, воевода – 29
Шамков Лимонко Алексеев, крестьянин – 197
Шамков Сафонко Алексеев, крестьянин – 197
Шапилов Беляй, себежский пеший казак – 65
Шара Иванка Филипов, себежский казак – 69, 71, 73
Шара Прошка Симанов, себежский стрелец – 82
Шарабаил Андрей, успенский дьякон – 198
Шатилов Девятой, пусторжевский помещик – 166
Шаховской Андрей Константинович, князь, воевода (голова) на Опочке, в Великих Луках – 35, 39, 53
Шаховской Василий Андреевич, князь, воевода в Великих Луках – 135, 136, 142
Шаховской Мирон Михайлович, князь – 255
Шаховской Михаил Иванович, князь, голова в Невеле – 54, 55
Шаховской Семен Данилович, воеводa Опочки – 252, 260
Шаховской Семен Иванович, князь, воевода, писатель – 185, 186
Швиндер (Швидебан) Бартоломей, польский комиссар (посол) 255
Шевелев Иванко, себежский пеший казак – 69, 81
Шеин Михаил Борисович, боярин – 254
Шеламанова Н. Б. – 17, 193
Шелимов Гаврилка, пушкарь – 106
Шемет (Шеметов) Иванка Ларивонов, себежский пушкарь, лавочник – 66, 74, 75, 78
Шемякин А. Н. – 23, 171
Шербинин Нефед Юрьев – 30
Шереметев Борис Петрович, стольник – 132

Шереметев Иван Васильевич Меньшой, воевода – 46
Шереметев Петр Никитич, воевода Пскова – 130, 132
Шереметев Федор, воевода – 45
Шершнев Осташка, литовский человек, грабитель – 161
Шестунов Данила, пусторжевский помещик – 148, 152
Шестунов Иван Васильевич, воевода Себежа – 12, 242, 243, 245, 247, 252
Шетилов Тихомир Лукич, пусторжевский помещик – 233
Шиберовский Петруша, пушкарь – 98, 101, 110
Шиперевский (Щеберевский) Федька, пушкарь – 98, 101, 106
Шипулин (Шипуля) Костя, себежский пеший казак – 65, 79, 82
Широносов Иван Федорович, пусторжевский помещик, голова, сеунщик – 187, 188, 210, 211
Ширяев Иван, голова в Красном – 46
Ширяев Истомка, пономарь себежского Ильинского женского монастыря – 61, 74 77, 81
Ширяй, полковник запорожских казаков – 16, 23, 158
Шихманов Неустройко Офонасьев, себежский конный казак – 65, 72, 81
Шишеев Ивашка Иванов, себежский конный казак – 65, 82, 90
Шишкин Иван Неудачин, пусторжевец – 250
Шишкин Михаил, осадный голова на Опочке – 40
Шкигин Гришка Латыш, крестьянин – 200
Шкигин Степанко, крестьянин – 200
Шмидт С. О. – 258
Шуйский Иван Андреевич, князь, воевода – 46
Шуйский Пуговка Иван Иванович, князь, боярин – 254
Шумилов Гаврилка – 106
Шумов Иван, казачий атаман – 214
Шустов Семейка, подьячий, дозорщик – 244
Шушерин Еремей, пусторжевский помещик – 222
Шушерин Яков, осадный голова в Острове – 50
Щеголев Девятый Семенов, себежский конный казак – 90, 91
Щелкан, себежский казак – 64
Щеня Даниил, боярин, воевода – 28
Щепин-Ростовский Иван Дмитриевич, князь, воевода Опочки, Заволочья, Великих Лук – 39, 51, 53
Щепин-Ростовский Иван Петрович, князь, воевода Невеля – 54
Щербак Иванко Степанов, пушкарь – 112, 116, 117
Щербак Осипко, себежский пеший казак – 67
Щербак Фомка Степанов, пушкарь – 112, 116
Щеребицкой (Щиберевский) Петруша, пушкарь – 101
Щетнев Федька Юрьев, себежский конный казак – 81, 89
Щипун Петрушка, себежский стрелец – 71

Э, Ю, Я

Эрик XIV, шведский король – 84
Юренев Захарий Петрович, лучанин (луцкий помещик) 228
Юрлов Гаврилко, себежский стрелец – 64
Юрьев Алексей, сергиевский поп – 100, 110
Юрьев Иван, себежский сергиевский поп – 64, 77, 78
Юрьев Капа, себежский казак – 65, 66
Юрьев Киприан (Киприянко, Карп), себежский пушкарь – 65, 70, 71, 85, 86
Юрьев Сенька – 104
Юрьев Федор, лукинский поп – 100
Юхан III, шведский король – 84

Юшков Андрей Алексеевич, пусторжевец – 211 213
Юшков Семой Алексеевич – 233
Языков Василий Деев, луцкий помещик – 128, 237
Якимов Иванко Надежа, себежский конный казак – 84, 89
Якимов Кузьма, себежский троицкий поп – 61, 77, 83
Якимов Меньшик, пятницкий поп – 100
Якимов Онуфрейко, себежский стрелец – 70
Яковлев Иван Петрович, боярин, воевода – 45
Яковлев Иван – 104
Яковлев Марк, себежский стрелец – 82
Яковлев Наумко, себежский стрелец – 68
Яковлев Овсейка, себежский тяглый человек – 73
Яковлев Ортюшко, стрелец – 98
Яковлев Савка, кабацкий откупщик – 206
Яковлев Семен Дементьевич, псковский воевода – 255, 257, 258
Яковлев Сенька вельянин, себежский стрелец – 70, 79
Яковлев Сенька, себежский сергиевский дьячок – 63, 64, 80
Якубовский Ян, польский пан – 209
Якуш портной мастер, себежский пеший казак – 69
Якуш рукавичник, себежский пеший казак – 62
Ямской Микита Федорович, губной староста в Острове – 50
Ямской Семен Федоров, помещик – 118, 120, 123, 126
Ямщиков Баран, себежский пеший казак – 81
Янин В. Л. – 31, 143
Янсупин Янгильдей, служилый татарин – 143, 145
Яхонтов Абрам, пусторжевский помещик – 222
Яхонтов Иван, пусторжевский помещик – 222

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Лист Великолуцкого наместника и воеводы Федора Плещеева Усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, о запрещении порубежным жителям производить грабежи в Великолуцком, Невельском и Заволочцком уездах. 1608, июля 15 // АИ. Т. 2, № 88. С. 120

Найяснейшаго и непобедимаго Самодержца, Великого Государя Дмитрея Ивановича, Божиею милостью Цесаря и Великого Князя всеа Русии и всех Татарских царств, Московские монархии подлеглых, Государя Царя и Обладателя, их Царского Величества от Великолутцкого наместника и воеводы от Федора Михайловича Плещеева, на Усвят, подстаросте Усвятцкому пану Юрью Коховскому.

В нынешнем во 116 году Июля в 12 день, били челом Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Русии Самодержцу, три городы, Луки Великие, Невль, Заволочье, а в тех городех Государя нашего воеводы, и городовые прикащики, и головы стрелецкие и сотники, и все приказные люди, и розсылщики, и пушкари и стрелцы, и воротники, и плотники, и ямские слободы охотники, и посадцкие старосты и целовальники, и все Лучане, и Невляне, и Заволочане, посадцкие люди, и тех трех городов в станех и в волостех старосты и целовалники, и дворян и детей боярских приказщики, и крестьяне, и всякие люди, о своих винах Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Русии Самодержцу, добили челом и повинные челобитные Государю принесли.

А яз, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, три городы, Луки Великие, Невль и Заволочье, воевод и приказных и всяких людей Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, к его Государеву крестному Целованью привел.

А добили челом Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Русии Самодержцу, его Государевы люди, дворян и детей боярских приказщики, и крестьяне, и всякие люди, Лутцкого уезда, из-за рубежа, что из Усвятцких волостей приходят в Государя нашего землю воры розбойным обычаем, и людей Государя нашего побивают, и животы их грабят, и крестьян за рубеж в полон с собою сводят, а иных на смерть побивают, и многие обиды и насилства, в Лутцком уезде, дворяном, и детем боярским, и их людем и крестьяном чинят великие.

И ты бы, подстаросте Усвятцкий пане Юрьи Коховской, в Усвятцком уезде тех воров, которые приходят в Государя нашего землю, в Лутцкой уезд, воровским розбойным обычаем, и людей Государя нашего побивают, и животы их грабят, и обиды и насилства чинят, и вперед бы ты, пане Коховский, тем вором, порубежным всяким людем заказ крепкой учинил, чтобы Государя вашего люди в Государя нашего землю, в Лутцкой уезд, воровским розбойным и никаким обычаем не приходили, и людей Государя нашего не побивали, и жывотов их не грабили, и насилства и обид никому ни чинили, чтобы меж Великими Государи, меж Великого Государя нашего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, и меж вашего Жигимонта Короля, было тихо и безмятежно и беззадорно.

А что, пане Кохановской, о том твой будет сыск, и ты бы о том ко мне отписал с посланцом моим, а посланца бы моего не задержал.

Писан Великого государя нашего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, в вотчине, на Луках Великих, лета 7116 году Июля 15 день.

Приложение 2

Отписка Бельского воеводы Богдана Собакина, о поимке на Погорелом Городище мужиков с грамотами от Самозванца о задержании на дороге литовских послов. 1608, авуста 3 // АИ. Т. 2, № 90. С. 121

Господам князю Володимеру Тимофеевичю да Ивану Олександровичю, Борис Собакин да Воин Давыдов, да Дмитрей Раковской челом бьют.

Августа, господине, в 3 день писали к нам, изо Твери, Осип Хрипунов да Федор Михайлов, что писали к ним с Погорелова Городища князь Семен Татев да Гаврило Пушкин:

Июля вы 28 день, ехали деи от вора, из полку, Лучанин посадцкой человек Казаринко Максимов да Торопчанин посадцкой человек Петрушка Путятин, с воровскими грамоты;

и сын боярской деи Старичанин Иван Муханов тех мужиков, с воровскими грамоты, переимали и привели к ним в Погорелое Городище;

а в грамотех деи пишет от вора, в Торопец, и на Луки, и в Невль, и на Заволочье, что отпущены с Москвы Литовские послы и Литовские паны:

и тех городов приказным людем поставити сторожи крепкие, и беречи того накрепко, чтоб Литовских послов и Литовских людей переимать и в Литву не пропускати, и где их поимают, тут на их тюрмы поставити, да посажати в тюрмы.

Подлинник писан столбцом, на листке. Был сложен пакетом, имеет на обороте надпись: Господам князю Володимеру Тимофеевичю да Ивану Олександровичю.

Из коллекции актов, приобретенных в Швеции корреспондентом Археографической Комиссии г. Соловьевым.

Приложение 3

Письма разных лиц к гетману Яну Сапеге: боярина и воеводы Федора Плещеева и наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова, о снятии копий с грамоты Лжедмитрия и возвращении подлинной Сапеге; о посольстве гонцов из разных городов к Лжедмитрию; о размене пленных, о намерении Торопчан принести повинную Лжедмитрию. 1610, мая 7 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12–LXXII. С. 79–81

С. 79. Наияснейшаго и непобедимого самодержца, великого государя Дмитрея Ивановича, Божиею милостию цесаря и великого князя всеа Русии, и всех татарских царств и иных многих государств, московские монархи подлеглых, государя царя и обладателя, их цесарского величкества, от государева царева и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии, боярина и воеводы Федора Михайловича Плещеева, да от государевых наместников и С. 80 воевод: от князя Василья Ондреевича Шеховского, да от Петра Ондреевича Горяинова, пану Яну Петра Павловича Сапеге, костеляновича киевского, старосте усвятцкого и керепетцкого.

В нынешнем 118 году, Мая в 5 день, писал ты к нам с Лучанином с посадцким человеком с Козаринком Максимовым, да с Фомкою с Федоровым, и прислал с ним к нам государеву цареву и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии,

грамоту, за его государеваю печатью.

И мы тое видя великого государя нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии, грамоту, обрадовалися всем миром; а списав с тое государеве грамоте списки слово в слово, послали во все городы, чтобы весь мир, слыша государево многолетное здоровье, радовались о его государеве многолетном здоровьи; а на твоей любви много челом бьем.

И мы с тое государеве цареве и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии, грамоте списав слово в слово, да тое государеву грамоту послали к тебе с твоими посланцы, запечатав своею печатью.

Да ты ж к нам писал, чтобы нам послати к тебе от себя с Лук Великих к государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичу, всеа Русии, гонцов с грамоты изо многих государевых городов и прислати б нам тех гонцов к тебе на Усвят с грамоты; а ты де подлинно пойдешь к государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Русии, после Велице дня на пятой недели в четверг.

И мы к тебе послали Псковских и Иванегородцких и Ямских и Себежских и Опотцких и Лутцких и Заволотцких гонцов, и тебе бы тех гонцов к государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Русии, провести.

Да ты же к нам писал: которые у нас есть полку пана Костенетцкаго и Друшлякова изыманые козаки, и нам бы их не побить и отпустить их к Костенетцкому и к Друшляку; а который наш полон С. 81 у Костенетцкого и у Друшляка, и тебе бы их велети сыскати, а сыскав, государевых людей к нам на Луки отпустить.

А которые у нас есть полку пана Костенецкого и Друшлякова изыманы, и те люди розосланы по городом, и мы по них по городом послали тотчас; а как их к нам на Луки приведут, и мы их к ним отпустим тотчас.

А как к тебе наши гонцы приедут, и тебе бы к нам о том отписати, чтобы нам про то было ведомо.

Писан в вотчине великого государя нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии, на Луках Великих, лета 7118 году, Маия в 7 день.

Да нынешняго же 118 году, Маия в 4 день, да Маия ж в 6 день, вышли на государево царево и великого кязя Дмитрея Ивановича всеа Русии имя многие выходцы из Торопца; а в Торопце, господине, нам сказывают:

как де оне Торопчане услышат, что ты пойдешь под Торопец, и оне де хотят государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии добити челом и повинную к нам на Луки хотели прислать.

И тебе бы, господине, ити к государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, близко Торопца, и от себя в Торопец писать, чтобы оне государю добили челом и вину свою к государю принесли, и к нам с повинною прислали;

а мы, господине, также о том в Торопец учнем писати, чтобы оне государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии добили челом и к нам на Луки с повинною прислали.

А как пойдешь, и ты бы, господине, однолично с нами обослался.

Приложение 4

Отписки Великолуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова Усвятскому подстаросте Юрию Коховскому, о невозможности выдать гетману Сапеге требуемые им деньги. 1610, июля 7 и 15 // АИ. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 285. С. 343–346

1

С. 343. Наяснейшаго и непобедимого Самодержца Великого Государя Дмитрея Ивановича, Божиею милостию Цесаря и Великого Князя всеа Русии, и всех Татарских царств и иных многих государств, Московские монархии подлеглых, Государя Царя и Обладателя, их Цесарского Величества,

с Лук Великих, от Государевых и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии Великолуцких наместников и воевод, от князя Василья Ондреевича Шеховского да от Петра Ондреевича Горяинова,

и от головы стрелецкого от Леонтия Кашинцова, от сотников стрелецких, и от казачьих отаманов и от всего войска, и от выборных людей от Федора Шаха да от Данила Бобровника с товарыщи, да от стрелецких пятидесятников от Ивана Матвеева с товарыщи, да от посадцкого старосты от Федора Омельянова, да от земских целовалников от Павла Маслова с товарыщи, и от пятидесятников и от десятников стрелецких, и от рядовых стрелцов, и от посадцких людей, и от всего миру,

подстаросте Усвятцкому Юрью Коховскому.

В нынешнем 118 году Июля в 4 день писал к нам, на Луки Великие, Ян Петр Павлович Сапега, каштелянович Киевской, староста Усвятцкой и Керепетцкой,

ко Государеву боярину и воеводе к Федору Михайловичу Плещееву,

с Усвята, с паном Дмитреем Киреевым с товарыщи, и прислал с ним Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамоту;

а в его Государеве Цареве и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамоте пишет к его Государеву боярину и воеводе к Федору Михайловичю Плещееву:

что де у тебя, на Луках Великих, в сборе томожных и кобацких денег или каких доходов нибуди, что ни есть, и Государь Царь и Великий Князь Дмитрей Иванович всеа Русии своему Государеву боярину и воеводе Федору Михайловичю те все денги велел дати пану Яну Павловичю Сопеге, кто ему тое Государеву грамоту привезет;

а колько он, и из каких доходов, денег ему даст, и Государь велел у него в том взяти отпись, и о том ему велел Государь отписати к себе к Государю.

Да к нему ж Государеву боярину и воеводе к Федору Михайловичю и к нам писал пан Ян Сапега, а в Сапегиной грамоте пишет:

послал к нему Государеву боярину и С. 344 воеводе к Федору Михайловичю и к нам, на Луки Великие, Государь Царь и Великий Князь Дмитрей Иванович всеа Русии свои Царские грамоты,

а велено, по Государеву указу, с Лук Великих и с уезду, всякие денежные доходы собрать, и собрав те денги, велел Государь ему дать, на его Государево дело, из тех денег пятнадцать тысяч золотых;

и нам бы те денги дати, из тех денег, пятнадцать тысяч золотых тебе подстаросте Усвятцкому Юрью Коховскому.

И ныне Государев Царев и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии боярин и воевода Федор Михайлович Плещеев во Пскове,

а в Государеве казне, на Луках Великих, никаких Государевых доходов нет:

а что было в Государеве казне Государевых доходов, кобацких и томожных и пустошных и озерных денег, и те денги, по Государеве Цареве и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамоте, Государев боярин и воевода Федор Михайлович Плещеев кобацкие и томожные и пустошные и озерные денги, и изо всяких доходов, взял себе, в Государево жалованье, и в тех денгах от Государева боярина у нас росписи;

а что после того в Государеве Цареве и Великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии казне кобацких и томожных и пустошных денег было собрано, и те денги, по Государевым Царевым и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамотам, отданы Лутцким стрелцом в Государево жалованье,

и нынеча на Луках на Великих в Государеве казне никаких Государевых денежных доходов в сборе нет.

А мы ныне сидим в осаде от Государевых изменников и кормим с себя, посадом, казаков и Черкасов;

а Луцкий уезд, станы и волости пусты все от Государевых изменников, и от Литовских людей и от Новгородцких и от Торопетцких людей вывоеваны и посечены.

Да мы ж, пане Юрьи Коховской, послали, с паном Дмитреем Киреевым, Иванегородцких гонцов Назарка Бозу да Иванка Тарасихина, с грамотами, к Государю Царю и Великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии,

и тебе бы пожаловати, тех гонцов к Государю отпустити с своими людми и до Государя их довести здорово;

а как их к Государю отпустишь, и тебе б пожаловати к нам отписати, чтобы нам про то было ведомо.

Писан в вотчине Великого Государя нашего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии на Луках Великих, лета 7118 году Июля в 7 день.

Подлинник писан на большом листе. Быв сложен и запечатан, имеет на пакете надпись: Подстаросте Усвятцкому Юрью Коховскому; там же отмечено; z Luk pierwszy list.

II

Нояснейшаго и непобедимого Самодержца Великого Государя Дмитрея Ивановича, Божиею милостию Цесаря и Великого Князя всеа Русии и всех Татарских царств и иных многих государств, Московские монархии подлеглых, Государя Царя и Обладателя, их Цесарского Величества, с Лук Великих, от Государевых Царевых и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии Великолутцких наместников и воевод, от князя Василья Ондреевича Шеховского да от Петра Ондреевича Горяинова,

да от головы стрелецкого от Левонтея Кашинцова и от сотников стрелецких, и от козачьих отаманов и от всего войска, и от выборных людей от Федора Шаха да от Данила Бобровника с товарыщи, да от пятидесятника

стрелецкого от Ивана Матвеева с товарыщи, да от посадцкого старосты от Федора Емельянова, да от земских целовалников от Павла Маслова с товарыщи, и от пятидесятников и от десятников стрелецких, и от рядовых стрелцов, и от посадцких людей, и от всего миру,

подстаросте Усвятцкому Юрью С. 345 Коховскому.

В нынешнем во 118 году Июня в 12 день писал ты к нам, на Луки Великие, с посланцом своим с Иваном Васильевым, а в листе твоем пишет:

преже сего послал ты к нам пана Яна Петра Сапеги, коптеляновича, слугу его, на имя Дмитрея Кирея, с грамотами, Великого государя нашего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии с грамотою, и с грамотою пана Яна Петра Сапеги, в которых грамотах Великий Государь наш Царь и Великий Князь Дмитрей Иванович всеа Русии до нас пишет, чтоб мы из Лутцких доходов дали пану Яну Петру Сапеге, на потребу Царскую, пятнадцать тысяч золотых, и нам бы те денги дати тебе пану Юрью Коховскому: и ты де не ведаешь, что то у нас за дума?

писали мы к тебе, что на Луках Великих в Государеве казне Государевых никаких денег в сборе нет;

что было в казне денег, и то Государев боярин и воевода Федор Михайлович Плещеев с собою во Псков свез, и будтося то наша неправда.

Да и то в твоем листе написано, что Федор Плещеев, для нашей измены и неправды, во Псков съехал; и коли даст Бог, Федор Плещеев будет с паном Лисовским у нас, и то все дело наруже будет.

Да в твоем же листе писано, будтося мы Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не хотим добра: коли бы де верою и правдою Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии служили, и мы б повеления Царского не ослушалися; и будтося мы посланника Государева Дмитрея Кирея не приняли честно, которой нам грамоты Царския привез.

Да в твоем же листе писано, чтоб нам было ведомо, что ты хочешь писати к пану своему, к Яну Петру Сапеге, нашу недобродетель, будтося мы Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не радеем, и пан Сапега ту твою грамоту подаст Государю нашему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии.

Да ты ж хочешь писати к Сапеге, будтося Лучанин Федор Шах молвил про Государя нашего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии такое слово, что дей сам Царь с Сапегою, под Смоленском, у Короля; а иные де рядовые люди говорили: много де таких Петров Павловичов есть;

и ты то ведаешь, что един у Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии пан Сапега, болшой гетман, в Царском войске есть, и будтося мы то на Государя и на Сапегу ложно говорим.

И нам бы Великолутцким воеводам писати к тебе грамоту: долго ли тебе у нас тех денег ждать?

Да в твоем же листе пишет: коли бы Сапега не верою Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии служил, и он бы не печаловался об нас.

Да в твоем же листе писано: что мы писали к тебе в грамотах своих, что мы Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа

Русии, как почали Государю радети и прямити, так и держимся его Царского имени и пана твоего Сапеги;

а пан твой Сапега как прямо ведет Государю Царю и Великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, так и нам Государьским людем, и ныне до тебя пишет, чтоб ты с нами советовал: будет на нас какие тесноты от Государевых изменников, и нам бы вскоре писати до Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии и до пана Сапеги, и пана твоего тотчас люди будут на помочь; а будет от нас измена, как, видишь, на то водитца, тогды нам всегды будет неупокой, как от Смоленска, так и от Белые, что будтося мы Государевы грамоты не приняли честно.

И тебе, пане Юрьи, в том Бог судит, что ты хочешь на нас писати к С. 346 Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, и к пану своему к Сапеге, неподелно, без сыску, и взводишь на нас на всех и на город изменное слово, будтося мы Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии не радеем и не прямим, и Государевых грамот честно не принимаем, и повеленья Государева не слушаем.

А мы Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, его прироженые и сконивечные холопи;

а как мы почали Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии служити и прямити, так мы и хотим и совершити, до скончания живота своего, от мала и до велика, единодушно и единомышленно,

и хотим головы свои складывати за прироженного Государя своего Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, и за Государево крестное целованье, на чом ему, Государю своему, крест целовали, и Государевы грамоты честно принимаем.

А посланцу вашему Дмитрею Кирею в том Бог судит, что он такое смутное неподелное слово тебе сказал, и измену взводит на весь город, на всяких людей, Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии всех нас в неверии ставить. а пану своему Сапеге нас неподелным словом остужает:

а мы у него у Дмитрея Кирея Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамоту, и Сапегину грамоту, принял честно, на всем мире, и его посланца чтили.

А про Федора про Шаха мы сыскивали накрепко, всякими сыски, подлинно, что Федор Шах про Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии такого слова не говаривал, что Государь и сам с Сапегою, под Смоленском, у Короля; и никоторые рядовые люди такого слова не говаривали, что много таких Петров Павловичев есть:

в том его Дмитрееве неподелном слове Бог судит, что он такое тебе смутное слово, неподелное, сказал, и в Государеве земли смуту чинит и ссору.

А Государев боярин и воевода Федор Михайлович поехал во Псков не для нашие измены, для Государева дела; а у нас измены и не бывало никоторые.

А мы, пане Юрьи Коховской, писали к тебе неложно, что на Луках Великих в Государеве казне никаких Государевых доходов в сборе нет:

что было в сборе, в Государеве казне денег, и те денги, по Государеве Цареве и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии грамоте, государев

боярин и воевода Федор Михайлович Плещеев, кабатцкие и таможные и пустошные и озерные оброчные денги, и изо всяких доходов, взял себе в Государево жалованье, и в тех денгах от Государева боярина у нас, в Государеве казне, отпись;

а что после того в Государеве казне кабатцких и таможных и пустошных денег было собрано, и те денги по Государевым грамотам, отданы Лутцким стрелцом в Государево жалованье,

и нынеча на Луках на Великих в Государеве казне никаких Государевых денежных доходов в сборе нет.

И мы о том писали к Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, с теми гонцами, которых ты ныне, на Усвяте, у себя наших гонцов держишь.

А мы ныне, на Луках на Великих, сидим в осаде от Государевых изменников, а кормим с себя, посадом, козаков и Черкасов, многих ратных людей;

а Лутцкой уезд, станы и волости все пусты от Государевых изменников, от Новгородцких и от Торопецких и от Литовских людей вывоеваны и выжжены и высечены.

Писан в вотчине Великого Государя нашего Царя и Великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии на Луках Великих, лета 7118 Июля в 15 день.

Подлинник писан на двух больших, склеенных С. 347 листах. Быв сложен и запечатан, имеет на пакете надпись: На Усвят, подстаросте Усвятцкому Юрью Коховскому; там же отмечено: z Luk drugi list.

Обе отписки из коллекции актов, приобретенных для Археографической Комиссии в Швеции.

Приложение 5

Лист Себежских Самозванцевых воевод Лодыгина и Неелова Полоцкому державцу Корсаку-Голубицкому, о воспрещении Литовцам набегов на Себеж. Себеж. 1612, марта 31 // АИ. Т. 2, № 334. С. 399–401

С. 399. Великого государя Царя и Великого Князя **С. 400** Дмитрея Ивановича, всея Русии Самодержца, его Царского Величества от воевод Себежских от Гаврила Васильевича Лодыгина да от Ивана Ондреевича Неелова, в Полоцк, державцу и наместнику Полоцкому пану Остафью Корсаку-Голубицкому.

Бил нам челом Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии Себежского уезда дворцовый крестьянин Терех Демидов сын Оладьевской, а сказал:

в нынешнем де во 120 году, на пятой недели Великого посту с, с пятницы к суботе, в ночи, приходили из-за рубежа, с Полоцкого повету, с Непоротовской волости, Литовские люди в Государя нашего его Царьского Величества вотчину, в Себежской уезд, в Оладьевича в дворцовую деревню, где он живет, присяжене, Пеганко с сыном, да Осташка Шершнев с двемя сыновами, да Огафонко Козихинской, да Ортемко Пунинской с братом и с иными с Литовскими со многими людми, розбойным и воинским обычаем,

и сына деи его Фомку изымали и вымучили у него в ямах десять четьи жита да коробью с платьем с верхним и с исподним, а в коробье было платья на де... рублев с полтиною, да взяли четверы пчолы, да четь гороху, да четверть семени конопляного, да с сына его сняли кафтан сер нов, цена тридцать алтын с полугривною, да шапку черлену, цена десять алтын, да топор дровосечной, цена шесть алтын, и сына деи его замучили и покинули замертва; а всего деи живота его взяли на десять рублев и на тридцать на один алтын, да двенадцать четьи хлеба, да четверы пчолы,

– и сее управные грамоты у нас просил.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тот грабежной живот у тое присяги у Пеганка с товарищы велел сыскать весь, а сыскав отослати в Себежской уезд, к тому Государя нашего дворцовому крестьянину к Тереху Оладьевскому, или к нему ведомо учинити, где тот его живот в сыску к отдаче готов будет, и мы повелим ему, с проезжею своею грамотою, по тот живот быти;

а тем бы вором, Пеганку с товарищы велел наказанье учинити, чтоб иным неповадно было воровати и таких великих задоров всчинати.

А будет ты того живота сыскати не велишь, и тем вором наказанья не учинишь: и нам велети, за рубежом, у ваших крестьян взяти противу того влвое; и то учинится от ваших воровских мужиков, а не от Государя нашего крестьян.

А и так Государя нашего крестьяне терпели от Непоротовских и от Пристанских и от Нищенских и от иных волостей мужиков воровству их и задором много:

в прошлом во 119 году приходили они в Государя нашего отчину, в Себежской уезд, с хоружим, да после того, в нынешнем во 120 году с Висковским, и стояли под Себежом много, и подъем ему давали; а как Божьею милостью, вышед из города, Государя нашего люди Висковского побили и наряд его и многую ратную и нератную рухлядь взяли, и после того тех всех волостей

мужики били челом Висковскому, чтоб он поднял под Себеж Запорозских казаков, и в тех статьях многих крестьян побили, и в полон поимали, и деревни пожгли, и за то за все Государя нашего ратные люди посяместа им терпели.

А мы им повелели были жити в мирном постановенье и в тишине и в покою, и крестьяном и торговым вашим людем к нам, а нашим к вам, съезжатися меж собою и торговати поволно, также и городцким торговым людем ездити с товары волно ж. И то нам и вам знатно, что такие воры мирного постановенья неради, до опять задоры всчиняют, приходя в Себежской уезд крестьян грабят и мучат.

И ты бы однолично того Тереха Оладьевского живот сыскав у Пеганка с товарищы, велел отдати, да **С. 401** велел бы еси сыскати старостами и крестьяны, со всех ли их ведома тот Пеганко с товарищы воруют; а будет не с их, и они бы жили с Государя нашего людми и с волостными крестьяны в мирном постановенье и в тишине и в покою, и торговые б люди съезжались и торговали по прежнему;

да о том бы еси к нам отписал, не издержав, чтобы на том крестьяном в тишине пожити и мирному постановенью твердо постояти.

А мы также Государя своего людем, до твоего листу, задоров всчиняти никаких не повелим.

А вскоре не отпишешь, и Терехова живота не велишь, сыскав, отдати: и нам того даром не покинути, и то ужо учинится от вас.

Писана на Себеже, лета 7120 году Марта в 31 день.

Внизу листа на обороте приписка следующая:

Да и в твоем листу писал ты к нам, чтобы ваши люди и наши в покою и в тишине мирно жили по-прежнему, и по дорогам никого не грабили;

да писал ты к нам в том же своем листу о Полочанине о Гавриле Дягилеве, что у нас в полону, и срок бы тебе учинити, на которое место того Гаврила вывесть, а ты пришлешь на то место с окупом: и ты бы прислал жону его, или кому она верит, с окупом, к Себежу, без боязни.

Да которые похотят и торговые люди, и ты бы им ехати поволил потому ж, без боязни; а присылал бы еси с окупом, дни за два или за три до Великодни; а как прибудут они на рубеж, и они бы к нам обослались, и мы к ним вышлем приставов, чтоб им безстрашным ехати, и отпуск им так же отселе будет

Подлинник писан на большом листе. Быв сложен и запечатан, имеет на пакете адрес: Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всеа Русии Самодержца, его Царского Величества от воевод Себежских от Гаврила Васильевича Лодыгина да от Ивана Ондреевича Неелова, в Полоцк, державцу и наместнику Полоцкому пану Остафью Корсаку-Голубицкому. Ветх.

Из коллекции актов, найденных Соловьевым в Швеции.

Приложение 6

Утвержденный список перемирного договора Псковских уполномоченных с Ал. Лисовским. 1613, августа 20 // Сб. РИО. М. 1913. Т. 142, № XXIII–2. С. 422–424

С. 422. Копия с листу Московского Псковского.

Великого господара цара и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, его царского величества воеводы князь Иван Федорович Хованской, да Никита Дмитреевич Вельяминов, да дьяки Михайло Милославской да Василей Корин высылали на зьезд нас Ивана Никитича Сорочнева, да подъячево Федора Голощапова, да посадских людей Онанью Торасьева, да Кипреяна Борысова, да Ждана Серебреника, да Ивана Сомеру с полковником с Олександром С. 423 Лисовским да с Ываном Копанским с товарищы.

И по приказу воевод князя Ивана Федоровича Хованского, да Никиты Дмитреевича Вельяминова, да дьяков Михаила Милославского да Василья Корина мы, Иван Сорочнев с товарищы съеждчалися,

и учынили перемирной договор, и укрепилися з ними крестным цалованьем нынешнего 121-го августа от 20-го чысла до господарева царева и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу на том,

что господара нашого цара и великого князя Михаила Федоровича всея Руси отчыны изо Пскова и изо Псковских пригородов – с Себежа, с Опочки, и з Острова, и з Ызборска, и зо Гдова и с Печерсково монастыра господаревым ратным людем за рубеж свой Литовскую землю под городы под Полоцко, под Велиж, под Витебско и под иные Полоцкие пригороды на взятье снарадом и войною тех городов в уезды не приходити, и войны, и задоров, и грабежов, и убивства их Литовским людем и уездным крестьяном не чынити;

а которые ныне есть полоняники Литовские люди во Пскове и во Псковских пригородех, и тех полоняников ему ж Лисовскому отдати.

А ис Полоцка, и из Велижа и из Витепска, и из Лужи, и из Резицы, и из Улеха, и из Усвята, и з Озерищ и из-ыных ис Полоцких пригородов и уездов ратным людем никаким, и ему Лисовскому, и Копанскому с ратными людми подо Псков и подо Псковские пригороды – под Себеж, под Опочку, под Остров, под Изборско, подо Гдов, под Печерской монастыр на взятье снарадом и в уезды – во Псковской, и в Заволоцкой, и в Пусторжевской, и в Луцкой войною не приходити, и войны, и задоров, и грабежов и убивства никаким господара нашого руским людем не чынити, и в господара нашого землю за Невль не вступатца, и Немецким людем и господара нашого изменником не помогати.

А будет которые воры с которое стороны учнут через се перемирье нарушивати и войну и задор вщинати, и тех воров с обеюх сторон сыскивати, и наказанье им чынити, смотра по их винам, а грабежной жывот отдавати тем людем, у ково что возмут.

А полоняников руских всяких людей, которые в замиреных городех и у нево Лисовсково, всех отдати.

А торговым их Литовским людем во Псков и во Псковские пригороды со всякими товары ездити поволно, безо всякое зацепки; а Псковским и Псковских пригородов торговым людем в их Литовские городы, которые замирены, ездити потому ж со всякими товары поволно ж, безо всякое зацепки.

И на том я, Иван Сорочнев с товарищы, цаловали крест С. 424 за воевод, за князя Ивана Федоровича Хованского, да за Никиту Дмитреевича Вельяминова, да за дьяков за Михаила Милославского да за Василья Корина, и за Псковских, и за пригородских за ратных, и за грацких, и за уездных всяких людей, и дали сей утверженной список за своими руками полковнику Александру Лисовскому да Ивану Копанскому с товарищы, а у них таков же утверженной список против того взяли и крестным цалованьем на том с ними утвердились.

Лета 7121-го августа во 20-й день. Приписал своею рукою Жданко Серебряник руку приложыл. К сему утверженному списку Федор Голощапов руку приложыл. (К сему) утверженному списку Иван Сорочнев...

Приложение 7

Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского с товарищами, что Себежские осадные головы Василий Бобров, да Иван Неелов чинят задоры за рубежом, и за то литовские люди хотят осадить Себеж. 1614, февраль // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 65. С. 100–102

С. 100 Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея русии холопи твои Ивашко Хованской и Микитка Вельяминов, Васка Корин челом бьют.

В нынешнем, государь, в 122 году февраля во 2 день писали мы, холопи твои, на Себеж к твоим государевым к осадным головам к Василью Боброву да к Ивану Неелову и не одинова,

чтоб они до твоего государева, царева и великого князя Михаила Федоровича всея русии указу твоим государевым ратным людям в замиренные городы и в уезды за рубеж войной ходити не велели и задоров всчиняти,

да прислали б они, государь, к нам, холопем твоим, атамана казачьяго С. 101 Якима Иванова и его станицы казаков, которые ходили от них с Себежа за рубеж в Литву в замиренные уезды, которые до твоего государева указу замирены, да и полоняников Литовских людей, которых они поимали за рубежем;

и февраля, государь, в 5 день писали к нам, холопем твоим, с Себежа осадные головы Василей Бобров, да Иван Неелов, что де они тем атаману казачью Якиму с товарищи их станицы казаком говорили, чтоб они с полоняники с Литовскими людми, которых они поимали за рубежом, ехали к нам, холопем твоим, в Псков,

и они де атаман казачей и казаки во Псков не поехали, а полоняников Литовских людей им не отдали,

да идет де из-за рубежа на Себеж ротмистр Тулуп, а с ним литовских людей семьсот человек.

Да генваря ж, государь, в 30 день сказывал де им, осадным головам, Себежскаго уезда казачей крестьянин Якушко Мекишан те ж вести, да и лазутчики, которых, государь, мы, холопи твои, посылаем за рубеж,

и они, государь, в роспросе нам, холопем твоим, сказывают, что однолично Литовские люди хотят быть на осад под Себеж с нарядом за то, что твои государевы ратные люди ходят с Себежа за рубеж в замиренные места, которые до твоего государева указу замирены, и задоры чинят;

да и Литовских городов державцы пишут, государь, к нам холопем твоим, чтоб их полоняников Литовских людей, которых поимали твои государевы ратные люди с Себежа, отпустили б к ним за рубеж и вперед бы задору чинити не велеть и мирнаго постановленья не нарушивать.

И твои государевы осадные головы Василей Бобров да Иван Неелов нас, холопей твоих, ни в коих делех не слушают и твоих, государь, ратных людей за рубеж посылают, и задор чинят, и той перемирной договор до твоего государева, царева и великого князя Михаила Федоровича всея русии указу меж городов нарушивают.

И только, государь, тем их непослушаньем какая твоему государеву делу поруха учинитца, и нам бы, государь, холопем твоим, в том от тебя, государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея русии в опале не быть.

И о сем, государь, нам, холопем твоим, как укажешь.

Помета: «Отписать, задоров в тех городех делать не велеть, и в городы писать, чтоб слушали и задоров не делали, полоняников сыскивали и отдавали, как лучше».

...И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на Себеж, к осадным головам к Василью Боброву, да к Ивану Неелову отписали,

чтоб они однолично за рубеж в замиренныя места ратных людей воевати не посылали и тем задору никотораго не делали и жили с великим береженьем,

а которые будет Литовские люди взяты в полон в замиренных городех, и они б тех всех тотчас сыскали и к вам во Псков прислали;

а что у них на Себеже начнет делатца, и что каких вестей будет, и они б о том о всем писали к вам во Псков, а вы о том отписали к нам и во все Псковские пригороды;

а которых Литовских полонеников с Себежа к вам во Псков пришлют, а из них будут, которые доведутца отдать, и вы б тех полонеников отдали или велели держать во Пскове, как бы было лучше и нашемуделу без...

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея русии на Себеж осадным головам Василью Боброву да Ивану Неелову.

Марта в 28 день писали к нам изо Пскова воеводы наши князь Иван Хованской с товарищи, что писали они к вам многажды, чтобы вы за рубеж в Литовские в замиренные городы и уезды ратных людей войною не посылали и тем задору не чинили и полонеников Литовских людей, которые взяты в замиренных городах и в уездах, к ним во Псков прислали,

и вы Литовских полонеников к ним во Псков не присылывали, и ни в каких наших делех воевод наших князя Ивана Хованскаго с товарищи не слушали, и после того за рубеж в замиренных городах и уездах воевать ходили;

а февраля де в 9 день приехали под Себеж на озеро на Ворон Литовские люди и многих крестьян побили, а иных поранили, а собрався, хотят приходить к Себежу на осад за то, что Себежские ратные люди воюют Литовские замиренных городов уезды, и о том бы им деле указ учинить.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Литву замиренных городов в уезды ратных людей воевать не посылали и тем задору никоторого не делали и Литовских полонеников, которые взяты в замиренных местех, тотчас сыскали, а сыскав, отослали во Псков к воеводам нашим ко князю Ивану Хованскому да к Федору Бутурлину да к дьяку нашему Венедихту Кокушкину,

и жили б с великим береженьем, и осаду укрепили накрепко, и вестей про Литовских и про немецких людей проведывали и того береглись накрепко, чтоб Литовские и С. 102 немецкие люди к Себежу безвестно не пришли и дурна какого не учинили;

а что у вас учнет делаться и что каких вестей будет, и вы б о том всем писали к нам и во Псков к воеводам нашим ко князю Ивану Хованскому да к Федору Бутурлину да ко дьяку нашему Венедихту Кокушкину всякие вести писали,

а о каких будет наших делех изо Пскова воеводы наши князь Иван Хованской с товарищи учнут к вам писать, и вы бы их во всяких наших делех слушали.

Писан на Москве марта в 30 день.

(Москов. ст. столбец № 4, д. 4, лл. 73–81).

Приложение 8

Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского, Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей, что они, соединившись, намерены вместе воевать Русскую землю. 1614, февраль // АМГ. Т. 1, № 67. С. 103–105

С. 103. Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея русии холопи твои Ивашко Хованской, Микитка Вельяминов, Васка Корин челом бьют. . . .

Далее приводятся содержания отписок из Печерского монастыря (архимандрит Иоаким) и из Гдова (осадные головы Степан Лазарев и Крячко Елагин).

. . . Да генваря, государь в 25 день писали к нам, холопем твоим, с Опочки Иван Бороздин да Богдан Аминев: приехал де к ним на Опочку из Полоцка Осипко Харин, а в роспросе, государь, вестей сказал:

Сказывали де ему Литовские торговые люди, что была у короля рада, и с тое де рады розъехалися Литовские люди на Рождество Христово, а ратные де, государь, люди при короле в собраньи есть,

да был де у короля в полону Карлусов сын, котораго взял Хоткеев, и его де король отпустил ныне в Свею на том, чтоб де им немецким и Литовским людем стояти против тебя государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича всея русии за одно,

а подчашей Радивил стояти против тебя государя и королю помогати не хочет, для де того, что прежняго мирного постановленья урочные годы не отошли;

а с Турским де, государь, сказывают, буттося Литовской король помирился.

Да генваря, государь, в 27 день писали нам холопем твоим с Себежа Василей Бобров да Иван Неелов:

генваря де, государь к 16-му числу в ночи приходили в Себежской уезд Литовские люди и многих людей побили и пограбили и деревни пожгли, и от тех де, государь литовских людей убежал крестьянин Степанко, а в роспросе де, государь, сказал:

сказывали де ему Степанку порубежные Литовские люди его знакомцы, приходил де под Себеж Копальской с Литовскими людьми для языков, а ныне де он стоит в Полоцком повете, а ожидает, государь, к себе прибыльных Литовских людей,

а как де Литовские прибыльные люди придут, и ему де идти на осаду под Себеж за то, что с Невля твои государевы люди приходили к ним за рубеж войной в замиренные места, которыя замирены были до твоего государева, царева и великаго князя Михаила Федоровича всея русии указу у нас холопей твоих;

да генваря ж, государь в 28 день посылали мы холопи твои изо Пскова твоих государевых ратных людей дворян и детей боярских и казаков под Сыренеск, и те твои государевы ратные люди взяли за рубежем двух Латышей, а в роспросе, государь, те Латыши сказали,

что де немецкие люди с Литовскими людми помирились на шестнадцать лет, а наняли де немецкие люди Литовских людей двести человек, а немецких людей триста человек, а стоят де те немецкие и Литовские люди в Ругодивском;

а вестей посылали С. 104 проведывать за рубеж в русские городы, которыми завладели немецкие люди,

а изо Пскова, государь, посланы от нас, холопей твоих также многие лазутчики для вестей проведывать; а что государь, каких вестей будет, и те, государь, вести отпишем к тебе к государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея русии мы холопи твои с нарочным гонцом тотчас....

Далее снова приводятся сведения из Гдова и из Печерского монастыря.

Научное издание

Рабинович Яков Николаевич

ЮЖНЫЕ ПСКОВСКИЕ ПРИГОРОДЫ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Под редакцией профессора *С. А. Мезина*

Редактор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Корректор *Т. К. Певная*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Подписано к использованию 25.05.2021. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 19.37 (20.75). Объем данных 3 Мб.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Рабинович Яков Николаевич (род. в 1957) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Автор книг «Малые города Новгородской земли в Смутное время», «Малые города Псковской земли в Смутное время», «Воеводы левобережного Саратова (1616–1641)», «Братья Коробьины на службе России (1603–1639)», «Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640)» и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА